

№ 2 (44)
2024

ТОБОЛ

литературно-публицистический
журнал

Курган

№ 2 (44) 2024

ТОБОЛ

**ЛИТЕРАТУРНО-
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Курган
2024

Литературно-
публицистический
журнал

ТОБОЛ

г. Курган, 2024 г., стр. 240.

Учредитель:

Государственное автономное
учреждение
«Издательский дом “Новый мир”».

Главный редактор:

Бабушкина Ольга Юрьевна.

Редакционная коллегия:

Васильева Александра Михайловна,
Даниил, митрополит Курганский
и Белозерский,
Жукова Ирина Максимовна,
Захаров Алексей Анатольевич,
Катайцева Наталья Александровна,
Кокорин Сергей Аркадьевич,
Кулакова Светлана Ивановна,
Портнягин Валерий Иванович,
Потанин Виктор Фёдорович,
Речкалова Наталья Викторовна,
Рухлов Александр Владимирович,
Травников Герман Алексеевич,
Филимонов Владимир Иванович.

**Дизайн обложки,
компьютерная вёрстка,
корректор:**

Кустова Юлия Владимировна.

Фотографии:

редакционный и писательский архивы,
а также авторов материалов.

На обложке:
картина Станислава Кежова
«Бумажный самолёт».

Набор и вёрстка:
отдел внешних коммуникаций
ГБУК «КОУНБ им. А. К. Югова».

© «Новый мир»

Журнал издан при содействии
правительства Курганской области.
Издатель: ГАУ «Издательский Дом
“Новый мир”».

Адрес редакции и издателя: 640000,
г. Курган, ул. М. Горького, 84.

Журнал зарегистрирован Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере
связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Курганской
области. Регистрационный номер
ПИ № ТУ45-00203 от 3 декабря 2013 года.
В запись о регистрации СМИ внесены
изменения Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере
связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Курганской
области в связи с изменением вида
издания – регистрационный номер
ПИ № ТУ45-00321 от 15 мая 2024 года –
периодическое печатное издание,
журнал.

Распространяется по адресной
рассылке и в розничной продаже.
Цена договорная.

Подписано в печать:

Дата выхода:

Отпечатано в ООО «Типография
“Дамми”».

640007, Курган,

пр. Машиностроителей, 13А.

Тел. 8(3522) 25-55-40.

Формат 170×270.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Заказ №

Усл. печ. л. 21,5.

Тираж 250 экз.

Выходит два раза в год.

16+

ISBN 978-5-906602-30-5

9 785906 602305

Слово главного редактора

Главное связующее звено этого номера «Тобола» – внутренний монолог героя, его попытка осмыслить жизнь в моменте. При всём жанровом многообразии к такого рода повествованию можно отнести письма героя гражданской войны Николая Томина, мемуары студента военной кафедры 1974 года Владимира Аги, военный дневник участника СВО Даниила Туленкова.

Открывают наш журнал рассказы замечательного русского писателя Виктора Потанина. Его исповедальная проза западает в самое сердце – и потом долго не отпускает, заставляя вглядываться внутрь себя. «Тобол» традиционно открывает новые имена. Благодаря таким авторам, как Виктория Сорокина, Татьяна Коростелёва, Ольга Ман, чьи имена впервые появились на страницах «Тобола», чтение журнала превращается в литературное путешествие по родному Зауралью. Читаешь их прозу – и словно вдыхаешь аромат до боли знакомого деревенского дома, пьянящего весеннего леса, или продираешься сквозь метель, утопая в сугробе.

О лирических произведениях во время заседания редколлегии мы спорили больше всего. Почему? Возможно, потому, что поэзия не поддаётся пониманию в чистом виде. Можно только догадаться о замысле автора, попав с ним в резонанс. Мне кажется, настоящее поэтическое открытие – лирика Юрия Вальтера (Курган) и Ивана Нечипорука (Горловка, ДНР), чьи имена в «Тоболе» в рубрике «Поэзия» появились впервые.

О литературной жизни Курганской области можно прочитать в статьях Ирины Жуковой (о творчестве поэта Геннадия Артамонова), Валерия Портнягина (о гендерном подходе в анализе лирических произведений Екатерины Пермязовой и Виктора Воинкова), Владимира Филимонова (о судьбе писателя Ивана Ягана), Ирины Белозёровой (о детском поэте Тимофее Белозёрове), Светланы Никитиной (о литературной студии «Поэтическая горница»).

В рубрике «Искусство» Ольга Луцко знакомит читателей с творчеством уникального художника Станислава Кежова. Репродукции его картин представлены в цветной вклейке журнала.

Директор Каширинского литературного музея имени В. К. Кюхельбекера Андрей Белоусов возвращает из забытья имя нашего земляка, писателя Владимира Яковлевича Кокосова (1845–1911), подготовив к публикации его рассказ «Елька».

Традиционные журнальные рубрики об истории Зауральского края представлены материалами Дмитрия Литвиненко (репортаж о 380-летнем юбилее Далматовского Успенского мужского монастыря), Леонида Коновалова (о дорогах в Зауралье и Сибирь), Николая Толстых (о закрытии книжного магазина в рабочем посёлке Варгаши).

Впервые по приглашению редколлегии журнала «Тобол» публикуются произведения представителей общественной писательской организации имени Г. Н. Хлебникова (Комсомольск-на-Амуре) – Татьяны Мирчук и Тамары Коваль. Возможно, такая практика творческого обмена между региональными журналами продолжится.

Интересные литературные знакомства, радость открытия и вдохновение переполняют путешественника, вернувшегося из длительного плавания по литературной реке «Тобол». Не верите? Открывайте первую страницу и... счастливого пути!

Мечтатель

**Потанин
Виктор Фёдорович**

Писатель, член Высшего творческого совета при Союзе писателей России, Приёмной коллегии Союза писателей России, Общественно-редакционного совета литературно-художественного журнала «Вертикаль XXI век», лауреат премий имени И. Бунина, В. Шукшина, Д. Мамина-Сибиряка и других. Его проза переведена на многие европейские языки и включена в школьные хрестоматии. Заслуженный работник культуры России, почётный гражданин города Кургана и Курганской области, делегат многих съездов Союза писателей СССР и России. Награждён орденом «Знак Почёта», орденом Дружбы, орденом Почёта. Всего им издано более 50 книг, общий тираж которых составляет около 7 миллионов экземпляров.

Он жил так долго, что стал забывать свою жизнь. Но жизнь его не забывала. Иногда она входила, возвращалась к нему какими-то тяжёлыми и тревожными снами, и он думал об этом со страхом – неужели всё это случилось с ним? О господи, неужели?.. И тогда, чтоб успокоиться, поднабраться сил, он уезжал в родную деревню, до которой всего два часа на автобусе. И эта дорога спасала душу, лечила нервы. Да и что удивляться, ведь в этой деревне он появился на свет, и случилось это семьдесят пять лет назад. Кто-то скажет сейчас, что семьдесят лет – это ещё не восемьдесят, но всё равно лучше об этом не думать. А он и не думал, а продолжал делать то, чем занимался всю жизнь. А занимался Иван Сергеевич всю жизнь журналистикой и даже работал когда-то в областной газете. И эти годы разве забудешь... Ведь даже сейчас, в старости, он иногда писал статью или очерк о своих земляках, а материал добывал в своей деревне, где остался ещё родительский домик, который теперь назывался дачкой. И в этой дачке он порой жил целое лето. И здесь рождались его странички. Правда, от всех этих писаний уже накопилась усталость, и он говорил себе – хватит, мол, миленький, пора закругляться, – но всегда что-то мешало пожить нормальной жизнью. А неделю назад он даже получил очень сердечное письмо, которое растрогало почти до слёз. Письмо было вложено в толстый самодельный конверт, склеенный из плотной бумаги.

Писала учительница музыки из пригородного посёлка, но было письмо совсем не о музыке, а состояло из разных вопросов и откровений, от которых сразу же заболело сердце. Да и как ему не заболеть, если письмо напомнило о главной его печали – о том, что два года назад он овдовел, а единственный сын обосновался где-то на севере, и там его очень ценили и берегли. Правда, он звал отца переехать к себе, но как жить без родной деревни среди северных холодов. И теперь письмо обо всём напомнило, и с новой силой вспыхнуло тоска о жене. Ведь эта учительница с этого и начала: «Я слышала, что Вы живёте теперь совсем один, и только журналистика Вас спасает». Так и написано – «Вас спасает». Иван Сергеевич улыбнулся – откуда, мол, она знает такие подробности? Но скоро само письмо ответило на этот вопрос.

Автор письма написала, что в родной деревне Ивана Сергеевича живёт её тётя, и она-то и сообщает своей племяннице все деревенские новости. Но главное в письме было всё же другое, от чего сразу сжалось и заболело сердце. Там было:

«Простите, мой дорогой, милый человек, что отнимаю Ваше драгоценное время. Но мне так хотелось Вам написать, и вот решилась. Я давно читаю Ваши очерки и статьи. Я даже завела для них отдельную папочку и там раскладываю их по месяцам. И потому скажу прямо – Ваши статьи настолько меня поражают, точно я их написала сама, своей рукой. Я ведь тоже когда-то мечтала о журналистике, но меня позвала к себе музыка. И я ни о чём не жалею. Так вот, у нас, у музыкантов, есть понятие “живой звук”. Запомните эти слова. Ведь в Ваших трудах есть такая же живая душа. И потому, читая их, я всегда чувствую самую возвышенную мелодию, после которой хочется мечтать о чём-то прекрасном. Думаю, и в жизни Вы такой же мечтатель, такой же чистый и редкий человек... На этом я заканчиваю своё сумбурное письмо. Правда, хочется задать Вам один вопрос: как Вы всё-таки сберегаете свою редкую душу? Ведь её, конечно, не обходят разные страдания и печали. Как в нашей жизни без них? У меня самой бывают такие минуты, когда я на грани срыва. Да, это правда. Ведь к музыке у многих отношение какое-то лёгкое, пустяковое – все, мол, музыканты всё-таки клоуны, и их удел – развлекать человека. Такое мнение во многих семьях – и в этом моё страдание. Но как помочь себе – я не знаю. Может быть, есть какие-то средства? Об этом я и спрашиваю Вас – помогите советом. Правда, письмо моё никуда не годится. Его следует порвать и бросить в корзинку. Что Вы, конечно, и сделаете. Так что я не жду ответа. Но имя своё оставляю. Меня зовут Мария Меццержкова. И простите за все откровенности, за моё простодушие. Кстати, тётя всё время приглашает в гости. И я, может быть, однажды приеду и встречу с Вами. Вот видите, какая я настырная. И всё же разрешите мне сказать – до встречи. Вдруг мне посчастливится.

Сердечно Ваша Мария».

Он перечитал это письмо несколько раз и пошёл растапливать печь. Неделю назад он опять приехал в свою Сидоровку и теперь останется здесь до конца лета. А сейчас надо – всё внимание печке. Правда, дрова горели очень ярко, напористо и только немного шумели, потрескивали, потому что совершенно сухие, ещё прошлогодние. И теперь он смотрел на огонь, и это его успокоило. И всё же письмо Марии так и стояло в голове, и он наконец-то понял, почему оно написалось. Конечно, она тоскует, переживает, что ничего не получилось с журналистикой, ведь была такая мечта. Да, конечно, тоскует... И он тяжело вздохнул, а потом подошёл к окну и открыл форточку. В комнате сразу запахло сыростью, мокрыми тополями, и ему захотелось на улицу. А ещё бы лучше – выйти к Тоболу и посмотреть на весеннюю воду. Правда, чего там смотреть... Это раньше, лет тридцать-сорок назад, Тобол в апреле шумел, наливался и поднимал на своём горбу тяжёлые льдины, и они звенели, ломались и наступали на берег. А сейчас – какие там льдины: ведь лёд с началом тепла куда-то исчезал, испарялся, а старые люди говорили про лёд, что он «истлевал на корню»... «О господи, о чём это я, – опять вздохнул Иван Сергеевич, – о каких мне вспомнилось стариках: их же нынче – раз-два и обчёлся. Тоже, видно, истлели на корню, испарились». И пришло другое время: как его назвать – он не знает. Да и зачем это знать... Он хмыкнул и покачал головой. Но всё равно захотелось выйти к реке и взглянуть – не прибывает ли вода, не начинается ли половодье. И он быстро надел свитер, а сверху плащик, и вдруг посмотрел на плиту. Дрова горели всё ещё бойко, и огонь бился в заслонку. И он решил не ходить. Ведь как оставить плиту без присмотра – вдруг вылетит какая-то искра и загорится пол. И он пододвинул стул прямо к плите и стал смотреть на огонь. И опять наступили какое-то бездумье и тишина во всём себе, и хотелось, чтобы это никогда не кончалось...

А за окном стало совсем темно, и ночь взяла в плен всю улицу. Но в самой улице было тихо, пустынно; даже собаки почему-то не лаяли, – может быть,

испугались дождя. Он начался внезапно и стоял теперь плотной стеной, и, наверное, не закончится до утра. Иван Сергеевич недовольно поморщился – опять, мол, этот дождь, а с ним, конечно, придёт и холод... А он и так пришёл без всякого приглашения. Ведь даже ладони стали зябнуть, и он подул на них, чтоб отогреть, но озноб не прошёл. Что-то надо делать, чтобы согреться. И тогда он присел на диван, достал одеяло и набросил на плечи. Одеяло было ватное, и он быстро стал согреваться. И даже захотелось спать. «Но это же хорошо, – сразу мелькнуло в голове. – Вот и засну сейчас, а там уже утро, и надо вставать. Ведь пришёл новый день – и слава богу». И он натянул посылней на плечи одеяло и вспомнил молитву: «Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...» И после молитвы он пролежал ещё целый час, но сон так и не пришёл к нему. Но он даже не особенно огорчился, потому что опасался всяких тревожных снов, после которых болела душа.

Ах, этот страх! Его ведь не было в молодости, а теперь – что с ним делать... Неделю назад, к примеру, ему приснилось, что он играет в каком-то спектакле, и сам он – тоже актёр, и актёр не простой, а любимец публики, знаменитый. И спектакль этот шёл долго, без всяких антрактов, но наконец-то закончился. И сразу же актёры вышли перед занавесом и стали раскланиваться. Но перед кем это делать, если в зале не осталось ни одного человека? Правда, в самом конце зала две испуганные женщины ещё переставляли какие-то стулья, – но потом и они исчезли, и в зале повисла долгая напряжённая тишина. А что было дальше – он не помнил, потому что сразу проснулся и теперь лежал потный и обессиленный, к тому же перехватило дыхание. И он ловил ртом воздух и уже думал, что умирает. Но опять помогла молитва и валидол, от которого выровнялось дыхание. И всё же заснул только перед рассветом – и хорошо, что заснул. Ведь бессонница просто замучила, и он знал причины своей беды. Конечно же, он страдал от одиночества и от того, что не было уже рядом жены. А сынок и вовсе забыл про него. Он уехал куда-то на Север, на прииски, и там его очень ценили и уважали. Правда, он звал отца к себе переехать, но как тому жить без родной деревни среди северных холодов... И всё же Иван Сергеевич постоянно думал об этом и звал сына вернуться в свой город, – но разве того дозовёшься... И после этого – как успокоиться?.. Потому он постоянно страдал, и всегда хотелось в такие минуты куда-то спрятаться в дальний угол, чтобы все печали пронеслись над головой, как какой-нибудь ветерок, от которого ни жарко, ни холодно. Но тяжёлые мысли не отступали от него, снова и снова крутились в голове и точно подсмеивались: «Мы же, мол, хорошо тебя знаем и давно-давно изучили, ты же Зырянов Иван Сергеевич, и не надо тебе убежать от нас, где-то таиться – мы всё равно найдём тебя, всё равно...»

Вот и сейчас, спрятав голову в одеяло, он чувствовал, слышал, что кто-то наглый, весёлый бросает ему прямо в лицо: «Ты никуда не скроешься от нас, дорогой, – даже не старайся, ведь мы всегда рядом...» Он тяжело вздохнул и сбросил с себя одеяло. Стало легче дышать, и он даже встал с дивана. И сразу же что-то упало на пол. Это была какая-то листовка, – он нашёл её в почтовом ящике вместе с газетами, но почему-то не выбросил и даже занёс к себе в комнату. И сейчас вдруг захотелось прочитать – что же там написано: может, что-то важное, обращённое прямо к нему?.. И он поднёс листочек прямо к глазам и прочитал заголовок. Он гласил: «*Для пенсионеров, домохозяек и для всех довольных и недовольных своим сегодняшним положением*». Иван Сергеевич прочитал заголовок несколько раз и грустно покачал головой, но всё равно стал читать. Там было написано:

«Если вам месяцами не платят зарплату или она полностью мала, что нет разницы – платят её или нет, – приходите к нам, и мы расскажем вам о возможности найти хорошую работу, которая может реально помочь вам. А если вам надоели начальники и вы не любите работать “на дядю” и хотите стать свободным, зависимым только от себя человеком, – то приходите к нам для собеседования, и мы выслушаем и поможем. Если вы хотите начать своё дело, но не знаете, с чего начать, то не изобретайте велосипеда, а обратитесь к нам – и мы дадим вам ценнейшую информацию совершенно бесплатно. До встречи.

Сердечно с вами – Михаил. Мой телефон 2-44-46».

Иван Сергеевич рассмеялся и положил листочек рядом с собой. И вдруг зашло в голову: а что, если?.. И он решил позвонить этому Михаилу – надо же, мол, как-то развеселить себя. Решил и позвонил. В трубке сразу возник приятный, но довольно уверенный голосок: «Слушаю вас. Что вас заставило обратиться к нам и что вас мучает, если не секрет?» И сразу же этот Михаил замолчал: наверное, ждал ответа. И Иван Сергеевич быстро ответил: «А мучают меня старость и одиночество, и я бы хотел попросить у вас совета...» Но тут Михаил его перебил: «Ясно, ясноенько. Но нам понадобятся ваши паспортные данные, номер счёта в Сбербанке и, конечно, небольшой денежный взнос. А как же вы думаете? Мы же будем решать ваши дела, а кто их решает без денег...» И теперь уже Иван Сергеевич прервал Михаила – и вдруг не выдержал, выпалил: «А вы, Михаил, наверное, мошенник!». И телефонная трубка на мгновение затихла, а потом взорвалась: «А ну повторите, что вы сказали?! Ваши слова у меня на плёнке, и я могу подать на вас в суд за оскорбление личности...» Иван Сергеевич засмеялся и положил трубку.

И сразу почувствовал, что в груди стало как-то свободно, просторно, и голова совсем-совсем не болела. Наверное, теперь можно по-настоящему заснуть. И он опять прилёг на диван и закрыл ноги одеялом. И дышалось теперь совсем-совсем легко и такие же спокойные пришли мысли. И почему-то вспомнилось детство и мать с бабушкой, и думалось об этом с какой-то радостью: точно эти люди всё ещё были живы и просто куда-то уехали, и скоро вернуться. Но это, конечно, мечты, голубые мечты, но всё же – кто запретит мечтать... Да и кому это надо?.. И он усмехнулся, поправил под головой подушку и опять повторил про себя: но кто запретит мечтать?.. Вот и Мария Мещерякова в своём письме назвала его мечтателем, и это ему даже понравилось. К тому же эта Мария, наверное, права. Ведь часто по ночам, когда бессонница, в голове возникают какие-то чудесные, хорошие мысли, и хочется их потом использовать на газетных страницах. Но вот беда – наступает утро, и происходит какой-то обрыв, отключение; и все эти мысли куда-то пропадают, уносятся, и опять в голове – пустота и бездумье. И в этом тоже, конечно же, виновата старость, – но что с этим поделать, – но всё же... А что – «всё же»? Но он отвлёк себя на другое, потому что в большое окно кто-то громко и настойчиво постучал и словно потребовал – откройте, откройте! Иван Сергеевич сразу напрягся, а затем догадался – это же ветер раскачал ветки у тополя, и те стали биться в стекло. Наверное, собирался дождь. А перед дождём у него всегда ноют ноги, и болит голова. Вот и сейчас отекли ноги. Но, слава богу, это быстро прошло. К тому же он думал уже совсем о другом, ведь к нему вдруг явилась мать. И это случилось как-то тихо, прямо с дыханием. И всё потому, что настиг настоящий сон. Ну, конечно же, сон, потому что в глазах уже поднялся хуленький рыжий мальчишка с рюкзачком за плечами, и этот мальчишка был он – тот далёкий-далёкий Иван Сергеевич...

...И вдруг сзади раздался шум мотора. Это шла машина – полуторка – и везла полный кузов гладко обтёсанных плах: наверное, где-то начинали ремонт. Мальчишка поднял руку, и машина остановилась. Шофёр вышагнул на подножку и засмеялся:

– Куда полетел, скворец?

И мальчишка сразу понял, что «скворец» – это он, и потому быстро ответил:

– А мне в Сидоровку!

– Но она же отрезана. Тобол разлился – не приведи бог...

– Но там же есть перевоз?

– Какой ты догадливый! Ну ладно, залезай ко мне в кузов и садись прямо на плахи. Будешь как на диване у мамки. А мамка-то есть у тебя?.. – И, не дождаввшись ответа, захлопнул дверцу кабины. А там на сиденье уже сидел какой-то старик – наверное, пассажир.

Дорога началась широкая, ровная, и машина мчалась быстро, точно её подгоняли. И вдруг над машиной закружились какие-то птицы. Наверное, грачи. И они то падали вниз, почти касаясь земли, то поднимались кверху и громко кричали. Наконец птицы куда-то исчезли – ведь рядом с дорогой шумел берёзовый колóчек и грачи, видимо, опустились туда, чтоб найти пристанище. И вот колочек уже позади. Но машина неожиданно остановилась. Водитель встал на подножку и заглянул в кузов:

– Ну как, скворец, ты живой ещё? Не укачало?..

– Нет, нет, всё хорошо...

– Ну раз хорошо, то вперёд! Но до Сидоровки ещё час езды. Как бы ты пешочком-то? И один-одинёшенек. Не страшно?..

И мальчик ничего не ответил – только засмеялся. А машина опять набрала скорость, да и дорога всё ещё была сухая – чего тут не ехать! Но уже впереди какие-то домики. Правда, это ещё не Сидоровка, а совхозный посёлок, но мальчишка всё равно ожил, точно его ждала какая-то радость. И эта радость случилась: на остановке возле магазина он увидел свою мать. И в голове мелькнуло – надо же! Неужели она встречает меня? Как же она решилась!

А мать уже кинулась к нему и прижала его к груди. И заплакала:

– Ох, Ванечка, я же надумала здесь стоять до самого вечера!.. Я же догадывалась, что ты идёшь к нам пешочком... А ты, значит, на машине, как какой-то начальник. Вот и ладно, что приехал пораньше! Нам же с тобой ещё надо шагать и шагать... Ведь за тем дальним колóчком уже стоит большая вода. Но не волнуйся: там есть перевоз.

– А я и не волнуюсь, мама. Могла бы и не встречать меня: сам бы домой явился. Я ведь не маленький, неужели не видно?..

Но тут она его перебила:

– А для меня ты всегда – маленький. Как говорится, мужичок с ноготок! А бабушка твоя просто плачет: как, мол, Ванюшке попадать домой, ведь Тобол на нас рассердился!... Да и весна нынче – не приведи бог: то дождь, то снег. А нам как жить?..

И в этот миг к ним подошёл водитель полуторки. И на вид какой-то весёлый, точно хлебнул где-то водочки (а, может, так и было, что хлебнул). Он даже обнял мальчишку:

– Ну что, скворец, будем прощаться. Мне ведь сейчас в объезд, по другой дороге. А тебе с матушкой надо напрямиком, так что покеда... Но ещё вот что: вы на перевозе-то поаккуратней. Мало ли что. Ведь такая вода...

– Не волнуйтесь за нас. Перевозчик у нас что надо – Митя Зырянов, однофамилец наш. Он всю войну прошёл, и даже не ранен. Так что силы у него – вагон. И лодка у него – двухвёсельная, пятерых берёт...

– Ладно, ладненько, убедила ты меня, дорогая. Вижу – ты женщина честная, врать не будешь, аха?..

– Аха!.. – засмеялась мама, и шофёр заскочил в кабину. И сразу ожил мотор, и уже через минуту исчезла машина, и только столбик пыли ещё клубился по улице. Но скоро и он исчез, потому что поднялся ветер и стал накрапывать дождь. И мать потрогала у сына лоб:

– Тебя не продует? Голова не болит?

– Нет, мама, ничего не болит.

– А у меня что-то в затылке потяжелело. Может, к ненастью... Но всё равно, миленький, надо идти.

И они пошли быстрым шагом, а ветер уже был злой и холодный, и они ускорили шаг. А мать почему-то молчала, и это совсем непривычно, потому что она всегда любила поговорить. И мальчишка удивлялся: почему она молчит, ведь они не виделись целую неделю, – и он не выдержал и спросил:

– Мама, почему ты такая грустная? Почему?

И та быстро ответила:

– Ох, Ванечка, тяжёлый это вопрос... Вчера, к примеру, я с бабушкой твоей всю ночь промучилась: ведь задыхаться стала – сердце опять. Но такого ещё не бывало. Она даже к себе позвала: зайди, мол, ко мне, но только побыстрому – мне попрощаться надо. А я: «Куда же ты собралась?» А бабушка твоя прищурилась и заявила мне: я, мол, дочь моя, домой собралась. Видишь ли, Ванечка, она у нас считает, что дом её где-то там, наверно, на небесах...

– А что было потом?..

– А потом фельдшер Валя пришла и сразу два укола поставила. И полегчало бабушке Катерине. Хорошо бы ей ещё пожить годиков пять...

– Нет, нет, мама, надо бы десять лет, но и этого мало.

– Правильно, Ванечка. Пока жива она – и на душе как-то спокойней. Она же – хранительница наша, главный человек. А ты, Ванюша, что-то сильно сдал, похудел. Как у тебя с математикой-то? Поди, с ума сходишь от этих задачек? А ты сильно не переживай: здоровье-то потом не купишь. Кстати, обедаешь-то где? Поди, в столовую ходишь?..

– Хожу, мама. И отварную лапшу беру. Она такая дешёвая, и вся в густом масле.

– Да в каком масле, сынок? Маргарина положат – вот и всё масло. А ты ешь да хвалишь. Ты же у меня фантазёр, простая душа.

– Но всё же почему ты грустная, бледная? – И он тронул её за плечо.

– А я потому грустная, что болею. Мои ноженьки каждый раз оживают к ненастью. И болят так – хоть криком кричи. Это с войны у меня, сынок. Ведь две похоронки принесли в наш дом. Вначале на отца твоего, на Феденьку, а потом на Женю – моего братца. Он ведь у нас преподавал в институте, а началась война, и он добровольцем ушёл. А погиб где-то под Ленинградом, посёлок Хохлы. Так что эти похоронки и скрутили меня, обессилили...

– А ты не сдавайся!

– А я и не сдаюсь. Ведь тебя ещё на ноги не поставила. Ты же скоро школу закончишь, а дальше что? Кем ты надумал стать?

– Я буду врачом... Нет, нет, лучше даже журналистом. Это же здорово! О хороших людях буду писать. И на всю страну прославлять.

– Ох, как ты далеко замахнулся. На всю страну, говоришь... Но что поделаешь, ты же мечтатель у нас, сочинитель. А таким тяжело, Ванечка. Все, мол, люди нормальные, а этот – повёрнутый. Даже книгу обещал написать про своих земляков...

Она ещё хотела что-то сказать, но мальчишка её перебил:

– И напишу, мама, про свою Сидоровку. Обещаю тебе, клянусь.

– Верю, верю, без всяких клятв. А я тут за тебя помолюсь...

– Где – «тут»? Говори ясней, не темни.

– А что говорить, если твоя душа всегда рядом. А пока обнимаю тебя крепко-крепко, и сюда ко мне не спеши...

– Куда – «к тебе»?

Но мать промолчала и только погладила его по щеке:

– Живи, родной мой мечтатель. А я за тебя буду молиться. Ты слышишь меня, ты слышишь?..

Но он ничего не ответил, потому что проснулся. А за окном уже стоял белый-белый, ослепительный день. А он лежал на своём диване и удивлялся – что это было с ним, что всё-таки было? И вдруг вспомнилось, что такие встречи с матерью, такие разговоры были когда-то. И теперь они снова поднялись в голове, привиделись и превратились в сны. «О, Господи, милосердный Господи, спаси меня, сохрани...» И, как всегда, молитва дала много сил, и он подошёл к окну. А там, возле самой форточки, сидел белый голубь и заглядывал в комнату. Откуда он – этот голубь? Может, чья-то душа! И он стал наблюдать за голубем и опять вспомнил молитву. И стало так легко, точно вернулась молодость. И почему-то захотелось навсегда остаться в родной деревне, а не уезжать больше в город и жить здесь до самого последнего дня. Вот что сотворил с ним сон, вот что сделала мать. И он сказал себе, сказал ясно, как припечатал: значит, надо жить, – жить и не думать о своих болезнях, о старости, а надо мечтать о новых встречах, о радости. К тому же скоро явится сюда Мария Мещерякова. Может, и в жизни она такая же добрая и ласковая, как и её письмо. И он рассмеялся сам над собой: ишь ты, мол, о чём размечтался, ведь если она – ласковая, что тогда?.. Так что надо жить и верить, что радость однажды придёт. К тому же и мать там молится за него. А что ей делать, если сын уродился такой мечтатель. И он опять улыбнулся и повторил про себя – мечтатель! Какое всё-таки хорошее слово!

Крутится, вертится шар голубой...

Моему отцу Потанину Фёдору Степановичу посвящается...

Телефонный звонок принёс волнение. Приятный мужской голос сообщил, что беспокоят из высшего военно-политического училища. И тот же голос переспросил:

– Я говорю с Николаем Семёновичем Симахиным? Я не ошибся?

– Не ошиблись. Но что вам нужно?

– Нужны ваши воспоминания об отце. Так что отложите все дела и отзовитесь...

– Какие дела? Я же пенсионер, сию вот и мух считаю.

– Ценю ваш юмор, но в школе вы что вели?

– Я – литератор, филолог.

– Прекрасно! Значит, вы дружили со словом. И об отце можете написать нам целую книгу. Значит, договорились?

– О чём? Говорите конкретно.

– Не гоните коней. А лучше не перебивайте... Вы же сын Семёна Симахина, который служил на погранзаставе в сорок первом году. И он героически погиб в самом начале войны. Вот о таких людях мы и решили выпустить большой альбом – книгу. Это важно для молодых, ведь они ищут примеры для подражания. А примеры-то рядом, надо только открыть глаза. Значит, потребуются и фотографии. Думаю, они у вас сохранились? А пока запишите все данные обо мне. Надеюсь, вы знаете, что наше училище готовит кадры для пограничной службы. Так что через недельку перезвоню...

– Буду ждать. – Николай Семёнович разволновался и ещё хотел о чём-то спросить, но трубка уже молчала.

А потом прошла ночь, и она вышла бессонной. Ему захотелось вспомнить лицо отца, но оно меркло и расплывалось, а затем и совсем исчезло, хоть плачь. Всё это походило на какие-то всполохи, какие-то приливы, отливы, – а что удивляться, ведь когда отец уходил на фронт, ему было всего пять лет, а что запомнишь в такие годы... Но всё равно что-то стояло в голове и запало в душу. И он опять попробовал представить те дни. Но вместо них поднялись какие-то печальные картины, от которых болело сердце. Но вот минула ночь, и пришло утро. Дышалось уже легче, и он вспомнил, что от отца с фронта приходило даже несколько писем. Кстати, где они? И он быстро их нашёл и стал читать. Среди писем были и такие, где отец разговаривал со своим сыном. И вот один из таких листочков:

«Здравствуй, мой ангелочек! Я так скучаю по тебе и всё время вижу во сне. Ты слышишь меня, понимаешь? Но что тебе пожелать? Расти большой и сильный и передай горячий поцелуй маме и обними бабушку. И её поцелуй, она ведь тебе как мама. А я буду ждать встреч с тобой.

Твой папа».

А вот ещё один листочек, где он обращается к своему Коленке:

«Здравствуй, мой родной, золотой! Тебе ведь недавно исполнилось пять лет, даже не верится. Ты уже настоящий мужичок, наша надежда. Так что самое главное – не болей. Но рядом с тобой мама и бабушка, они сохранят тебя. А ты помогай им полоть в огороде морковьку и не шали. Запомни это, мой ангелочек: играй, бегай, но не шали. Целую крепко.

Твой папа».

Он поднёс листочки близко к лицу. От них шёл какой-то горьковатый, нездешний запах. Неужели он – ещё с той страшной войны? «Но нет, нет, такое

вряд ли бывает...» И он грустно покачал головой. А потом в ладони попал большой конверт. Из него выпала фотография отца в военной форме. Какой бесценный снимок! Отец сидел в плетёном кресле, в гимнастёрке и без головного убора. Снимок был контрастный – и это, конечно же, удивляло. Наверное, фотограф – большой мастер, ведь каждая чёрточка выглядела как живая. Особенно бросалась в глаза отцовская причёска: волосы были чёрные-чёрные и даже отливали какой-то синевой, и он зачёсывал их назад. И Николай Семёнович сразу вспомнил, что всю жизнь отвечал на очень смешные вопросы: как же так, объясни, ведь волосы у отца – как у цыгана, а у тебя – как лебяжий пух. Может, ты – и не парнишка у нас, а какой-нибудь ангелок? А кто-то даже в простоте душевной пророчил – раз, мол, Господь к нему прикоснулся, значит, будет счастливый и проживёт до ста лет. И Николай Семёнович сейчас вспомнил об этом и опять покачал головой. А ладонь в это время перебирала другие снимки. Их целый ворох – ведь отец и сам дружил с фотоаппаратом и оставил после себя целый архив. Но вот в ладонях оказался большой квадратный снимок, на котором подушка, а на ней – дитя. А в руках у малыша – жёлтенький пузырёк: наверное, соска. Это и был сам Николай Семёнович, которому исполнился тогда ровно год. Конечно, это были счастливые и прекрасные дни. Но всё сломала война, а потом пришла похоронка. Вначале в неё не поверили и все уверяли, что это злая ошибка. Но шли недели и месяцы, а писем больше не стало. А потом и в военкомате подтвердили, что отец действительно погиб на Западной Украине. Но и тогда не хотелось верить, потому что отец постоянно жил в разговорах, воспоминаниях. Особенно часто говорили о его последних часах в родном доме. Он сделал тогда много советов, наказов, и всё время уверял, что эта война ненадолго. Вот пройдёт, мол, несколько недель – и он снова вернётся в свою школу и будет учить ребятшек. Но его плохо слушали, а только плакали, не переставая, плакали. И чтоб заглушить эти слёзы, отец поднял на руки своего Коленьку и стал напевать свою любимую песню: «Крутится, вертится шар голубой, крутится, вертится над головой. Крутится, вертится, хочет упасть – папочка Коленьку хочет украсть...» Он вышагивал по комнате из угла в угол и, не переставая, повторял один и тот же куплет. А глаза у него были добрые, светлые, словно он не прощался, а наоборот – вернулся домой из какой-то дальней поездки. Правда, пока он уезжал не так далеко – всего в районный военкомат. Там собирали призывников из всех деревень и комплектовали одну команду. Говорили, что на это уйдёт дня два, а потом уж повезут в город, а там посадят в вагоны и сразу на фронт...

И вот прошли эти два дня, и все деревенские решили встретить своих земляков. А до города – сорок два километра, да и сам город – на другом берегу Тобола. Так что вначале надо миновать мост, и это большая удача: ведь у моста на бугре, конечно же, останятся машины и будет встреча. Так все думали, и потому у моста собралась целая толпа. Были здесь и мать с бабушкой Катериной, был с ними и Коленька, чтоб взглянуть ещё раз на отца.

И вот – ожидание, и опять слёзы и причитания, и все с нетерпением смотрят на мост. А машины всё нет и нет. Кто-то даже бросил в толпу, что машины пройдут другой дорогой. Но как же, как?! Ведь другой дороги просто не существует... И вот раздались крики, – это показалась первая машина. Она с трудом перевалила через бугор, а все ждали, что сейчас остановится. Но ждали напрасно. Машина набрала скорость и, раздвинув толпу, пронеслась мимо. Кузов у неё плотно закрыт брезентом, а сам брезент пристёгнут к бортам. Но там же люди, которые кричали, стучали кулаками в борта, и брезент ходил ходуном. Но машина так и не остановилась... Господи, ведь так не бывает, а вот случилось, – но в этот миг показалась уже другая машина, и люди бросились наперерез, прямо падали под колёса и загородили дорогу. Кто-то

из женщин уже уцепился за борт и закричал страшным голосом: «Стёпа-а-а!.. Стёпушка!.. Да откликнись же, подай знак!..» С этими криками слились другие, но это были уже не крики, а вопли, – и все требовали убрать брезент. Но всё напрасно. И тогда стали стучать по кабине, – и вдруг машина остановилась, а из кабины выскочил высокий военный в очках и поднял руки:

– Прошу по-хорошему! Дайте дорогу!!!

Но толпа не сдавалась и продолжала кричать: «Ваня, родной ты наш, отзовись!.. Сергей Иванович, я рядом!.. Я – Марья, жена твоя!!!.. Феденька, ты слышишь меня, ты слышишь?!.. Ну скажи хоть слово, хоть одно слово, родной!..»

И тогда военный не вытерпел и выхватил из кобуры пистолет:

– Ах, вы так?! Тогда я буду стрелять!!!

Но в ответ – опять крики, и скоро всё смешалось во что-то гудящее и реву-щее, и брезент опять приподнялся и ожил, и борта зашатались, – и непонятно, чем бы закончилось, но начался дождь. Он пришёл внезапно и был как спасение, потому что военный сразу скрылся в кабине, а на брезент полетели цветы. Люди принесли их заранее, и теперь бросали букеты поверх брезента, а машина уже снова пошла вперёд, а люди бежали рядом и продолжали бросать цветы. А дождь разошёлся сильнее, и колёса стали буксовать и раскидывать ошмётки грязи. Но вот, наконец, машина забралась на пригорок и стала набирать скорость. И скоро, совсем скоро скрылась за ближним лесом... «Вот и всё, Коленька», – простонала мать и прижала сына прямо к груди. Всё это запомнил малыш, а потом вспоминал, вспоминал.

Вот и сейчас опять всё поднялось в голове, и он с горечью, как-то обречённо сказал:

– Вот и всё, вот и всё. Так и не стало у меня отца, и только та песенка всё ещё живёт во мне и не даёт успокоиться. А слова-то у ней совсем без прикрас, но их почему-то полюбил отец...

Всё это он произнёс вслух и тяжело вздохнул. Такое в последнее время уже частенько случалось с ним, – он разговаривал сам с собой. И это стало почти привычкой, особенно когда оставался в полном одиночестве, а этого одиночества хоть отбавляй, ведь жена часто уходила к соседям или в какой-то дальний магазин. Вот и сегодня её нет рядом, и он остался один. Грустно и тяжело, но что делать. Он покачал головой и пододвинул стул поближе к столу. И опять стал перебирать фотографии. Были здесь и газетные вырезки. Ведь отец был известный учитель, и о нём часто писала районная газета. Да и как не писать, если именно отец со своими учениками сделал во многих домах электричество, а потом заговорило радио. И это тоже постарался отец. А потом он организовал в клубе настоящий театр, и учителя стали участвовать в пьесах, в различных спектаклях. А потом... И Николай Семёнович усмехнулся – сколько же было этих «потом», ведь даже газеты написали, что этот учитель – не человек, а настоящий самородок. И как об этом рассказать, что ещё надо вспомнить, ведь через неделю будут звонить из училища и спрашивать – удалось ли выполнить просьбу. «И что я отвечу?.. А между тем там считают, что об отце я могу написать целую книгу». – И он рассмеялся – какие, мол, наивные простаки. «Они что – не понимают, что тогда я был ещё сущее дитя, а что можно запомнить в таком возрасте?.. Ведь только песенка эта всё ещё крутится в моей голове и как будто преследует. Из-за неё я потерял даже сон и покой. О Господи, что же происходит со мной? Ведь она опять где-то рядом...»

И он замурлыкал: «Крутится, вертится шар голубой, крутится, вертится над головой... – Что это, что это?!.. Не понимаю, что происходит. Ведь ещё недавно я жил спокойно, уверенно – и вдруг всё спуталось и сломалось, и вот уже тре-

ты сутки у меня болит сердце, точно бы там нарыв. А мысли такие, что хуже меня просто нет... И только под утро я засыпаю, точнее сказать – забываюсь. А потом целый день – раздражение и головная боль. Вот и сегодня, конечно, всё повторится, а потом наступит ночь, а это для меня наказание. О, Господи, пожалей меня!..» – И он стал читать молитву. А на лице усмешка: какая, мол, это молитва, ведь настоящее Божье слово как-то обошло его стороной, а вместо молитвы – всего несколько слов в душе: «Спаси меня, сохрани! Убереги от всех печалей, помилуй... И не бросай и семью мою!..»

«О Господи, я же хорошо знаю и понимаю, что я весь в грехах, даже страшно. И самый тяжкий мой грех – это, наверно, отец. Ведь я так мало о нём вспоминал. И вот всё вспомнилось, накрыло меня с головой, – а жизнь-то уже на исходе – всего несколько капель в этом сосуде, и надо бы побережь их, не расплескать. Но как это сделать без молитвы, без откровений? О Господи, услышь меня и приди на помощь. Ведь ты всё можешь. А я опять повторю: спаси меня, сохрани!..»

Он тяжело-тяжело вздохнул и резко поднялся со стула. И вот – уже в ограде, а там давно наступила ночь и разлилась тишина. Он внимательно посмотрел вокруг и присел на лавочку, которая прижалась к самому дому. Жена всё ещё не пришла, и он встревожился – может, что-то случилось? У ней больное сердце, так что... И вдруг он вспомнил, что она ещё хотела зайти в аптеку, а там случаются очереди, – вот и вышла задержка. Эта мысль слегка успокоила, и он медленно стал ходить по ограде. Где-то на дальней улице на кого-то с приступом залаяла собака. «На кого она, на кого?.. – с какой-то тревогой подумал Николай Семёнович. – Может, волк забежал в ограду? Они нынче обнаглели от голода, и в деревнях ищут пищу. Что поделаешь – скоро зима, и никто её не отменит. Хорошо бы пережить её и не умереть. Ведь мне уже восемьдесят, и я уже долгожитель. А сколько бы нынче было отцу?..» – Но он сразу отмахнулся от этой мысли: ведь столько люди уже не живут...

А на улице заметно похолодало, и он опять тяжело вздохнул. К тому же нехорошо стукнуло сердце, а потом забилось толчками, заныло. И Николай Семёнович вдруг подумал – хорошо бы сходить в больницу, провериться: может, началось что-то серьёзное, и надо бы побережись. И сразу решил – вот завтра и схожу. К тому же у него есть знакомый терапевт Иван Афанасьевич. Он – человек надёжный, из самых первых его учеников...

Эти мысли опять привели к отцу. Интересно, как бы сложилась жизнь, если бы он не погиб. Наверное, всё было бы по-другому, конечно бы, по-другому... И не успел он ещё додумать, как сразу же в голове какой-то змейкой, каким-то всполохом мелькнула отцовская песенка: «Крутится, вертится шар голубой...» Конечно, отец пел её для утешения, потому что чувствовал, что, наверно, он своего Коленьку видит в последний раз...

И в этот миг на улице прошла машина. «Может, ко мне?» – и Николай Семёнович повернул к воротам. Но машина не остановилась, и он усмехнулся: «Кому уж я нужен – такая старая тряпка». А потом посмотрел на небо. Там – тысячи звёзд, а может и больше. Да и кто их считал...

А на следующий день он сидел в кабинете у Ивана Афанасьевича и доверительно рассказывал про все свои беды – и про бессонницу, и про навязчивые мысли, рассказал даже о том, что его преследует эта песенка про шар голубой. А потом признался, что ему надо обязательно написать об отце – попросили об этом в военном училище. Надо написать, обязательно надо, – а в голове ходит ветер и, наверно, всё пойдёт прахом...

– Не нагоняйте страху и успокойтесь. Я уверен – у вас всё получится, и даже отец вам поможет. Вот начнёте писать о нём, вспоминать – и ваши нервы дадут вам отдых. Такое часто бывает. Ведь отец встанет перед вами точно живой. А это такая радость, и она вас утешит. Вы не согласны?

– Ну что вы!

– Вот и хорошо. А пока у вас просто нервоз. Ведь за плечами такая трудная жизнь. И я выпишу вам успокоительное, а потом у меня освободится койка, и я возьму вас к себе. Отдохнёте, подлечитесь. Ведь ваша жизнь продолжается... Думаю, и ваш отец желал своему ангелочку такой же долгой и светлой жизни, – потому и пел про этот шар голубой. Кстати, как песенка начинается? Ах, да! «Крутится, вертится шар голубой, крутится, вертится над головой...» Я ничего не пропустил? – Иван Афанасьевич засмеялся и что-то тихо-тихо сказал про себя. А потом достал платочек и вытер глаза:

– Вот видите, и я разволновался. Я ведь тоже рос без отца. Ну ладно, не буду о грустном. А вам всё же желаю написать, что обещали. Может, действительно – получится книга...

С этим Николай Семёнович и пошёл домой. «Значит, невроз, – а это не так уж страшно. Так что прямо сегодня я привяжу себя к стулу и начну работать...»

Кстати, он так и сделал. А к вечеру перед ним уже лежала целая стопка исписанных листочков. Правда, разболелась голова, и он прилёг на кровать. Хорошо бы заснуть, хорошо бы!.. И странно: кто-то услышал его мысли, и пришло забытьё. И даже приснился сон, – как отец носил его по комнате и пел свою песенку. А потом, наверное, устал носить и положил на диван и поцеловал: «Вот так и будем жить, мой ангелочек, – моё сердце рядом с твоим, а твоё с моим рядом, – так и будет всегда, – пока крутится этот шар голубой – наша земля...» А потом он ещё что-то сказал, но в глазах у Николая Семёновича уже поднялось другое видение, и этот сон взял его в долгий и радостный плен и не хотел отпускать. Не хотел... – А в глазах уже вставал, поднимался худенький белоголовый мальчишка, который выбежал прямо к реке на высокий обрыв, и там замер и стал смотреть вниз на зимнюю дорогу. Ведь по этой дороге постоянно двигались чьи-то подводы, и мальчишка ждал, что они привезут однажды отца. Ждал и верил в это – и потому часто выбегал на обрыв, но отца всё не было, не было; но он всё равно ждал и надеялся. Вот и тогда он вдруг поверил, что сегодня обязательно увидит отца. Кстати, так и случилось, потому что с передней подводы неожиданно прыгнул солдат в длинной, до пят, шинели и поднял руку. Он так приветствовал мальчишку, который стоял на обрыве, – и тот кубарем скатился вниз и закричал что есть мочи: «Папка-а-а!.. Папка приехал!..» – И вот он уже возле солдата, и упал ему прямо на грудь. И вдруг поднял глаза и отшатнулся, – на него смотрело какое-то чужое, безбровое лицо, а голос уже возмущался: «Тебе кого надо, пацан? Ты что, ошалел?!»

И сразу пропал сон, и открылись глаза. И Николай Семёнович почувствовал тяжёлую, ноющую боль в висках, и как гулко, надрывно стучит и порывается выскочить сердце. И он закрыл глаза, повернулся на другой бок – и тут его как током ударило: ведь кто-то позвонил в дверь. И звонок был долгий, настойчивый, и хозяин, ещё лёжа в кровати, закричал со всей силы: «Кто пришёл?! Кто?..» А потом рывком распахнул дверь, но там – никого, тишина. И он опять крикнул: «Кто здесь? Откликнись! Я жду...» – Но в ответ ни звука, ни шороха. А ведь только что звонили и добивались. И он вдруг догадался и убедил себя – что это, наверно, отец звонил, его душа приходила и напоминала, что его песенка при прощании никогда не погаснет в душе. Ведь эта песенка – о жизни, о радости. И надо бесконечно ценить и любить нашу жизнь – этот «шар голубой».

Геннадий Артамонов. «И скорбит, и ликует душа...»: к проблеме самоидентификации поэта

**Жукова
Ирина Максимовна**

Кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Русский язык и литература» Курганского государственного университета.

В чём секрет популярности того или иного писателя? Какие факторы влияют на формирование писательской репутации? Казалось бы, уже давно ушёл в небытие вульгарно-социологический подход в оценке творчества писателей, однако стремление к успеху (или другие причины) заставляет некоторых литературоведов и литературных критиков весьма субъективно оценивать творческое наследие писателей прошлого. «Выдернутые» из контекста фразы порой трактуются так вольно, что их автор по желанию критика становится или «героем нашего времени», или объявляется несовременным. В связи с этим вспомним, что литературный процесс как «жизнь и развитие литературы определённой страны или эпохи» неразрывно связан с исторической и культурной памятью народа. По-

этому принцип историзма остаётся ведущим при анализе произведений отечественной литературы, а при интерпретации лирики необходимо учитывать её субъективный характер, стремление поэта к самовыражению и к самоопределению. В автобиографии «Я сам» В. Маяковский так определил главную тему поэтического творчества: «Я – поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном – только если это отстоялось словом» [3, 23]. Читателю и исследователю важно помнить, что лирический герой близок, но не тождествен автору. По определению Б. Кормана, «лирический герой» – это особый тип сознания. «Лирический герой... является и субъектом, и объектом в прямооценочной точке зрения. Лирический герой – это и носитель сознания, и предмет изображения: он открыто стоит между читателем и изображаемым миром» [2, 39].

Проблема самоидентификации поэта остаётся актуальной при изучении современной литературы, национальной и региональной. Зауральская литература – неотъемлемая часть русской национальной литературы, «общей лирики лента» – отличается интересными для писателя и узнаваемыми читателями приметам региональной жизни, её бытом, обычаями, особым говором, топонимами. Город Курган объединяет судьбы людей, исторические и культурные эпохи в сборнике стихотворений филолога, журналиста, поэта Геннадия Сергеевича Артамонова «И скорбит, и ликует душа...» (2007 г.). «Частицей памяти живой» для Г. С. Артамонова и его лирического героя стала зауральская природа:

*Ах, река, Тобол-река...
Камень в струях точится...
Жизнь порою нелегка,
Но с тобой –
Жить хочется!*

[1, 147]

Личные воспоминания лирического героя Г. Артамонова неотделимы культурной и исторической памяти его поколения. Поэт призывает ровесников следовать юношескому кодексу чести («Не бойся никого и ничего, // Преодолеем всех и все за одного...») и сохранять детскость («Не стесняйтесь, будьте наивными, // В этом что-то от счастья есть!»).

Несомненный интерес представляет жанр посвящения в творческом наследии Г. Артамонова. Адресатами посвящений выступают друзья («Верую»), коллеги по ТВ («Старшим товарищам – ветеранам журналистики»), поэты и художники – Г. Травников («Радуга акварели»), В. Потанин («Каравай»), любимая женщина («Стихи, написанные к столетию А. Блока»), родная курганская школа № 12 и любимые учителя («Родной двенадцатой», «Урок», «Учитель»); река Тобол («Весенний Тобол»). Круг адресатов Г. Артамонова формирует культурное пространство Кургана как уникальное, с одной стороны, и как национальное традиционное – с другой. Юбилей А. Блока становится поводом для признания лирического героя своей возлюбленной: «Люблю тебя! Люблю сильней, чем Блок!» [1, 22]. Знаменитый блоковский образ Прекрасной Дамы помогает герою выразить силу своего чувства и ироническое отношение к себе: «...Но я писал, как Блок, // Прекрасной Даме, // Хоть понимал, // что я отнюдь не Блок».

Диалог с русской историей становится концептуальной формой авторского самоопределения. Поэт восхищается мужеством и доблестью участников Великой Отечественной войны («Ветеранам Великой Отечественной»), подвигом земляка-«афганца» («Последняя граната». Николаю Анфиногенову – Герою Советского Союза – посвящается).

Лирический герой Г. Артамонова – человек творческий, остро чувствующий быстротечность времени, драматизм жизни. Стихотворение «Юбилейное (Самому себе – в 60)» из шутивного послания «себе любимому» превращается в диалог с друзьями о жизни, о сомнениях и тревогах человека на очередном временном рубеже и о настоящем счастье:

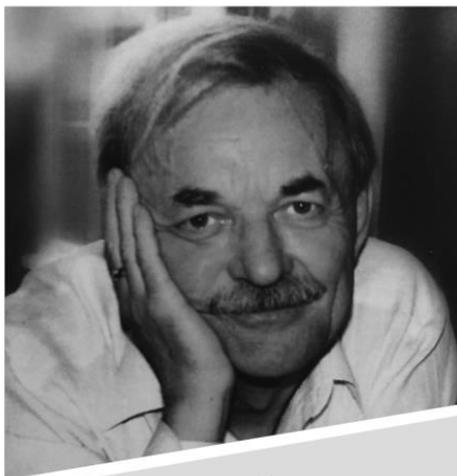
*Вы видите, как я богат,
Да не рублями, а друзьями,
И в шестьдесят, как в пятьдесят,
Я счастлив, что ещё я с вами.*

[1, 129]

Использованная литература:

1. Артамонов Г. И скорбит, и ликует душа... Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007.
2. Корман Б. О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов / Б. О. Корман // Проблемы истории критики и поэтики реализма. – Ижевск, 1992.
3. Маяковский В. В. Сочинения в двух томах. – Москва : Правда, 1987, Т. 1.

ПОЭЗИЯ

**Артамонов
Геннадий Сергеевич
(1935–2006)**

Родился на Титано-Магнетитовом руднике Златоустовского района Челябинской области, но вся его жизнь прошла в Кургане. Окончив с серебряной медалью курганскую школу № 12, поступил в Уральский госуниверситет. Получив диплом филолога, Геннадий Артамонов решил навсегда посвятить себя журналистике. В 1962 г. пришёл на Курганское телевидение, с 1982 г. до выхода на пенсию в 2000 г. возглавлял областной телерадиокомитет. Автор поэтического сборника «И скорбит, и ликует душа...».

Геннадий АРТАМОНОВ

* * *

Слова ветшают и мельчают...
Зачем мы много говорим?
Давай нальём по чашке чаю
И посидим... И помолчим...
Пусть каждый молча вспомнит что-то,
Что не забудется никак:
Пусть это будет не «работа»,
А так – какой-нибудь «пустяк».
Ну, например, ромашка в поле,
Иль речки тихой бережок,
Иль солнце, яркое до боли,
А может, свеженький стожок,
В который хочется зарыться,
Разворошив дурман плечом,
Упасть, закрыв глаза, забыться,
В тот миг не думать ни о чём.
Но сохранить одно желанье,
О нём мечтать и грезить вновь:
Чтоб были мы и... мирозданье,
И наша вечная любовь...

* * *

Опять весна... И воздух синий-синий...
А надо мною лебеди летят...
Смотрите, как спешат они в Россию,
В Россию, где снега ещё лежат.
С прилётом этой стаи лебединой
Моя судьба мне кажется светлей,
Ведь как ни согревает птиц чужбина,
А родина холодная теплей.

Сердце

Узнал я вдруг нечаянно,
Что сердце – странный дом:
Надежда и Отчаянье
Живут в соседстве в нём.
Там Злость в обнимку с Нежностью
В одной постели спят,
И Вера с Неутешностью
Смеются и грустят.
Там Ненависть украдкою
(В кармане – бутылёк)
Бредёт походкой шаткою
К Любви на огонёк.
Измена дружит с Верностью,
А Зависть – с Добротой.
Стоят Покорность с Дерзостью
На лестнице одной.

С Печалью Радость борется,
Свет с Мраком обручён.
Целуются и ссорятся
В обширном доме том.
И что-то беспримерное
Жильцы его творят.
Вот почему, наверное,
Сердца у нас болят...

Читает Пушкина пацан

От восхищения я пьян
И слышу – сердце тает...
Читает Пушкина пацан.
И, Боже, как читает!..
Он говорит: «Я Вас любил,
Любовь ещё, быть может...»
Немного паренёк прожил,
Но всё же... всё же... всё же...
В ушах звучит: «Я Вас любил...» –
И на душе отрада.
Никто парнишку не учил
Читать стихи с эстрады.
В его словах бравады нет,
Но страсть неотразима.
И кажется, что сам поэт
Так говорил любимой.
...Я без вина сегодня пьян.
Стихи тому виною:
Читает Пушкина пацан,
И Пушкин вновь со мною...

Завещание

Эх, хорошо бы дотянуть до ста,
Но, если мне судьба покажет фигу,
Не надо ни звезды и ни креста,
Пусть обелиск напоминает книгу,
Которую писал, но не издал,
Где над собой подшучивал стихами,
Где так и не раскрыл свой идеал
И даже толком не простился с вами...

Время

А время всё быстрее летит.
Куда? – Я не отвечу.
Быть может, с нами по пути,
Быть может, нам навстречу.
И каждый день, и каждый час
Уже неповторимы.
Проходит время через нас
И не проходит мимо.
Так что же я хотел сказать,
Речь о каком законе?..
Увы, нам время не догнать,
Оно же нас догонит...

* * *

Может, жизнь моя скоро расколется...
Помолись за меня, богомолица.
Три червонца тебе... вот... последние,
Видел, как ты молилась, намедни я.
Сколько я нагрешил, сам не ведаю,
Помолись же, не будь привередою.
Ничего в моей просьбе нет странного,
Помолись за меня, окаянного,
Окаянного, нелощёного...
Помолись за меня, некрещёного.
Ничего не скажу тебе нового,
Помолись за меня, непутёвого.
Не вернуть дни и ночи весенние...
Помолись за меня – во Спасение.

* * *

Кургана улицы прямые...

С. Васильев

Вдоль да по Дворянской мчались брички,
А в домишках пирожки пекли.
Пробил час – сменили все таблички
И тебя Советской нарекли.
Здесь, я помню, в детстве мяч гоняли,
Удивлялись новеньким авто...
Та же прямизна и те же дали,
Только что-то, чувствую, не то...
Старый тополь под ветром сукулится,
Как меняется всё на ходу...
Умирает Советская улица,
Я по новой Дворянской иду.
Город весь в заметных переменах,
Но они сведут меня с ума,
Никогда не крикнут: «Здравствуй, Гена!»
Новые элитные дома.

А по сердцу память барабанит,
Ты прости, с трудом тебя узнал,
Вижу, новорусские дворяне
Заселяют мой родной квартал.

Старый тополь под ветром сутулится,
Как меняется всё на ходу...
Умирает Советская улица,
Я по новой Дворянской иду.

Знаю, архитектору не важно,
Что в цвету акаций золотом
Здесь стоял когда-то двухэтажный
Мой, уже давно снесённый, дом.

Здесь грачи весной к нам прилетали,
Первую любовь здесь повстречал...
Та же прямизна и те же дали,
Только где ты, юности причал?

Старый тополь под ветром сутулится,
Как меняется всё на ходу...
Умирает Советская улица,
Я по новой Дворянской иду.

Будьте наивными

Пока вы живы
среди прочей живности,
Пока ещё видят ваши глаза,
Не теряйте чувства наивности,
Поверьте,
я это не зря сказал.

Пока различаете
мира движения,
Пока уши слышат вкрадчивый стук,
Не скрывайте, друзья, удивления,
Ловите всё,
что неожиданно и вдруг.

Пока вам доступно
прикосновение,
Пусть даже надвинется буря молвы,
Пойте, кричите от восхищения
Тем,
к чему прикоснулись вы.

Стройте смелее
наивное здание,
Где отсутствует точный расчёт,
Доверьтесь правдивости осязания,
Оно не обманет,
не подведёт.

Дружите с солнцем,
со снегом и ливнями,
Надейтесь на небо и добрую весть.
Не стесняйтесь, будьте наивными,
В этом что-то
от счастья есть!

* * *

Я б хотел уйти от вас
В тихий августовский вечер,
Чтоб закат уже угас,
Но чтоб мир казался вечным;
Чтоб земля ещё цвела,
И любить хотелось снова,
Чтобы мягкой была
Глина в Глинках и в Рябково,
Чтоб цветы сродни глазам
Голубели в чистом поле,
По утрам и вечерам
Щуки «бúхали» в Тоболе,
В отпусках очередных
Чтоб ребята отдыхали,
А о том, что я затих,
Ещё долго б не слышали,
И тому, что нет меня,
Чтоб никто не удивлялся,
Просто думал, будто я...
На рыбалке задержался.

Виктория СОРОКИНА

Дед (отрывок)

Моя щека до сих пор помнит колкую щетину отцовской впалой щеки, помнит дедову седую бороду, скрывающую острые под сухой кожей скулы. В бороду эту, скомканную и сваленную в мелкие шарики, всегда напоздали летом крохотные букашки-мизгирышки, торчали из седого жёсткого волоса редкие крошки. Дед носил длинные, стриженные ровно «под горшок», волосы. Они были мягкими и маслянистыми. Отчего-то дед их, как и бороду, никогда не чесал. Бабка всегда говорила: «Дедушка-суседушка любит его, – вот и плетёт ему в волосах тонкую куделю», которую уже не расчесать гребёнкой.

Я щупал детскими руками жёсткую бороду и мягкие, словно и не дедовы совсем, волосы, разнимал спутавшиеся пряди, а крохотные пальцы становились маслянистыми от дедовского застарелого пота. Я и теперь помню это. Наверное, и детство всегда наполовину со мной.

Дед ходил босым до самых поздних и сильных заморозков и снимал обутки, лишь сходил снег с ещё не разогретой до постоянного тепла земли. Ступни его были худы и длинные. Костистые пальцы торчали с жёлтыми загрубевшими ногтями, а кожа на пятках была толстой и нечувствительной до боли. Как-то раз дед, присев на завалину починить мордушку, расставил широко длинные ноги. Я глядел на задранные сверху дедовы ступни, затвердевшую и растрескавшуюся кожу под пальцами. По ногам его ползали крупные серые пауты и мелкие слепни. Они забирались под изношенные штанины, и дед лупил ладонью со всего маху по ногам. Но лишь паут сползал на пятку или туда, где кожа на ступне обычно особенно нежна, дед успокаивался, и паут бесцельно утыкался хоботком в твёрдую толстую кожу. Дед покачивал длинными ступнями, перебирая в сухих и узловатых пальцах ветки тальника, вплетал их в распластанную дырами мордушку, что-то бурчал под нос, сдвинув к переносице белёдые, почти незаметные брови. Я оглядел его босые ноги и вдруг раскрыл рот, выкрикивая что-то удивлённо-бесшабашное и детское, пальцем тыча в дедов след.

Дед отставил мордушку и забросил на колено ногу, руками развернул к себе пыльную ступню и начал разглядывать её. В заскорузлой от земли пятке торчала толстая заноза, плотно засевшая в грубую кожу. Дед ногтями поскрёб по её сплюсненному концу и глянул на меня:

– Нож носи.

ПРОЗА

**Сорокина
Виктория Аркадьевна**

Родилась в 1995 г в селе Каминском. Окончила педагогический колледж, филологический факультет Курганского государственного университета. Журналист. Внештатный корреспондент газеты «Куртамышская нива». Финалист Всероссийского литературного молодёжного фестиваля-конкурса имени А. Л. Чижевского, лауреат Всероссийского литературного конкурса «Спасите пушкинский язык» (II место), участница литературной мастерской Захара Прилепина. Живёт в с. Каминском Куртамышского муниципального округа Курганской области. В «Тоболе» публикуется впервые.

Я кинулся в избу и в суматохе скинул со стола бабкины тряпицы, ухватив нож. Пронёсся по сенцам, руками отталкиваясь от косяков, сбежал с крыльца, вытянув вперёд длинное лезвие.

Дед завёл остриё в кожу и поддел щепу. Вытягивалась она медленно, нож срывался. Я глядел на деда и ждал, что из раны хлынет кровь, а дед, зажимая рукою ногу, запричитает от боли. Но он молчал, распластывая ножом кожу, выкорчёвывая занозу, распадающуюся на части. Наконец он поддел пальцем саму сердцевину занозы, врезавшуюся вглубь пятки. Но оставшаяся после неё глубокая и узкая ранка не кровоточила, лишь чуть синела, да и дед ступал на пятку так же твёрдо, даже не кривя от боли бородатого лица.

Да и было ли когда ему больно? Дед всегда казался мне кем-то диковинным и скрытным. Сродни кержаку, жил просто, суховато. Вина не пил и не курил. Охотился. Охота была его жадной и работой. Теперь уж я и боюсь предположить, что брало в нём верх: азарт соперничать с диким зверем или стремление скопить деньги в кармане?

Высокий и всегда худой, дед неторопливо собирался на охоту, подолгу рассматривая мешок и гладкую рукоять ружья. Из съестного он брал лишь хлеб. Бабка в проводах никогда не участвовала, говоря, что не «бабско» это дело.

Говоря о бабке, нужно сказать, что была она своенравна и резка, совсем не под стать спокойному и рассудительному деду. Как-то раз они крупно поскандалили, что бывало, впрочем, часто. Тогда бабка, наскоро накинув на себя платок, убегала из дома, не появляясь несколько часов. Отыскать её можно было по следу. Ходила она, часто семеня, разворачивая ступни круто в стороны.

Дед оставался в избе, спокойно глядел в окно, отстукивал по столу длинными жёлтыми пальцами тягучее в одиночестве время.

Бабка возвращалась, ещё не отойдя от дурной и перебродившей взгальности.

– Ой, кто это пришёл?– дед, одёрнув на печи занавеску, начинал с простодушной издёвкой.

– Подь ты к сёрту! – бабка по-особому шепелявила, и вместо «ч» у неё выходила острая и длинная «с». – Я ведь за тебя, не любя, посла!

– А тебя и не звал никто, – так же спокойно говорил дед, и голос его опускался с печи медленно и плавно. – Тебя отец твой за долги отдал.

Бабка в бешенстве начинала ругаться и брэнчать посудой. Дед замолкал, улыбался и слушал дребезжание бабки.

Осенью наступала пора, когда дед, особо насторожившись, вычищал ружьё, оглядывал его со всех сторон, словно примеряясь, оглаживал рукоять, бережно убирал на стену, и медленно и рассудительно сбирал в мешок охотничьи пожитки. Уходил он на несколько дней, и всегда мне казалось, что уходит он в иную, совсем и никому незнакомую жизнь, где есть только дед и суровость поздней осенней погоды. Я, провожая его до угла, глядел, как дедова длинная спина в грязно-болотистой фуфайке растворяется в туманной пелене; слышал, как доносятся издали его отрывистые и длинные шаги по примороженной земле. В такие дни я ожидал деда каждый день, уже зная, что вернётся он не сразу, – но раз за разом тоска подтачивала детское сердце со всё большею силой, и я, вытянувшись на печи, тёплыми пальцами гладил по усатой морде изодранного чёрно-пёстрого кота Ваську, зевал, прислушивался к тишине. На исходе третьего дня я часто выбегал на улицу, глядел на жёлто-серые убранные поля, на промозглую даль, но дорога была пуста. Озябнув, я возвращался в избу, усаживался у окна, дышал в холодное стекло,

болтал ногами, ожидая прихода деда. Он возвращался, как-то плавно и осторожно врезаясь в опустевший без него дом, приносил с собою свежесть осенних просторов, запах болота, сырой увядшей травы, утиного пера и пороха, приносил мне примороженных ягод с облетевшей красной дички и снова уходил из избы. Я, наскоро одевшись, всполошив на печи клюющего носом старого кота, бежал на двор, где под крышей у деда лежали утки – с обвисшими головами на тонких шеях, с измазанными бурыми сгустками перьями, которых после дед вместе с бабкою ощипывал, а меж ног томно тёрся кот.

В тот год всю неделю подряд, угадывая скорое исчезновение деда, я не отставал от него, упрашивая взять меня с собой. Дед отнекивался, иногда выругивался; я уходил, чтобы вновь после завести разговор. Наконец, устав от моего нудного преследования и осторожных шагов по пятам, дед, махнув рукой, кинул мне: «Штоб добро облокался!» – и я, захлебнувшись от радости, скинул с печи фуфайку и шапку, перед сном зачем-то уложив их около раскладушки.

Дед шёл впереди, твёрдо ступая в раскисшую землю, белевшую по обочинам мокрым и тяжёлым снегом. Его след отпечатывался в набухшей от воды грязи, и нога, вынимаемая из осклизшего солончака, выдавала резкий чавкающий звук. Я шёл позади, стараясь ступать след в след, но сбивался с широкого дедовского шага и пробегал вперёд, едва не наступая на пятку дедовского сапога. По сторонам желтел увядший камыш, шевелился, разнимая узкие продолговатые листья, что-то нашёптывал, и от шуршания его казалось, что в стороне, в чёрных кустах, затаился кто-то такой же чёрный с тихим и отрывистым нашёптыванием на губах. Я прислушивался, приостанавливаясь, скользя в грязи, вертел головой, открыв широко рот. И тогда шёпот смолкал. Но лишь стоило мне стронуться с места, как вновь в уши заползали отрывки шипящих слов. Я догонял размеренно идущего спокойного деда, заглядывая в его бородатое лицо, стараясь отметить в его выражении намёк на озадаченность от приютившегося в кустах шёпота. Но глаза его были покойны, только блуждали по горизонту, иногда опускались вниз, если ноги деда утопали в застоявшейся под покровом снега воде. Тогда мне думалось, что дед знает о существовании этого шёпота, и не только знает, но и понимает его. Только теперь, разгаданный и назойливо шипящий, он стал неинтересен деду.

Выйдя из низины, опоясанной сплошной камышовой стеной, мы взобрались на пригорок, скользя по напотевшей от влаги земле. Дед шёл молча, подбрасывая на спине мешок с широкой, наскоро пришитой крупными, но крепкими стежками лямкой, поправлял на плече ружьё. Вдоль узкой дороги росла дикая яблоня, с красноватых ветвей которой свисали пучки мягких кислых ягод. Я брал их в рот – подмороженные, с прозрачными и ледяными каплями воды, они были вкусны и ароматны; от кислоты и холода сводило скулы и ломало зубы. С другой стороны от дороги тянулся глубокий ров, заросший шиповником и крушиной, сквозь заросли которых иногда выпрыгивал козёл – с рыжим отливом летом и сероватый зимой. Дед не бил его, говоря: «Нечестно это – врасплох стрелять в животину». И тогда косуля, вздымая кверху белощёрстный зад, скакала по полю, врезаясь в плотную поросль вербы. Я провожал её взглядом и мысленно благословлял.

Охотничья изба стояла на холме неподалеку от реки. В стороне от неё, в низине, росли сосны и длиннохвойные тёмные кедры. Воздух здесь, скопившийся под холмом, был ароматным и загустевшим.

Я снял шапку и огладил рукой слежавшиеся на макушке мокрые волосы. В избе было темно, пахло мышами, пылью и полыньёю, разложенной сухими пучками в углах. Дед разжигал серую печь, и от вспыхивающих спичек прыгали мелкие живые отсветы на черном полу. Вскоре в избе стало теплее, сырой

воздух запахом разогретой глиной, кирпичом и калёным железом. В печи громко трещали осиновые поленья, разъедаемые огнём.

Я сел около печи и протянул вперёд руки, пальцы, намёрзшиеся на ветру, стали багроветь, и по коже потекло приятное тепло.

– Назавтра утка пойдёт. – Дед нахлобучил на белёсую голову шапку и вытянулся во весь рост у маленькой двери. – Я пойду пока, а ты картошку почи, да крупки там вон немного есть.

Дед скрылся за дверью и промелькнул около запотевшего окна. Я вынул из мешка две крупные картофелины с мелкими крапинками зародышей росточков, достал мешочек с пшеном. Я знал, что взял это всё непривередливый в еде дед из-за меня. «Дитё ведь кормить надо будет», – толкала накануне бабка в мешок скромный провиант, говоря эти слова молчавшему деду.

Ломти рассыпчатой картошки кипели в маленьком чугушке, бурлящая вода выплёскивалась на раскалённую плиту, шипела, и мелкие капли, поплясав на горячем железе, испарялись. В избе запахло пригоревшей пенкой от съестного и сухим жаром от печи. Подсолив воду, я ткнул в картошку ножом. Ломоть разломился на части, осыпаясь мелкими желтоватыми крупинками. Зажав в горсти пшено, я ссыпал его в кипяток и сел у окна, отирая стекло от испарины. Деда не было. Дрова в печи прогорели, оставив после себя ясные угли, распалющиеся ярко-красные бока от задувающего в трубу ветра. Я стукнул ногой по маленькой дверце, прикрыв поддувало, задвинул вьюшку. Похлёбка, накрытая крышкой, ещё редко бурлила, выпуская со дна крупные пузыри. Я снова сел у окна и пальцем собрал крупные капли со стекла. От рамы сквозило. Снял с гвоздя ружьё и погладил рукоять, осмотрел чёрный исцарапанный ствол, вскинул его, уперев приклад в плечо, прищурил глаз и начал выискивать воображаемые тени порхающих птиц. Прицелился и рванул со всей силы воздух, набранный в грудь. Губы шлёпнули, и от изображаемого звука выстрела разлетелась изо рта слюна. Я замер, словно сам испугавшись этой громкости, прислушался к своему сопению.

Опустившись на лавку, я развернулся к окну и снова припал к холодной раме. В стороне от избышки, где росли молодые берёзы вперемешку с дичкой, раскачивались тонкие пёстрые стволы. Я ближе припал к стеклу, стирая рукавом испарину. В десяти метрах от избы, оставляя за собой глубокие ямки от острых копыт, расхаживал рогач. Он принюхивался к сырой земле и соципывал мокрые вершинки травы, прижав её мягкими губами. Я привстал на лавке, ещё ближе придвигаясь к окну. Широкий в холке самец прошёл мимо избы и завернул в молодую чащобу, стряхивая сырыми боками с ветвей воду. Я глядел в окно на спокойно удаляющееся серовато-белое пятно. Руки затряслись в волнении, и по спине побежали лихорадочные мурашки. Схватив со стены фуфайку, я надвинул на макушку ещё сырую шапку, перекинул через плечо ружьё, втолкнув в патронник патрон. Выйдя из избы, я шагнул к углу и выхватил взглядом впереди всё так же спокойно маячившее пятно. Набухший снег не хрустел, лишь проваливался под ногами. Я вышел к стене, напротив которой чёрными точками виднелись следы козули. Сероватый бок мелькнул в березняке. Поправив на плече ружьё, я кинулся следом, шлёпая по грязи. Козёл шёл впереди, продираясь сквозь плотные ветви колючей дички и гибких висячих побегов берёзы, петлял меж стволов, огибая их вычурными петлями. Я, хватая воздух раскрытым ртом, шёл медленно, отводя в стороны мокрые ветви, впиваясь взглядом в белые холки козули. Козёл приостанавливался, потрясал сырыми боками, стряхивая капли с засаленной шерсти с пробивающимся подпушком, поднимал кверху голову с кривыми раскидистыми рогами, задевая ими за сучья, вставал ко мне боком, выказывая всю красоту и слаженность ещё молодого, но уже окрепшего и сильного тела. Я остано-

вился и вскинул ружьё, оттянул курок, нащупал крючок спуска, сжал губы и затаил дыхание. Рука тряслась, и бешеный стук сердца отдавал в подреберье. Косуля, резко развернувшись, сделала несколько длинных прыжков, глухими ударами отдавшимися мне в ноги, и снова спокойно обогнула сырые берёзовые стволы. Опустив ружьё, я пошёл за ней, не выпуская из виду подпрыгивающих блестящих холок и маячивших среди веток серых в мелких наростах рогов.

Косуля вышла из чащобы на луг и медленно поплелась к узкому ряду высокой сосны. Я стоял на краю березняка, осторожно разнимая ветви, по красноватым сучьям которых стекала вода и сбегала в оттопыренный рукав моей изодранной фуфайки. Я поёжился и выдохнул белый пар. Косуля медленно шла к широкому кусту ветлы, покачивая рогами, утапывая крошевный водянистый снег, и казалось, что до уха моего долетает чавкающий звук резко вынимаемых копыт из рыхлой от снега грязи, и слышится мерное здоровое дыхание зверя, раздувающего покатые сырые бока, пускающие от тёплой шерсти пар. Я дождался, когда косуля завернёт за плотные заросли ветлы, и побрёл по полю, не упуская из виду мелькающей сквозь тонкие прямые пучки стеблей коричневую шкуру и белые пятна холок.

Косуля шла к дороге. Провалившись в колею, она миновала накат, скрытый под покровом снега, выбрела на обочину, опоясанную тополями, молодой порослью дикой яблони и груши. Косуля шла вдоль дороги, косясь на меня тёмным глазом в тонкой обводке, подрагивала кончиками ушей, потрясала головой, сбрасывая с себя мелкую россыпь сбегающей с веток воды. Я, сдерживая быстроту шага, ступал на следы зверя, чернеющие глубокими ямками, наполняющиеся холодной тёмной водой. Ноги катились по разопревшей под снегом земле, грязь налипала и ошмётками тащилась за сапогами, оставляя после меня широкие помарины. Косуля, вскинувшись всем телом, взмыла резко вверх, отталкиваясь упругими ногами от земли, в два скачка миновала пригорок, спустилась в низину, заросшую крушиной, таволгой и шиповником. Я устремился вперёд, шлёпая по грязи, путаясь в густых плетях ползучей и цепкой ежевики. По щеке резко хлестанула ветвь, оставляя саднящую красную полосу. Прижав холодной ладонью щёку, я кинулся вперёд и, увидев в низине спокойно стоявшую косулю, замер, отдышался, опустился на колено, скинув с плеча ружьё. Косуля, поведя ушами, пошла вперёд, обдирая вихры серого подпушка о кусты шиповника. Закинув ружьё на плечо, я неуклюже скатился по крутому взгорку в низину, припадая спиной к водянистому снегу. За голенища сапог набилась холодная и липкая сырость.

Глубокая и продолговато извилистая низина была похожа на русло пересохшей речушки, пропадающей поворотом за густой и молодой вербой. Штаны мои разбухли от воды и, налипая на тёплые ноги, обжигали разгорячённую кожу студёностью свежего снега. Я остановился, озираясь по сторонам, отыскивая вдруг пропавшего из виду серого козла. Он, скрывшись за таволгу, срывал с тёмных веточек грозди капель, выгребал копытом землю, сощипывал из-под куста ещё зеленоватую, сохранившуюся после первых приморозков траву.

Я побрёл в противоположную сторону, где дыбились кверху несколькими могучими ветвями старое дерево с отпавшими пластами коры. Отсюда косуля была хорошо видна, и я мог без усилий настичь её пулей. Осторожно стянув с плеча ружьё, я вскинул истёртый ствол. Косуля, подняв остроконечную морду, замерла, вздыбив кверху наострённые уши. Переведя дыхание, я прицелился, задержал воздух и проглотил скопившуюся густую слюну. Рука, как в лихорадке, вздрагивала, сбивая внимание. Я, напрягая взбудораженные мысли, сдерживал трясущиеся под кожей мышцы, и, улучив спокойные секунды, навёл ружьё на косулю. Втянув в открытый рот холодный воздух, нащупал пальцем гладкий крючок и медленно начал давить на него, чувствую под ску-

лой биение синей напряжённой жилы. Где-то вдалеке отрывисто и громко вскрикнула косуля; рогач встрепенулся и в пару резких и длинных прыжков перемахнул от кустов к пологому подъёму из ложбины. Вздвогнув, я опустил ружьё и кинулся вдогонку, спускаясь по торчащим из земли корневищам вниз. Нога, скользнув по гладкой от сырости шишке корня, сорвалась. Хватаясь руками за воздух, я полетел туда, где краснел острыми иглами шиповник, раскачивая на ветру примороженные ягоды. Вылетевшее из озябших рук ружьё с глухим ударом упало в снег, забивая чёрный холодный ствол белым, словно стеклянным, крошевом. Скатившись вниз, я очутился в ямине, наполненной после дождей водой. Я поднялся, уперевшись руками и коленями в дно глубокой лужи. С намокшей шапки по лицу текла вода. С досады я скинул шапку – тяжёлая от воды, она грузно шмякнулась в чёрные кусты увядшей пижмы. Я выполз из воды и поднялся. Набрякшие от влаги фуфайка и ватники тянули враз ослабевшее тело к земле, и противная холодная сырость липла к ещё тёплой спине. Я досадливо закусил губу и слотнул подступивший солёный сгусток. Там, где стояла косуля, темнело пятно взрыхлённой земли и медленно подрагивали на ветру отяжелевшие от сырости ветки, а чёрные точки следов терялись на вершине. Я выругался добрыми мужицкими словами, отирая ружьё, поднял с примятого куста пижмы шапку, отжал её и, нахлобучив на затылок, побрёл обратно, скользя по мокрой траве.

Вытащив своё усталое тело на дорогу и провалившись в колею, я пошёл напропалую, меня сапогами снег и грязь, волоча тяжёлые ноги. Потирая коченеющие покрасневшие руки, я дул в кулаки, замечая на коже яркие царапины от острых игл шиповника и цепких побегов ежевики.

– Э-э-э-у-у!.. – донеслось протяжное эхо до моего обмёрзлого уха. Это кричал дед.

– Дед! – резко крикнул я ослабшим, показавшимся мне глухим и совсем чужим голосом.

Дед шёл по полю в распахнутой фуфайке, ступая на мои чёрные следы. Из раскрытого рта, полного ещё крепких зубов, валил пар. Я ринулся бежать, но тяжёлые и липкие штаны тянули ноги к земле, и облепляющая ступни грязь всасывала в себя сапоги, с громким чавканьем выплёвывая подошву.

– Деда!.. – выдавил я и опал на его длинных руках.

– Мокрый ведь весь! – Дед, удерживая меня, стянул ружьё, перевесил его на своё острое плечо и, подхватив меня, прижал к распахнутой груди. Я вдыхал знакомый дедовский запах, жался холодной щекой к его груди, с которой из-под рубахи торчали седые курчавые жёсткие волосы; борода щекотала мой висок, залезала в ухо, ноздри и глаза, но я не отнимал лица. Поначалу, прикрыв глаза, чувствовал, как дед раскачивает меня на руках, подкидывая моё отяжелевшее в фуфайке и ватниках тело на кочках. Раскрыв глаза, я отпрял от дедовской груди, уперев ладони в его плечи; поглядел назад, где чернел вдали намокший сосняк, перепархивали по ветвям вороны с такими же набухшими, как мои ватники, крылами.

– Назавтра растает всё, – вдруг сказал дед. – С юга понесло.

Я поглядел на него и ощутил на щеке тёплую и сырую струю ветра.

В избышке было тепло и сухо, от печи тянуло горячими волнистыми порывами, приятно облизывающими холодную кожу. Дед, стащив с меня одежду, вышел из избы за дровами. Я сидел, подобрав под себя ноги в дедовых шерстяных носках, сползших с моих коротких ног, и накинув на плечи пропотевшую дедову фуфайку. Обдутое ветром и намокшее в сыром воздухе лицо рас-

краснелось, щёки раздирали от распалюющей изнутри жары; я прикладывал к коже ладони, казавшиеся мне холодными, ощупывал горячий лоб.

На печи стоял чугунок с кашей, в животе под выпирающими рёбрами резануло острой болью, и нутро обхватил спазм. Я сглотнул слюну. Вошёл дед, вывалил перед печью дрова.

Ел я быстро, не жуя, глотал тёплые комки разопревшей каши, запихивая в рот куски тяжёлого подового хлеба. Дед не расспрашивал меня, развесил перед печью сырую одежду, осмотрел ружьё и, разрядив, поставил его в чёрный угол.

После еды, почувствовав растекающееся по телу тепло, я вытянулся на твёрдых нарах, сколоченных дедом из досок, прикрыл тяжёлые веки и крепко уснул.

Очнувшись ото сна, я привстал, опираясь на локоть, в темноте разглядел тускло-серое окно, возле которого на лавке сидел дед, прижавшись спиной к стене. Он дремал, тихо сопя в бороду, раздувая узкие ноздри. Я спустил с настила ноги и ощутил в теле неприятную накачивающую изнутри дрожь. На спине проступила холодная испарина, зубы застучали, и в виски забила тугая пульсирующая боль. Натянув на плечи фуфайку, я встал, зачерпнул из ведра степлившейся от печи воды. Горло, слепившееся от жажды, засаднило, и под небом пульсами накатил спазм. Дед зашевелился на лавке, зажёл свечу.

– Выспался? – не глядя на меня, спросил он, в пальцах удерживая падающую свечу. Наконец, прилепив её ко дну сломанного стакана, он обернулся, положив на широко расставленные ноги ладони.

– Пить захотел... – выдавил я, не узнав сиплого сухого голоса, вылетевшего из меня.

– Да простыл же ты! – Дед всплеснул руками, громко ударив по бёдрам ладонями, вскочил с лавки и подошёл ко мне. Его тёплая сухая ладонь легла на мой лоб и показалась прохладной и приятно обволакивающей. Дед заглянул мне в глаза, подметив в уголках блестящую мелкую слезинку, наполненную болезненным свечением.

– Простыл, – выдохнул он. – Ложись давай.

Я провалился в короткий и беспокойный сон, в котором среди белого снега топталась на длинных ногах косуля, мотая рогатой головой, прыжками удаляясь от меня. Я бежал, утопая в сугробах, разгребал руками высокий снег, вынимал тяжёлые ноги, плёлся за зверем, раскрыв красный рот.

Очнулся я, почуяв в голове нудную боль, и в пересохшем рту свербело. На стене плясал красный отсвет от печи, на плите кипел чайник, выплёвывая из рожка капли пузырящейся воды. На лоб легла дедовская рука. Я повернулся на бок, чувствуя в костях ломоту и набегающий со спины и растекающийся по ногам озноб. Дед, распарив в железной кружке иван-чай, шиповник и запашистый донник, громко разбалтывал в кипятке сахар.

Пил я медленно, дуя на горячий пар, втягивая в себя сладковатый аромат летнего поля. Кипяток обжигал и без того раздирающуюся от боли глотку. Дед, присев ко мне, поглядел на меня внимательно.

– Собираться надо.

– Куда?.. – проговорил я не слушающим меня срывающимся голосом.

– В село. Там хоть врачаха есть.

– А за утками?.. – При каждом слове к горлу прикладывали калёное железо.

– Отохотились пока.

Дед снимал с верёвок заскорбшие фуфайку и ватники. Я медленно натягивал непослушными и слабыми руками штаны и кофту, молча сглатывая обидную слезу, смешанную со слюной. Дед, склонившись передо мной, подоткнул брючины в носки, натянул на меня ватники, фуфайку, надвинул на брови шапку, распустив длинные уши со скатанным сосульками мехом (чего я не любил, нося украдкой от бабки даже зимой шапку на мужицкий лад, круто загнув уши на макушку). Дед, прикрыв печь, задул свечу, повесив ружьё на плечо, взял меня на руки. Мешок оставил в избе. На улице было темно и тепло, с крыш мелкими каплями сбегала морось, проплешинами на чёрном поле белел снег. Пахло сыростью и набухшей от влаги землёй. В горячее лицо ударял ветер, неся затяжные дожди и серость.

Нить

Если мать ждёт у старого моста – значит, я жив. Я сын. В потёмках возвращаюсь домой с уловом. Не утонул. Я кричу на мать, стыжусь её назойливой заботы, граничащей с сумасшествием. Мать, успокоенная видом невредимого и здорового, своего, плоть от плоти, бредёт домой.

Мать в селе считали немного не в себе – или, как говорится, «того» (при этом нужно закатить глаза, иногда – повертеть пальцем у виска). Четвёртая, младшая среди сестёр, малограмотная: читала по слогам, писала с ошибками, медленно выводила угловатые крупные каракули, в которых не сразу узнаёшь буквы. Безотцовщина. Отец умер в тридцать седьмом – или тридцать восьмом. Мать не помнила даты смерти, его обличия. Отца звала тятенькой. Строго. Но скупая ласка опутывала звук.

Я, как и мать, рос без отца. Он был плотником и пьяницей. Больше о нём я ничего не знаю.

После молодости, когда задумываешься – ни над чем, просто глядя вдаль, – я поймал себя на мысли, что похож на мать. Порой эту похожесть начинал ненавидеть. Но я, плоть от плоти, исторгаю то, чем родительница меня наградила. Часто сжимаю в кулак пальцы – словно пытаюсь нащупать, как глупый ребёнок, воздух; при разговоре отстукиваю ногтями по столу, чеканю такт – так проще высказывать главное; фыркаю, как лошадь. Только мать это делала от старости, привычки, усталости, – а я, пока отнимая от этого набора старость, ещё и от раздражения. Чаще на самого себя. «Выродился. Надо же, выродился». В такие минуты откровения перед самим собой кто-то бы должен всплеснуть руками, как мать или её сестра, моя тётка, бездетная, принимавшая меня за родного сына. Но оставалась тишина, воздух не рассекали ладони. А мне было тошно от самого себя, от «щеликуна», от «большеголового филина», от «глотки». Так меня звала мать. Скачок в прозвищах стремителен, как и скачок в возрасте. Когда мать не злилась, называла меня Михаилом. Я наполнялся силой – так наполняются ей пацаны, впервые расколов дрова, впервые прокосив вручную загонку, впервые подстрелив утку, впервые поймав крупную рыбу. Я единственный мужик в доме. Я. Не провались, не оступись. Проглотив тошноту от долгой работы и солнца, чувствую в руках тяжесть лопаты, думаю: «Нет. Мать жилистее».

Из «щеликуна» я превратился в «глотку», потому что громко и часто ору. Иногда превращаюсь в «пьянь». А мать была лишь матерью. Звал ли я её мамой? Кто ж теперь знает? Через года на всё прошедшее я смотрю спокойно, не дрогнет ни единый мускул; трогаю обросшие колючие щёки. Я гляжу со стороны, вижу колченогую мать и себя – как если бы кто-то приглядывал за нами сверху, наблюдая всю несуразную картину.

Что мне досталось в наследство: солёная бурая кровь, замешанная на упрямстве и грубости?

Я помню саночки и скрипучий снег под блестящими полозками. Я запрокидываю голову, а там, в черноте, висят звёзды – холодные пучки. От простуды я защищён шубой, шапкой и шалью, которую повязывают на спину и грудь, перекинув через плечи пуховые, крест-накрест, импровизированные лямки. Мне хорошо. Я мал. Ещё не стыжусь материнской опеки и бабской шали.

Опека эта увивалась за мной, тащилась по следу назойливой преданной собакой; я отбивался как мог. Глупец. Даже пьяного, потерявшего обувь и шапку, мать находила меня.

Порвать эти путы было решено, когда в кружке краснел круто заваренный *вишняг*. Именно так, – с остротой «г» на конце, в которой самый сок, вязкая кислота. Заварки в доме давно не было, как не было и карамели для детей, игрушек, колбасы, экзотических фруктов в крупной и чистой росе, появляющихся на выпуклом, как бычий глаз, экране. Я не люблю этот глаз, там обман, там кровь. Я вспотел, испугался – не за себя, за светлые глазки русских дочерей, когда в д/ф прокрутили отрезанные головы наших солдат. Я не любил это серое бельмо, когда шум лился из динамика, путались голоса и выстрелы, далёкие, в далёкой, ставшей чужой стране.

Я и теперь его не люблю, – сквозь это стекло, в центре которого вначале мерцает вспышка, разбегаются в стороны полосы, сочится рябь, разносит цвет, и всё отчётливее сыплются знаки, нули, символы, ставшие целью всех и вся.

Но я решил порвать. Вишняг буреет в кружке, дочка жуёт лепёшку, макая в варенье из глубянки. Не *клубника* – это по-городскому, – а *глубянка*. И вкус сразу приторней, и аромат – явственней. Глубянку с луга принесла мать.

Но я решил порвать. Не для себя – для этой русой и светлоглазой, для старшей, с такими же, как у меня, вытаращенными и упрямыми глазами.

Мать долго пыхтела. Теперь молчит, зная, что я почти порвал, но тоненькая нить ещё держит – самая крепкая, самая скрипучая. Жена знает, что я обману. Сначала – мать, задумчивостью уверив, что всё брошу и сорвусь; потом – жену и детей, доверяя им воспоминания о прошлой жизни; потом – себя, доводя до душевного изнеможения, до бессонницы, до муторности, до похмельного шума в голове.

Чай из вишняга остыл. Выплёскиваю бурю жижу в раковину, снова ставлю чайник, предаюсь размышлениям, пока на голубых лепестках греет пузатые бока железный друг с толстым налётом внутри.

Мать пришла, медленно прошаркала ногами по половикам, прокашлялась, давая знать, что здесь, возвращает меня в реальность, раздумья обрываются, а вот нить – та, последняя, – наоборот, крепчает. Жена, взяв из холодильника банку с молоком, идёт поить телёнка, молчит, предчувствуя близкий скандал. Но сегодня его не будет. Я так решил. Я выдохся ещё утром, когда тётка, пустив по морщинам слезу, с дрожащими губами говорила, но в моей памяти всплывают отрывки: *куда, одни, поможем, не могу, а дом...*

– На сено-то завтра поедешь? – заговорила мать.

– Поеду.

Налил в чашку крутой кипяток, звонко размешал сахар. «Завтре, да, завтре», – твержу про себя, так же, как и мать, выламывая окончание. И в этом изломе чувствуется мой, собственный, надлом. Ещё немного, завтре, послезавтре... Никак не решусь.

– Много косить не буду, – дёрнуло что-то сказать: как будто наперекор матери, в *лику*, как сказал бы пацан.

– Пошто?

– Куда мне его? – Я отглотнул кисловатый бурый кипяток. – Всё равно скот под нож пускать.

Мать молчала, громко дышала, пыхтела; узкие синеватые губы, силясь удержать воздух, раскрывались, вываливали его, горячий, с фырканьем, со шлепком о липкую в слюне кожу. Теперь я вновь почувствовал, что нить подалась, натянулась, дрожит, скрипит, почти, ещё немного. Но наддать нечем. Молчу.

Часто поморгав влажными серыми глазами, мать развернулась, утоптала сбитый половик. Пошла прочь. Я соскочил, держа в руках кружку, подошёл к окну, стал ждать, как в детстве, когда появится на длинной улице между домов мать. Звякнул металл, раскрылась калитка; мать, заложив за спину руки, шла по дороге, припадая на правую кривую ногу, на голове – платок с золотистой тонкой нитью, такой же крепкой, как та, что не могу разорвать; он пахнет стариковским потом и дешёвым мылом, которого в шкафу в избытке. На худых сутулых плечах бурая, как вишняк в кружке, кофта.

И как я мог сидеть на этих воспалённых от работы коленях, и как могла она казаться такой большой и сильной? Я отогнал все мысли, ведь я решил порвать.

Утром, твёрдо зная, что сегодня точно, покончив с последним в моей жизни покосом, с треском рвану нить. Наступит свобода. Я упыюсь ей, я буду жить, я стану одним из тех, кто теперь слоняется по узким шумным улицам, дышит смрадом выхлопных газов, топчет асфальт, глазееет на рябь витрин и спины прохожих. Я буду таким же, в погоне за призрачной свободой и знаками, цифрами, навеки потерявшийся в такой огромной, но теперь чуть меньше, и новой стране. Я видел её громаду из окна поезда, когда катил в армию и обратно. Её безмерность я разглядел на пике сопки, вдохнул в густом орешнике, затаившись от всех, услышал в переключке неведанных птиц. Тогда эта громада не пугала – разверзнувшись, принимала в себя, обволакивала, обещая спокойствие и рутину; теперь же она не вмещалась в моё сознание, пугала чем-то новым, ещё непрозондированная моими чувствами, исторгала меня, а я в ответ отторгался от неё. Я, отделённый от мира всё тем же выпуклым глазом массивного ящика в углу комнаты. Что сулила мне порванная нить, если я остался слепым котёнком, отнятым от тёплого материнского брюха?

Но я решил твёрдо порвать, подсакивая на сиденье в тракторе, поглощая кряхтенье и шум старого мотора. Рядом, подтыкая меня мягким боком, раскачивалась жена, на голове её белел платок, туго завязанный на затылке.

Ловя себя на мысли, что вижу эти валки, пахнущие увядшими травами, в последний раз, я не чувствовал ликования, привкуса маячившей перед глазами свободы. Там, впереди, была лишь пустая неизвестность, более ничего.

Шум сена заполнил всё, заполз в уши; под рубаху сыпалась труха, липла к потной спине; паут впивался в саднящую от грязи и соли кожу.

Копны поддавались быстро, под напором силы сбивались в стог – ровный, с вытянувшейся куполом в небо вершиной. Я помнил, что рву нить, оттого бесновался, прикусив губу, пронзал вилами травяной пласт, взметал его верху, забрасывал на стог, как поверженного, неизвестного мне, но таящего беду. Утирал мокрое лицо.

Сквозь пелену пота выхватил знакомое движение, всё тот же тёмный платок с крепкой нитью. Мать шла по хрустящей стерне, закинув на плечо вилы.

Молча, без прелюдий, накинулась на сено, врезала остриё, пронзила сушь, взметнула кверху. Я удивлялся её силе и стойкости: из-под навильника, часто семеня, загребая пространство, ковыляли кривые ноги; торчали сухие руки, покрытые синими венами; над согбенным телом высились косматые травы.

Кричать на мать было бессмысленно. Она, воткнув ноги в сапоги, шла по тракторному следу, по его отпечатку в густом песке, к далёким прокосам и высоким стогам. Шла по пятам, за мной, сыном.

Нить снова удержалась, ослабилась. На время я сдался, прилёг на траву. Над головой шелестел лист ветлы, несло горечью полыни, трещали кузнечики. Сделалось дурно, подступила тошнота, в животе заворчала разгорячённая утроба, наполненная тёплой водой.

Мать жевала кусок хлеба, под тонкой кожей быстро ходили желваки, подрагивал острый кончик носа. Мой нос такой же, и сам я – обличем в мать. Рядом с ней сидит жена, нанизывает на вилку жареное яйцо, отправляет в рот белок, покрытый золотистой корочкой, с каплей масла, что вот-вот сорвётся и обласкает её потный подбородок.

Я поднялся – к горлу подступила кислая слюна, – подался вперёд, исторгая тёплую выпитую воду, перемешанную с горькой слизью. Лежал, смотрел в недостижимое небо. На голубом полотне белела черта, исходившая от серебристой точки. Ближе к точке черта была тонкой, изящной, но на удалении от неё изящность сменялась жирной размашистой полосой, превращаясь в россыпь белых ватных клякс. Если приглядеться, то у точки можно было различить серебристые крылышки. Там, окружённые металлом, летят люди: какие-то другие, недостижимые, без покосов и солёных спин, без тяжести вил в руках. Они дышат городским смрадом, заключённые в объёты машин; стоят в пробках, исторгая шум на разные клаксонные голоса. Одни – покорившие знаки, или покорившиеся им. Другие – смелые, наглые, уверенные. Я же – мёлок посреди этой степи, точка, для них, с высоты, неразличимая. Моё время остановилась, замерло, словно я здесь, под этой шелестящей ветлой, лежу вечность. Я не сбегу, никак не разрежу нить. Мысль о том, что решено порвать, забила куда-то в угол. На смену пришла горечь и тошнота.

– В Ильин-от день не рóбят, – спустился сверху голос. Оторвавшись от неба, я вспомнил, что этот голос принадлежит матери.

– Время идёт. Некогда, – я поморщился, снова накатила тошнота.

– Хворашь?

– Нормально, – я махнул рукой.

Рядом подсела жена:

– Забор пал.

– Мать, я знаю. Не разорвусь пока.

– Ну дак теперь надумал ехать, – в голосе матери звучала нескрываемая обида, и теперь она говорила так, словно готовилась вывалить разом все скопившиеся за это время упрёки, облить ими сына с ног до головы, дать звонкую затрещину, ухватить за седеющий клочок волос на лбу.

– Это при чём здесь?

Жена поправила на голове платок, отвернулась. Вновь назревал скандал, ставший привычным теперь в нашем доме. В такие минуты она молчала, уходила, отворачивалась; делала всё возможное, лишь бы не видеть наших выпученных глаз, алых щёк, резких линий губ, покрытых слюной и пеной.

– Не живётся, – рванула на себя мать.

Я ухватил нить за другой конец, выждал, чтоб рвануть ещё сильнее.

– Работы ей нет, – я ткнул пальцем в силуэт жены, давно покинувшей наш громкий дуэт. – Детей кормить надо, мне платят с гулькин хер.

– Мы с Антонидой пенсию-то получам.

Кровь хлынула в голову, залила щёки, глаза, перед которыми поплыли цветные круги. Мать смотрела упрямо и бестолково, мне захотелось взвыть – громко, по-звериному, – понимая, что объяснить матери ничего не могу. «Я – мужик. Единственный в семье. Я. Я», – рвалось наружу. Тот, кто впервые в двенадцать расколол дрова, тот, кто впервые в десять принёс крупный улов тебе, мать. Мне хотелось бить себя в грудь и брызгать слюной. Но эти глаза, эта глупая пустота в них не поддавалась мне.

– Да поезжай ты, глотка, – мать тяжело поднялась, отряхнула рукой юбку, поволокалась к копне.

Сено дometали молча, под солнцем, в ведро.

К ночи в голове загудело. Пространство, пошатнувшись, поплыло, прошиб озноб, заполз под рубаху, схватил за загривок, волосы, как у одичавшей собаки; поднялись клочками, застучали зубы. Я обхватил руками бока, забрался под одеяло с головой. Но воздуха не хватало: вытащил голову на свободу. Перед закрытыми глазами плясали цветные развесёлые капли, от которых становилось дурно. Я открывал глаза, удостоверившись, что в родных стенах всё по-прежнему, снова удалялся в темноту, – но капли возникали из ниоткуда, неотступные, навязчивые, чему-то веселились, потешались. Я воткнул подмышку градусник. Как в детстве, глядел на ртутную полоску: она, разогнавшись, ползла по прямой, пересекала мелкую резьбу делений: 37, 38, 39, 40. Полоска замерла. Я отлепил горячее стекло от кожи, почувствовал резкий запах пота.

Ночь не дала прохлады. После полуночи пронеслись раскаты. На смену цветным каплям пришли живые всполохи, бьющие в воспалённые глаза сквозь веки. Ударил гром, припустил дождь. Над крышей загудел ветер, как кулаком, врезался в железо, выбивал барабанную дробь. Погода бесновалась. Утихла только к утру.

На смену грому прокатился голос матери.

– Сено-то, сено-то! – кричала она. – Всё разметало!

Я соскочил с кровати. Жены не было: после неё на матрасе оставались ещё тёплые вмятины.

– Сено всё раскрыло!.. – блажила мать. Именно *блажила*, и не иначе. Слова путались, разлетались по дому; в комнате проснулись дети, заткнули уши пальцами, спрятались под одеяло.

Быстро натянув на худое тело одежду, я бросился к трактору. От бега в ушах шумело, глаза болели, мозг подпрыгивал в черепной коробке. Какая нить, какие мысли? Всё запуталось, сплелось в тугой клубок из обиды, горечи, досады, злости. А нить? Где же она? Самая «днюжливая» и скрипучая, пронизывала этот тугой клубок, крепила.

Трактор, исторгнув смрад, затарахтел. Я забросил за кабину, на подкрылки вилы и грабли, фары служили опорой, запрыгнул в трактор.

Следом бежала мать. Выругавшись, я остановился. Хватая толстыми пальцами мазутные косяки, мать ввалилась в тесную кабину.

Всю дорогу я чувствовал, как рядом раскачивается худое и изведённое работой материнское тело – то самое, от плоти которого я уродился. Уродился в неё, в мать. Упрямый и грубый, с этой нитью, так прочно пронизывающей все мои мысли, чувства; весь клубок горечи, который никак не мог из себя исторгнуть.

Я видел, как по стерне были раскиданы лепёшки сена, ставшего серым, тяжёлым от дождя. С большого купола стога была снята верхушка – как ножом срезанная маковка кулича: легко, невесомо. Разорвана на клочки, развеяна по лугу. Тот, кто бесновался всю ночь, не щадил силы, выламывал вислаки, хватал горстями сухую, плотно уметанную траву, вырывал клочками, швырял на ветер. Упругий поток подхватывал их, запашистые, с приглушённым шелестом, гнал на вершины верб, насаживал в низины, стелил на пригорки.

– Вот он, Ильин-от день! – проговорила мать и скинула с подкрылков вилы. Зубцы со скрипом и лязгом протащились по железу.

«Вот он, я. Единственный в доме мужик. Я», – металось в воспалённой голове. Снова прошиб озноб, но иной: не от температуры – от злости и досады. Я злился на себя, на погоду, на мать с её Ильёй, на Бога. Но на него я злился иначе, давно раскусив, что высший разум «там», который есть, по нашим догадкам, именно на небе, – большой шутник. Я облизал губы, пробуя горечь вновь удавшейся шутки. С Богом я осторожничаю, но знаю, что он в прошлой жизни был бóльшим грешником, чем я, оттого и шутки его такие горькие, едкие, острые.

Мать втыкала в стог вилы, снимала пласты сена, разбрасывала на стерню, под пекло выкатившегося солнца.

Нить порвалась. Но мне теперь она не нужна. Я сам вцепился в свой клубок горечи и пошёл к согбенной старухе, в которой некогда жила моя молодая мать. Странно, но её молодого лица я не помню. На нём всегда чернели глубокие морщины.

Нить порвалась, но жизнь осталась жизнью, не потерялась, не исчезла, не сорвалась во тьму. Может, это не что иное, как сама любовь?

Любовь? Здесь само звучание этого слова ничего не значит. Про неё говорят с придыханием где-то там, далеко, за морями, а ещё в карамельно-розовых и приторных сериалах, и от слова, слетевшего с пухлых губ модельной актрисы, становится дурно, сахар налипает на глотку. Здесь, в моей глуши, в моём холодном краю, о любви не говорят. Но остро чувствуют. Чувства здесь не атрофировались. Как если бы подушечкой пальца надавить на холодное острие ножа. Так и с любовью, которая проявляется лишь неуклюжим действием, без слов, но осязаема и осязатима. Я знал, что и мать любит меня по-особому: неповоротливо-медвежьей, грубо, сухо.

Если мать ждёт меня у моста, переминаясь на кривых ногах, «караулит», вслушивается, где заурчит мой старый «Иж», – значит, на кончике острия пульсирует любовь. Заурчит мотор – сын жив. Не утонул. Сегодня я буду молчать, сегодня не буду ругать её беспокойства.

Если мать ждёт у старого моста... Нет. В сумерках показалось.

Косточка

Когда всё исчезнет, что останется... главное? Память. Память о чувстве – самом первом, самом большом. О том чувстве, когда тебя – бестолкового, красного, голопузого, беззащитного – принимает отец, подкладывает под затылок ладонь. От ладони в трепещущее бабочкой темечко исходит тепло.

Если оплачивать сильному родителю за это тепло, то самой ценной платой будет память о чувстве, ещё неосознанном, но таком глубоком, таком первородном. Это чувство – здесь, на земле, со дня первого человека, узнавшего своё продолжение в этом красном и беззащитном.

Но память предательски забывает суть, вместо этого наполняется сотнями и тысячами цветных картинок. Где-то среди них верное знание – отец силен. И это неоспоримо. Это догма. В детстве ты не можешь и подумать, что отец когда-то станет слаб, с глубокими морщинами на лбу. Перед детскими глазами отец безгрешен, даже в пьяном угаре.

Забавно. Отец пропитался дымом костра, илом и речной водой, и ко всему мешается запах рыбы, немного сигаретного яда. Последний быстро забывается. Отец бросил курить в тридцать восемь – без карамели, кодировок, курсов и специальных брошюр. Просто, скомкав пачку, переломав жёлто-коричневые фильтры, бросил ядовитый и горький клубок в чёрную топку печи. Больше дым не наполнял его лёгкие, не туманил рассудок. В этом ещё одна его сила.

Отец умел ловить рыбу. Я не помню, чтобы домой он возвращался «пустым». Ловить рыбу – это опыт. Дорогие блёсны, удочки, спиннинги, сети-ряжовки, глушилки и прочие, как говорится в народе, приبلуды не помогут, если не умеешь чувствовать воду, в которой прячутся скользкие обитатели. Если ртуть ползёт вверх – рыбы не будет, она, изгибая хребет, пойдёт вглубь. Весной она бьётся в заводях, стремится на отмель, чтобы оставить продолжение рода. В этом человек и рыба схожи. Нет. Человек схож со всем окружающим миром живого, впитал в себя истину – оставить своё продолжение.

Усадив меня на бак старого «Юпитера», отец оставлял позади дом. В лицо бил ветер, шумел в ушах. Пахло зрелым сентябрём и прогоревшим бензином. В первом осеннем месяце хорошо ловится щука. Жирная, длинная, тёмно-зелёная, с чёрными полосками по бокам и яркими желтоватыми плавниками. Из щуки мать приготовит финский суп: с молоком, с крапинами золотистого масла, с луком и сладкой морковкой и непременно – с горошинами перца. Отец ловит щук в сеть. Выпутывает толстыми пальцами из ячеи, вынимает леску из алых жабр. Щука бьёт хвостом о дно лодки, успокаивается, примирившись с участью добычи; раскрывает зубастую вытянутую, как у волка, пасть. У хищной рыбы, как тому и подобает, острый взгляд, строгий, умный, – но и она попадается в ловушку.

Залетают и серые караси. Если крупные, то их принято называть «лаптями», с глуповатым вывернутым глазом, с мясом, отдающим сахарком. Часто попадают окуни, из которых хороша уха; чебаки с красными, как после запоя, белками; линьки – верх гастрономического совершенства, мясистые, без оси; налимы – рыбы-змеи – и хищные благородные судаки.

Отец умел ставить ловушки, которые плёл сам, ловко вывязывая челноком ромбы-ячеи из лески. Весной, в разлив реки, он ставил вятели – ближе к берегу, в тихих заводях, у затопленных кустов вётел. Улов отец чистил сам, не доверяя женской руке. В этом он был последователем древнего предка: не только поймать, но и умертвить добычу. Чистка рыбы – сугубо мужское предприятие. Ловко орудуя ножом, он удалял зубастые головы щук, потрошил мягкое, белое, в мелкой чешуе, рыбье брюхо. Осенью рыбье нутро – пустое; весной из свежераспоротой щуки в чашку цедится янтарный поток мелкой икры,

которая вкусна пережаренная с яйцом. Обезглавленная скользкая тушка от-правлялась на сковороду. Приготовление рыбы – это сугубо женское пред-приятие в нашей семье. И в этом тоже есть следование обычаям предков.

Осень резко пахнет дымом, горечь стоит в горле. Откуда этот дым? Быть может, на полях жгут картофельную ботву или топят до красного жара бани, или все разом, замёрзнув в начале осени, предают огню сосновые и берёзо-вые поленья в печах. Совсем скоро донесётся запах раскалённого уголька и зарумяненной хрустящей корки. Теперь хлеб в печи, даже в селе, не пекут. Магазинный эрзац, в целлофане, отмякший – подобие настоящего, – потерял вкус и аромат.

От хлебного запаха обильно выделяется голодная слюна, мешается с горе-чью дыма, с речным запахом холодной воды, с запахом скользкого рыбьего бока, который скоро зашипит на сковороде в раскалённом масле.

Сумерки опускаются быстро, деревья шепчутся, высатся, обступают со всех сторон чёрными тенями. Здесь есть тополь, умудрённый годами, видевший то, чего не видел человек. Наверное, когда здесь ничего не существовало, был только тополь – такой же рослый, с крупными листьями. У его ладоней глянце-вый блеск, но тыльная сторона – седая, в мелком ворсе, как обивка дивана, как тёплое пузо котёнка. Есть ветла – разновидность ивы. Но так здесь её никто не называет. «Ива» – это слишком вычурно для нашей точки среди глубин страны, это слишком мелодично для наших резко континентальных перепадов погоды. «Иву» мы оставили поэтам, а сами довольствуемся «ветлой». То же самое и с «красноталом»: он – для песни, он про запас, как козырь в рукаве, а у нас – лишь «вербы»: тихие, православные, о которых принято вспоминать к одноимённому воскресенью. В плотных рядах тополей – резная ольха, о ко-торой я знаю лишь то, что ольховая стружка применяется при копчении, но отец берёт для этого лишь дикую яблоню (или, как говорят, дичку). «Дикари» здесь в избытке, осваивают опустевшие клетки бывшего сада; с ними могут соперничать только колючие дикие груши. Но в освоении пространства пер-вое место занимает клён ясенелистный. Если вы думаете, что клён благороден только потому, что воспет Есениным, – это не так. Есенин пел совсем о другом клёне. Наш не леденеет, ничего не видит и не слышит, он ослеп и оглох, отвоё-вывает территорию – он новый хозяин этой опустевшей земли. Если случится катастрофа, то выживут только тараканы и клёны. По книге ботаники, он не только «ясенелистный», но ещё и «американский». Никакого намёка.

Если разбираться в древовидной иерархии, то первыми будут вечнозелё-ные и ароматные хвойники. Задумчивые, с острыми вершинами, пускающие по жилам густой сок. Хвойные – основа. Прочные, из них человек строит дом, возводит толстые стены, чтобы защититься от ветра, холода и дождя. Кирпич – совсем не то, чего уж говорить о пеноблоках, газоблоках и прочем.

Но здесь, далеко от тайги, есть только янтарная сосна, особняком стоящая от лиственных. У толстой чёрной ноги тополя совсем мельчают дикая сморо-дина и таволжка, цветущая белыми метёлками, и сам куст осенью станет мет-лой, насаженной на черен.

Среди этой гущи отца долго нет. Страшно. Под его сапогом хрустят старые ветки, становится спокойно. Отец протягивает твёрдую ладонь, на ней жёлто-красные мелкие сливы. Сладкие, теперь одичавшие, заросшие высокой травой и ветлами. Слива осталась здесь напоминанием о прошлой жизни, она, янтар-но-жёлтая, культивировалась в колхозном саду. Для меня – это другая реаль-ность, фантастический фильм, картинка из новой книги, вымысел, сплетня, всё что угодно, но не действительность, даже – не воспоминание.

Голод усиливается. Слива не спасает. Но сказать отцу – сильному, бешеному, – показать свою слабость, стать недостойным того, чтобы ехать с ним, усевшись на бак, облитый бензином, облепленный песком. Перебираю во рту мелкие косточки, обкусываю зубами остатки мякоти, которая становится кислой к сердцевине.

Скоро из сырого логова выползет туман, обовьёт стволы деревьев, тронет мои ноги живыми рваными краями. Ничего не будет, только белизна, и в этой белизне ощутимым останется лишь косточка на языке. Ещё будут слышны шаги отца – твёрдые, смелые, как спасение, как путь к жизни; за ними нужно следовать, полагаясь на чуткий детский слух.

Тёмная вода подмывает крутой яр: кажется, что она, впитав в себя тени и отражения, загустела. Где-то здесь, на берегу, я знаю, отец ловил рыбу ещё в детстве. Река шептала, росли тополя, старели вёстры, выросл отец.

Дорога домой. Всё тот же ветер бьёт по лицу, всё тот же шум в ушах. Белые густые волны рассекает красный «Юпитер». За моей спиной – широкая отцовская грудь, горячая, мерно вздымающаяся; под рёбрами бьётся быстрое сердце, от куртки защитного цвета пахнет рекой и рыбой. Так будет вечно. Произносить бы это как молитву, как мантру, как заговор, когда больно и плохо, когда ударился о ножку стула пальцем и прикусываешь нижнюю губу.

В доме горит свет. Из окна вытекает яичный желток, растворяется на чёрной сырой земле, затхлый запах с болот усиливается. Дом видится тёмной громадой, массивным кубом с жёлтыми пятнами. Он сделан из сосны. Там, внутри, тепло и тихо; там спит кошка, там хлопчет на кухне мать, там зубрит уроки сестра.

Дом от нас, напивавшихся природой, начинает пахнуть дымом, рекой и рыбой. Если раньше так пах только отец, то теперь весь дом превратился в его рыбно-костровую обитель.

Всё скоротечно. Я усну с запахом дыма на волосах, утром всё исчезнет. Ночью силуюсь вспомнить главное чувство – но никак не выходит, получается только маета. Вместо тепла ладони на затылке – твёрдая между зубами косточка сливы, однажды протянутая мне сильной рукой.

Как сбываются мечты

Рабочий день давно закончился. Только Нина выключила компьютер и собралась идти домой – позвонили из мебельного магазина. Пришла наконец-то заказанная две недели назад фирменная кровать. Она давно о такой мечтала. И вот, наконец, мечта сбывается.

Нина буквально выбежала из офиса и направилась на остановку. Через полчаса была в магазине. Кровать была шикарная! Именно такую она и хотела. Широкая и красивая. Можно сказать, царское ложе. На такой кровати не только телом, но и душой можно отдохнуть, даже без мужика. Есть где телеса раскинуть, и ничего свешиваться не будет: Нинка – баба немелкая.

Быстренько оплатив остаток счёта за кровать и счёт за доставку, Нина села в Газель», приняв командование над приданным ей в помощь экипажем: водителем Вовой и грузчиком Шуриком.

– Дом-то какой? – сразу поинтересовался водитель.

Услышав от покупательницы, что она живёт в кирпичной пятиэтажке, недовольно поморщился:

– Лестницы узкие в подъездах, не знаю, как затащим. Эти кровати для особняков делают, а не для хрущёвок. Они не разборные. Этаж-то какой? Третий? Хорошо хоть не пятый!

В подъезд кровать втащили очень даже запросто. Проблемы начались на втором этаже. Кровать заклинило на лестничной клетке. Ни туда, ни сюда.

Тут и выяснилось, что водитель Вовчик и грузчик Шурик... как бы это помягче выразиться... не очень опытные. Оба работали всего-навсего вторую неделю. Кровать заклинило так, что две квартирные двери оказались наглухо заперты. Нина, прекрасно зная своих соседей, говорит полушёпотом:

– Ну же, мужики, надо чё-то делать, пока соседи не слышат. Давайте я сейчас двумя руками давя на край кровати, а ты, Шурик, обойди меня сзади и тоже, значит... Только придерживай, чтобы кровать не развалилась...

Как бы Нина ни шептала, а у Евдокии Мартыновны из шестой квартиры слух – как у акустика на подложке. Она с балкона слышит, о чём мужики за гаражами договариваются.

Мартыновна, почуяв на лестничной клетке подозрительную возню, вышла в прихожую. В глазок ничего не было видно. Она вставила ухо в замочную скважину.

– Шурик, ты поаккуратнее!.. Плащ мне задрал, пуговицы отлетят! – услышала она интимный шёпот женщины.

ПРОЗА

**Кокорин
Сергей Аркадьевич**

Родился в 1955 году в посёлке Мишкино. В 1978 г. окончил Курганский машиностроительный институт, в 2001 – Академию государственной службы при Президенте РФ. В 1996 и в 2000 гг. избирался главой Кетовского сельсовета, в 2004 и 2009 – главой Кетовского района Курганской области. Член Союза писателей России. Печатался в областных и районных газетах, в журнале «Сибирский край» и альманахе «Тобол», литературных журналах «Родник» и «Веси». Автор ряда сборников – как стихов, так и повестей и рассказов. Председатель Курганской областной писательской организации и правления Курганского регионального отделения Российского фонда мира, руководитель Ассоциации литературных объединений Курганской области.

Все голоса соседей пенсионерка знала, как «Отче наш». Шёпот принадлежал Нинке-холостячке из десятой квартиры.

– Да я и так стараюсь аккуратнее! Сама задом-то не елочь, я и пролезу!.. – забасил неизвестный Шурик.

Мартыновна поняла, что на лестничной клетке что-то происходит, чему она непременно должна быть свидетелем. Если пропустит – по гроб жизни себе не простит.

Вспомнила, что хлеба осталась только одна булка. До закрытия соседнего гастронома «Магнит» ещё пятнадцать минут, она успеет. На всю ночь без хлеба она остаться не могла, поэтому собралась быстро, как солдат второго года службы по тревоге.

Толкнула дверь. Она не открывалась. Возмущённая Евдокия Мартыновна что есть силы забарабанила сухими кулачками:

– Откройте немедленно, хулиганы!.. Прекратите безобразничать! Замурова-а-али!..

Нина ей спокойно так, негромко, чтоб другие соседи не услышали, объясняет:

– Тётя Дуся, потерпите маленько. Это я, Нина, из десятой квартиры. Я кровать купила. Застряли мы тут с мужиками. Сейчас кровать уберём – и выйдете.

– Бесстыжая! – взъярилась Мартыновна. Поняла, старая, что сейчас кровать уберут, и она ничего не увидит. Снова попыталась посмотреть в глазок. Ничего не видно! Тётя Дуся прямо-таки задохнулась от возмущения:

– Нинка, открывай меня! Зачем твоим кобелям кровать? У меня хлеб кончился! Я участковому позвоню, шалава ты эдакая!..

Не обращая внимания на её вопли, неизвестный мужской голос продолжал:

– Давай враскачку попробуем! Навались, и от себя её, потом на себя... Да не хватай за ножку, выдернешь! За корпус бери, за боковину!..

– Ой-ой, ребята, вы меня в самый угол затёрли! Осторожнее!.. – отзывалась Нина.

– Вовчик, давай набок попробуем её опрокинуть... – басил Шурик.

– Да осторожнее вы, совсем меня расплющили!.. – уже не шёпотом завещала Нинка.

Этого Мартыновна выдержать уже не могла. Тридцать лет она проработала в вокзальном буфете, всякого насмотрелась, – но чтоб такое! Она побежала в комнату искать телефон...

...Когда в подъезд вошли два здоровенных полицейских с дубинками, грузчики уже выдохлись окончательно. Раскрасневшаяся Нина сидела на ступеньках, белокурая прядь прилипла ко лбу, пуговиц на плаще не было.

Оценив обстановку, полицейские вырвали кровать из застенков, помогли грузчикам поднять её на третий этаж и даже в квартиру затащили.

– Ой, спасибо, ребята! Вас просто бог послал, – счастливая Нина не знала, как благодарить: всё ж таки её мечта сбылась. – А у меня коньяк есть, – кстати вспомнила она.

Полицейские вздохнули:

– Мы при исполнении. Соседей благодарите...

– Соседи у вас чуткие, – сказал полицейский с лычками сержанта и покоился на кровать. – Как-нибудь в другой раз.

Водолаз Индус

*Ньюфаундленды хороши для спасения тонущих детей.
Но если у вас нет приличного водоёма и ребёнка,
ньюфаундленд вам решительно ни к чему.*

Генри Уиллер Шоу

Собака – друг человека. Этим всё сказано. Друг – значит, друг. И тут, как говорится, ни прибавить, ни убавить. У собак есть всего один недостаток – они доверяют людям. Это обстоятельство и породило огромное желание молодого Оси Буреданова завести породистую собаку. Именно породистую, а не какую-нибудь дворовую шавку.

Собственно дворняжка-то у них была – маленький чёрный кобелёк с кривыми ногами. Из-за этой кривоногости в сочетании с квадратной мордой его и называли Кубик: в противовес самой распространённой в их деревне собачьей кличке – Шарик.

Когда в шестом классе Оська прочитал книжку про пограничника Карацупу с его верным псом Индусом, то решил, что у него тоже будет такая же умная и дрессированная собака. Но Кубик служить на границе не хотел и дрессировке не поддавался. Он с жадностью пожирал сухарики, которые Оська приносил для его поощрения при обучении ремеслу ищейки, потом на всякий случай обнюхивал его карманы и руки. Убедившись, что больше ничего съедобного нет, норовил выскользнуть из ошейника и убежать по своим собачьим делам. А уж если убегал, то раньше, чем через три дня не возвращался. Пока не набегаются по деревне и не оголодают.

Столкнувшись с полной непригодностью Кубика к служебно-розыскной деятельности, юный Осип стал просить родителей купить ему породистую собаку. На что его отец, покойный Сидор Кузьмич, отвечал: «На што она тебе, Оська? Мы сами-то породой не вышли, а собаку нам породистую подавай! У нас и Кубик хорошо на гостей брешет!»

К своей детской мечте Осип вернулся, когда пришёл из армии и узнал, что его приятель и одноклассник Вася Жмуркин служил на границе, и у него была собака. В груди у Оси что-то заболело и заныло от зависти к другу. Сам-то он в ракетных войсках служил. Два года просидел в тайге на точке. Твёрдо решив, что как только устроится на работу, собаку он обязательно заведёт, Осип поехал в город к своему дяде.

Дядя Костя работал метеорологом на севере, и Осип его застал как раз накануне отъезда на работу. У дяди в квартире была шумная компания, потому дверь открылась только после третьего звонка.

– О, Оська! Племянник дорогой, проходи, проходи! Ты вовремя прибыл. А я завтра сбрасываю швартовые с кнехтов и отчаливаю на очередные полгода. Друзья вот меня пришли проводить.

Дядя Костя был изрядно навеселе – видно, проводы начались уже давно. В просторной прихожей на коврике под вешалкой для одежды лежала большая белая собака.

– Кобель? – со знанием дела спросил Ося.

– Точно, Оська: кобель – сукин сын! Друзья-полярники привезли, – отозвался дядя. – Прходи, садись с нами за стол.

Константин Глебович налил Осипу «штрафную». Когда тот выпил, тут же наполнил рюмку снова и произнёс проникновенный тост: «За тружеников севера!» Все дружно выпили и продолжили застольный разговор.

Осе не терпелось расспросить дядьку про его собаку. Выбрал момент, когда в разговоре возникла пауза, и спросил:

– Дядя Костя, а порода какая?

– Где порода?

– Ну, у собаки какая порода? Я же вижу по морде, что не дворняга, а породистая собака! Я их по книжкам давно изучаю...

– А, порода... Ньюфаундленд! Водолазами их ещё называют.

– Да ты что, дядя Костя! Ньюфы – они же чёрные, а этот белый!

– Эх, Ося... Ты про альбиносов ничего не слыхал! Это и есть настоящий водолаз-альбинос! – И дядя снова наполнил рюмки.

Осип вышел в прихожую. Пёсик лежал смирно, положив голову на лапы. Смотрел чёрными глазами. Нос тоже чёрный. Ося потрогал нос: холодный, как положено. Потрепал собаку по загривку. Пёс, не открывая пасти, утробно отозвался: «У-у-ум!..»

– Здоровый ты, брат! Сколько же тебе месяцев?..

В прихожую вышли двое из гостей, стали прощаться. Ося вернулся за стол и снова начал тормозить дядю, отвлекая того от застольной беседы:

– А как звать-то?

– А? Зови просто Костей, – осоловело отвечал дядька, – у нас с тобой разница всего в пятнадцать лет...

– Да я про собаку спрашиваю! Кличка какая у пса?

– А... Кличка? Нету никакой. Недавно привезли...

– Давай назовём его Индусом!

– А хоть Примусом! – отмахнулся дядя. – У меня приятель был, так он своего кобеля и вовсе Фараоном назвал.

– Почему Фараоном?

– А потому, что этот кобель, сукин сын, после себя в каждой комнате пирамиду оставлял... О! – Константин Глебыч хлопнул себя по лбу. – Оська! Поживи у меня, пока я в командировке? За зверем присмотришь. А то ведь этим, – он кивнул на своих бородатых друзей, – даже кошку доверить нельзя. На месте не сидят – вечные бродяги севера! Люди с исковерканной судьбой и искривлённым сознанием...

Тут у дяди Кости снова родился тост, и он отвлёкся от разговора с Осипом. А у Оськи сердце радостно забилось – наконец-то у него будет породистый пёс! И с жильём на первое время понятно. А уж работу он найдёт, работа никуда не денется. Она, как говорится, не волк.

К ночи гости разошлись. Дядька и племянник легли спать. А рано утром Константин Глебыч попил рассолу, взял заранее приготовленный чемодан, крепко пожал руку Осипу:

– Ну, бывай, племяш! Деньги на прокорм зверя я оставил на столе, щи, как говорится, в котле, вода в ключах, а голова на плечах! Я иногда звонить буду, а ты, если что, шли телеграмму. Адрес тоже на столе.

Осип выглянул в окно, посмотрел, как дядя Костя загрузил в багажник чемодан, и светло-зелёная «Волга» с шашечками увезла на вокзал лихого покорителя севера.

Первым делом Ося прочёл записку с адресом, аккуратно её свернул и положил в свой паспорт. Потом по-крестьянски скрупулёзно пересчитал купю-

ры. Денег дядя Костя не пожалел. На эту сумму стаю волков можно полгода кормить, не то что собаку. Этот факт прибавил Осе Буреданову оптимизма, и он, вспоминая всё, что читал в книгах по собаководству, начал составлять режим для собаки и план дрессировки.

На прогулках Индус вёл себя степенно, на других собак не обращал внимания, хоть они его облаивали что есть мочи. Индус не отвечал, хотя и шёл без намордника. Осип в душе радовался: «Вот что значит порода!» Ему нравилась спокойная реакция его подопечного на всех этих пустолаек. Именно это качество более всего и притягивало Осипа в породистой собаке. Он даже ощущал некое родство молчаливых душ: своей и Индуса.

Однажды подошли к пруду, на котором уже образовался первый ноябрьский ледок. Пёс потянулся к воде. Ося отстегнул поводок от ошейника: думал, собака пить хочет. А Индус неожиданно прыгнул в воду и стал купаться, ломая тонкий лёд. «Ну точно – водолаз», – размышлял Ося, беспокоясь, как бы тот не простыл.

Индус уже понимал некоторые команды из общего курса дрессировки – такие, как «рядом», «ко мне» и «место». Однако, чтобы собаку обучить розыскной службе, нужно было идти на площадку и заниматься с инструктором. Понадобилась справка, и Осип с Индусом отправились к ветеринару.

Когда вошли в кабинет, ветеринар снял очки, тщательно их протёр и стал почему-то смотреть на Осипа, а не на собаку. Потом, однако, заглянул в пасть Индусу и спросил хозяина:

– Как зовут?

– Индус, – ответил Ося и добавил: – Ньюфаундленд!

Ветеринар снова посмотрел на Осю, но уже поверх очков:

– Я бы на твоём месте назвал его Эскимосом...

– Почему? – удивился Ося.

– Потому что он такой же ньюфаундленд, как я бедуин. Это медведь! Ты, парень, что – чокнутый или шутник?..

У Оськи аж в глотке всё пересохло.

– К-к-как... медведь?! – Ося проглотил ком в горле. – Какой медведь?..

– Белый! «Какой»... Слепой, что ли? Ему полгода, не больше.

Нечего и говорить, что Ося был в шоке. В состоянии прострации он добрался до дома и отстегнул карабин от ошейника белого «водолаза». Он хотел было уже бежать на почту, чтобы дать телеграмму своему дяде-шутнику, но потом решил, что телеграммой ситуацию не исправишь, сел на диван, не снимая куртки, и задумался. Как же ему быть с этим «ньюфаундлендом»? Ждать приезда дяди? Как-то страшно теперь стало. Медведь всё-таки. Хищник. А вдруг вырастет и съест?..

Индус как будто почувствовал настроение своего товарища по берлоге. Вдохнул, подошёл к Оське и положил голову ему на колени. Ося почесал зверя за ухом и подумал: «Не съест, поди что... Дрессированный медведь – тоже неплохо.»

На следующий день он собрал все книжки про собак и отнёс их в библиотеку. Там он набрал других – про медведей: как белых, так и бурых. Зашёл в магазин, купил на всякий случай намордник. Началось воспитание служебного белого медведя.

Когда дядя Костя приехал в очередной отпуск после своей метеовахты, то увидел весьма подросшего мишку, который весил без малого центнер. По-

сле короткого совещания с Оськой было решено Индуса отдать в зоопарк, потому что Осип из книжек узнал, что взрослый белый медведь-самец набирает вес до пяти центнеров и становится опасным для окружающих.

Поскольку в родном городе зоопарка не было, Индуса отвезли в соседнюю область. Там ему предоставили жильё и пансион, поместив в вольер с бассейном, где уже жили его белые соплеменники.

На этом бы история воспитания пограничного пса из белого медведя закончилась, и никто бы о ней ничего не услышал. Но о ней всё ж таки узнали сотни людей, если не тысячи, и долго ещё пересказывали её, всякий раз добавляя всё новые подробности, а иногда и откровенно привирая.

А узнало о ней так много народу, потому что через два года Оська приехал в гости к дяде Косте. И вот за ужином, когда племянник с дядей скушали литр водки (это была вечерняя норма полярного метеоролога Константина Глебыча), – они вспомнили Индуса, и на глаза Осипа навернулись слёзы. Дядя обнял племянника и сказал:

– Не грусти, брат Оська. Зато есть что вспомнить! Ну какому ещё селянину в его серой будничной жизни довелось воспитывать служебного медведя? Вот сколько нарушителей задержал твой знаменитый Карацупа со своей собакой? Сто пятьдесят восемь? Так он же их ловил поодиночке! А твой Индус, если бы ему позволили служить на границе, мог бы разом их всех задержать. И они бы даже не дёрнулись! Даже если бы были вооружены. К твоему сведению, шкура белого медведя из пистолета не пробивается! – Дядя Костя налил ещё по рюмке и великодушно завершил: – А если скучаешь, так мы завтра же можем сесть на скорый и навестить твоего Индуса в зоопарке!

От этой идеи у Осипа настроение поднялось, и он, пустив слюну, со счастливой улыбкой уснул прямо за столом.

Дядя Костя слов на ветер не бросал. Рано утром они сели в поезд, в обед перекусили в вагоне-ресторане, а ближе к вечеру уже шли по оживлённой аллее зоопарка. Возле вольера с белыми мишками народу было больше всего. Друзья сразу увидели заматеревшего Индуса, который купался в бассейне с двумя собратями поменьше – видимо, это были медведицы. Они подошли к самому вольеру и стали наблюдать.

– Вот видишь, Ося, как он тут кайфует! Представь, каково бы ему было в моей однокомнатной берлоге...

Осип, конечно, был согласен, что медведю в зоопарке лучше. Они уже было собрались уходить, потому что Константин Глебыч видел перед входом в зоопарк пивной киоск и хотел туда заглянуть. Но, то ли ветер подул в сторону медведей, и Индус уловил знакомый запах перегара, то ли он по голосу узнал своих корешей, – только он поднял голову и заохал, как человек. А может, он просто по-своему, по-медвежьи, запричитал: «Ой-ёй-ёй!.. Кого я вижу!!!» – и ломанулся к ограде, которая вздрогнула от его прикосновения. Дядя с племянником решили уйти от греха подальше, пока не поздно, и почти бегом направились по аллее к выходу. Но не тут-то было! Огромный медведь, отбежав от изгороди, нарезал круг и, набрав скорость, бросил своё могучее тело на прутья решётки.

Если кто забыл школьный курс физики, напомню, что сила удара равна массе, помноженной на скорость в квадрате. Поскольку масса медведя была огромная, а скорость – бешеная, то стальные прутья решётки не выдержали и вылетели, как спички. Огромный белый зверюга кинулся налётом вдоль аллеи догонять своих друзей.

Нет нужды описывать неопишуемый кипеж, поднявшийся в только что спокойном зоопарке. Народ с криками: «Хищники на воле!» бросился во все стороны, ломая кусты и сбивая урны. Охрана ринулась вслед за медведем, точно не зная, в какую сторону тот побежал. Директор зоопарка накручивал диск телефона, быстро набирая «01», «02», «03» и ещё какие-то номера, которые он сам потом не мог вспомнить.

Первыми прибыли три пожарные машины, потом две машины «Скорой помощи» и одна «труповозка». Последней приехала милиция на УАЗике с тентованным верхом и один инспектор ГАИ на мотоцикле «Урал».

Когда общими усилиями Индуса водворили в клетку, а его двух друзей – привели в кабинет директора зоопарка, народ понемногу успокоился. Друзья написали объяснительную милиционерам, а директору парка – обязательство не приезжать в зоопарк без его разрешения. На прощание тот сказал: «А лучше вообще не приезжайте!» – а взамен обещал каждый год присылать дяде Косте фотоотчёт о жизни Индуса.

Вот именно так и закончилась эта история. А все выдумки и байки, которые долго ещё ходили по нашему городу, мало имеют общего с правдой, в отличие от моего рассказа, потому что услышал я его лично от Осипа Сидоровича Буреданова совсем недавно. И сразу же всё записал слово в слово, потому что истина превыше всего.

Деление на ноль

В шестом «Б» перемена. Неформальный лидер класса Саша Жуков, живой вихрастый мальчишка, показывает фокусы. Он недавно прочёл книгу «Энциклопедия фокусника». Теперь демонстрирует полученные знания. Только что из его кулака неизвестно куда и каким образом исчезал рубль, а теперь он заворачивает спичку в носовой платок.

– Смотрите, я заворачиваю спичку... Так, готово. Вот я её нащупал. Вот она завернутая. Так, Светка, – обращается он к Верстаковой, – вот, держи! Чувствуешь спичку? Ломай её!

Увлечённая Верстакова вдумчиво ломает спичку несколько раз. Саня берёт платок, начинает разворачивать.

– Смотрите внимательно: вот я разворачиваю платок и... Ап! Спичка целая!

Спичка действительно целая. Зрители восторженно констатируют:

– Классно!

Светка подпрыгивает и аплодирует:

– Здорово, Саша!

Раздаётся звонок. В класс входит учительница математики Зоя Леопольдовна. Она, бесконечно влюблённая в свой предмет, новую тему начинает, как обычно, с лирического вступления:

– Математика, ребята, – удивительная наука. И мы с вами продолжаем углубляться в её тайны, которые открывают нам удивительные возможности королевы наук. Ведь с её помощью возможно всё... Может быть, и не совсем всё. Есть исключения. Например, как вы знаете, невозможно делить на ноль...

– А почему? – Жукову на математике скучно, и он решил поговорить.

– Потому, Жуков, что можно делить на любое число: как целое, так и дробное, как положительное, так и отрицательное. Даже на единицу можно разделить. А на ноль – нельзя...

– Почему нельзя, Зоя Леопольдовна? По-моему, если на единицу можно делить, то и на ноль можно. Какая разница?

Учительница понимает, что теряет время, но ей хочется поставить точку в дискуссии:

– Так, Жуков, иди к доске!

Саня Жуков с готовностью выходит. Зоя Леопольдовна берёт лист бумаги формата А4 и показывает всему классу:

– Демонстрирую наглядно. Этот лист мы можем разделить на любое количество частей. Например, на четыре... – Она рвёт лист на четыре части. – Вот сидят четыре человека, я им раздаю по одной части. Я разделила на четыре. Теперь я беру другой лист и делю его на два... – Зоя Леопольдовна аккуратно разрывает лист пополам. – Понятно? А как же ты, Жуков, разделишь на ноль?

– А как вы раздѣлите на единицу?

– Очень просто. Вот он – один лист. Вот я – стою одна. Я его беру, он один был и один остался...

– Как же так? – возмущается Санька. – Вы же с ним ничего не сделали, а говорите, что произвели деление! Дайте мне, пожалуйста.

Саня Жуков взял лист и начал его старательно комкать. Когда смятый лист стало не видно в его руках, он разжал кулаки. В них ничего не было!

– Вот! Я разделил лист на ноль. Тут, – он показал на доску, – у доски ноль человек, а у меня в руках ноль листов. Получается, всё наоборот: на ноль делить можно, а на единицу – нельзя!

Класс одобрительно загудел, Верстакова зааплодировала. Боря Флешнер – гордость класса и школы, победитель городской олимпиады по математике – что-то лихорадочно стал писать в тетрадке.

Зоя Леопольдовна начала нервничать:

– Нет, Жуков, ты не прав! В математике с помощью фокусов ничего не докажешь...

Их спор продолжался недолго и кончился тем, что математичка выперла Саньку Жукова из класса. Поднял руку Флешнер.

– Чего тебе, Боря? – с неудовольствием спросила учительница: она ещё не пришла в себя.

– Зоя Леопольдовна, если допустить, что при делении на ноль получится бесконечность, то проверяя деление умножением, когда мы ноль умножим на бесконечность, вполне можно допустить, что получится единица. А если применить сферу Римана...

– Стоп, стоп, Флешнер! Давай на этом остановимся...

Лицо Зои Леопольдовны слегка пошло пятнами: красными и еле заметными белыми. Про сферу Римана она ничего не знала, Флешнера из класса выставить не могла и понимала, что урок математики скомкан и пропал, как белый лист бумаги из ловких пальцев Саньки Жукова.

– Давайте договоримся так. Мы будем придерживаться правил – тех, что написаны в учебнике. На ноль делить нельзя – запомните все, и больше к этому вопросу не возвращаемся! Достали все тетради, записываем...

Все зашуршали тетрадями. Светка Верстакова вздохнула:

– А я буду делить на ноль...

Зоя Леопольдовна сверкнула глазами, но ничего не сказала. Хотя в этот момент ей очень хотелось троечнику Верстакову помножить на ноль.

Перевод с русского

Витя Кузеванов был по жизни везунчиком. Поэтому, когда после окончания военного училища новоиспечённый лейтенант Кузеванов отправился служить не в Монголию, а в группу советских войск в Германии, никто не удивился.

Никакими особенными талантами к военной службе Витя не обладал, росту был невысокого, выглядел моложе своих лет, но были у него два увлечения, которые помогали несколько разнообразить суровую армейскую жизнь: бокс и немецкий язык. Даже «Евгения Онегина» он пробовал переводить на немецкий.

Боксом Кузеванов занимался ещё в школе, в училище перчатки надевал редко, но в Германии попал в часть, командир которой – полковник Яров – был фанатом спорта. Он заставил лейтенанта возобновить тренировки и вскоре отправил на первенство ГСВГ (Группа советских войск в Германии). На соревнованиях Вите опять повезло – в его весе не оказалось сильных боксёров, и лейтенант Кузеванов неожиданно для себя попал в тройку призёров, получив бронзовую медаль за третье место.

Полковник, дабы простимулировать других молодых офицеров, а также в целях действенного поощрения спортсменов, взял да и представил лейтенанта Кузеванова к присвоению внеочередного воинского звания «старший лейтенант». Так Витя, прослужив после училища чуть более года, получил третью звёздочку на погоны. На что коллеги-сослуживцы адекватно отреагировали. Общее мнение кратко выразил лейтенант Гусев, который был старше Витьки:

– Надо же, Кузя, сопляк! Только что после училища – и на тебе: уже старлей. А тут третий год горбатишься – и никакого просвета...

Через несколько месяцев, правда, «старлея» присвоили и ему, и Гусев успокоился.

Приближалась осень, а с ней и 65-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции. В часть для торжественного доклада ожидали аж целого генерал-лейтенанта. Учитывая, что командующий ГСВГ был в звании генерал-полковника, для воинской части полковника Ярова это большая шишка. Поэтому суетились все.

Военные жили в предвкушении банкета, на который были приглашены офицеры дружественной Национальной Народной армии ГДР. Но ритуал есть ритуал: перед банкетом – обязательная торжественная часть в гарнизонном клубе, там прибывающему военачальнику предстояло зачитать написанный для него доклад. Тут у полковника Ярова и возникли некоторые проблемы...

Старший лейтенант Кузеванов стоял навтыяжку в кабинете полковника и ел глазами начальство.

– Понимаешь, Кузеванов, проблема у нас с переводчиками. Один, понимаешь, в отпуске, другой – в госпитале... Остальные при деле. Не у нас одних праздник. Кто будет немецким офицерам доклад генерала переводить? Не догадываешься? Ты будешь переводить, лейтенант! Задачу понял?

– Товарищ полковник! Как же я? Я же никогда... Я же не профессиональный переводчик! Только на бытовом уровне...

– Ничего, ничего... Ты готовься. Если на бытовом можешь шпрехать, то тут ничего сложного! «Революция» и «социализм» на всех языках звучат одинаково. Ты, главное, на ринг до праздника не выходи. Чтобы по голове тебя не били, пока доклад не переведёшь. Понял? Иди, выполняй!

– Есть... – упавшим голосом сказал Витя и вышел из полковничьего кабинета.

Кузеванов попросил разрешения ознакомиться с докладом, приготовленным для генерала – и, прочитав полсотни страниц, понял, что судьба ему приготовила непростое испытание. До седьмого ноября Витя ходил как в воду опущенный.

Но время «Ч» подошло, независимо от желания старлея Кузеванова. К назначенному часу офицеры собрались в клубе. Немецкие коллеги занимали половину зала. Приглашены были офицеры от унтерлейтенантов до оберстов. В основном это были мотострелки, но среди них мелькали погоны с красной и розовой окантовкой – танкисты и артиллеристы. Немцы занимали правую половину зала, советские офицеры – левую.

Доклад начался. Кузеванов стал переводить для правой половины зала. Он старался как мог, и поначалу получалось неплохо. Первый час все слушали докладчика терпеливо: о значении Октября в мировой истории, об успехах социалистического строительства.

На втором часе слушатели начали шевелиться, но благодаря армейской закалке, собрав всю свою офицерскую волю в кулак, продолжали слушать о крепнущей интернациональной дружбе. Переводчик Кузеванов, немного подустав, стал тормозить, отчего доклад казался более нудным.

На третьем часе дисциплинированные немецкие братья по оружию вовсю старались не заснуть, чтобы не захрапеть и не вызвать международный скандал. При этом упорно пытались сохранять на лицах заинтересованное выражение. Витя уже стал немного заикаться, добавляя тоски.

На четвёртом часе, когда генерал докладывал о важной миссии выполняемой братскими армиями в Восточной Европе, даже он понял, что аудитория находится в предкоматозном состоянии.

Измождённый переводчик нёс явную ахиною.

Генерал-лейтенант, почему-то считавший, что он обладает великолепным чувством юмора, заканчивая доклад, решил рассказать ну очень смешной анекдот, чтобы разрядить обстановку, взбодрить аудиторию и немного компенсировать грусть-печаль, в которую он вогнал гвардейцев.

То ли анекдот оказался не очень смешным, то ли генерал что-то упустил, но советская половина зала среагировала вяло, против ожидания докладчика. Немецкая же половина вообще молчала. Ждали перевода. Но обессиленный Витя Кузеванов даже смысла анекдота не понял и не знал, что говорить. Наконец после долгой паузы, преодолев обуявший его ужас, он, потев и заикаясь, выдал из себя по-немецки:

– Уважаемые коллеги... Товарищи офицеры... Только что товарищ генерал рассказал нам очень смешной анекдот, который я не понял даже на родном языке, поэтому я несколько затрудняюсь с его переводом на немецкий... Но я надеюсь, что «вы, к моей несчастной доле хоть каплю жалости храня, вы не подставите меня»... Поэтому убедительно вас прошу: поаплодируйте товарищу генералу...

У немцев сон как рукой сняло. Они засмеялись, смех стал переходить в хохот, некоторые сползли со стульев, держась за живот и смахивая слезу. Докладчик, сняв очки, победно оглядывал зал. Старлей Кузеванов был спасён.

На банкете генерал, дотягиваясь вилкой до балыка, говорил полковнику:

– Толковый у тебя переводчик... Очень толковый. Ты это... Давай-ка представь его к внеочередному званию. Потом доложишь мне.

Через месяц Кузеванов получил четвёртую звёздочку на погоны. А старлей Гусев опять шипел:

– Да что же это такое, ну кто он такой? Пятнадцатилетний капитан какой-то!

В этот раз Гусева почему-то никто не поддержал.

Валерий ПОРТНЯГИН

**Мужское и женское: заметки
о поэтических книгах Екатерины
Пермяковой и Виктора Воинкова**

Почти одновременно попали мне в руки две новые книжки стихов – Виктора Воинкова «Время жить» и Екатерины Пермяковой «Полшага до весны». Первая полна надежд на продолжение жизни, веры в будущее; вторая переполнена любовью, словно автор хочет обнять всех близких ей людей, прижать их к сердцу, поделиться с ними своим теплом.

Впрочем, ни названные книги, ни их авторов сравнивать никак нельзя – не только потому, что различия в мужской и женской поэзии всё-таки существуют, но и потому, например, что для Виктора Воинкова это уже третий сборник, в который вошли около трёхсот стихотворений, а Катя Пермякова в свою первую книжечку включила не больше семи десятков избранных стихов, будто сказав этим, что «Полшага до весны» – как полшага до большой литературы, до большой Поэзии.

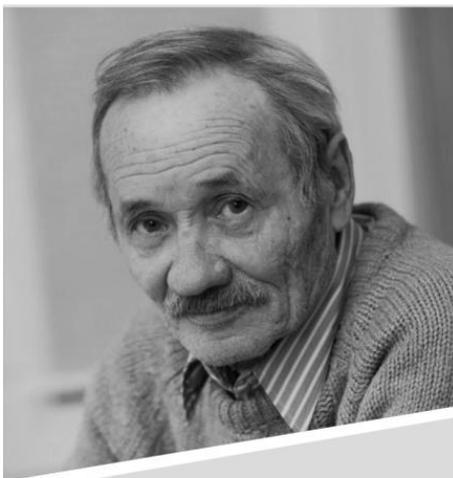
Начнём же наш обзор с женского имени.

**Екатерина Пермякова. «Полшага
до весны»**

Прежде всего надо сказать, что поэзия Екатерины Пермяковой поражает своей искренностью. Что требует от читателя (в данном случае от критика) такой же искренности. Поэтому сразу заявляю, что не собираюсь выставлять за первую книжку поэтессы школьных отметок. Сам факт разговора о сборнике «Полшага до весны» уже выделяет эту книгу из множества прочих, издаваемых сегодня. Ведь буквально полчища – в российском масштабе, сотни – в местном литературном

пространстве используют проблемы в нашей жизни, острые темы и даже специальную военную операцию не как лазейку, а как официальный пропуск в литературу. Неважно, что рифма кособочится, что «пиит» понятия не имеет о художественной образности, что и мысль порой отсутствует, но если есть в тексте дежурные слова про берёзки и Донбасс, про кровь и слёзы, про подвиг, меч, клятву и т. д. и т. п., то сии авторы требуют немедленного признания и издания. Не так у Пермяковой. Ни одного «проходного» слова. Только любовь! Это чувство в стихах Екатерины Пермяковой облекается в самые неожиданные слова и образы.

КРИТИКА

**Портнягин
Валерий Иванович**

Журналист, писатель и редактор нескольких книг. Печатался во многих московских газетах, сотрудничал с информационным агентством ИТАР ТАСС, журналами «Огонёк», «Журналист», «Урал» и др. Делегат двух съездов Союза журналистов России, в том числе учредительного в 1992 г, на котором принимал участие в разработке Устава Союза журналистов России. С 1996 по 1997 год – председатель правления Курганской областной журналистской организации. Лауреат Всесоюзного конкурса молодых журналистов, областных журналистских премий – им. Яна Пурица и им. Ю. В. Хлямова, обладатель диплома и знака «Золотая акула» лучшего журналиста печатных СМИ Уральского федерального округа, знака и звания «Отличник печати Зауралья», почётного знака Союза журналистов России «За заслуги перед журналистикой», городской премии «Признание», диплома победителя Всероссийского конкурса журналистов.

*Пишу письмо капелью звонкой,
водой подчёркиваю знаки,
звеню сосулькой гладко-тонкой
под свист скворца, под лай собаки.
Стекаю вниз... Упорно строки
я шлю тебе, Весна, прочти же!
И обсуждают две сороки,
как я пишу письмо под крышей.*

(«Письмо весне»)

Воистину – читаешь подобное – чувствуешь, как энергия нежности захватывает тебя. Садился за чтение одним человеком – поднялся другим. Душа легка и спокойна, в ней полный штиль, тишина. Остаётся ждать, когда же вновь ветер подует, заколеблется пламя свечи, поднимется пыль на дороге, и пойдёт волна за волной, за облаком облако, за словом слово, за дуновением Речь, она же – Поэзия.

Или вот любимый город. В книжке несколько стихотворений, посвящённых Кургану. Автор слышит, как бьётся сердце Кургана, переживает утраты любимых с детства его уголков, радуется новизне, если эта новизна городу к лицу. Курганские восходы и закаты, улицы и дворы, дожди и снега, наши дети и старики – обо всём этом Екатерина Пермякова, кажется, может писать бесконечно, каждый раз находя что-то неожиданное и чудесное в том, что многим давно примелькалось.

*Опускается солнце за спину земли,
город клонит ко сну, в переливах подъезды.
И с рябиновым взглядом сидит на мели
во дворе снеговик из небесного теста.*

(«Посленовогоднее»)

Уют – не только одно из ключевых слов в поэтическом мире Пермяковой, это духовное состояние, при котором вещи, разнообразные предметы и душа находятся в незримой гармонии общения. Поэтому у Екатерины «вагон прильнул к перрону», «озеро широко улыбается», «чернобокий баян дышит». Видимо, подпевая ему, «калитка затянула свой мотив», а «книга раскрывает ладони страниц». Вольно или невольно автор подводит читателя к открытию: оказывается, Уют – это прежде всего семья, в которой и хранится «лекарство домашнего плена».

*Когда твои глаза, насквозь прозрачны,
ждут разговоров долгих, откровенных,
пока под пледом спит родной наш мальчик
и дочь в кроватке – это всё бесценно.
Найдя приют на стареньком диване,
на кухне наколдуем мир уютный,
и чайник будет греться беспрестанно,
чтоб сладким ароматом скрасить будни.*

Когда Екатерина Пермякова пишет о семье, мера её искренности, открытой, не спрятанной интимности не знает предела. Или, как сама она пишет, «не имеет потолка».

Примером тому хочется назвать лучшие, на мой взгляд, в книге очень личные стихи: «Начало», «Рассвет», «Сон», «Двое», «Вместе». После чтения этих шедевров кое-кто, возможно и скажет, что Екатерина не видит в мире трагического, прячется от него в укромном углу своих любовных переживаний. Однако душа её болит не только за ближних своих, но и за дальних – «Скворечник», «Уносят за собою старики...», «Стихия».

Предисловие к сборнику «Полшага до весны» написал Владимир Филимонов. Помню, читал его и думал: не перехвалил ли коллега молодого автора, перечисляя победы Екатерины Пермяковой в многочисленных поэтических конкурсах. Нет, не перехвалил. Мало того, я бы мог к ободряющим и возвышающим словам Филимонова добавить и свои восторги по поводу такой поэзии. Но негоже собеседнику быть надоедливым, критическое многословие не всегда работает. Иногда бывает достаточно нескольких страниц или даже абзацев, чтобы сказать главное о книге и её авторе. И, как мне кажется, вот это главное: «Полшага до весны» – книжка, с помощью которой мы «читаем» себя. Это сказано для нас, для читателей. А для Екатерины Пермяковой говорю: «Авторством “Полшага до весны” удостоверяется право на твоё поэтическое имя. Имя талантливое и неповторимое».

Виктор Воинков. «Время жить»

*Было б небо и дорога –
ветерок толкнёт вперёд!
От порога и до Бога
вызрел мой, видать, черёд.
Вместе с первыми листьями
выйду к солнцу не спеша,
и проснётся под крестами
православная душа!*

И душа эта поэта Виктора Воинкова, и книга его стихов, созданных за последние шесть лет под заголовком «Время жить», требуют, даже разыскивают отклика. Это правильно и предсказуемо. Ибо если никто не говорит, никто не знает о том, чем наполнена душа поэта, тогда зачем эти строки, бегущие по плотной белой бумаге? В одном из стихотворений незабвенного и лучшего из зауральских поэтов Алексея Еранцева говорится о человеке, который «умер оттого, что ни цветка, ни камня не бросили в него». Этого – «цветка и камня» – хочет и Виктор Воинков, говоря в авторском предисловии к сборнику «Время жить» спасибо всем своим собеседникам и призывая их «прожить» его книгу до последней страницы.

Что ж, начнём читать и размышлять. Сборник открывается стихотворением, которое дало название всей книге и в котором концентрированно содержится вся её тематика.

*Время жить, не вздумай умирать.
Чувствуешь: снега уже сдаются.
И пускай залито воском блюдце –
Зажигай свечу, бери тетрадь.
Помолись и слово напиши,
а потом ещё одно и дальше
без прикрас и вымученной фальши
вместе с каждой буквою дыши.
Будь собой, пора себя сыграть.
Вот и утро – светлое начало.
Слышишь: вместе с сердцем застучала
Оттепель... Не вздумай умирать!*

Первая строка стиха и строка последняя заканчиваются одними и теми же словами, призывом к самому себе – «Не вздумай умирать». С той лишь разницей, что в начале после главных слов ставится точка, а в конце – восклицательный знак. Точка предполагает размышления о жизни – восклицание подводит жизнеутверждающий итог этим размышлениям.

Не все стихи сборника отмечены такой же высокой мерой мастерства и поэтичности, но, как мне кажется, именно сейчас Виктор Воинков достиг той внутренней свободы и обжигающей искренности, которые говорят и о его чувстве собственного достоинства, и об умении быть благодарным, о доверии автора к жизни и готовности платить по её счетам.

Русский характер парадоксален. При всей нашей любви к родным просторам, при всей готовности защищать Родину от посягательств чужаков русский человек лёгок на подъём и всегда готов к открытиям – времени, пространств и людей. Книга стихотворений Виктора Воинкова существует именно в этой системе координат, в русле пересекаемых традиций и новизны. «Дух бродяжий» и ощущение корней – два основных лейтмотива книги.

*Цвети, моя кетовская земля,
обитель человека и природы!
Пусть люди твои мудрые в полях
лелеют хлеба золотого всходы.
Беги, Тобол-река, из века в век
вдоль милых берегов, берёз и сосен.
Я по-сыновьи поклонюсь тебе,
желая полноводных лет и вёсен!
На свете есть красивые края,
но все они не стоят даже доли...
Живи и здравствуй, родина моя,
частица безграничной Божьей воли!*

Эта книга собрала под своей обложкой большую рать слов для защиты России – её тропинок, избушек, речек... Рать, в которой каждое слово должно бы защищать родной уклад и устой. Должно бы, но... автор в стихах, навеянных событиями на Украине («Бой», «Леопарды», «Штурмовикам»), не всегда справляется с этой сложной задачей, что, кажется, ослабляет силу книги. Слишком много слов затёртых, необязательных.

Читая другие стихи Воинкова, отдыхаешь душой, чувствуя, как гармоничен русский лад, идущий у автора книги, по словам Виктора Потанина, от его духовных учителей – Сергея Есенина и Николая Рубцова. И защищать его надо не столько огнём и мечом, сколько – бережной любовью. Как нам всем не хватает любви! В этом смысле всегда показательны стихи о малой родине, об отчем доме, когда русская изба из места жительства превращается в нестаряющий символ России. Очень важно, что человек, а поэт тем паче, считает домом.

*Я видел нынче сон наивный детский –
святую материнскую пастьбу:
ты с улицы сквозь тайну занавески,
сложив ладони домиком на лбу,
глядела безотрывно на внучонка,
что разложил машинки на полу
и маленькою ловкою ручонкой
раскручивал упрямую юлу...
Тот добрый свет и силуэт в проёме
не растворились в мыслях по утру.
Я улыбался долго в полудрёме –
ребёнком, продолжающим игру...*

Дом, как символ детского рая, питает творчество поэта своими живительными соками. И пока он помнит о таком рае – рай будет существовать!

Увы, сегодня поэзия нередко занята чем угодно: псевдофилософией, обслуживанием определённых кругов общества, попытками «новаторства». При этом в сторону беззащитно отодвигается главная миссия поэзии, остающаяся неизменной – греть душу человеческую, не дать человеку потерять веру, не отчаяться на ветрах современности. То не поэзия, что не делает читателя чище и сильнее.

Отсюда происходит доверительная исповедальность сборника «Время жить». Это очень жизнеутверждающая книга. И, несомненно, творческая удача Виктора Воинкова.

**Воинков
Виктор Павлович**

Родился 17 октября 1981 г. в г. Макушино. Член Союза писателей России, заместитель председателя Курганской областной писательской организации, редактор литературного журнала «Родник», член Кетовского литературного объединения «Тобол», преподаватель Курганского госуниверситета, кандидат технических наук. Автор поэтических сборников: «Сердце» (2004), «Чистый лист» (2005), «Тихая даль» (2017), «Время жить» (2024). В 2022 г. удостоен гранта Губернатора Курганской области в сфере литературы имени зауральского писателя Виктора Потанина.

Братики (былина)

Ничего не меняется исстари,
Возвратилась война по памяти.
Перевернут, перескажут писари;
Согласитесь – себя обманете.

Разгорелась вражда знакомая:
Назовём то – междуусобицей.
Украина, собой искомая,
Получила за подлость стóрицей.

Разожгли сей пожар «союзники»,
Потекла река – кровь горячая;
Оказались во своре – узники,
Поголовно – рабы незрячие.

Натравило всех зло заморское,
Возжелало славян погибели.
Размечталось вновь

«царство» польское

Дорогих краёв выждать прибыли.

Завязался бой нескончаемый,
Затянуло сознание мóроком –
Пробудился люд, люд отчаянный,
Обернулся брат лютым ворогом.

Разглядела Русь тьму бездонную,
Поднялась за свет Божьей милости,
Превратив в мольбу поимённую
Пожелание миру мирности.

В неустанно кипящей ярости
Развернулся фронт лентой длиною.
Приходи, воюй хоть до старости...
Но настал тот день, став былиною.

И случилась не ложь, а истина:
Оказались судьбой единою
Перепутаны двое – выстрелом,
Разорвавшейся рядом миною.

Окровавлены – жизнь на краешке –
Схоронились, нашли укрытие.
Прилетел снаряд в цель играючи,
Зазвучали слова забытые,

Зашептали на русском «Отче наш»
Обречённые быть убитыми.
Вознесли хвалу за кривой блиндаж,
Распроставшись навек с обидами...

Украинец подался к русичу:
– Забинтуй меня, братик, выручи...
– Отыскались бинты, звать, выручу,
Медицину не зря я выучил...

Бинтовались, как бились, слаженно:
Относились к раненьям бережно.
Получалось чудно: свой – нашему
Помогал, как в заветах велено...

Откопались в потёмках братики.
Потащил москвича друг киевский.
Добрались, доползли солдатики,
Приняла их Русь по-родительски.

Сухпайки разделили поровну,
В блиндаже, под артою плотною,
Добровольца два, два не врага,
Обагривших землицу родную.

Ничего отродясь не меняется:
Происходит вражда от зависти.
Безграничною волей маемся
В злодеяньях без срока давности...

**Нечипорук
Иван Иванович**

Родился 24 июня 1975 г. Коренной горловчанин, в довоенном прошлом – шахтёр с 20-летним подземным стажем. Параллельно с работой в шахте сотрудничал с городскими и областными газетами в качестве репортёра и ведущего литературной рубрики. Выпускник Горловского института иностранных языков и Славянского государственного университета (филфак, заочно). Учредитель литературно-художественного журнала «Пять стихий». Автор нескольких книг стихов, прозы и очерков. Заместитель председателя правления Межрегионального союза писателей (Луганск), член СП России и Славянской литературно-художественной академии (Болгария). Живёт в городе Горловка на Донбассе. В «Тоболле» публикуется впервые.

Жить да быть

Жить да жить бы, но эта щемящая боль
Не давала причины найти неуспеха,
Заставляя прочувствовать каждую веху...
Если слово способно лечить, так изволь
Быть целителем судеб, как Чехов!

Я опять пожинаю чужую весну,
Проживая как книгу от корки до корки,
И, прозрачную ночь допивая на зорьке,
Нахожу в себе силы, не ухнув ко дну, –
Быть ценителем судеб, как Горький!

Вновь полуночный свет, озаряя меня,
Красит город в оттенки горячей латуни.
Но сирены ревут в истеричном июне,
Мне приходится на перекрестье огня
Обвинителем быть, словно Бунин!

Скверная привычка

Падать духом – скверная привычка!
Не ходи на поводу тоски.
В день, который страхами напичкан,
Выгорит душа в момент, как спичка,
Утопая в горестях мирских.

Выбирайся из хандры ребячьей,
Головой еловой встряхнув.
Новый день нытьём своим не пачкай,
Выходи-ка из дремучей спячки,
Наполняя верою весну.

Вопреки

Над копотью отчаянных надежд,
Назло огню, дымам и канонаде,
Читаю строки в порванной тетради.
Рубец моей тревоги слишком свеж,
Но я на всё готов победы ради.

И пусть мои потери велики
На этом разрушительном изломе,
Я выстою всем страхам вопреки,
Чтоб видеть вновь, как пляшут огоньки
От коксовых печей и жарких домен.

*Где слово есть, но нет бумаги,
чтоб это слово осквернить.*

Виктор Амелин

Судьбы моей разбита колымага,
Билет на счастье изошёл на дым.
Но я упорно верю – жизнь есть благо,
А слово, осквернённое бумагой,
Становится крылатым и святым.

И пусть кружатся мысли в вертопрахе,
Как скумпий красных лёгкая листва...
Душа подобная распахнутой рубахе,
Не думает о тьме, забыв про страхи,
И вера в слово вечное жива.

Мой город

Мой город! Он не видел отражений
Своих в большой мерцающей воде,
Он на краю степи живёт пугливой,
Не зная о протоках и заливах.
Живёт тревогой памятных свершений,
Судьбой неровной и осколками задет.

Копра́ми смотрит в небо удивлённо
И бережёт покой фазаньих троп.
Полны земных даров его глубины,
И пыльный дух царит над ним полынно...
Мой город вдохновенно-окрылённый:
Трудяга, пахарь, воин, углероб!

Над городом

В скверах вновь рябиновый накал,
Ветер листья без просвета носит.
Вот и я, сомнения отбросив,
Понял, как последний маргинал:
Густав Климт любил, бесспорно, осень,
Только всуе не упоминал...

Смерть и жизнь, две непохожих птицы,
Заставляют этот мир кружиться...

Несказанно тесен мир и мал,
Охрою деревьев опалённый.
Снова сыплют позолоту клёны,
Снова сквер полупрозрачней стал.
Я парю над городом влюблённо,
Как когда-то рисовал Шагал:

Люди у него – почти что птицы,
С ними суждено и мне сродниться.

Я остался один

Виктории П-К

Боль души, как тротилловые мегатонны...
Рвётся сердце в моей обречённой груди,
Пожинаю потери свои неуклонно.
Я остался один из семи Симеонов.
Я остался один!

Этой боли мне в душу вколочены сваи,
Плачет сердце, как будто запуганный зверь.
Это время за вóрот тоску заливает.
Что мне делать теперь, моя память живая?
Что мне делать теперь?

Говорят: время лечит, но чаще – калечит!
Лишь мгновения мимо сознания бегут.
Страх терзает меня и хватает за плечи.
Я уже не смогу быть бродягой беспечным.
Я уже не смогу!

Где вечная весна

Чёрной полосой весь год идёшь,
Нянчишь на руках то блажь, то ложь,
Скорбный раб незримых расстояний.
Слухам ты свободу не даёшь,
И они болтаются, как клёш,
На незримой грани горькой брани.

Речь твоя уныла и скудна,
То сидишь у праздного окна,
То несёшься в гору бестолково.
И тоска твоя, как ночь, темна,
В городе, где вечная Весна –
Ничего не значащее слово.

Пускаю в душу всех подряд

Смятениями облучён,
Живу насупленным сычом
Под ритмику чужих мелодий.
То минотавр, то дурачок
В моей душе приют находят.

Я сам, бродяга-психопат,
Пускаю в душу всех подряд
Без масок и сертификатов...
Так и мощу дорогу в ад
Сквозь жар бессмысленных закатов.

То вдруг нахлынет злая муть –
Ни выдохнуть, ни продохнуть,
Не жизнь, а битва у Каялы...
Но, выбирая новый путь,
Я свой бы вновь прошёл сначала.

Колос

Я колос пшеничный, нас море, но я здесь один.
Один не сгибаюсь под ветром и тяжестью зёрен.
В стремлении к солнцу я принципиально упорен,
И в верности свету – давно сам себе господин.
И пусть по-холопски собратья склоняются вниз,
Судьба – не подарок: и ветром, и градом нас било.
Но если я слышу бряцающий лязг мотовила,
Я твёрдо уверен: прогнуться – не значит спастись.

Будет май

Лишь схлынет горькой памяти вода
В грядущем новом летоисчисленьи –
Из пепла встанут наши города.
Мы сбросим тень вражды без сожаленья,
Чтоб, наконец, забвению предать.
И будет миром править месяц май,
Любовь взмахнёт крылами, словно птица,
Охватит землю будто невзначай,
Былая скорбь в надежды превратится,
А наш Донбасс – в черёмуховый рай.

**Новопроековка
(отрывок из книги «Жена
штурмовика»)**

I

**Тулеников
Даниил Юрьевич**

Участник СВО. Историк, публицист, общественный деятель. Автор документальной книги «Шторм Z. У вас нет других нас». Живёт в Екатеринбурге. В «Тоболе» публикуется впервые.

Новопроековка – большое, красивое село в нескольких километрах южнее печально известного Работино. Прямо через него проходит автодорога Орехов – Токмак, образуя собой главную, центральную улицу. В южной части расположена церковь – главная высота в этом селе, сильно повреждённая вражеской артиллерией. Не доходя до церкви, автодорога резко поворачивает на запад, выходя из села и закругляясь на юг, в сторону Сладкой Балки. Именно северная часть села, очерченная дорогой, была в наибольшей степени разрушена артиллерийским огнём противника. Доставалось и южной, – но в ту пору, когда мне довелось там быть, в южной части ещё можно было найти целые, слегка повреждённые дома, в одном из которых мне даже пришлось как-то

провести ночь. Жизнь ушла из села летом 2023 года.

Ещё в июле – как мне рассказывали те, кто был тут много раз, – в селе было полно гражданских. В октябре их уже не было, но их тепло ещё хранилось в покинутых домах.

Мне было странно смотреть на двухэтажные многоквартирные дома в южной части, в районе церкви, где ещё было полным-полно застеклённых, не битых окон. Внешне эти дома – ухоженные, живые на вид – были точно такими же, какие мне не раз приходилось видеть в крепких, дышащих, твёрдо стоящих на ногах сёлах, что в России, что на Украине. Мне не верилось, что в них уже никого нет. Что люди, годами жившие в них, ушли, и теперь они стоят абсолютно пустыми. Но то было в южной части. На северной окраине села, там, где мне довелось быть несколько достаточно сложных суток, – никаких признаков жизни уже не было.

Я, в числе группы бойцов **-го полка, входившего также в состав 42-й мотострелковой дивизии, занимал дом возле самой дороги – «домик с соломой», как его называли. Почему и с какой целью он был весь забит соломой – для меня осталось загадкой. Но это было так. Все комнаты в нём были забиты соломой, по углам её было больше, и из этой соломы мы мастерили себе лежанки в период отдыха. Дом состоял из двух комнат, соединённых узким проходом. В этом проходе был проём, ведущий в какую-то маленькую клетушку, тоже забитую соломой. Полноценного окна в этой клетушке не было – была какая-то щель на улицу, и через эту щель сквозь ветви деревьев, растущих во дворе дома, можно было наблюдать за улицей. Впрочем, лучший вид на улицу (она же дорога) открывался через окно в первой комнате. Окна не было. В смысле – не только окна, но и рамы. Во всём домике окна были выбиты, и оконные проёмы зияли по периметру строения чернеющей пустотой.

Вот у этого окна мы и дежурили «на глазах»¹, сменяя друг друга. Отсюда открывался вид на поле по левую сторону от дороги, на сожжённую БМП, стоявшую прямо на выезде из села, на побитый дорожный знак и жидкие лесопосадки по обе стороны дороги, уходящей куда-то туда, где затаился враг. Здесь кончалась наша территория и начиналась terra incognita – «серая зона».

Периодически мы перемещали свои «глаза» туда – за знак, под прикрытие редких кустиков, – но добром это не кончалось: незащищённые и неукрытые, наши бойцы практически мгновенно выбивались противником с помощью дронов или артиллерии. Однако с упорством, достойного лучшего применения, туда раз за разом отправлялись новые и новые люди. Не всем из них довелось вернуться назад. Поэтому фактически, железобетонно, наша территория кончалась здесь – у выбитого окна маленького белого «домика с соломой». Там, за сгоревшей «бэхой», таилась смерть.

Я всего один раз видел этот домик с той стороны. Это было, когда мы выходили из под «очка»², после того, как наш БТР влетел в ров – и мы покатались на юг, едва не сложив головы в лесополке между Работино и Новопротоповкой, потеряв двух бойцов, но всё-таки вырвавшись из костлявых рук смерти под прикрытие этих искалеченных домов на окраине. Больше никакая сила не могла заставить меня сделать хотя бы шаг в ту сторону, откуда мы пришли, туда, где лежали – то ли уткнувшись лицами в землю, то ли смотря в небо мёртвыми глазами – Васяга и Рыбак.

Позже я думал, что на этом домике неплохо бы смотрелась надпись огромными буквами прямо по выбеленной стене: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АД», обращённая к противнику. Окно, смотрящее на север, стало для меня окном в иное измерение. Одни из наиболее ярких и страшных моментов увидел я в этом окне, как на сцене чьей-то изощрённо выдуманной драмы. В это окно я наблюдал за полётом разорванной человеческой плоти, за атакой камикадзе на ползущего под укрытие дерева бойца из положения лёжа, отбивающегося от него из автомата. В это окно я смотрел, как бежит по дороге обезумевший от страха «фазан». В это окно, когда я стоял на «глазах», ворвался колеблющийся зелёный свет – и, подняв голову, я увидел, как над далёкой лесополосой рассыпаются в небе на огромном пространстве сотни, если не тысячи, ослепительных огоньков и начинают, переливаясь, опускаться, подобно кометам, вниз. В это окно я наблюдал за медленным полётом ракет с кассетной частью куда-то на юг, в сторону расположения наших войск. До того я видел их под Работино тогда, когда они шли чётко на нас, гаснув в небе незадолго до свиста, взрыва и – через секунды замершего в груди стука сердца: «тыр-тыр-тыр-тыр-тыр»...

Сейчас же они не гасли, медленно, непоколебимо-уверенно в своей цели проплывая над нами. Их путь закончится далеко позади. Здесь можно лишь наблюдать за ними с бессильной злостью.

В это окно влетали комья земли и облака пыли, когда неожиданно глухо, где-то вдали, километрах в двух, бухал танк. Оставалось только успеть упасть на пол, вжимаясь в тюки соломы. Резкий, давящий на психику свист буквально через пару секунд, ощущение – буквально кожей – тяжести и скорости

¹ «Глаза» – пункт визуального наблюдения за противником. (Здесь и далее – прим. автора.)

² «Очко Зеленского» – топографический термин в Запорожье, означающий ныне разрушенный тоннель под автодорогой Орехов – Токмак. С данным скабрёзным термином безуспешно боролось высокое военное начальство, однако и в итоге махнуло рукой, и так этот пункт и значится на военных картах.

летающего снаряда, разрывающего, рассекающего, сминающего, спрессовывающего воздух. Взрыв. Вспышка мысли: «Услышал... Значит, не мой...» Обжигающее всё тело изнутри чувство спасения и контрастный ледяной душ безжалостного понимания, что не спасёт, не укроет, не защитит этот никудышный домик, если он попадёт прямо сюда.

Земля, пыль на всём. Чёртовы очки... Никогда, ни в каких других обстоятельствах не чувствуешь себя настолько уязвимым по отношению к людям с нормальным зрением, как после осыпания землёй. Протереть линзы толком нечем. Спасаясь тем, что есть под рукой, хоть как-то. Дорогуший немецкий пластик, рассчитанный на жизнь в комфорте и неге, предательски царапается, покрываясь раз за разом микротрещинами и шрамами. Он комфортно пережил тюрьму и лагерь, но атака сверху становится для него непреодолимым испытанием.

Заметил, что здесь горизонт мышления и планирования сужается. Понадобятся ли тебе очки в принципе по истечении ближайших десяти минут?

Считаешь работу танка. Помимо мыслей, куда он положит следующую «дуру», думаешь о том, вернётся ли он, расстреляв этот пакет. Почему-то – не знаю почему, не берусь сейчас дать объяснение этому феномену, это иррациональная мысль, – ты не веришь, что там, за полтора–два километра, в танке сидит Мыкола. Он вот тут – где-то среди этих деревьев, метрах в ста, а может, и тридцати от тебя – лежит на земле с автоматом. А там, в технике, кладёт снаряды рядом с тобой кто-то другой – побритый, пахнущий одеколоном, пьющий хороший кофе и курящий хорошие сигареты. Человек из другого мира, приехавший на сафари. Мыкола здесь – чтобы драться. Тот человек (с одеколоном и кофе), он – чтобы работать. Сейчас он отработает по тебе пакет и уедет. Возможно, насовсем. Получив на карточку свои деньги, уедет туда, где есть душ, электричество, магазины, кабаки, рестораны, постельное бельё...

Разумеется, всё это, наверное, не так. И в том чёртовом танке сидели точно такие же грязные и уставшие люди, что и вокруг меня, а вовсе не «офицеры и джентльмены».

Я всего лишь черкнул мысли из своей головы. Зафиксировал свои ощущения...

II

Я был на СВО ровно полгода. Из них непосредственно в активных боевых действиях я участвовал примерно три месяца. Апофеозом этих трёх месяцев стали три моих дня в Новопрокоповке с 4 по 7 октября 2023 года. Три дня, которые вместили практически всё. Три дня и три ночи. Из моей памяти постепенно вытесняются, тускнеют и размываются иные населённые пункты. Ни один из них не оставил какого-то следа в моей душе. Новопрокоповка никогда уже не станет для меня просто точкой на карте. Новопрокоповка – этой мой личный, маленький Сталинград, Курская дуга, Ватерлоо, Аустерлиц и Аркольский мост вместе взятые. Это первое место, где я лично ощутил, что такое «ни шагу назад». Первое место, где я воочию увидел, как упирается, вгрызается в землю русская армия – и дальше – «они не пройдут».

В Новопрокоповке лично для меня закончились бесконечные бегства по лесополкам³, удирание от мин и снарядов, падающих тебе прямо след в след, нескончаемая, ставшая уже фоном, череда поражений, разгромов, неудач и бега, бега, бега... вплоть до самой Новопрокоповки. Бегство с тоннами брошенной тушёнки, снаряги, боеприпасов, цинков с патронами,

³ Лесополка (на военном аргю) – лесопосадочная полоса.

«морковок»⁴ от РПГ, брошенными «двухсотыми». Бегство оттуда, куда мы уже и не надеялись когда-либо вернуться...

*Опять мы отходим, товарищ,
Опять проиграли мы бой,
Кровавое солнце позора
Заходит у нас за спиной.
Мы мёртвым глаза не закрыли,
Придётся нам вдовам сказать,
Что мы не успели, забыли
Последнюю почесть отдать.
Не в честных солдатских могилах –
Лежат они прямо в пыли.
Но, мёртвых отдав поруганью,
Зато мы – живыми пришли!*

Никто и ничто вернее этих симоновских строк не скажет, не опишет и не передаст тот отчаянный ужас и позор кровавого, душного, жаркого лета 2023 года. А в Новопроекоповке – всё, баста. В Новопроекоповке это кончилось. Работино они взяли, но в Новопроекоповке они не прошли. Но как же они рвались сюда! Как они хотели досюда дойти. И доходили, и заходили. Но только лишь для того, чтобы навечно здесь лечь и остаться. Новопроекоповка стала могилой их штурмовых групп. Самой крайней точкой, куда ступала нога украинского солдата в ходе их «контрнаступа». Ступать-то она ступала, но вот закрепиться здесь им было не судьба. Однако за это приходилось платить жизнями многих. Две смерти видел я только в нашем маленьком «домике с соломой». А сколько людей ещё погибло вокруг. Мальчик, встреченный мною в Новопроекоповке, погиб в этом домике. Но был ещё один, в самый первый день. «Чибис» был его позывной. Он попал под артиллерийский обстрел и лишился ступни. Жгут сам себе поставить не смог. Полз к дорожному знаку, истекая кровью, звал на помощь, взмахивал иногда рукой. Двое рискнули, под угрозой нового удара кассетками выскочили из дома, добежали до него, схватили за руки, волоком поднесли к выбитому окну, забросили в дом, заскочили сами.

Я был там, наготове, ждал их. Начал ставить жгут, понимая бессмысленность своих действий, глядя на его культу. Из неё даже капля крови не капнула, пока мы с ним возились. Чибис вытек. Он уже был почти пустой, и минуты его жизни были сочтены. Я всё равно наложил жгут и всадил ему в предплечье промедол. У меня было две ампулы, и я осознал нерациональность своего поступка, всаживая драгоценный обезбол в почти труп. Но тем не менее я поставил ему укол.

Минут десять ещё он метался в бреду, не понимая ничего, что происходит. Очень беспокойно уходил Чибис. Мычал, порывался встать. Извивался всем телом, будто испытывает муки от нестерпимого жара. Потом вытянулся и замер. Какое-то время ещё лежал так живым. Пульс прощупывался. А потом Чибис умер.

Вечером мы вытащили его во двор, положили у разбитого забора труп. Большого мы тогда сделать не могли. Весь вечер, до самой темноты, противник бил по северной части Новопроекоповки и кассетками, и фугасами, в воздухе сновали их дроны. Мы сидели в домике, не показывая на улицу нос. С того места, где сидел я, без аппетита ковыряясь ложкой в консерве

⁴ «Морковка» – выстрел от ручного гранатомёта, напоминающий по форме данный овощ.

с тушёным цыплёнком, мне были видны его ноги. Вернее – одна нога и торчащая из штанины берцовая кость.

В домике нас было четверо. Вчетвером мы и встретили темноту. А потом, уже в темноте, к нам в дом привели пополнение. В тот день, по серости, в Новопроеповку завели целую партию свежих бойцов. К нам в домик определили двоих.

В принципе, задержавшись утром в Новопроеповке, потому что не смог оставить своих товарищей по оружию втроём (часов в 11 касеткой посеколо много народу в северной части, и их вывели на пункт эвакуации) в этом домике, теперь я уже мог уходить. Выбираться к своим. Но куда бы я пошёл один в кромешной тьме украинской ночи?

Я остался. Разговорился с этими двумя, не видя их лиц. Позывной одного я не помню, а второго позывной был «Музыка». Утром, пока я спал ещё, Музыку определили «на глаза» под знак. Он ушёл, и я так и не увидел его лица. И никогда уже не увижу. В этот же день, часов в 12, на него был сброс, и Музыка погиб. Всё это были славные парни, «автоботы»⁵. Я оставил о них самые лучшие и тёплые воспоминания. Мне они стали не менее близкими, нежели непосредственно мои боевые товарищи.

И вот что я должен сказать, глядя на то, как они бились и погибали, в каких условиях проходила их служба в Новопроеповке, какие задачи им ставились, какие чудовищные в своей иррациональности приказы спускались им сверху... Наш брат ээк любит козырнуть тяжестью своей службы и ухарством своей доли, обречённостью римского гладиатора на арене Колизея. Я, собственно, и сам этим грешен. И кто осудит, как говорится.

Однако, насмотревшись на то, как сгорают жизни и «мобиков», и «контрактников», конкретно – на примере того, что видел я в эти три дня в Новопроеповке, а за пару месяцев до того – под Работино, когда служил в эвакогруппе 810-й бригады морской пехоты, – немногим легче была их солдатская доля.

Гибли так же, и, что самое страшное – гибли зачастую столь же бессмысленно и ужасно. Гибли в тех условиях, каких можно было избежать. Гибли, исполняя задачи зачастую и заведомо невыполнимые. Одни выставления пикетов под кусты, на голую землю, без каких-то укрытий и сколько-то толковой маскировки чего стоили...

Дешева кровь ээка. Но и кровь любого другого солдата зачастую стоит не дороже воды. Много позже, уже пройдя это всё и вернувшись домой, понял, насколько сильно мне повезло, – встретив там, в Новопроеповке, «на земле» нормальных, по-человечески отнёсшихся ко мне бойцов и командиров. Я остался с ними на эти трое суток добровольно, сознательно, так приняв свой товарищеский долг по отношению к этим людям, оставшимся в меньшинстве. И ко мне отнеслись соответствующе. Сами бойцы накануне намечившейся заварухи, когда в воздухе прямо очень уж остро запахло грандиозным шухером, с вечера предложили мне уйти по серости, ниже, на юг, и с первой же оказией эвакуироваться из Новопроеповки с любыми «трёхсотыми». Однако чем больше заботы и участия проявляли они ко мне, тем больше крепло моё желание остаться здесь с ними и разделить их судьбу. Таковы были люди, встретившиеся мне в те октябрьские дни в Новопроеповке.

⁵ «Автоботы» – условное наименование одного из подразделений данного полка.

III

Бой за северную окраину Новопрокоповки 6 октября 2023 года был мной описан через призму своего участия в этих событиях. Однако я находился лишь на одном из участков, подвергшихся атаке ВСУ. В то утро противник атаковал Новопрокоповку с двух сторон в лоб, со стороны автодороги Орехов – Токмак, и, высадив десант в глубине наших позиций, прорвался по полю параллельно автодороге – прямо через минные заграждения, которые казались нам непреодолимыми.

Операция ВСУ провалилась, несмотря на то, что им удалось захватить несколько домов и удерживать их примерно до 13:00. Противник действовал, исходя из знакомой нам формулы «там никого нет», отправляя, по сути, свои штурмовые группы на убой. Никаких шансов закрепиться на северной окраине Новопрокоповки у них не было, учитывая абсолютное, тотальное превосходство ВС РФ в живой силе в этом месте.

Намерения противника атаковать село были понятны уже вечером 5 октября. По темноте на северную часть начали заходить наши подкрепления. По моим интуитивным ощущениям и прикидкам, носящим сугубо субъективный характер, на этом участке было сосредоточено не менее 50–60 наших бойцов, занимавших круговую оборону в каждом из домов северной части. Общее количество военнослужащих ВСУ, отправленных на штурм, по данным военнопленного, состояло из 18 бойцов на двух БМП «Брэдли» и неизвестное количество из «группы поддержки», сконцентрированных в лесополосе севернее села. При этом ВС РФ располагали огромным резервом в глубинной части села и бронетехникой, включая танки и БМП, немедленно выдвинувшиеся нам на помощь в первые же минуты боя.

Одновременно с этим артиллерия ВС РФ поставила огневой заслон в «серой зоне», так что ввести свои резервы и укрепить штурмовую группу ВСУ не имели возможность. Это не помешало, впрочем, «Брэдли», высадив десант, беспрепятственно покинуть Новопрокоповку.

Таким образом, атака ВСУ 6 октября 2023 года носила характер ярко авантюрный, не имеющий серьёзного просчитывания, и была изначально обречена на неудачу. К 13:00 всё было кончено, однако северная часть Новопрокоповки нашими войсками была оставлена, и на неё был перенесён огонь нашей артиллерии. Несколько часов наши орудия вели огонь по этому участку села, окончательно разрушив пригодные для размещения солдат дома, а на следующий день – 7 октября – был поднят вопрос о необходимости снова занять эти позиции (при том, что теперь уже размещаться в них было невозможно).

Покинув Новопрокоповку вечером 7 октября, я более туда не возвращался. От товарищей, бывших наскоками в селе в эти месяцы, я узнал, что Новопрокоповка подвергалась жестоким артобстрелам в ноябре и декабре, и количество поражённых, разрушенных домов в ней резко выросло. Относительно целая часть села осталась только глубоко на юго-западе.

Судя по тому, что мне удалось выяснить, был уничтожен и тот дом, в котором мне пришлось как-то заночевать. Отказавшись от попыток захватить село, осознав бесперспективность и тщетность намерений сунуться сюда, ВСУ приступили к его планомерному уничтожению артиллерийским огнём.

Я не знаю – вернётся ли когда-то жизнь на улицы этого села? Отстроятся ли разрушенные дома, будут ли здесь слышны голоса женщин и детей? Наладится ли обычный, размеренный быт, следы которого мне доводилось встречать здесь повсюду...

Люди здесь жили неплохо. Село было крепким, зажиточным. В нём не было атмосферы упадка, разрухи, депрессии и безнадёги. Даже смертельно раненое и обезлюдевшее, обесточенное, оно боролось за свою жизнь, не желая превращаться в безжизненные руины. Заживут ли его раны? Этого, наверное, сейчас не скажет никто. Я никогда не забуду Новопроекоповку. Но и вернуться сюда, в любом статусе, я бы никогда не хотел.

Тем не менее, я был бы рад узнать, что этому селу удалось возродиться и вернуться к жизни. Что страшные раны, нанесённые ему, удалось изжить. Что дом, ставший моим приютом на одну ночь, отстроили, а его безвестные хозяева, которых я никогда не видел – и никогда, наверное, не увижу – вернулись в него. Это было бы единственно разумным вектором развития всей этой кошмарной истории и закономерным финалом её.

20.VII.2024

Владимир ФИЛИМОНОВ
Незабываемые дни. К 90-летию
со дня рождения писателя
Ивана Ягана

ЮБИЛЕИ

Время бежит вперёд... А в памяти – тот, 2022 года, мартовский снег по колено, иглы сосен, впаянные в него; прозрачный талый первый ручеек, бегущий посередине кладбищенской дороги; звук пробегающих неподалёку автомашин...

И гроб, стоящий на узкой дорожке между сонмом могил. Он был маленький, а глянуть совсем сверху – так и незаметный даже... Неподалёку разверзлась пастью свежая могила, в которой ещё минута – и упокоится навечно тело и сердце дорогого мне человека.

Хотел написать – душа – и остановился. Нет, всё-таки сердце. А душа его – она и поныне витает над нами, напоминая о себе и в день скорби, и в очередной год печали. Мой небольшой рассказ – не только об Иване Ягане, но немного и обо мне, о тех, чья жизнь пересеклась со стремительным полётом жизни этого удивительного и душевно богатого человека.

Филимонов
Владимир Иванович

Поэт, писатель, член Союза писателей России. Автор книг: «Все мы родом из детства», «Пора цветения», «Капелька жизни», «Письма с фронта. Святое имя – Учитель» и другие. С 2008 по 2019 г. – руководитель Курганской областной писательской организации. С 2015 по 2023 г. – редактор альманаха «Тобол».

...Я отступлю от сухих фактов (родился, мол, Иван Яган да крестился), а начну с предвоенной фотографии семьи, в которой вырос мальчик Ваня. Обычная, трудовая: отец Павел (справа) будет награждён в будущем медалью «За отвагу» за спасение БМ-13 «Катюша» в годы близкой великой войны, мать Оксана (слева) и бабушка Матрёна Ерофеевна – вечные труженицы, младший брат и старшая сестра. Да ещё брат – младший лейтенант. Но обратите внимание на круглолицего паренька с зачёсанными назад волосами на заднем плане. Это он – герой нашего повествования, уже тогда пытливно вглядывающийся в суть происходящего. Он впервые, как и всякий подросток, с недоверием и сомнением смотрит в объектив фотоаппарата бродячего фотографа, сосредоточенно замерев на фоне натянутой чьими-то руками домашней скатерти. Уже тогда были видны серьёзные не по годам глаза и желание познать мир в его многообразии. Таким он и пойдёт по жизни – с зачёсом волос на себя. А приметы говорят, что такие люди в меру мягки, в меру – суровы, харизматичны и легки в общении, в отношениях и притягивают людей любознательностью. Таких очень любят женщины. Что ж, всё так, всё верно, не врут приметы...

Семья И. П. Ягана. 1940-е гг.

А бродячие фотографии действительно во времена былые катались по стране, чётко выполняя заказы всех желающих – включая и такие, бытовые, и школьные фотографии, и даже производственно-колхозные. Отличались те фото долговечностью, качеством, простотой и быстротой исполнения. Спасибо им за это: многое в истории сохранить успели.

Ванюшка рос и развивался, ещё не подозревая, что на его долю выпадут тяжкие испытания: рано уйдёт из жизни мама, отец женится вновь, проживёт тоже недолго. И будет биться Ванюшка за место под солнцем вплоть до призыва на службу в военно-морской флот: работать через не могу, питаться впроголодь, да напрягать силушки – совсем не богатырские.

Даже через много лет, рассказывая мне, как в конце 40-х годов ломом закатывал брёвна на тележку для подачи их под пилы, он сжимал губы от внутреннего напряжения, чтобы не заплакать. Так ему душевно было больно. Да и то – сложно было представить 14–15-летнего паренька с невеликим ростиком за такой вот адовой работой.

Я думаю, что никто не будет спорить, если скажу: во всех сферах жизнедеятельности будущее любого человека во многом формируют детские и юношеские годы... Поэтому из написанного Иваном Яганом мне больше всего нравятся такие автобиографические произведения, как «Данилкино утро», «Если бы не фортуна», «Рассветы над Байдановкой». В одном – утро, такое, такое – человеческое, плавящее нутро, вызывающее к забытым ощущениям, поднимающее человека над им же созданной пустотой; начало всего-всего, что должен ценить и возвеличить человек. «Фортуна» – вырвала его из беспросветности бытия, а «Рассветы» – большой рассказ о родном селе писателя и детстве – безграничном детстве, которое уже никогда не вернётся. Здесь, в степи, Иван – в своей стихии: стихии беззаботности и простоты бытия, любитель яблок и перепёлок, порхающий мотыльком и бегущий к отцу на пахоту с узелком огурцов, помидором, хлебным отрезом на груди и бутылкою молока. Здесь первотолчок его прозаической и стихотворной родины – воспоминания о прошлом предков, приехавших когда-то в Омскую (Акмолинскую) область по столыпинской реформе с Украины в конце XIX века (а то и раньше) в широкие степи Западной Сибири; бестарки-телеги с ворохом зерна, песни про Степана Разина и «за любовь-разлучницу»; нежное отношение к учителя; поговорки и при-

сказки, сила родного народа и языка! Он уже тогда, прямо с фотографии, бежал к своим бедам и счастьям – и только рубашонка над спиной пузырём вздувалась...

Военное детство Ивана Ягана проходит через многие его произведения. Иногда его проза перетекает в стихи, и наоборот. Однажды меня в книге писателя поразил описываемый факт Победы, когда дошёл слух о ней до деревеньки Байдановки. Красного материала не было – бабушка красила наволочку соком свёклы, Ваня на шесте высоко поднимал импровизированный красный флаг, который в сумраке казался чёрным, и махал им... Тяжело она, Победа, досталась.

Эх, Иван Павлович, люблюшка вы мой... Всего-то чуть более двадцати лет прошло со времени нашего знакомства... С какой печалью я вспоминаю не такие уж и давние, душевные разговоры с вами, споры по различным поводам – от взглядов на историю государства до оценки исторических личностей (доходило и до этого), походы за грибами и иные, такие доступные для мужчин, радости. Как знойно мы любовались с вашей высокой квартиры на Затоболье, прихлёбывая свежесваренный вами чаёк и рассуждая о вечном...

...«Сосватал» меня Ивану Павловичу Геннадий Павлович Устюжанин, тогда директор издательства «Парус-М», которому я принёс несколько своих стихов для альманаха «Тобол». Даже не несколько, а подборку, которую я собирался объединить в свой первый сборник. Издатель и подтолкнул меня на знакомство с писателем, имя которого было тогда на слуху и в литературной среде, и в читательских кругах. И шёл тогда приснопамятный 2002 год. Кстати, именно он – Геннадий Устюжанин – пригласил литературного консультанта Омской областной писательской организации Ивана Ягана в 1974 году приехать в Курган и возглавить нашу писательскую организацию.

В отличие от Есенина на встрече с Блоком (извините за такое глупое и нестандартное сравнение) – я шёл на знакомство и не волновался. Думал: ну распетушит он мои опусы, – что я теряю? Думал, что встретит меня *Алёша Попович* вкупе с *Добрыней Никитичем*, – как судил я по уже прочитанным его произведениям, – а увидел невысокого мужчину с голубыми глазами, говорящего тихо и смотрящего сквозь меня. Он знал и видел уже то, о чём я ещё и не догадывался... Стихи ему приглянулись, и Иван Павлович благословил их своим вступительным словом к сборнику.

Мы встречались часто. По поводу и без повода, просто так. Бродили по городу, разговаривали, опять же спорили. Наверное, Ивану Павловичу я напоминал себя в юности, такого же свободного в мыслях и действиях. А может, просто я ему показался, понравился – по-деревенски. Со временем эти встречи обретали всё большую конкретику. «А как ты относишься к такому-то писателю? А знаешь ли такого-то? А читал ли ты это или то?» – и так далее. Кругозор его был безграничен.

А с первым моим сборником и вступительным словом мэтра получилась такая история: небольшая книжечка «Все мы родом из детства» попала через комитет по печати и СМИ на всероссийский конкурс и получила какое-то там большое призовое место. Я, правда, узнал об этом через год, но это уже роли не играло.

Шло время, наши дружеские отношения становились всё прочнее. Мы делились семейными проблемами, ездили друг к другу в гости, вместе отмечали дни рождения, читали друг другу стихи. И я всегда удивлялся: почему я не чувствую разницу в возрасте? А она была в восемнадцать лет. И стал Иван Павлович моим наречённым (мною) старшим братом, которого я слушался беспрекословно. Он мог «без зазрения совести» поправить мои самодельные вирши,

погрозить пальчиком за вольное поведение, взорваться гневной тирадой (что случалось), а потом извиниться «цыганочкой с выходом» – весело и непри-
нуждённо, с шутками и прибаутками, своим похрипывающим от сигарет голо-
сом. На него невозможно было обижаться.

И всё-таки временами он исчезал, а то становился молчаливым, подолгу
не звонил, замыкался в себе на неопределённое время. Почему это было –
я знал. Я был психологически рядом, когда тяжело уходила и ушла его жена
от тяжкой болезни. И снова не обижался на его равнодушие, потому что читал
его стихотворение:

*Идут года, хоть ахай, хоть не ахай.
Добро, что хоть в работе их прожил.
Ни донжуаном не был, ни монахом,
А чую: во всё сердце не любил...
...Любовь несу я как в ладошках воду.
Живу лишь ею. Без неё – умру.
Так ею дорожу, как в непогоду
Последней спичкой в поле на ветру.*

И понимал – что же происходило в его душе, коли рождались такие стро-
ки... Если и случались в его жизни события, потрясающие судьбу семьи, то он
не скрывал своих чувств – и лишь страдал от невозможности разрулить ситуа-
цию так, чтобы всем было хорошо.

До его прихода на должность руководителя писательской организации она
уже сформировалась в своём естестве: Яков Вохменцев – первый руководи-
тель организации; Любовь Андреева, Виктор Потанин, Василий Еловских, Лео-
нид Куликов, Гарегин Бебутов, Николай Глебов – первый писатель нашего
края; Михаил Керченко, бесподобный Алексей Еранцев; Иван Коробейников,
Павел Кочегин. И славная Римма Ивановна Бутакова, пришедшая на долж-
ность бухгалтера организации в год её основания, в 1965 году. «Могучая куч-
ка», сформировавшая костяк действующего организма на многие годы и со-
здавшая литературный ареал Зауралья. К сожалению, вся (почти) уже поки-
нувшая сей мир, оставив после себя десятки книг и став легендой.

Работа довлела над Иваном Павловичем всегда. Помыслите: 1974–1998,
2002–2008 (в официальной информации встречаются другие цифры), но всё
это – годы его службы на должности ответственного секретаря Курганской об-
ластной писательской организации. Именно Иван Яган привел в неё лучших.
Вслушайтесь в их имена... Первым, оформленным им для приёма в Союз писа-
телей РСФСР, был прозаик Юровских Василий Иванович – как его называли,
«зауральский Пришвин». Вот главка из его рассказа «Тальянка»:

*«Шли мы с бабушкой домой с Россохи, где по низям набруснили полные
мешки мягколистного кобыляка, конского щавеля. В другой раз, даже с тяжё-
лой ношей, я всё равно забегал вперёд, рыскал кустами и лесом, отыскивал
что-либо съедобное. Иногда удавалось мне поднять с гнезда рябую тетерю,
и случалось самому испугаться, если из смородины черным выхлопом выры-
вался затаившийся косач. А то наскочишь в загустевшем костяничнике
на ежа, уколешь ногу, а он живо взбурится серо-щетиным клубом и сер-
дито запопыхивает-завздраживает».*

Каков язык! Сочный и звучный, загустевший на народных повериях
и словах, земной и пахучий!

Вторым, не менее мощным, был поэт-фронтовик, дошедший до Берлина
в годы войны, Алексей Михайлович Пляхин. Фронтовик настоящий, бравший
Берлин и награждённый двумя медалями «За отвагу». Вот отрывок из его сти-
хотворения «Опять не спится»:

*Бой прогремел. Но хмуро на душе.
Заходит сердце горечью знакомой.
Опять не спится. Душно в блиндаже.
И мышь возню заводит под соломой.
Уснуть нельзя. Покоя не даёт
Раздумий рой. Идёт четвёртый год!
Четвёртый год несут нас эти ноги
Тропой, болотом, снегом, лесом, вброд,
Сквозь непогоди злые и тревоги.*

Третьим влился в состав организации снова поэт, тогда заведующий кафедрой литературы Шадринского педагогического института, Александр Михайлович Виноградов:

*Оживают Таволжаны.
Сонный ветер не спеша
Запеваёт провожанье
В переулках камыша.
Второпях рассвет умылся
И залёг в сухой бурьян,
И позёмкой задымился
По-над озером туман.*

«Стихи пишет доступно, легко и играючи, – так говорил Учитель. – В том и есть великое ощущение поэзии».

Иван Павлович не совершил ни одной ошибки при приёме в Союз писателей. А если и случалось – то лишь под давлением непреодолимых обстоятельств. Что же – бывало и такое, когда не надо бы, а приходилось. И в этом нет его вины.

Сделаю небольшое отступление, чтобы расставить точки над *i*. Писательская организация не принимает, а лишь рекомендует для вступления в Союз писателей. Окончательное решение принимается приёмной коллегией Союза. Никто не будет рекомендовать слабых авторов. А если это произойдёт – то организация постепенно превратится в безликое литературное сборище, которым легко вертеть какому-нибудь сильному флюгеру.

Вдумайтесь в личности и творчество писателей, приведённых в организацию Иваном Яганом – и согласитесь со мной, что это были действительно личности: Николай Аксёнов, Леонид Блюмкин, Вячеслав Веселов, Ольга Возмилова, Виктор Гилёв, Елена Кибирева, Анатолий Львов, Валерий Меньшиков, Алексей Мурзин, Виталий Носков, Елена Ситникова, Василий Снегирёв, Владимир Спичкин, Борис Черемисин, Михаил Шушарин. Простите, те, кого я пропустил...

Так по капельке формировалась боль организации, создающая неповторимый аромат живой литературы в родном крае.

Знакомство с Иваном Павловичем было для меня непрерывной учёбой. Он исподволь готовил меня к тому, что потом я буду называть своим и счастьем, и крестом. Он говорил: «Не оценивай автора по голосовому чтению, только по рукописному тексту». Он учил: «Никогда не связывайся с чиновниками, они отравлены ядом власти. Переступят через кого и через что угодно ради достижения своей цели». Он настаивал: «Не иди к тому, кого плохо знаешь, и кто приглашает на вечеринку к себе домой. Тем самым ты свяжешь свои руки в будущих решениях». Он раскрывал сущности людей: «С этим ты можешь "пойти в разведку", а этого к сердцу и близко не подпускай». Он подсказывал: «Не можешь убедить – отойди, не можешь победить – уходи», «Главное – качество произведения. Остальное – не в счёт». Он утверждал:

«Задача руководителя – не руками махать, а помогать товарищам осуществлять их творческие планы. Выпуск книг – главное». Его главный завет: «Писателями не надо руководить, а почитать их за детей своих независимо от возраста и помогать осуществлять творческие планы». Быть может, звучали иные слова и обороты речи, но смысл был тот же. Соловей вот тоже красиво поёт, а по науке – просто охраняет свою территорию... Иван Павлович «охранял территорию» писательской организации и тогда, и в будущем. Сохранял со всеми ровные отношения, любил стихи Николая Аксёнова и будущего члена СПР Наташи Пушкарёвой; ласково отзывался об Анатолии Львове, Лене Ситниковой; уважительно советовал присмотреться к Николаю Покидышеву, который ещё не был в составе КОПО, давал неприкрытую и развёрнутую характеристику каждому из членов творческой организации и возможных в неё кандидатах...

Все его советы помогли мне в дальнейшем. Недаром первым, кого мне с удовольствием пришлось оформлять в Союз, был Николай Александрович Покидышев. Второй – Надежда Моторина, мишкинская поэтесса, именем которой названа ныне межпоселенческая библиотека района. А всего мне довелось привести в организацию одиннадцать новых и достойных товарищей, – но и проводить в последний путь девять человек, утративших связь с этим миром. Но всё это ещё будет...

Иван Павлович был силен не только духом, но и физически. Счинились мы как-то на руках потягаться (армреслинг, по-нынешнему). Ну и что... Даванул он раз – и навсегда, доказав, что и у старой гвардии есть ещё порох в пороховницах. Шарик мускулов под рубахой не утратили своей закалки со времён тяжкого крестьянского труда.

Рассказывал об авторитете писательских организаций былых времён: всесоюзных сборах писателей в Кремлёвском дворце съездов; солидных президиумах вплоть до членов высшего руководства страны; проживании в лучшей гостинице «Россия»; санаториях, машинах к трапу самолёта; праве руководителя организации ходатайствовать перед руководством области на получение квартиры писателем и так далее. Гордился, что последним из писателей, которому он успел помочь с получением новой квартиры, был Вячеслав Веселов. Радовался сему факту и ценил этого человека.

Всё это воспринималось как сказка. Но и ответственность была на высочайшем уровне. Прежде всего – с руководителя.

А потом началось необъяснимое... Хотя почему необъяснимое? Период ельцинского правления страной, 90-е годы XX века истории России я вообще считаю чёрной дырой, в которой начали пропадать самоиндификация русского народа и богатства страны. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в мае 1995 года был принят федеральный закон «Об общественных объединениях», который фактически ликвидировал финансирование писательских организаций, её статус и льготы. А главное – постепенно сошли на нет издательства и сама возможность публиковаться при поддержке государства. Оно отказалось от идеологии и предоставило возможность писателю выживать самостоятельно.

Вот в такое время и жила писательская организация. Трудно и безысходно. Сотрудничество с властью и её заинтересованность в существовании писателей постепенно сходит на нет. Все ударились в бизнес, все делают деньги возможными способами. Рушатся предприятия, разваливается колхозная система. Надо выживать, платить пенсии наличными и зарплаты – хотя бы не шпалами, худо-бедно работу людям давать, а тут ещё какие-то писатели под ногами крутятся... И так по всей стране.

В апреле 1997 года уходит на пенсию бухгалтер Римма Ивановна Бутакова, она же – секретарь-машинистка, она же – уборщица и помощник в решении многих житейских проблем. Начинается чехарда с финансированием, теряется сам смысл писательского труда, закрывается Курганское отделение Южно-Уральского книжного издательства. Уже четыре года как пенсионер, Иван Павлович подаёт в отставку. На его место избирают Валерия Меньшикова, который проработает четыре года и тоже уйдёт на вольные хлеба от неразрешимости ситуации. Возможно, причина была в другом. Однажды я видел этого человека, потерявшего ощущение реальности по собственной вине, помочь ему было невозможно.

Писательская организация оказалась на грани гибели. В 2002 Виктор Фёдорович Потанин уговорил Ивана Ягана вернуться на должность. В 2002 году организация воспряла духом и вновь заработала. Это так, к слову, для истории.

Для любителей покритиковать – скажу: своими строчками воспоминаний я не стараюсь поставить себя «на одну доску» с писателем Иваном Яганом. Это всё равно что сравнивать орла с синичкой. Вы понимаете – кто из нас кто. Но коли судьба свела нас вместе в одном городе, а каждый нуждался в определённой моральной поддержке, то так оно и получилось: мы как-то помогли друг другу в трудные минуты жизни взаимным общением и откровением, которых в повседневной жизни так не хватает живущим. И это было не покорение или подчинение – а общение двух понимающих и приглянувшихся друг другу мужчин с единой системой координат, мировоззрением и устремлением к горизонту. Недаром десятки раз мы стояли с ним в тесном уголке его лоджии на седьмом этаже и разглядывали раскинувшееся Затоболье вплоть до Увала, наблюдая его в различные времена года, восхищаясь и сетуя, что невозможно всю эту красоту забрать с собой на тот свет... И он читал стихи о земле, к которой относился священно:

*Земля грузна, как женщина в предродье,
Спокойна, величава и светла.
И к ней, не спящей, жертвенно нисходят
Дожди и струны тихого тепла.
Она несёт своё святое время,
Полна забот и словно мать – добра.
Минуйте же её в такое время,
Бедой грозящие, холодные ветра!*

Как-то на мой вопрос – а почему вы не пополняете свою литературную копилку – он ответил честно: «Писать, как раньше, не могу. А плодить макулатуру – не хочу. Мне моё имя дороже». Повторюсь: я не претендую на избранность. Уверен, что кто-то другой точно так же стоял на этой лоджии и смотрел туда, куда ворон костей не заносил. Достойных людей для совместного созерцания было у Ивана Павловича достаточное количество.

Отличительной чертой деятельности руководителя являлась отстранённость от литературных распрей, течений и разногласий. Он рассказывал, как бывало ему несладко от нападков претендующих на его должность нетоварищей. Зарплата неплохая – 120 рублей, почти уровень директора средней школы. Но всегда побеждало мнение коллективное – и его поддерживали раз за разом добрые друзья – уважающие писатели. И происходило это потому, что каждый из членов организации не заглядывал в рот руководителю, а был личностью, имеющей своё мнение и определённый вес в писательской организации. Я был мог назвать фамилии претендующих тогда – да зачем... Всё уже быльём поросло.

Я был рядом и в 2003, когда Иван Яган получил городскую премию «Признание», а он читал свои знаменитые «Штаны». Потом группкой сидели в кафе «Ностальжи», и я попросил: «Прочтите, Иван Павлович, людям прочтите...». И он читал из матросского цикла стихов «Море» и «Увольнение в город» – и голос его подрагивал, как сигнальный флажок, от нежного ветерка поэзии. Присутствующие устроили выступающему бурную овацию!

Мы вычитывали страницы его сверстанного двухтомника в 2012 году и выискивали уж точно, но последние ошибки в текстах. И опять находили их. А Иван Павлович по ходу дела успевал ещё и свои стихи править, добавляя или убирая что-то. Но это было уже в будущем. Как и то, что по достоинству стал Иван Павлович Почётным гражданином города Кургана, в чём немалую роль сыграла депутат Курганской городской Думы, директор библиотечной информационной системы г. Кургана Людмила Евгеньевна Дорофеева. Пусть сохранится в истории и это славное имя.

А пока на его 70-летию в битком набитой комнате в культурно-выставочном центре я читал ему благопожелание в стихах:

*Ошибок вновь не повторить
И беззаботно не смеяться,
И безрассудно не влюбляться,
И слов «Я твой» не говорить.
Пора цветения прошла,
И надо браться так за дело,
Чтобы душа не только пела,
Но и взгрустнула чуть дыша
О том, что сделать позабыла
В разгуле беспокойных дней.
Ведь то, что было – это было,
А то, что будет – посложней.*

Господи, на 70-летие... Я уже старше того дня рождения...

Так день за днём Иван Павлович готовил из меня свою смену. К концу 2007 года я понял, что дело пахнет керосином, – и как-то раз спросил его об этом впрямую. И получил ответ: «Всё решит собрание». Я испугался. Нет, я даже сильно испугался. Как? Я буду руководить организацией, в которой на тот момент среди полутора десятков членов были литераторы, чьи имена гремели не только на зауральском, но и на российском уровне! Был ещё жив один из основателей писательской организации Василий Еловских (не путать с Василием Юровских), на 90-летию которого мне довелось побывать.

Да я помру от страха...

А он только похохатывал да поговаривал: «Не боги горшки обжигают».

С такой реалией я столкнулся второй раз в жизни. Первый раз это было в Белоруссии, когда редактор Анатолий Томашевский пригласил меня на должность начальника отдела в местную районную газету. Ну, пописывал я туда статейки да стишки, – так это же не повод, чтобы «бросать под танки»! Однако же предложил, и я не отказался.

Вот и Иван Павлович уже принял решение.

30 мая 2007 года – собрание, на котором было выдвинуто две кандидатуры. Большинством голосов победила моя. Журналист Валерией Портнягин даже статью лихую написал под названием «Передача штурвала».

На дружеском фуршете после собрания Иван Павлович, выпив рюмку чая, прочёл такое стихотворение из прошлого опыта:

*Меня корят за мягкотелость.
Но чёрта с два я мягкотел!
Ещё ничто не отвертелось,
Чего я сильно захотел.
Я чую – есть во мне железо,
В кровинке каждой есть металл.
А что не с каждым спорить лезу, –
Так это ж Пушкин завещал.
Но головой своей ручаюсь –
Настанет время – проявлюсь:
Расплавлюсь, выщерблюсь, сломаюсь,
Сгорю.
Но только не согнусь.*

Таким он и был: внешне спокойный и даже временами флегматичный, но вряд ли кто-то догадывался – какие страсти кипели в его душе. За всю его жизнь, трудную, творческую и руководящую – он не сломался.

Иван Павлович первое время присматривал за мной – тем ли путём я иду, не сверну ли на дорогу всепрощенчества, соглашательства или, к примеру, реформаторства. Я этого сделать не мог. И отец Ивана Ягана, и мой – были участниками Великой Отечественной войны. Мы не могли пойти путями либерализма, демагогии и безыдейности. Высшей оценкой моего труда считаю слова старшего брата: «Володя, в свои лучшие годы я не работал так, как работаешь ты».

В год 85-летия Учителя снова был юбилей: большой, радостный и со слезами на глазах. Я связался с Севастопольским морским собранием (а именно в Севастополе проходила морская служба юбиляра), там поняли – и прислали поздравительный адрес, медаль адмирала Невельского и... бескозырку! И Иван Павлович вновь с гордостью надел её через 60 с лишним лет. Глаза его были счастливы. Так и висела она напротив его кровати – сам видел, – до последнего дня. Может, и сейчас ещё висит...

Годы тончают и испаряются, а его книги (числом около двадцати) до сих пор ведут разговор с читателем – спокойный, мягкий и чарующий. По ним мы учимся не сдаваться в любой ситуации и любить Отечество...

По ряду обстоятельств 5 января 2019 года и по разрешению Ивана Ягана (а советовался с ним всегда и по всем вопросам) я сложил с себя полномочия руководителя писательской организации. Её советский период развития закончился.

Спи спокойно, дорогой Иван Павлович... Сегодня твой очередной юбилей – 30 сентября 2024 года тебе исполнилось бы 90 лет. Юбилей со дня рождения, а не ухода из жизни. Добредёт до меня печальное 24 марта – и приду с любимыми тобою тюльпанами на могилку, ломая мартовский наст. Он хрустнет, как вскрикнет. И я тоже – от неугасающей душевной боли от потери хорошего человека.

**Коновалов
Леонид Александрович**

Журналист. Автор нескольких книг, многочисленных статей, очерков, рассказов. Участник многих областных и других региональных литературных конкурсов. Лауреат областного конкурса «Ветеран Зауралья – 2023» в номинации «Краеведение». Член Союза журналистов России, член Курганского отделения Российского Союза профессиональных литераторов. Председатель литературно-художественного клуба «Катайск» при редакции газеты «Знамя». Проживает в городе Катайске Курганской области.

Леонид КОНОВАЛОВ

Дороги в Зауралье и Сибирь

*История предков всегда любопытна
для того, кто достоин иметь
Отечество.*
Н. М. Карамзин

В истории Российского государства вторая половина XVI века явилась эпохой стремительного расширения его границ. На южных рубежах осваивались плодородные земли Дикого поля, на востоке покорились и вошли в Россию Казанское и Астраханское ханства. Добровольно присоединилась Чувашия и Башкирия, признала независимость Ногайская Орда.

В 1581 году знаменитый казачий атаман Ермак со своим отрядом в 860 человек отправился за Камень (Уральские горы), разбил войска хана Кучума и присоединил к России Сибирскую землю. Много трудностей пришлось испытать атаману Ермаку и его казакам. Они плыли на стругах по незнакомым таёжным рекам, пробирались сквозь дремучие леса и топи, громили заслоны хана Кучума. В октябре 1582 года первопроходцы переправились через реку Тобол и захватили Кашлык – столицу Сибирского ханства.

Многие племена хантов и манси признали власть русских, стремясь этим освободиться от ига хана Кучума. Поддержали Ермака также некоторые татарские феодалы, враждовавшие с ханом. С наступлением лета 1583 года атаман победителей отправил в Москву своих послов, которые доставили царю Ивану Грозному богатые меха и донесение о сибирском взятии. Царь был очень рад. Звонили колокола по всей Москве – радовались русские люди тому, что к Российскому государству присоединились богатые, неведомые, бескрайние, далёкие Сибирские земли. Царь послал Ермаку подарки «два пансыря и сосуду и шубу свою», отряд стрельцов.

После падения столицы Сибирского ханства – Кашлыка – борьба с Кучумом продолжалась ещё несколько лет. Много испытаний вынесли казаки – голод, холод, постоянные схватки с врагами. Ермак погиб 6 августа 1585 года, когда на его лагерь неожиданно напали кучумовцы. Окончательный разгром Сибирского ханства завершили другие отряды. Кучум бежал к ногаям и там был убит. С 1586 года Сибирское ханство и Зауралье полностью вошло в состав Русского государства. Это послужило началом массовому переселению крестьян на новые земли.

Кроме «гулящих людей» (так называли крестьян, которые убегали от своих помещиков) были и крестьяне с Поморья, где не было крепостного права. Они покидали родные деревни, свои дома и уходили на новые земли. На их пути стояло труднопреодолимое препятствие – Уральские горы, покрытые дремучими лесами, горными реками, скалами и оврагами. Тут не было дорог. Зимой – сильные морозы, глубокие снега. В период весеннего половодья и осенних паводков на лодках можно было двигаться вперёд. Перевалы покорялись лыжниками и лёгкими нартами, но были труднопроходимые летом. Несколько раз менялся маршрут государевой дороги в Сибирь. Первая дорога повторяла путь Ермака – вверх по Чусовой, потом по её притоку речке Серебрянке, через Тагильский волок в Баранчу, затем вниз по Баранче и Тагилу в Туру. На этой дороге был построен и самый первый русский опорный пункт – Верхне-Тагильский городок (1584 год). Главным недостатком этого пути являлся труднопроходимый Тагильский волок.

Вторая дорога – более удобная, из Чердыни по Вишере и Лозьве в Тавду – была недоступна из-за противодействия Пелымского княжества. И только после приведения Пелыма к покорности гарнизон Верхне-Тагильского городка перевели сюда – на слияние рек Ивделя и Лозьвы – в Лозьвинский городок (1589 год).

Перед царским правительством с присоединением Сибири на повестке дня встала проблема поиска годной для всех времён короткой и удобной дороги через Уральский хребет. Этот вопрос смог решить уральский крестьянин Артемий Сафонович Бабинов. Он родился в деревне Верхняя Усолка, что недалеко от Соли Камской. Человек наблюдательный, решительный и смелый, он знал, что сибирские вогулы приходят из-за гор совершать свои языческие обряды в Чаньвинскую пещеру. Он решил выяснить: а какими тропами они приходят в Предуралье? Рискуя своей жизнью, он скрытно, несколько суток шёл по следам лесных охотников, отмечая свой путь зарубками на стволах деревьев и сломленными ветками.

В 1595 году царь Фёдор Иванович именным указом повелел начать строительство дороги. Артемий Бабинов предложил свои услуги. Под руководством Бабинова наняли 40 соликамских «посошных людей», и они с помощью топоров, пил и лопат проложили путь от своего города до верховьев реки Туры. Длина новой дороги составила 263 версты. Это сократило путь в Сибирь в 7 раз. Через реки, овраги и болота было построено 37 мостов. Новая дорога пересекала реки Яйву, Косьву; поднималась на перевал Павдинского Камня

и спускалась по восточному склону хребта к рекам Ляли и Мостовой до старого мансийского городища Нером-Кара. Здесь, на конце дороги, на высоком берегу Туры возник городок Верхотурье. В 1597 году строительство дороги было успешно завершено.

Власти назвали новый путь «Новой Сибирской Верхотурской дорогой», но это название не прижилось. Народ стал звать новый путь «Бабиной дорогой» – в честь отважного русского первопроходца. Строительство дороги послужило причиной возникновения многих поселений. Город Верхотурье в 1598 году стоял защищённый деревянными стенами и башнями. Здесь стоял сильный воинский гарнизон во главе с воеводой. Появилась таможня, гостинный двор с двадцатью амбарами. На судовой верфи плотники из Соликамска, Чердыни, Хлынова и Устюга строили суда, на которых люди и товары отправлялись в главные сибирские города – Тюмень, Тобольск. Вновь прибывших удивлял крепкий деревянный Верхотурский Кремль и новый город. Для обеспечения нормального движения между Соликамском и Верхотурьем через каждые 20 вёрст стояли «ямы» – казённые избы для путников и ямщиков. Затем тут возникли поселения: Сурмог, Ик, Чертеж, Замельничная, Верх-Яйва, Махнёво, Берёзовка, Чикман, Молчан, Верх-Косьва, Кырья, Павда, Малёхина, Позднякова, Караул, Савинова.

Ездовые с Поморья обычно домой не возвращались, а оставались на новых землях, их угнетал налоговый и малоземельный гнёт. Здесь же они рассчитывали на лучшую жизнь.

Царь Фёдор Иоанович жалованной грамотой наградил Бабинова угодьями вдоль дороги по Яйве-реке, освободив его от податей и оброков. Но воеводы с «Артюшки Бабинова» подати и оброки всё равно требовали, невзирая на царские бумаги. Ведь в России испокон веку было так – «до Бога высоко, до царя далеко...»

В начале Бабинова дорога была рассчитана лишь на зимнюю «гоньбу» – когда мороз сковывал льдом реки. Это не устраивало людей. Царь Борис Годунов 22 апреля 1599 года приказал верхотурскому воеводе послать людей «тоё новую дорогу от Соли Камской до Верхотурья чистить и мостить накрепко... чтоб та дорога была не узка и мосты хороши... и заломов на той дороге

не было, чтоб наши Сибирские запасы и всякую казну было перевозить той дорогою мочно...» И снова проводником, согласно государеву указу, был назначен Артемий Бабинов. Его люди прорубали прямые просеки, строили новые мосты через реки, мостили гати через болота; в некоторых местах дорога получила деревянное покрытие. Движение по ней стало круглогодичным. Её ширина определялась по актам XVII века в три сажени. Дорога соединила Европейскую Россию с Сибирью в то время, когда происходило её освоение русскими. Проезжали огромные массы людей, перевозились значительные объёмы грузов – всё это доставлялось на восток. Можно сравнить Бабинову дорогу со всемирно известными Великим шёлковым путём или путём «из варяг в греки». Известно, что в первые годы и даже десятилетия новые сибирские города и поселения, остроги нуждались в поставках буквально всего: хлеба, оружия, пороха, свинца, соли, тканей, бумаги и прочего. Перечень ввезённых товаров содержит 117 наименований. Действительно, для новых городов Сибири это была «дорога жизни». Только благодаря Бабиновой дороге Россия сумела в лихую годину смутного времени сохранить недавно обретенную Сибирь. Территория Северного и Среднего Урала перестала быть тревожным пограничьем и прочно вошла в состав Русского государства.

Бабинова дорога получила статус «государевой», а из Москвы шли строжайшие требования с тем, чтобы все следующие в Сибирь не смели искать иных путей. Один из таких указов был получен в Верхотурье в 1683 году. Дорогу охраняли накрепко, таможня взимала десятую часть стоимости провозимого товара, рос и богател город Верхотурье. Пост Верхотурского воеводы приобрёл привлекательность для представителей знатнейших боярских родов России – Барятинских, Вяземских, Гагариных, Мещерских, Пожарских... Последний указ о запрещении пользоваться иными путями, кроме Бабиновой дороги, вышел в 1763 году. Кто только не проехал по ней за два столетия? В XVII веке проезжали все сибирские воеводы, по ней везли ссыльных – боярина И. Н. Романова и Ф. И. Шереметьева, князя И. Б. Черкасского, протопопа Аввакума; позднее, в XVIII веке, – светлейшего князя Меншикова. По этой дороге ехали посольства в Китай, участники экспедиции В. Беринга, академики И. Лепёхин и П. Паллас и многие другие.

Население деревень вдоль дороги одним из основных своих заработков считало тогда извоз. Земство принимало все меры по поддержанию дороги в порядке: летом делали подсыпку, ремонтировали мосты, зимой чистили дорогу от снега и заносов. В своих записках генерал-майор В. Генин, проехавший по дороге в 1723 году, показывает 213 версту (247 км). Уральский краевед Н. Чупин, по данным почт-календаря 1801 года, определил её длину в 273 версты (290 км). По рассказам старожилов известно, что похоронили Бабинова на левом берегу Яйвы, раньше там стоял обтёсанный камень. Но нет документальных свидетельств. Многие же старожилы говорили об этом с большой уверенностью, ссылаясь на рассказы предков. Исследователи, исходя из этого, считают, что Бабинов похоронен на кладбище села Верх-Яйва.

Официальное открытие Сибирского тракта, сменившего Бабинову дорогу, состоялось в 1783 году (хотя отдельные участки дороги использовались в разные годы XIX века). Широко пользовались дорогой ещё в годы Гражданской войны. В настоящее время большая часть полотна дороги утрачена и поднят вопрос о музеефикации хотя бы отдельных участков, что нашло отражение в концепции развития Верхотурского государственного историко-архитектурного музея заповедника, написанного П. А. Корчагиным.

В 1997 году на стене колокольни собора Святой Троицы в Соликамске установили доску с надписью: «На Соборной площади в 1597 г. взяла своё начало Государева (Бабиновская) дорога...» А в 2009 году на стене Верхотурского Кремля также была открыта мемориальная доска, извещающая о месте окончания дороги.

Другой торговый путь – так называемая «Казанская тропа» – проходил южнее. Несмотря на запреты царских властей, он был довольно оживлённым. Здесь не было царских стражников и таможни. Для нас, зауральцев, «тропа» представляет особый интерес. Она шла из Москвы на Казань, далее – через Камень (Уральские горы) и башкирские земли выходила к верховьям реки Чусовой и к Каслинским озёрам. «Тропа» имела ещё петлю с заходом в Уфу, затем поворачивала на восток через Сатку и Златоуст, также выходила к Каслинским озёрам. Так что под понятием «Казанская тропа» имеется целая система дорог. Это приводило некоторых исследователей к разночтению и вопросам. И в настоящее время фрагменты этой дороги ещё видны на перевале через хребет Уреньга. В основном по этой «тропе» проложена нынешняя трасса М5. На старом плане от 1697 года видно, что, соединив дороги в одну, «тропа» шла правым берегом реки Синары.

В тёплый, ясный сентябрьский день 2023 года автор этих строк и члены литературного клуба «Катайск» – Михаил Устюжанин, Александр Никитин и Нина Чубарова-Калугина – приехали на это место. Всех нас охватило волнение: мы стоим на дороге, по которой сюда в Зауралье пришли наши предки!!! Чувствуя свою сопричастность к истории, мы сделали много фотографий... Чуть выше впадения Синары в Исеть «тропа» через брод прошла на другой берег Исети и через деревни Оконешной (Оконечниковой), Мартыновой (Шевелёвой) и Савиной мимо Катайского острога, Далматова монастыря шла далее на восток и уходила к Тюмени и Тобольску. По ней ездили люди в Сибирь и обратно.

В челобитной выборных людей от крестьян всех слобод Тобольского уезда 1695 года об этой «тропе» сказано: «И меж озёр Иртяш и Касли через Камень проезжая большая дорога в Казань, на Уфу и на Кунгур: купеческие люди

из разных городов с товары во всея годы ездят в Сибирские города, а из Сибири ездят с товары в русские города...»

В начале XVII века жить и селиться на берегах Исети до середины XVIII века было очень опасно. С юга с калмацких степей здесь постоянно рыскали, как хищные волчьи стаи, степняки: кыргыз-кайсаки, калмыки... Русский писатель-реалист Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1852–1912) писал: «У орды был такой обычай: мужиков перебьют, а молодых девок в полон возьмут. Орда кидалась на русские деревни с особенным ожесточением, всё жгла, зорила, а людей нещадно избивала, забирая в полон одних подростков-девушек. Кровь лилась рекой, а орда не разбирала – только бы грабить. В виде развлечения захваченных пленных истязали, расстреливали из луков и предавали мучительной смерти. Испуганные жители не знали, в какую сторону им бежать. А впереди везде по ночам кровавыми пятнами стояло зарево пожаров. Пленных было так много, что орде наскучило вешать и резать их отдельно, и поэтому устраивали для потехи казни гуртом: топили, расстреливали, жгли...»

Была опасность, что оттеснение границы с Исети может переместиться на север на реку Пышму. Этого допустить было нельзя. По указу царя Алексея Михайловича по реке Исети создавалась оборонительная сторожевая линия. В 1655 году на высоком крутом левом берегу Исети началось строительство Китайского острога. Работы велись под руководством верхотурского боярского сына – Панкратия Перхурова.

Кстати, его личность представляет очень большой интерес для истории и имеет для нас зауральцев такое же значение, как Тимофей Невежин – для Кургана, Юрий Малечкин – для Шадринска или Далмат – для Далматово. Надо отметить, что Панкратий Перхуров почему-то менее известен. Он был очень предприимчивым человеком, строгим управителем, решал важные гос-

Памятник
Панкратию
Семеновичу
Перхурову

ударственные задачи по освоению новых зауральских земель: находил и селил вольных людей, строил поселения и остроги, прокладывал дороги, держал осады, занимался разведкой медных и железных руд на Урале. Его имя и имя его младшего брата Андрея много раз упоминается в «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера. П. С. Перхуров – одна из ключевых фигур в истории Западной Сибири XVII века.

В 2015 году на празднование 360-летия Китайска депутаты городской Думы решили отдать дань памяти человеку, который основал их город. Была собрана информация о нём и в газете «Знамя» опубликован материал. На это откликнулся потомок рода Перхуровых – историк по образованию, он представил дополнительные материалы о Перхуровых. Исходя из данных, мы подготовили эскизы собирательного образа этого человека (ведь его изображение, естественно, не сохранилось). Бюст Панкра-

тия Семёновича Перхурова выполнил шадринский скульптор Александр Галяминских. В День города бюст был торжественно открыт в центре Катайска. Памятник создан на средства, собранные депутатами городской Думы и горожанами.

Панкратий Перхуров выбрал для острога удачное место: высокий обрывистый берег реки Исети, рядом густой лес – а значит, есть строительный материал, так необходимый для постройки.

Существует мнение историков, что в строительстве острога принимали участие немногочисленные крестьянские семьи с берегов Катайки и деревни Савиной. Враги вскоре сожгли острог, неожиданно напав из густого леса, но он, как феникс из пепла, возродился вновь и играл важную роль в Исетской оборонительной линии. В 1662 году он вновь подвергся нападению со стороны башкирцев. Был в осаде 4 дня. Казаки и крестьяне бились день и ночь, затем пушками разогнали врагов, которые сняли осаду и отступили к озеру Иртяш... Несмотря на укрепления, башкирцы разрушили первые селения по Исети, Далматов монастырь. Сожгли недавно построенный Петропавловский монастырь с церковью на правом берегу Синары в месте её впадения в Исеть над Белым Яром в 25 вёрстах от Катайского острога.

Исетская сторожевая линия охранялась Катайским острогом, Далматовским монастырём, Шадринским, Масляным, Мехонским, Ялуторовским острогами. Выше по течению Исети позднее был поставлен Колчеданский острог. Охрану сторожевой линии несли беломестные казаки. В Катайском остроге их было 50. Атаманом был Андрей Липин. С открытием Колчеданского острога часть казаков из Катайского острога отправили к ним. В Ялуторовском остроге было 30, в Исетском – 30, в Мехонском – 60, в Шадринском – 20 человек. Позднее также поставили острожок для охраны Каменского завода и Зырянский острог – на Синаре-реке. Постройка Катайского острога обошлась приписанным к нему крестьянам в 500 рублей, а Колчеданского – в 400 рублей.

Под защитой острогов шло освоение свободных исетских земель. В 1667 г. по указу царя Алексея Михайловича исетские беломестные казаки были переведены в драгуны. Они несли сторожевую службу на своём коште без жалования и освобождались «от оборочной государевой пашни и подушной подати». Всего в драгунский сторожевой полк воевода Пётр Иванович Годунов набрал более 1200 человек. Китайские беломестные казаки, а затем драгуны охрану несли по левому более высокому берегу Исети от впадения в неё речки Караулки (сейчас тут деревня Водолазово) и ниже до речки Половинной – то есть до земель Далматова монастыря, а это более 30 км в нынешнем измерении.

Исследователи называют ещё одну дорогу, по которой в мирное, спокойное время купцы вели торговлю со степью. Из Верхотурья, с севера, торговый путь шёл на юг – мимо Китайского острога, в калмацкие степи. Пока не удалось найти точного описания её местонахождения, только упоминается, что этот торговый путь пересекал «Казанскую тропу». Есть «Солёный» мост на реке Синаре вблизи села Огнёвского Багарякского района Челябинской области. Среди местных старожилов есть предание, что прежде тут привозили соль, которую добывали на южных солёных озёрах...

На протяжении всего XVII века на новых землях за Уралом не хватало хлеба, его привозили из Центральной России. Под защитой острогов началось освоение Приисетья и других земель. И лишь в конце XVII – начале XVIII веков крестьяне стали выращивать на прекрасных чернозёмах хорошие урожаи, на приволье – разводить скот и птицу. По указанию воеводы на Исети у острогов плотники строили большие плоскодонные баржи. Весной по большой воде отправляли людей, хлеб, мясо, масло, сало, шкуры и другое вниз по реке в центральный город Сибири – Тобольск.

Первыми отплывали баржи от Китайского острога, а ниже по течению Исети их ждали другие суда и баржи острогов Шадринска, Мехонского, Исетского и других. Через несколько дней большая флотилия причаливала к Тобольскому берегу...

После открытия Сибирского тракта и появления крупного города Урала – Екатеринбурга – Бабинова дорога и «Казанская тропа» уже не стали играть той значимой роли, что имели раньше. Из Екатеринбурга по левому берегу Исети проходил Исетский тракт. Он был наиболее безопасен, так как проходил через многочисленные поселения. В зимнее время он был хорошо накатан и оживлён. По нему в обоих направлениях двигались обозы, иногда состоявшие более 100 подвод. В селе Китайском имелась крупная ямская станция в 140 возков и 35 постоянных дворов. Отсюда во все стороны шли дороги. Например, на север шла дорога в уездный город Камышлов, стоявший на Сибирском тракте; на юг – в Челябинск, на запад – через Екатеринбург в Европейскую часть России, а на восток – в Сибирь: в Тюмень, Тобольск, Курган и другие.

В Кургане на поселении было 13 человек декабристов. В Ялуторовске также проживали под надзором полиции несколько декабристов. Для нас, зауральцев, интересна личность поручика Николая Васильевича Басаргина. Он за участие в выступлении против царизма был осуждён на 20 лет. После Кургана был выслан в Ялуторовск. Занимался чиновничьей службой. Много ездил по Сибирскому и Исетскому трактам. Изучал местный край. Посещал крупные ярмарки и базары. Вместе с ним в Ялуторовске под надзором проживали другие декабристы: Матвей Муравьёв-Апостол, Иван Якушкин, Иван Пущин (друг А. С. Пушкина), Василий Тизенгаузен, Андрей Ентальцев. В 1843 г. в Шадринске на поселении проживал Евгений Петрович Оболенский. Затем через 4 года его также перевели в Ялуторовск. Кружок декабристов был дружен и деятелен. Они положительно влияли на культурную жизнь Ялуторовска.

В 1842 г. И. Д. Якушкин открыл здесь школу. Н. В. Басаргин оставил большой литературный материал. Уже после амнистии выпустил знаменитые «Записки Н. В. Басаргина» (Москва, 1872).

После смерти Николая I в 1856 году декабристы получили амнистию. Николай I пережил 65 декабристов, но 56 пережили его. Приближался 1861 год – год отмены крепостного права в России. Позднее Л. Н. Толстой сказал: «Освободили крестьян не Александр II, а Радищев, Новиков, декабристы, которые принесли себя в жертву».

В марте 1857 года Н. В. Басаргин в последний раз проезжал через наши места. Он остановился в Шадринске вместе со своей женой Ольгой Ивановной Менделеевой-Басаргиной – родной сестрой известного учёного-химика Дмитрия Ивановича Менделеева. Они ехали в своё имение в Ярославскую губернию. Здесь, в Шадринске, они дождались других декабристов из Ялуторовска: вместе ехать было и безопаснее, и веселее. Так они вместе проехали село Никольское у стен Далматова монастыря и приехали в село Катайское. На ямской станции распрягали лошадей и отводили под навесы, давали овёс, сено; поили лошадей и укрывали их попонами. Сами путники отдыхали на постоялых дворах – ведь утром им чуть свет предстояла дальняя дорога через Мартынову (Шевелёву), Шипишный Яр (Ипатову), село Колчедан, Каменск и далее – в Екатеринбург и домой – в Европейскую Россию.

Мы живём в России, и все те исторические события, которые происходят в стране, не проходят стороной. Вот и возвращающиеся после помилования декабристы, оказывается, проезжали через наши места, через наш Катайск...

...Как сказал в своё время учёный-историк В. О. Ключевский: «В нашем настоящем слишком много прошедшего...»

Использованная литература:

1. Вершинин Е. В. Беломестные казаки Зауралья в XVII веке. – Екатеринбург, 1993.
2. История Курганской области. Т. 1. – Курган, 1995.
3. Матвеев А. К. Географические названия Урала. – Свердловск, 1980.
4. Миллер Г. Ф. История Сибири.
5. Шаликов А. Т. История и современность. К 400-летию Верхотурья...
6. Шаликов А. Т., Редин Д. А. История Урала с древнейших времён до конца XVIII века.

Николай Васильевич Басаргин

Дмитрий ЛИТВИНЕНКО

**Духовная жемчужина Зауралья.
Успенскому Далматовскому
мужскому монастырю – 380 лет**

В Далматово состоялось празднование, посвящённое 380-летию Свято-Успенского Далматовского мужского монастыря. История монастыря, основанного в 1644 году святым преподобным Далматом Исетским, неразрывно связана с историей России. Монастырь стал форпостом русского православия на землях Урала и Сибири.

Монастыри на Руси всегда были хранителями веры, духовной памяти народа, стержнем и скрепами, соединяющими русское пространство и время. Что бы ни происходило на нашей многострадальной земле, как бы ни старались уничтожить дух и душу народа (что, к несчастью, происходит и сегодня), – всегда звучала молитва в наших монастырях, спасающая от сокрушения, продолжающая истинный православный путь России. Конечно, монастыри – это и замечательные архитектурные ансамбли, и богатые библиотеки, и чудесные сады, – но прежде всего это место, где Бог ближе, а молитвы монахов – слышнее. И молятся они за всех нас, за Отечество, за спасение душ человеческих...

Один мудрый историк как-то сказал: «Не будь в России монастырей – это была бы другая страна, с иной историей». Русские монастыри (в XVII веке их было более 600, а к 1917 году – 1257) сочетали «отвержение мира» и служение миру. В самые лютые времена (например, при татаро-монгольском иге) монастыри не только сохранили веру и духовную память народа, но и становились центрами сопротивления, а затем – возрождения России. Монастыри были крупными духовно-просветительскими центрами, содержали многочисленные церковно-приходские школы, а богатые монастырские библиотеки были доступны не только для монахов, но и для мирян. Исторически сложилось так, что монастыри вели активную хозяйственную деятельность, нередко становясь центрами экономической жизни.

Основание Далматовского монастыря и последующая его славная история связаны с именем старца Далмата. Преподобный Далмат – в миру Дмитрий Иванович Мокринский. Родился он в 1594 году. Отец – казачий атаман, мать – из новокрещённых (принявших православие) татарок. Был обучен грамоте, воспитан в благочестивом духе. Сызмала постигал казачье воинское искусство, служил в конных войсках, исправно нёс государеву службу. Занимал видный светский пост – был городничим в Тобольске. Была семья, дети. Но после смерти жены происходит перелом. Зрелый, пятидесятилетний мужчина оставляет всё – дом, хозяйство, службу – и уходит в Невьянский Богоявленский монастырь. В тяжёлый, неблизкий путь он берёт с собой только икону Успения

ЦЕРКОВЬ

**Литвиненко
Дмитрий Андреевич**

Журналист. Член Союза журналистов России. Работал в газетах «Молодой ленинец», «Новый мир». С 2002 года – обозреватель газеты «Курган и курганец», в настоящее время – заместитель главного редактора газеты. С 2010 по 2015 год – редактор «Православной газеты» Курганской епархии. Награждён медалью Курганской епархии Далмата Исетского II степени; почётным знаком Союза журналистов России «За заслуги перед профессиональным сообществом»; бронзовой медалью ВДНХ СССР.

Божией Матери, которая будет сопровождать его всю жизнь и дарить исцеление и благодать людям.

В Невьянском монастыре он принимает постриг и нарекается Далматом. Спустя короткое время монашеская братия, почувствовав духовную силу и крепкий ум Далмата, намеревается поставить его во главе монастыря. Но Далмат не ищет почестей. Узнав об этом замысле, он тайно покидает монастырь.

Двигаясь на восток, Далмат останавливается на берегу Исети при впадении в неё реки Течи. И поселяется здесь – на возвышенном месте, называемом Белым Городищем. Живёт Далмат в «пещере» (землянке), посвящая всё время молитвам и скромным трудам. Хозяин здешних мест татарин Илигей, испугавшись за свою вотчину, решил уничтожить Далмата. Но этого не произошло. По преданию, явилась Илигею во сне Пресвятая Богородица – благолепная жена в багряных ризах, с бичом в руке – и грозно сказала: «Далмата не убивать, а вотчину татарскую со всеми угожьями отдать сему старцу». Так и случилось.

Удивительно, но о пустынножительстве Далмата, одиноко служившего Богу, становится известно не только на Урале и в Сибири, но и в отдалённых краях. Одним из первых пришёл к Далмату из Нижнего Новгорода ученик старца Дорофея Иоанн. Приходили монахи, странники, миряне. Построили деревянную часовню, которая и стала первым монастырским построением. Но мирная монашеская жизнь продолжалась недолго. В 1651 году во время набега степных кочевников часовня была сожжена, большинство монахов убито, а оставшиеся в живых уведены в плен. Сам же Далмат был чудесным образом спасён от насильственной смерти. А икона Успения Божией Матери обретена на пепелище в полной сохранности. С Божией помощью под руководством преподобного Далмата монастырь креп, развивался. Устраивалась не только духовная, но и хозяйственная жизнь монастыря. Роль преподобного Далмата в освоении зауральских земель трудно переоценить. Праведностью своей он освятил наш край, став ходатаем земли Сибирской перед Господом. Умер Далмат в возрасте 103 лет.

После смерти Далмата дело отца продолжает его сын и преемник архимандрит Исаак. Строится большой каменный храм – Успенский. Строительство шло 12 лет. Освящение нового храма состоялось 13 августа 1729 года. Двухэтажный храм был трёхпрестольным: нижняя церковь – Рождества Христова и верхняя – Успения Божией Матери, а также придел святого Дмитрия Прилуцкого. Храм венчали пять глав. На колокольне были установлены 9 колоколов – от большого (весом в 78 пудов) до самого малого (весом в пуд). Мощный Успенский храм становится центральным архитектурным сооружением монастыря.

Монастырь продолжает выполнять функции крепости, оберегавшей от набегов кочевников. Но деревянная ограда была ненадёжным щитом, поэтому в 1713 году началось строительство каменной ограды «для защиты от воровских воинских людей». С момента возведения каменных стен монастырь фактически стал неприступной крепостью. По описи 1731 года, в монастыре числилось 10 пушек. Набеги кочевников становились всё реже и реже. Последний случился летом 1737 года. Стены монастыря защищали и от крестьянских бунтов. Во время пугачёвского восстания в феврале 1774 года мятежники вели 20-дневную осаду монастыря, но безуспешно – им пришлось отступить.

XVIII век – это время расцвета Далматовского монастыря, в том числе и в хозяйственной сфере. Он становится самым мощным монастырём восточной части Российской империи.

Далматовский монастырь также являлся центром духовного просвещения и образования. В монастыре имела богатая библиотека, первое упоминание

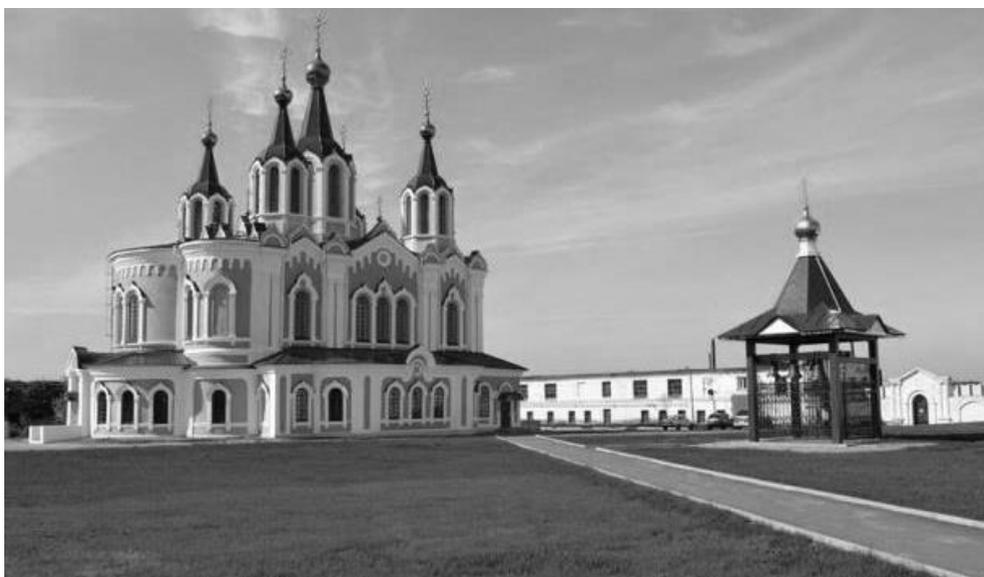
о которой относится к 1679 году. К сожалению, библиотека не сохранилась, и остаётся только надеяться на возможные находки книг из монастырского книгохранилища. Большую роль играло Далматовское духовное училище, открытое при монастыре. Среди учеников училища немало выдающихся российских деятелей. Будущий настоятель Русской духовной миссии в Иерусалиме, известный учёный и церковный исследователь архимандрит Антонин (Капустин); изобретатель радио А. С. Попов; домашний учитель М. Ю. Лермонтова – поэт и учёный А. Ф. Мерзляков и многие другие.

Продолжая тему истории, отметим, что XIX век для монастыря был временем спокойным и размеренным. Возводится надвратная церковь во имя апостола Иоанна Богослова. С 1871 по 1881 год на месте погребения преподобного Далмата и первой деревянной Успенской церкви строится храм во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте». Архитектурный облик монастыря был завершён. На литографии XIX века мы видим чудесный монастырь, который сейчас воспринимается как некое видение.

После 1917 года монастырь ещё некоторое время продолжал действовать. В 1922 году открывается Далматовский музей-монастырь, уникальный для своего времени, созданный по инициативе известного уральского краеведа Владимира Павловича Бирюкова. Благодаря его трудам удалось предотвратить разрушительные действия по отношению к монастырю. Но в 1945 году на территории монастыря началось строительство завода «Молмашстрой», которое и сыграло роковую роль. Монастырские здания были переоборудованы в заводские цеха. Кроме того, многие монастырские сооружения были разобраны.

Но всё возвращается на круги своя. В сентябре 1989 года в Далматово зарегистрирована православная община Скорбященского храма. 6 мая 1992 года решением Священного Синода Русской православной церкви возрождён Свято-Успенский Далматовский мужской монастырь и возобновлена монашеская жизнь. Завод «Старт» покинул территорию монастыря.

Предстояла огромная работа по восстановлению монастыря. Кругом были руины. Вспоминаю первый свой приезд в монастырь. Встреча с наместником монастыря игуменом Варнавой (Аверьяновым). В 1997 году стал он наместником монастыря. Позднее, в июне 2024 года, отец Варнава скажет мне: «Никак не собирался стать наместником. На всё Воля Божия». Блестящий вы-

пускник философского факультета Уральского государственного университета, обладатель красного диплома, поступил в аспирантуру, написал кандидатскую диссертацию по политологии, но защищать не стал – принял монашество. Молитвами и трудами игумена Варнавы, его каждодневным попечением постепенно возрождается жизнь Далматовского монастыря.

За эти годы с Божией помощью совершены славные дела. Полностью восстановлена надвратная церковь святого апостола Иоанна Богослова, расположенная над центральными воротами монастыря. При церкви открыт замечательный музей, посвящённый истории России конца XIX – начала XX века. Здесь собраны уникальные экспонаты, свидетельствующие об эпохе Российской империи времени Николая II.

Благодаря федеральной помощи почти полностью возрождён храм иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте». Но предстоят ещё большие работы по восстановлению частично сохранившихся уникальных настенных росписей храма. Внутри храма находится рака с мощами святого преподобного Далмата Исетского. В августе 1994 года в результате научно-археологических раскопок мощи святого преподобного Далмата Исетского были обреты. Благодаря трудам замечательного зауральского писателя-историка Бориса Карсонова собраны многочисленные свидетельства об исцелениях, чудесных видениях у гроба, а затем – усыпальницы святого Далмата, которая ныне достойно благоустроена.

Сейчас продолжается при поддержке федерального центра реконструкция величавого Успенского собора – центра архитектурного ансамбля Далматовского монастыря. Разрушения храма в богоборческие времена были столь велики, что потребуются огромные усилия и затраты для возрождения Успенского собора. Сейчас знаменитый храм стоит в строительных лесах. С Божией помощью восстанавливаются стены монастыря, без коих облик знаменитой обители будет неполон.

Сегодня Далматовский монастырь стал крупным паломническим центром не только Урала и Сибири, но и всей России. Притяжение велико – тысячи паломников посещают Успенский Далматовский мужской монастырь. Большую роль в жизни монастыря занимает научно-просветительская деятельность. Ведутся историко-архивные исследования, развивается музейная деятельность, связанная с историей монастыря; проводятся научные конференции.

Во время празднования 380-летия Далматовского монастыря состоялась научно-просветительская конференция, посвящённая юбилейной дате. Преподобнейший Владимир, епископ Шадринский и Далматовский, поздравил всех с юбилеем. Владыка зачитал приветственный адрес главы Курганской митрополии высокопреосвященнейшего Даниила, митрополита Курганского и Белозерского. Заместитель губернатора Наталья Кирилова зачитала приветственный адрес губернатора Курганской области Вадима Шумкова.

На конференцию была принесена икона святителя Николая Чудотворца и мученицы царицы Александры, написанная в 1896 году радением Далматовского волостного общества в память коронации их императорских величеств государя императора Николая II Александровича и государыни императрицы Александры Фёдоровны.

Перед началом конференции участники ознакомились с уникальными выставками. Была представлена коллекция готовящегося к открытию монастырского музея древнего благочестия в селе Широковском Далматовского муниципального округа. Здесь были представлены уникальные экспонаты старообрядческой культуры Зауралья. Работы известного шадринского фотографа Андрея Хитайленко открыли повседневную жизнь Далматовского монастыря.

О роли Далматовского монастыря в истории России говорил в своём докладе на конференции наместник монастыря игумен Варнава (Аверьянов). Ведущий научный сотрудник института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук Ирина Манькова рассказала о жизни и служении архимандрита Исаака (Мокринского), настоятеля Успенского монастыря, сына основателя Далматовского монастыря святого преподобного Далмата Исетского. Известный курганский архитектор Галина Статных, внёсшая немалый вклад в восстановление архитектурного облика Далматовского монастыря, познакомила слушателей с особенностями архитектуры монастыря – замечательного памятника русского церковного зодчества. Протоиерей, проректор по научной работе Екатеринбургской духовной семинарии Пётр Мингалев в своём докладе показал, насколько сложной были история Далматовского монастыря во времена раскола, когда старообрядчество было преследуемым в России.

Празднование завершилось открытием памятника архимандриту Исааку Далматовскому (автор – скульптор Ольга Красношеина) – строителю Далматовского монастыря, продолжателю дела своего отца – святого преподобного Далмата Исетского.

ПОЭЗИЯ

Вальтер Юрий

Литературный псевдоним Шибаява Юрия Вальтеровича. Под ним автор известен в сетевом журнале «Самиздат», где в основном размещены его произведения.

Родился в 1951 г в Башкирии. Окончил факультет иностранных языков Курганского педагогического института, Академию МВД СССР. Преподавал в школе, работал в органах внутренних дел, службе судебных приставов. Печатался в местной периодике, еженедельнике «Попутчик-криминал» (Санкт-Петербург), коллективном сборнике «Сила символа» (Рязань). Недавно вышел сборник его стихов и рассказов «Вернуться к самому себе». Живёт в Кургане.

Юрий ВАЛЬТЕР

Поздняя осень

Сквозь линияю неба просинь
Зарядили опять дожди.
Во владенья вступила осень,
И пощады уже не жди.
Парк практически заболочен,
Мокнут улицы и мосты.
Мокнет бронзовый Пушкин – впрочем,
Он со слякотью был на ты.
Хорошо, что потоп не вечен,
И однажды усталый парк,
Как маэстро на званый вечер,
Белоснежный наденет фрак.

Что наша жизнь?

Что наша жизнь? Роман, где эпилог
От нас сокрыт завесой тумана,
Где ждёт, по слухам, вечная нирвана
И оборвутся нити всех дорог.
Встаёт вопрос: а если бы я мог
Чуток подправить фабулу романа,
Добавить чувства, избежать обмана,
Преодолеть соблазны и порок –
То это был бы тот же прежний я?
Или другой? И как бы вы узнали,
Каков я вправду, милые друзья?
Нет, скажем честно: выгорит едва ли
Затея наш роман переписать,
Ведь от себя нет средства убежать.

Атмосферное

Как можно воздух описать?
Как с лексиконом вредным сладить?
*Ночной эфир струит опять
Зефир и вафли в шоколаде.
Тиха украинская ночь,
Туманы стелются в низине,
И Днепр не в силах превозмочь
Пичуга, пав посередине.
В любой погоде – благодать,
Она играет с нами в прятки.
Как атмосферу передать,
Грозу и прочие осадки?
Нам Окуджава подсказал,
Мол, каждый пишет, как он дышит.
Вот я, дыша, и написал,
Как мог, пяток четверостиший.
Прошу зачесть сей скромный труд
За атмосферное явление.
Надеюсь, критики поймут,
В чём тайный смысл стихотворенья.*

Апология Канта

Откуда взялся нравственный закон –
Понять легко. Так общество решило.
Что хорошо, что плохо – рассудило
И добродетель возвело в канон.
Известно с достопамятных времён:
Не жди добра, коль бесовская сила
Тебя чужое мыло побудила
Присвоить. Это чистый моветон!
А чем занять тогда себя? А просто,
Не задавая каверзных вопросов,
Иной предмет раздумьям подыскать.
Какой предмет? Нетрудно догадаться:
Бескрайним звёздным небом любоваться
И вслед за Кантом звёздочки считать.

Пути познания тернисты

Герр Мёбиус однажды с герром Клейном
Бутылочку распили на двоих,
Желая убедиться, кто из них
Искусней в упражнении питейном.
Каков итог? Два наших молодца
Легко нашли, развеяв все сомненья,
Что в благородном деле потребленья
Начала нет, но нету и конца.

Старинные часы

Старинные часы ещё идут.
Нам рано относить их к антиквару.
Они с сердцебиением на пару
Ведут отсчёт потраченных минут.
И хочется, как прежде, верить в чудо,
И не окончен жизненный маршрут,
Покуда бьётся сердце и покуда
Старинные часы ещё идут.

Эстафета

Задержалась эстафета,
Кто-то палочку украл,
От весны, как нужно, к лету
В свой черёд не передал.
Надоели куртки, кепки,
У людей унылый вид.
Даже скворушка на ветке,
Разобидевшись, молчит.
Климат стал совсем несносным,
Мир устал от непогод.
Вот что значит високосный,
Непутёвый этот год!

* * *

Монмартр подо мною. Давно не плевал
Отсель я на шляпы французам беспечным.
Гарсон расторопно наполнит бокал –
И я загрущу о сакральном, о вечном.
Припомню, как был тут наивным и юным...
Но после на шляпы им всё-таки плюну!

Первый снег

Вдруг выпал снег. Вчера ещё месили
Мы дружно опостылевшую грязь,
А нынче всё бело, и первый иней
Ласкает взор, на солнце серебрясь.
Повеселели улицы и скверы,
Звенит задорно старенький трамвай.
Чуть в стороне, урча сверх всякой меры,
Ползёт снегоуборочный комбайн.
Повылезали лыжники и дружно
Торят лыжню, пыхтя друг другу вслед.
Как мало, люди, нам для счастья нужно!
А всех делов-то – выпал первый снег.

Черёмуховый край

Майским днём я сошёл с электрички,
Миновал ряд скамеек пустых
И рванул по давнишней привычке
Напрямки вдоль черёмух густых.

Как давно я на родине не был,
В городке, где всё дорого мне.
Надо мною бескрайнее небо,
И пичужка звенит в вышине.

Я иду и вдыхаю всей грудью
С детства памятный мне аромат.
Будьте счастливы, птицы и люди!
Я люблю вас и этому рад.

Край черёмух и первых свиданий,
Край, где старый родительский дом,
Ты давно из теперешней дали
Представлялся мне благостным сном.

Нет, всё здесь, никуда не девалось,
Те же улочки в сонной тиши,
Всё со мною навеки осталось
И таилось в глубинах души.

Так же мир мне навстречу распахнут,
Лишь ладони к нему протяни,
И всё так же черёмухи пахнут,
Как в далёкие вешние дни.

О вреде мифологии

Мне наблюдать явление богини
Из вод морских однажды довелось.
Её купальник был настолько мини,
Что взгляд легко пронзал его насквозь.

Припомнив миф о юной Афродите,
Который привлекал меня всегда,
Представил я, что мы вдвоём на Крите,
И с нами только солнце и вода.

Какой замес под сению небес
Могли б мы там с богинею устроить –
Представить жутко. Даже сам Зевес
Сказал бы: «Это вам похлеще Трои!»

Однако, применив самоанализ,
Я понял, что немного поспешил.
Годочки никуда не подевались,
А сколько их за жизнь я накопил?!

Увы и ах! Пришлось мне на лежанке
И дальше молча слюни распускать.
С горы давно скатились наши санки,
Да так, что и следов-то не сыскать.

Рябиновые ночи

Как безоглядна первая любовь!
Она не знает страха и сомненья.
Закрыв глаза, я вспоминаю вновь
Тех давних лет забытые волненья.

Наивная, беспечная пора.
В тени рябин укромные скамейки,
И сатуратор, хитрый аппарат,
Что нас поил водичкой за копейки.

Ты собирала в шутку, вполруки,
Колье из горьких бусинок рябины.
Жаль, летом ночи слишком коротки,
А дни разлуки непомерно длинны.

Нам часто не хватало нужных слов,
Мы были, словно маленькие дети,
Не ведая запретов и оков,
Как будто бы одни на белом свете.

Жизнь сделалась практичней и быстреей,
И пусть иным теперь я озабочен –
Я помню вас, дни юности моей,
Я помню вас, рябиновые ночи!

Пятый угол

Однажды некий офицер
Встал на квартиру. Интерьер
Он подбирал всегда с особенным старанием.
Денщик буквально сбился с ног,
Он обежал весь городок,
Чтоб отыскать жильё согласно пожеланьям.

Вот, наконец, был найден дом.
Майор вселился. За окном –
Чудесный сад, уют души в часы досуга.
На месте сенки и чердак,
Но что-то с комнатой не так:
В ней каждой ночью появлялся пятый угол.

Майор был знатный геометр,
За сантиметром сантиметр
Он эту комнату облазил и обмерил.
Чертёж составил и затем
Припомнил пару теорем,
Чтоб разобраться с феноменом в полной мере.

Суша теория, друзья!
Эксперимент – вот та стезя,
Тот инструмент, что здесь верней бы пригодился.
И вот однажды наш майор,
Взяв измерительный прибор,
Шагнул в тот угол – и бесследно растворился.

С тех пор прошло немало лет,
Уже не носят эполет,
Но в городке жива молва об офицере.
Смерть за науку – не пустяк,
Теперь в народе знает всяк,
Что пятый угол явно лишний в интерьере.

Вавилонский облом

Седой Ахмед был мудр и уважаем
За доброту и незлобивый нрав,
Умел распорядиться урожаем,
Знал говор птиц и свойства местных трав.

А надобно сказать, что в Вавилоне,
Где жил Ахмед в библейские века,
Старейшин почитали, и в поклоне
Склонялся каждый, видя старика.

И как-то раз при всём честном народе
Он объявил, что Бог ему во сне
Велел построить башню, что-то вроде
Дворца, вершиной к солнцу и луне.

Народ возликовал, и вскоре стройка
Вовсю кипела. Каждый в меру сил
Участвовал: кто вешки ставил бойко,
А кто-то просто камни подносил.

При этом внук почтенного Ахмеда,
Горячий и несдержанный Халил,
Охотно толковал виденье деда
И между прочим вот что говорил:

«Ведь если хорошенько поразмыслить,
То Бог не зря пришёл к нему во сне:
Он хочет этой стройкой нас возвысить,
Чтоб люди стали с Богом наравне!»

Кому же не понравится идея
К вратам небесным подобрать ключи?» –
И стали люди строить всё быстрее,
Без устали таская кирпичи.

И вот уже вершина гордой башни
Возвысилась до птиц и облаков.
Народ забыл свой скромный быт вчерашний
И с Богом был соперничать готов.

Бог посмотрел на это безобразье
И наказал насельников Земли:
В уста людей вложил он говор разный,
Чтоб те понять друг друга не могли.

Хотел Ахмед посетовать Халилу:
Гордиться, мол, внучок, нехорошо, –
Но только рот беззубый свой разинул,
А слов понятных так и не нашёл.

И стройка встала. А спустя столетья
Рассыпалась и вовсе в пух и прах.
И разбрелись все люди по планете,
И говорят на разных языках.

Мораль проста: уподобляться Богу
Не может смертный, по уши в грехах.
Смири гордыню, знай свою дорогу
И не витай напрасно в облаках.

Пейзаж с прибамбасами

(Бродский в Нью-Йорке)

Центральный парк по осени печален,
Бреду опять на лекцию в тоске.
Диск солнца в зыбке туч слегка овален,
Как дырка на нештопаном носке.

Вот белочки затеяли возню,
Растёкшись то ли мыслью, то ли мысью
По дереву. Старый клён в наряде ню
Сстулился под неба хмурой высью.

Синичка-непоседа на ветвях
О чём-то безмятежно напевает.
Не ведает беспечный милый птах,
Как одиноко мне порой бывает.

Последний листик с дерева, кружась,
Упал в траву. Сиротская судьбина.
Чужой водою не напьёшься всласть,
И не заменит родину чужбина.

Вот точно так же падала листва,
Гоняли по Палм-Бич таксомоторы,
Когда Армстронг шагами покрывал
Луны непокорённые просторы.

Дарили звёзды нежность мне порой –
Не скрою. Но случалось всё же чаще,
Что мой вполне лирический герой
Был чем-то озабочен и несчастлив.

Всё суета. И этот старый парк,
И глупые, наивные студенты.
Лишь космоса величественный мрак
Сорвёт в конце мои аплодисменты.

Случай с Петровым

В одной из редакций я слышал рассказ
Из уст стародавнего друга.
Его приберёт специально для вас,
Чтоб скрасить минуты досуга.

Был главный редактор докучлив и строг,
Ценил всего выше старанье,
И вот как-то раз, чуть взойдя на порог,
Он выдал собкору заданье.

«Ступай-ка, Андрюша, умелец ты наш,
На выставку собаководства,
И чтоб к понедельнику твой репортаж
Готов был в печать, в производство!»

А надо сказать, что собкор тот, Петров,
При всех своих стати и чине,
К такому заданию был не готов
По самой банальной причине.

Он с детства боялся собак, но скрывал
Сей факт от коллег и знакомых.
Бывало, увидев собачий оскал,
Впадал в натуральную кому.

Подкрáлась скупая мужская слеза,
Присел он в тоске на скамейку...
И вспомнил, что лет этак десять назад
Про знахарку делал статейку.

Помчался стремглав. Бабка дома была,
Припомнила старые годы –
И тут же в чулане, по счастью, нашла
Микстуру от этой невзгоды.

«Довольно трёх капель», – сказала она,
Неся заповедную склянку.
Да где там! Он выпил микстуру до дна
И рухнул ничком на лежанку.

Наутро очнулся, промолвил «мерси!»,
Вручил бабке приз недешёвый –
И, время не тратя, умчал на такси
На поиск собачьего шоу.

Блуждая по городу, вдруг за углом,
Где частных домов огороды,
Он встретился с хмурым, взъерошенным псом
Какой-то невнятной породы.

Барбос сказал «Гав!» («Дай пожрать, мол, скорей!»)
И сунул в ладонь нос холодный.
В ответ неожиданно скромник Андрей
Ответил «Гав-гав!» («Сам голодный»).

Вот так завязался у них разговор,
А дальше – пошло как по маслу:
Пёс многое высказал, сделав упор
На трудностях жизни блохастой.

Свернули на выставку. Там без труда
С барбосом гран-при оторвали.
Такого фурора в жюри никогда
До этой поры не видали.

За свой репортаж был обласкан Петров,
Герою воздали сторицей.
И он, говорят, до сих пор жив-здоров
И больше собак не боится.

Контрастная любовь

Макушка лета. Травы одурели,
Прут без стеснения прямо сквозь асфальт.
И Лель, устав от щебета свирели,
То за гобой возьмётся, то за альт.

Вот громыхнуло – это точно туба.
Промчался дождик, лёгок и игрив,
Как будто мириады тонких трубок
Устроили нам капельный полив.

И снова солнце. Всё смешалось в кучу.
Природа словно водит хоровод.
Для разнотравья нет сезона лучше,
Чем эта чресполосица погод.

Вот так и мы с тобою, дорогая,
То ссоримся, то миримся опять.
То на песочке жарком загораем,
То дождик нас возьмётся поливать.

Всё к лучшему. Подобная закалка
Лишь горячит и разгоняет кровь.
Недаром нагадала мне гадалка
Счастливую и долгую любовь.

**Гостюхина
Светлана Олеговна**

Родилась в 1964 г. в Хабаровске. С 1968 г. живёт в Кургане. Окончила биофак Курганского пединститута. Более тридцати лет работает учителем биологии в школе. С детства пишет стихи. Публиковалась на портале Стихи.Ру, в журнале «Чем развлечь гостей», альманахе «Живая вода», сборнике «Русь моя». Являлась номинантом литературной премии имени Сергея Есенина. В 2018 г. издала сборник стихов «Родной. Родное. О родном». В «Тоболе» публикуется впервые.

Воспринимаю мир, как храм...

Воспринимаю мир, как храм,
Где на восток – иконостас.
Там солнце веры по утрам
Восходит благостью для нас.
Деревья, будто свечи,
Нас согревают, лечат.
И, рдея осенью, возносятся в небеса
Молитвы шелестящей голоса...
В том храме свод небесный – купола,
Расцвеченные то сурьмой, то синью...
Там милость дарит чудотворец Николай,
Там Богоматерь бережёт Россию..
Мы, прихожане, что несём в свой храм,
Греша, молясь и каясь,
Перед Всевышним
на колени опускаясь, –
Дары любви иль ненависти хлам?

Мой край родной

Мой край родной...
Укутавшись закатом розовым,
Взмахнёшь ты веером берёзовым,
Умоешься дождями слёзными,
Раскатами оглушишь грозными,
Уложишь спать на травяной подушке,
Порадуешь гаданием кукушки,
Блеснёшь слезою глаз своих озёрных
И вдаль проводишь вольных беспризорных
Детей своих...
Кого в столицы, а кого на Север...
Перезагрузишь свой душевный сервер,
И, пустоту заполнив небесами,
Нам улыбнёшься васильковыми глазами.

Воскресенье на Увале

День воскресный. Без забот
Сосны встали в хоровод.
И берёзки им под стать
Начинают танцевать.
В кружева принарядились,
В лёгком вальсе закружились...
Увидав красу такую,
Солнце вскрикнуло: «Тоскую
Я напрасно тут с утра!
Веселиться всем пора!»
Засияло, озарило
Весь лазурный небосвод
И лучом позолотило
Отдыхающий народ.
Ну а мы – скорей на лыжи,
Да на санки, да с горы!
В вихре снежном ближе, ближе
Звонкий хохот детворы!
Что смеётесь? Тоже были
Молоды мы и смелы
И с горы, крутясь, катили
Наподобие юлы!
Вот сейчас – идём на лыжах,
А местами и ползём,
Наслаждаясь зимним днём,
И купаясь в солнце рыжем...

Ну, казалось бы, что здесь такого...

Ну, казалось бы, что здесь такого –
Прогуляться на берег Тобола?
Вдоль тропинки нарвать летний цвет
Донник, кашку. Составить букет.
Колоски диких злаков туда же,
И полынь ароматную даже.
Пробираюсь по узким дорожкам
За лиловым мышинным горошком
И сбегаю в лощинку быстрее
За малиновым ярким кипреем...
Ах, цветы вы мои луговые!
Вплетены в вас мечты вековые,
И славянских ведуний гадания,
И старинные сказки-предания..
Я в веночек душистый вплету
Свою тайную думку-мечту.
И, запущено лёгкой рукою,
Увлекаемо тихой рекою,
Поплывёт не спеша по волне
Моё счастье, что дорого мне.

Время летних отпусков

**Коростелёва
Татьяна Николаевна**

Родилась в 1955 году в деревне Осокино Далматовского района Курганской области в семье крестьян. Училась в Смирновской восьмилетней, Далматовской средней школах. Окончив Шадринский педагогический институт, работала в школах города Далматова учителем русского языка и литературы в течение двадцати пяти лет. Печаталась в районных газетах Далматова и Шадринска, в областной молодежной газете. Участвовала в областных телевизионных передачах, посвящённых поэзии. Были публикации в журналах «Урал», «Наука и жизнь», альманахах «Исеть», «Родник». С прозаическими произведениями принимала участие в открытых литературных конкурсах имени В. И. Юровских «Своя песня». Живёт в городе Далматове Курганской области. В «Тоболе» публикуется впервые.

Во время летних отпусков мы, деревенские, не удивлялись наплыву гостей из города.

Если тётя Соня, гордая и непокорная, приходила со станции пешком, то семью из Каменска-Уральского – тётю Шуру, дядю Лёню – было грех не встретить. Мой отец велел вымыть мотоцикл, обрызганный грязью донельзя изъезженных просёлочных дорог. Сделав в полеводческой бригаде разнарядку, он поехал на станцию.

– Явились, – с иронией в голосе сказала тётя Соня, когда я открыла ворота гостям. Она не упускала случая поиронизировать над дядей Лёней, хотя чаще всего её ирония выглядела как комплимент. Дядя никак не реагировал на слова свояченицы. Он принимал как должное её присутствие у себя в доме по субботам и воскресеньям, вмешательство в семейные дела.

«Красив Лёнька на лицо, хоть из окошка продай», – говорила Соня, всю жизнь искавшая идеального мужчину. В её альбоме я видела фото дяди Лёни: лицо аристократа, тёмные волосы зачёсаны назад.

Не менее привлекательна была его жена Шуручка. Вся наша родня не знала, в кого она издалась, откуда соразмерность фигуры, синие неотцветающие глаза, волнистые от природы волосы.

Вечером по случаю приезда отпускников была царская уха с приглашением

однодеревенцев. Когда деликатные деревенские гости разошлись по домам, мама распределила, где кому укладываться на ночлег. Свою кровать-трон она никому не уступала. На маме держалось домашнее хозяйство, и она дорожила каждой минутой сна. Гости из Каменска устроились у бабушки в прихожей комнате.

Утром на завтрак были оладьи и запечённая, с дымком, картошка. Дядя Лёня ел с аппетитом, просил добавки.

– Шуручка, я пойду, пожалуй, на Ольховку, порыбачу, – вставая из-за стола, обратился он к жене. Рыбалка во время отпуска была его любимым занятием. Курган обещал дожди, и мама посоветовала дяде взять плащ, висевший в сенях, но он заотнекивался: «Спасибо, я так». Дождь рыбакам не помеха.

Из-за пасмурной погоды мы с тётей Соней отложили поход за грибами и заговорили о новых веяниях моды. Тётя рассказала о последнем показе

швейных изделий в ателье, где работала, и о том, что в качестве декора отлично смотрятся розочки.

– Хочешь, сделаю тебе такие же?

– Конечно, хочу.

В комодке я нашла кусочки «шерстянки», и из этих остатков, ловко подгибая, скручивая ткань, Соня сделала две розочки – чайную и красного цвета.

Пока мы с тётёй толковали о моде, проводником которой для меня всегда была она, натянуло тучи, и, как из худого ряда, полил сильный окатный дождь.

В доме стало темно, дядя Лёня не возвращался с рыбалки, и растерянная Шурочка не находила себе места.

– Что делать, Соня? – спрашивала она сестру.

– Ничего. Человек не глина, а дождь не дубина, – то ли успокоила, то ли подлила масла в огонь Соня, никогда не терявшая самообладания.

Но дождь был не из тех, обложных, что приходят надолго. «Вон, Александра, идёт твой ненаглядный», – с подчёркнутым равнодушием сказала Соня, когда перестал дождь. Дядя Лёня промок до нитки, но был доволен: в садке трепыхались знаменитые ольховские окуни.

Обедали поздно. Дядя, жестикулируя, рассказывал, как осторожно клюёт рыба в пасмурную погоду. Его, переодетого Шурочкой во всё сухое, немного познабливало.

Печь была истоплена, и мы общими усилиями уговорили дядю Лёню выпить рюмку водки и хорошенько пропотеть на печи.

Рыбы дядюшка наловил порядочно. Холодильника у нас не было, и мы поступали так: промывали рыбу холодной водой, вперемешку с крапивой укладывали в ведро и подвешивали на верёвке в колодец. Соня с бабушкой взяли за окуней, а меня ждала недочитанная повесть Тургенева.

За ужином дядя Лёня почти ничего не ел, и лицо его время от времени принимало страдальческое выражение. Шурочке он не давал и рта раскрыть. Наконец она не выдержала: «Соня, у Лёньки сгорела спина». Когда дядя поднял рубашку, все ужаснулись. Спина его покраснела, кое-где на ней вздулись пузыри, готовые лопнуть.

Мы применили все снадобья, которые нашлись в доме, даже репейное масло, купленное мною для укрепления волос.

Я не могла взять в толк, как дядюшка сподобился получить серьёзные ожоги, если никто и никогда на нашей печке не обжигался даже в подпитии. Помню, протопает зимой из школы в пургу пять километров, припадёшь к тёплым кирпичикам и спасёшься от хворей-простуд.

Мы сбились с ног, пользуя дядю Лёню, но ему была нужна помощь врача. Ночь он мужественно продержался, а утром отец увёз их с Шурочкой на станцию.

При расставании Соня, впервые потерявшая самообладание, смотрела на дядю Лёню сочувственно. Может, она сменила гнев на милость, а может, причиной было то, что мне, молодой сочинительнице, предстояло узнать или открыть.

Ну и денёк!

Летом мне пришла в голову блестящая идея: увеличить полезную жилплощадь за счёт амбара, положить там на ящики доски и жить припеваючи. Одного я боялась: мышей. «А кошка Маха на что? Возьму её с собой».

Подобный опыт у нас был, когда перестраивали избу. Бабушка ночевала у соседей, а я с родителями – в амбаре.

Амбар мы использовали по прямому назначению: хранили зерно. Центнеров этак десять с моей долей за работу на сенокосе. Ещё в амбаре хранились мешки с отрубями, горохом, берёзовые веники. Там же было всё необходимое для занятия пчеловодством: медогонка, вощина, дымари и стойко держался запах пчелиного клея – прополиса. У мамы была пасека – до пяти ульев.

Я заканчивала приводить в порядок свои новые апартаменты, когда мама пришла на обед. Заглянув в огуречник, где стояли пчелиные теремки, она подняла тревогу: «Таня, пчёлки роятся!»

Как солдат по команде «в ружьё!», я выбежала во двор. Тётя Соня, как перед грозой, захлопнула створки окна. Бабушка, солившая у колодца огурцы, свернула засолку.

Для нас с мамой это был рабочий момент – естественное, хоть и нежелательное, явление в пчеловодстве, а лично для меня – ещё и романтическое приключение.

Как-то я поинтересовалась, почему пчёлы роятся. «Появилась в пчелиной семье вторая хозяйка, – объяснила мама, – и та, что посильнее, вытеснила слабую вместе с детками».

В деревне я боялась собак, гусей, но только не пчёл. Даже если какая-нибудь рьяная защитница пчелиной семьи «типнет» меня в непогоду – вытащу жало, приложу холодную примочку, и всё пройдёт.

На пасеке тревожно гудели пчёлы. Отроек, как борода, висевший на изгороди, вдруг снялся, набрал высоту и тучей двинулся в сторону посёлка Рондо. Мы с мамой – за ним.

У меня в руках было ведёрко с водой, берёзовый веник, и я создавала имитацию дождя, чтобы отроек совершил посадку как можно ближе к деревне. Со стороны это, должно быть, выглядело так, как будто я бежала, запуская в небо бумажного змея. Маме давала о себе знать одышка, и она шла шагом.

Мы думали, что пчёлы сядут в рондовском саду, но они полетели дальше, над долиной.

В ведёрке закончилась вода, и я переключилась на другое испытанное средство: начала брэнчать бадейкой. Под этот брякоток, немного покружив, отроек привился на куст черёмухи. Погоня была закончена. «Успокоятся маленько, и будем снимать беглянок», – сказала мама, в изнеможении опускаясь на траву.

Сияющая под солнцем долина со стадом копёшек, с чернизиной пашни вдаль источала спокойствие и тишину. Но мама, всю жизнь перевозмогавшая сердечный недуг, не любила долго рассиживаться, и мы занялись отройком. Я держала роевню, а мама половником снимала отроек с черёмуховой ветки.

Побрать ягюдок нам было некогда. Без единого укуса мы пришли в Осокино. Бабушка и Соня, напуганные пчёлами, сидели взаперти.

Перед вселением в новый улей пчёлкам предстояло сутки охлаждать свой пыл. Мама поставила роевню в чулан и ушла в магазин, так и не пообедав. Два часа обеденного перерыва истекали, и она не хотела, чтобы какой-нибудь

горе-законник, а попросту – смутьян, растрезвонил по деревне, что продавец опаздывает на работу.

На крыльце – самом удобном месте для отдыха – было жарко, и я отправилась в амбар, где всё ещё наслаждалась новизной пребывания. Только задремала, во дворе послышался шум. Ругалась бабушка.

«Неужели опять пчёлы, вторая семья?» – пронеслось в голове. – «Да не может быть. На пасеке полный штиль».

Я рванулась во двор, а там бабушка задаёт трёпку моей любимице Махе: что-то она в избе опрокинула. Отобрав у бабушки бедное животное, я разбросала всё её засолочное хозяйство, давая понять, что никому не позволю обижать Маху.

Если бы кто знал, какая это была красивая кошка, с отголосками редкой породы: пушистой тёмно-коричневой шерстью и таким же хвостом. Маха вылавливала в доме всех грызунов. Под полом в корзинах неделями стояла припрятанная бабушкой сдоба.

Подчиняясь природному инстинкту, Маха уходила мышковать в дикоросы. Я видела, как она переходила дорогу после дождя: отряхивая лапы, выбирая, куда лучше ступить. Нет, не могла я простить произвол в отношении Махи.

Мирились в деревне без церемоний и слащавости. Через полчаса бабушка попросила меня сходить за водой, я выполнила просьбу – вот и всё перемирие. Подолгу дуться друг на друга деревня не даст.

«Ну и денёк!» – думала я, расчёсывая массажкой Маху. В открытую дверь амбара было видно, как на северной стороне вечернего небосклона загорались первые звёздочки.

Метель

«В тот год осенняя погода стояла долго на дворе...» – совсем как у Пушкина, было некогда у нас за Уралом. Начинался декабрь, а в детском парке Кургана по-лисьи шебуршала-шептала опавшая листва.

Я собиралась в родную деревню Осокину и зашла в ЦУМ, но не поглазеть, как раньше, а чтобы купить подарок подруге Але. Она выходила замуж. В парфюмерном отделе я выбрала набор духов «Северное сияние».

Всю дорогу до пригородного вокзала не переставал дождик-бусенец. Объявили посадку, и вагон электрички заполнили такие же, как я, студенты.

Глядя на весёлых парней и девчонок, я думала о подруге-невесте: «Что Аля нашла в угрюмом Николае? Не пара они, никак не пара». Аля была девушка весёлого нрава, носила с собой карманное зеркальце, губную помаду. Работала она в колхозе, куда пошлют, жила от зарплаты до зарплаты.

В тёплом вагоне электрички меня, не спавшую толком с полуночи, разморило, я всё время задрёмывала. Где-то перед Шадринском громкие возгласы «Ничего себе!», «Вот это да!» прогнали дремоту. Пассажиры повскакивали с мест, смотрели в окна.

В полях валил густой снег, и, похоже, начиналась метель. До чего обманчива погода! Не зря говорят: «Гони природу в окно, а она войдёт в дверь».

Я могла бы проехать в Далматово и там переждать завируху, но душа рвалась «к милому пределу», и я прыгнула в снежную закруть Прокопьевского полустанка. На платформе, кроме дежурной по переезду, не было ни души.

Невдалеке от большака мне навстречу попали женщины-землячки: колхозный агроном Фаина Сергеевна и учительница Людмила Ивановна. В такую

погоду моё осеннее «коллекционное» пальтецо с крупным счётом проигрывало их основательной зимней одежде.

Метель всё усиливалась, дорога была одно убитьё, сплошные снежные заносы, но я продвигалась вперёд, закрывая лицо от ветра.

После нижнеярского стана Комарное замаячила лесозащитная полоса – аллея высоких берёз, под снегом похожих на кипарисы. Это была всего лишь половина пути. Я находилась в эпицентре стихии, во власти снежного фронта. Ноги мои изошлись-отёрпли, хотелось присесть, отдохнуть, – но я знала, что этого делать нельзя.

Мой дядя – Иван Константинович Подкорытов – рассказывал о трактористе: как тот, под хмельком, застигнутый в поле метелью, боролся с желанием отдохнуть. Он рвал торчавшую из-под снега полынь, растирал её в руках и, вдыхая отрезвляющий запах, дотянул до жилья.

Я всё шла, теряя силы и уповая на чудо. Вдруг шагах в десяти показалась застрявшая в снегу грузовая машина. Не помню, как я сделала эти десять шагов, почти что из небытия.

В кабине грузовика сидел колхозный шофёр Геннадий.

– Вот закопался, сижу загораю, – улыбнулся Гена. – Напарник Григорий Киселёв ушёл за трактором.

Геннадий сказал, что за время работы шофёром не раз был невольным спасателем людей, попавших во власть стихии.

Он говорил и прислушивался. Вскоре из снежного заволочья с воем вырвался мощный К-700 и круто развернулся. За рулём был Иван Константинович, мой дядя. Мужики подцепили трос, и «Кировец», как игрушку, поволок машину в деревню, распахивая глубокие снега.

Дома меня не ждали. Мама налаживала поило корове Тополинке. Я не сказала ей, что час назад была на волосок от гибели. Всё обошлось – и ладно.

В результате небольшого нервного потрясения мне казалось, что с момента высадки на Прокопьевском полустанке прошла целая вечность, но было где-то три часа дня. Тёплая печка, лёгкий сон, врачевавшие душу и тело, пошли впрок: я чувствовала, как возвращаются бодрость и силы.

Что до Алиной свадьбы, то мне хотелось одним глазком взглянуть на невесту, вручить подарок – и домой, где тишь да гладь. Об этом я только и грезила в густонаселённом городе.

– Ну и буралина, – сказала мама, заходя с дровами в прихожую. – Надень мою борчатку, Татьяна.

Чтобы не испытывать себя ещё раз на выносливость, я надела и валенки, и мамину шаль.

Метель не прекращалась, деревню закутило снегом. К дому Али вела промятая тропа.

В доме ждали жениха – кто сидя, кто стоя у порожка. Девушка из города, свадебная подруга, занималась невестой. Чуть смугловатая, с подкрашенными ресницами, в белом, Аля была просто красавица.

Жених опаздывал, события не развивались, и я глянула за штору, отделяющую кухонную часть комнаты от жилой. Там были сложены одеяла, постельное бельё, собранные для Али. Сверху возвышалась подушка из утиного пера – вклад моей мамы, неисправимой благотворительницы.

– Едут! – крикнули в сенях. Народ хлынул на улицу, а невеста, припав к плечу подруги, заплакала. Но за те несколько минут, пока у ворот шла традиционная свадебная канитель, Аля успокоилась, привела себя в порядок.

Машина жениха была украшена воздушными шарами и лентами. Тут же наготове стоял трактор, чтобы прокладывать путь молодым до большой далматовской дороги, не подверженной снежным заносам.

Побродив по засеваемой в сумёты деревне, я вернулась домой и взялась за недочитанную книгу. От напора ветра дребезжали оконные стёкла. «Никак метель не уляжется», – вздыхала в прихожей комнате мама. Она не спала, будучи под впечатлением телевизионной мелодрамы.

У меня же за минувший день драматических ситуаций было хоть отбавляй. Утром, в борьбе со стихией, я вела себя если не героически, то достойно – не проронив ни слезинки, не отчаявшись. А вот почему моя подруга заплакала в самый счастливый, по сути, день своей жизни – перед свадьбой... Но есть такие вопросы, на которые нет однозначного ответа.

О многом передумала я в ту метельную ночь. Наутре стало тихо, метель улеглась, как будто её никогда не бывало.

Дед Мороз

Зимой у жителей деревни – вагон свободного времени, и люди шли на огонёк клуба. В фойе стоял шум, как на гусарской пирушке; бильярдные шары перелетали через борта на пол. «Рыба!» – то и дело кричали игроки в домино.

Близился новогодний праздник. У меня, заведующей клубом, в рабочем столе нашёлся подходящий сценарий представления. Как мне хотелось сыграть Снегурочку!.. Но, подумав, я решила: будет некрасиво действовать по принципу «своя рука – владыка». И со спокойной совестью поручила эту роль школьнице Вале.

– Нет, Татьяна, и не уговаривай! – так отвечал мне каждый из ребят, кому я предлагала роль Деда Мороза. Время поджимало, и я пошла на производственные участки. Начала с конного двора. Конный двор – это тёплое строение для лошадей, колодец, конюховка с развешенной на стенах сбруей. Под навесами стояли телеги с поднятыми оглоблями.

В бригаде, когда я вошла, было накурено – хоть топор вешай, и мужики ругались из-за сломанного трактора.

Для очистки совести я побывала в гараже, на ферме, в кузнице, – но нигде не нашла исполнителя роли Деда Мороза...

Перед началом репетиции, поджидая Валю-Снегурочку, я стояла у окна в кружковой комнате.

– Татьяна, ёлку привезли! – крикнула из фойе технический работник Анна Павловна. Я не успела понять, что к чему, как Яков Коротких с шутками-прибаутками втащил в зал лесную красавицу-ёлку.

– Ну вот и нашёлся Дед Мороз!.. – У меня словно гора свалилась с плеч.

Яков Александрович охотно согласился участвовать в новогоднем представлении, быть Дедом Морозом. Он оказался человеком весёлого нрава, с выразительной речью. На репетициях удивил меня тем, что читал наизусть Некрасова. «Откуда такие познания у пожилого человека, работавшего заготовителем вторсырья?» – спрашивала я себя. Хотя ещё дядя Иван, едва умеющий читать-писать, говорил, что Яков – мужик грамотный. Дядя ценил в людях учёность, стремление к знаниям.

На ёлку пришли и стар и мал, неходячих привезли на санях. В зале, где стояла лесная красавица, было тепло: Анна Павловна не пожалела дров.

Как только на ёлке зажглись огни, Дед Мороз и Снегурочка вышли на сцену. Якова Александровича с приклеенными усами и бородой поначалу не могли узнать, приняв за артиста из города.

Художественное выступление шло по сценарию, как вдруг наступила пауза: Яков Александрович от волнения забыл текст, и я поймала его растерянный взгляд. Но он тут же нашёлся, обыграл ситуацию и стал рассказывать вокруг ёлки, своим глуховатым баритоном декламируя Некрасова:

*– Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои...*

Новогоднее выступление закончилось за полночь. На крыльце клуба, любуясь звёздным небом, Яков Александрович, всё ещё взволнованный, продекламировал: «Всё хорошо под сиянием лунным, всюду родимую Русь узнаю...» – и крепко пожал мне на прощание руку.

Наша Ольховочка

«Кажется, сбывается моя мечта стать учительницей литературы», – подумалось мне при подаче документов в приёмную комиссию Шадринского пединститута.

За день до вступительных экзаменов, поборов сомнения, я – начинающий поэт – решила познакомиться с писателем-земляком Василием Юровских, о котором была хорошо слышана. Василий Иванович работал в редакции газеты «Авангард».

Поднявшись на второй этаж, без стука, вошла я в первую попавшуюся дверь. Хозяева кабинета – двое разных по комплекции, по внешности мужчин – на моё «здравствуйте» оторвались от бумаг. Который из них – Юровских? В синеглазом, русоволосом я угадала писателя. Василий Иванович был одет в трикотажную рубашку с застёжкой-молнией, какие носили деревенские мужики и мой отец по праздникам.

–А, землячка! – воскликнул Василий Иванович, когда я назвалась.

Писала я на тетрадных листах о том, как деревня Осокина с распростёртыми объятиями встречала меня из дальних и ближних поездок.

Василий Иванович читал мои «стихотворушки» с доброй улыбкой, не вдаваясь в бессмысленные поучения. Однако он заметил, что дикие утки не кричат, как чайки, а крикают, – и сделал поправку в тексте.

Примерно через неделю я дебютировала в газете «Авангард». В ней же представил свой рассказ и Василий Иванович. Сейчас мною прочитаны все до единой книги писателя, а тогда я только начинала знакомство с его творчеством.

Рассказ назывался «Берестечко». Это ласковое слово из моего детства, из «золотого» словарного запаса мамы. В рассказе – всё как на родине. Берестечко у Юровских – это кусочек-лепешок бересты, отслоившийся от берёзы. Читаю: «Если поутихнет ветер – молчит берестечко, задышит – опять затрепыхается и чего-нибудь выпевает».

У нас в деревне, когда начинался ветер, на стене дома с улицы позвякивала железка. Цифру «1» (так как дом наш – первый при въезде) смыло дождями, а железка на разболтавшемся гвоздике тоненько звенела, как будто кто-то наигрывал на балалайке. Под эту «музыку» хорошо спалось, читалось. А читала

я чаще всего Сергея Есенина, которого Василий Иванович в рассказе «Сине-грудка» назвал самым нежным поэтом русской земли.

До той памятной встречи с писателем я не думала, не гадала, что «певучая речка» Василия Юровских – это наша Ольховочка, на которой я родилась, где прошли мои детство и юность. Голубые окна-ставешки родного дома выходили на речку, на солнечный закат.

В беседах с глазу на глаз мы с Василием Ивановичем говорили о писательском труде, о хлебе насущном. Помню, как он сказал, что был бы хлеб – остальное приложится. Говорили мы и о природе – но, как ни странно, разговор об Ольховочке не зашёл ни разу, и о своей рыбалке в её низовьях Василий Иванович не сказывал.

«Редко где встретишь столько птиц, сколько гнездится их здесь по чащам и на луговинах. И какие только голоса не услышишь!» – читаю я в книге «Певучая речка».

Слушать, как «поёт» река, – наверное, удел тех, кто любит сидеть с удочкой над тихой заводью. Для меня же Ольховочка – это шум воды в густели тальников, слышимый далеко окрест, и он мне так же дорог, как голоса птиц. Моя Ольховочка – это хлопанье вальков на плотиках, уханье и смех женщин-сенокосниц.

«Таня, обретай свой голос, оставайся сама собой во всём – каждом слове», – говорил Василий Иванович. Этому пожеланию любимого писателя я следую всю жизнь.

Талисман

Бунин
Олег Вячеславович

Писатель, журналист. Работал в газетах Притобольного и Звериноголовского районов, в том числе редактором районных газет. Публиковался в газетах и журналах Зауралья, автор двух книг прозы: «Светлая моя родина» и «Костёр на снегу». Победитель областного литературного конкурса в номинации «Публицистика».

Заслуженный работник культуры России. Почётный гражданин Притобольного района. Живёт в селе Глядянском Курганской области.

Не знаю, насколько достоверно это древнее уверение – дни, проведённые на рыбалке, боги не засчитывают в счёт прожитых. Может, постулат этот придумали сами рыбаки. Но каждому из нас хочется верить, что есть в этом изречении зерно истины.

Моя прабабушка Елена Марковна была известной в округе рыбачкой. На озере Марково она на удочку добывала столько окуней, сколько иной и сетью не возьмёт.

– Не иначе, словинку заветную знат да никому не сказывают, – утверждали сельчане.

До 99 лет дожила эта маленькая, хлопотливая старушка.

– Да как опять же, рыбалка до такой поры ей здоровье хранила, – толковали люди.

Когда Елена Марковна занемогла, она – при всякой власти верующая – подарила мне маленькую, карманного размера иконку, на которой святой апостол Пётр в рост стоит на берегу и держит в руке удочку, а у ног его – ведёрко под рыбу:

– Ты не веруешь, но храни иконку, и тебе будет удача, внучек, – не только на рыбалке.

Не знаю когда, но с переменами в судьбе, со всякими переездами этот дорогой талисман я не сберёг. Утрата эта невосполнимая... Подержать бы теперь эту иконку в руках, поглядеть на неё вдумчиво, внимательно, чтобы успокоилась, отдохнула душа от тревожных дум. И говорю я мысленно себе, тогдашнему: мальчишка ты непутёвый, что же ты натворил? Где же был твой разум?

Забота о потомстве

Сороки по весне устроили гнездо на ветле возле многоквартирного дома, там и вывели сорочат.

Уж как раскачивали шальные ветры эту гибкую ветлу. Сердце замирало – ну как сдует порывом гнёздышко либо смахнёт оттуда жильцов! Однако обошлось. На совесть строили пернатые жильё.

Однажды утром, в самом начале лета, вдруг засуетились птицы. Перелетают с дерева на дерево, на заборы, на крыши гаражей и сараяк и неумолчно стрекочут. Видно, стряслась какая-то беда.

А случилось вот что. Сорочонок или выпал, или сам выскочил из гнезда. Подросли, видите ли, у него крылышки. Ну, как тут на месте усидишь? Птенец уцепился-таки за одну из нижних веток дерева. Вокруг хлопочут родители. А он раскачивается на ветке, машет крыльями суматошно. А внизу дворовая кошка уже сторожит, вся подобралась для прыжка.

Сороки снуют взад-вперёд под самым её носом, трещат во всё горло. Отвлекают от дитяти. Рискуют, конечно. А дитя поднатужилось, поднялось-таки на крыло – и вверх, вверх, поближе к гнезду!

Высидели, выкормили сороки потомство, спасли от неминуемой беды. Дали путёвку в жизнь. Чем не пример для живущих на Земле?

Пусть живёт!

Хоть пешком, хоть на любом транспорте – на рыбалку мы всегда спешим. Кто же не знает, что рыба клюёт лучше ранним утром?

Неблизкая дорога извивалась меж перелесков. В свете фар с обочин то и дело взлетали потревоженные мотором пташки. Вот махнула на прощание пламенным помелом своим быстрая, изворотливая лисица, глухарь сорвался с макушки осокоря и промелькнул извилистой тенью.

На взгорье под фарами вдруг возникла неуклюжая, довольно крупная фигура какого-то зверя. Он метался в пространстве света, видимо, боясь пограничной с ним темноты. Стремился изо всех сил вперёд, но где ж ему соперничать с «жигулёнком»...

– Это же барсук! – вскрикнул сидевший рядом с водителем пассажир: видимо, главный в этой компании. – Дави!

Шофёр, наоборот, сбросил газ.

– Кому сказал – дави! – рявкнул начальник. – У него ж сало лечебное, цены ему нет!

Но тут, на повороте, зверь мгновенно исчез в темноте.

– Пусть живёт, – отозвался наконец шофёр. – Тоже ведь божья тварь. Не так уж и много их осталось.

Сиверга

Всю неделю мы места себе не находили. Когда же, наконец, воскресенье, и мы устремимся на заветное место на Тоболе – туда, где в него впадает весёлая, своенравная речка с коротким названием Уй?.. В этом устье перед ледоставом табунится рыба. Особенно окунь. «Окуниное Эльдорадо», – говорят рыбаки. У нас даже выбор был, на чём ехать: «жигули» или «УАЗик». Предпочли вездеход. Как в воду глядели...

Путь не близкий – больше сотни вёрст. Но до Зверинки – асфальт, дальше – через Кочердык – грейдер, а от последней деревеньки до места – рукой подать. Вот мы уж на берегу. Николай собирает свою «дюральку», мы с Геннадием надуваем двухместную «резинку». Заплываем. Блёсны – в воду!

Однако поклёвок нет.

– Ты поглянь, какая наволочь! – тревожно вскрикнул Николай. – Никак сиверга навалилась...

События развивались стремительно. Сразу потемнело, рванул северный ветер. Снег обрушился сплошным потоком, будто лавина сорвалась с небес. Поднялась на реке полуметровая встречная волна, и мы, выбиваясь из сил, кое-как добрались до своего берега. Сплошная пелена снега, в полёте ещё влажная, на земле мгновенно застывала в ледяную корку. Из этой хмари возникла вдруг обледенелая фигура:

– Мужики, вы куда наладились? Ведь ни зги не знатко! И до ростани не доберётесь. Айдайте за мной! Тутока землянка рыбацкая, дрова припасены, вода во фляге. За милую душу переберёмся. Стихнет небось. Тогда и в дорогу. Какá же, однако, падера! Сроду такой не бывало!..

Мы переглянулись.

– Ехать надо, – сказал Николай.

– Надо, – подтвердил Геннадий. – Дома небось хватятся. Телефона тут нет.

И мы поехали...

Через лобовое стекло ни дороги, ни обочины не различить. На первых же ста метрах машина уткнулась в чапыжник. Мы с Николаем выскочили из кабины. Белый шквал глаз не даёт открыть. Кое-как, ногами угадывая колею, наткнулись на полевую дорогу. И рысцой вдоль неё. Геннадий на машине вслед за нами. Но застыли руки, на лице ледяная корка. Мы – опять в кабину.

– Давай по очереди, – предложил я Николаю.

И до перекрёстка, где начинается грейдер на Кочердык и дальше – на Зверинку, добрались, наверное, часа за три. По грейдеру ползли со скоростью пешехода. Буран и не думал стихать. На трассе наметало снежные заносы. Эти сугробы мы разгребали дюралевыми вёслами от Николаевой лодки – в машине не оказалось лопаты.

От поворота на Прорыв дорога на Зверинку пролегает по бору. Здесь по-тише, почти нет заносов. Вздохнули с облегчением. Но радость бывает короткой, как вешняя звень поутру. Поперёк дороги лежала поваленная бурей сосна. И ничего не оставалось, кроме как возвращаться и пробиваться к мосту через Тобол опушкой бора. Опять снежные заносы, забитые плотным снегом низины и ложки. Мы с Николаем до того вымотались, что едва на ногах держались. Думаю, и Геннадия доставалось не меньше, хоть он и не выходил из кабины.

– Хоть бы хватило бензина, – с тревогой проговорил он. – Красная лампочка уже подмигивает...

А вот это уже реальная опасность. Мороз всё усиливался. А мы, выбиваясь из сил, насквозь пропотели. Устали до того – как говорится, ни рукой, ни ногой. Что бы мы стали делать, заглохни мотор?

Всё это мы понимали. Но страха почему-то не было. Мы только делали всё, чтобы добраться до Зверинки. Там заправка. Там асфальт до Глядянки. А нам всем завтра на работу...

Бензина хватило. Хоть и не погодилось у нас талонов, но пожилая женщина на заправке сказала:

– Куда уж вас денешь... Потом привезёте. Езжайте только осторожно, храни вас Господь.

И мы ехали очень осторожно, со скоростью сельского велосипедиста. Вечером «УАЗик», весь покрытый льдом, как бадья, забытая в проруби, добрался-таки до тёплого гаража.

Через день выяснилось, что много бед принесла эта редкостная в наших краях пурга. В Казахстане путники сбились в степных просторах с пути. Опустел бензобак, заглох мотор. Водитель решил остаться в машине, укрылся чехлами с сидений. Пассажиры решили добраться до какого-нито населённого пункта. Никого не пощадила злая погода. Замёрзли два парня, отправившиеся налегке на охоту в дальние угодья. Каким-то чудом добрался, возвращаясь с очередной попойки, до родного крылечка горький пьяница. Стучал, пока мог, в дверь. Супруга не открыла – пушай помёрзнет: небось неповадно будет впредь. А он и не встал больше...

Мы беседовали на эту тему со старшим товарищем, умудрённым жизнью.

– Ну что тут, милый, рассуждать, – выразил он своё мнение. – Что поделаешь – это же стихия. Уж кому что на роду написано...

Неподсудное дело

Водополье, наводнение... Весенний разлив логов и рек, малых и больших. Иной раз немало бед творит дружная талица весной.

– Что попишешь – стихия, – толкуют старожилы.

Именно весной и случилась эта трагедия, которую переживали всем селом..

В мае была открыта охота на уток. А большинство озёр, охотничьих угодий – на другом берегу речки Глядяны. Нет туда никакой переправы. Остаётся одно – на лодке преодолеть бурные потоки норовистой по весне реки. Так и решило двое охотников – местный житель и молодой специалист, один лишь год проработавший учителем физкультуры в школе. Но уже говорили о нём, что учитель он от бога, отличный спортсмен, и ребята и взрослые в нём души не чаяли. Называли не иначе как «наш Владимир Иванович»...

...Они проплыли две трети этой водной преграды. И тут утлая лодчонка зачерпнула бортом. Охотники оказались в ледяной воде. Выплыл местный житель. А учитель – не смог. И это он – такой молодой, отличный физкультурник...

– Он сгоряча метнулся к нашему берегу, а ведь до него было в два раза больше, – утверждали сомнительные очевидцы. – А тот мужик добрался-таки до ближайшей отмели на той стороне.

– Оно вроде так, да не совсем, – толковали другие. – Лодка-то деревянная, не сразу затонула. Учитель пытался удержать её на плаву, принялся было откачивать воду. А попутчик – что было силы прыгнул в сторону ближайшего берега и опрокинул плоскодонку. Он и не подумал в эти решающие секунды о товарище, которого от сильного толчка с головой накрыло ледяной водой да ещё и лодкой придавило...

...Хоронили учителя всем селом. Для всех нас это была тяжёлая утрата. Все осуждали поступок односельчанина, который даже не пришёл на похороны:

– Оба бы остались живы, если б удержали на плаву лодку. А так – это же преступление. Да и можно сказать – убийство.

– А вот попробуй-ка докажи...

– Пожалуй, неподсудное это дело.

– Но если есть у человека совесть, то каково ему жить теперь на белом свете?

Трубка деда Цыганкова

Я даже не знаю имени-отчества этого деда. Да его уже давно нет среди нас. А вот живёт в нашей деревне непритязательная легенда о деду Цыганкове и передаётся из поколения в поколение.

Дед этот был заядлым курильщиком. Без своей трубки и спать не ложился. И вот однажды летним утром потерял её. С ног сбился искавши. Нет – и всё тут! В расстроенных чувствах пошёл в огород – надо было подремонтировать колодец. Нагнулся над срубом, крикнул внуку:

– Тащи верёвку!

В этот момент что-то булькнуло. Внук потом рассказывал, что дед, сообразивши, в чём дело, отчаянно выругался, что случилось с ним крайне редко. А после начал вычерпывать воду из колодца. И не успокоился, пока всю не вычерпал и не достал заветную носогреюку.

Бывало подобное и раньше. Трубка во рту – а он в поиске, во все углы тычется. Домашние тогда выручали:

– Да ты в бороде пошарь!

Дед сердито ворчал, разжигая любимицу.

– Помру – трубку со мной положите, – наказывал родне.

Да полно, трубкою ли этой заслужил старик столь долгую память односельчан...

– Он вообще был не от мира сего, – вспоминают старые люди. – Работал в Госбанке, на большой должности, а ходил в вышитой косоворотке навыпуск, подпоясанной ремешком, в старомодных галифе, а зимой – в стёганке, крытой зелёным сукном, и лисьем треухе. Однако счётное дело знал как никто другой.

– Купил бы себе костюм, – советовали ему.

– Есть у меня, – следовал краткий ответ. – Не люблю.

– А уж до чего книгочей был! Едет, скажем, за дровами в лес – берёт и топор, и книжку. В лесу больше читает, чем рубит.

– Лошадей, опять же, страсть как жалел. Ни кнутики, ни прутики не признавал. Видит, что устала животина – помогает ей, сзади телегу толкает. А у самого силёнки – что у ребёнка.

– Шибко жалел скотину. Зимой, бывало, снимет с себя лопотину и укроет на стоянке запотевшую лошадь. Чем животину, себя бы лучше поберёт! Одно слово – такой чудак был! – толковали на деревенской завалинке.

Чудак! А вот живёт и будет долго жить людская память о нём. И не в трубке вовсе тут дело, а в том, что добр был старик ко всему существу на земле, по-хорошему любил жизнь.

Глухозимье

В наших краях февраль – самое что ни на есть глухозимье. Никакого клёва на местных водоёмах. Разве что случайно зацепишь крючком какого-нито чебачишку. Потому как рыбе в режиме кислородного голодания приходится туго. Как говорится – не до жиру, быть бы живу.

Однако мы не усидели в выходной дома. Добрались по заснеженной луговине до Тобола. Вот и заветные места. Здесь мы какой-то месяц назад добывали у коряг приличных окуней, а на перекатах клевал чебак шириной чуть ли не в ладонь. Податливо захрустел под ледобурами отливающий синевой лёд. Склонились над лунками.

Мормышка, мормышка,

Она легла на дно.

А над мормышкой проплывает окунишка –

Ему смешно...

Поклёвок нет.

Наконец мой товарищ и неизменный спутник не выдержал. Он направился к берегу и принялся с хрустом ломать сушняк. Вскоре над костром заструился весёлый дымок.

– Обед! – провозгласил мой друг торжественно.

– Да вроде бы рановато...

– Айда уже! А то уснёшь над лункой.

День стоял хрустальный. Ни облачка на небе. Не колыхнётся высокая трава. В полной неподвижности замерли раскидистые ветви чапыжника, и даже длинные лёгкие листья тростника-шпажника не шелохнутся.

Белое безмолвие?

Ничего подобного. Луговина живёт своей привычной жизнью. Свежая тропа косуль тому подтверждение. Много следов – крестиков и ровных стро-

чек – вдоль берега: это по своим неотложным делам спешили самые мелкие грызуны. А тут наследили те, кто на них охотится, – горностаи, колонки. У наполовину обглоданной осины, срезанной бобрами, оставили россыпь «орешков» зайцы.

Суетятся, перекликаются зимние птицы. И не молчат, судят промеж себя:

– Ну и день, ну и день!

– День как день!

– Тень, тень!

Дятел на сушине, перекрывая их тоненькие голоса, выдаёт быструю трель:

– Т-р-реск!

Потом частит, как секундомер:

– Вы так, мы так! Вот так, так, так!

В кустах зашебарчала, запуталась крыльями сильно подслеповатая днём сова – неясить...

Вернулись к лункам. Через некоторое время мой друг резюмировал:

– Что до бани, что после бани!

– А что ты хотел? Тут и пора глухая, и давление атмосферное зашкаливает, и полнолуние. В общем, открытым текстом – оставь надежду всяк входящий. Уж не хочешь ли ты сказать, что на речку при таком-то раскладе и ехать не стоило?

– Мы никогда ни в чём не станем каяться, – ответил словами из песни мой друг.

Подслушавший наш разговор угрюмый чёрный ворон с самой макушки векового тополя прокаркал:

– Он прав! Ты прав!

Не зря, видно, слывет в народе этот вещун за мудреца.

С дорогóй нашей округою мы едины – вот в чём суть.

Станислав Кежов и его артефакты

**Луцко
Ольга Витальевна**

Родилась 22 ноября 1960 года в Кургане. С 1982 года работает в Курганском областном художественном музее. Искусствовед, художник-акварелист. Член Союза художников России, член Санкт-Петербургского Общества акварелистов, член АИС (Международной Ассоциации искусствоведов), член Ассоциации музеев регионов России. В 1980 г. окончила художественную школу при педагогическом училище. В 1988 – Уральский государственный университет имени А. М. Горького (искусствоведение). Автор публикаций по вопросам культуры и искусства в научных сборниках, каталогах, журналах.

Курганский художник Станислав Алексеевич Кежов – выпускник одного из известных и старейших училищ – Пензенского художественного. С 1980 года он начал творческую жизнь, вернувшись в Курган. Список музеев, где хранятся работы художника, говорит сам за себя: музей Бенуа (Санкт-Петербург), Курганский областной художественный музей, Калининградская художественная галерея, Омский музей изобразительных искусств, музей современного искусства на Дмитровской (Ростов-на-Дону). Этот список дополняют частные собрания России, Франции, Японии, Германии, Англии, Бразилии, США, Канады, Италии.

Сегодня Станислав Кежов – один из тех, кто, проявляя индивидуальность, продолжает активно творческий поиск. Овладев многими графическими техниками (такими, как линогравюра, офорт, гравюра на картоне и даже меццо-тинто), художник пришёл к созданию авторской смешанной техники.

Многим запомнилась серия городских пейзажей, созданная в 1980-х годах и посвящённая старому городу. Архитектура провинциального Кургана, небольшие тихие улочки, заброшенные дворы и полуразрушенные храмы, – во всём

этом звучат ностальгические нотки, и такова драматическая напряженность первых гравюр и акварельных листов Станислава Кежова, выполненных в сдержанной, почти монохромной цветовой гамме. Относятся они к так называемому «подвальному» периоду – такое определение дал ему сам художник. На протяжении 13 лет мастерская художника располагалась в цокольном этаже одного из домов исторической части города, когда в небольшие окна видна была лишь обувь прохожих. За прошедшим временем стоят непростые размышления автора о жизни и творчестве, поиски тем и сюжетов, главной особенностью которых стала непарадная сторона окружающей жизни.

«Подвальный» период сменился другим, получив авторское ироничное название «безбашенный». Мастерская – рабочее место художника – в 1996 году переместилась ровно по вертикали на пару десятков метров в этом же доме и оказалась в «башне». Это архитектурное навершие – башня со шпилем – загадочно возвышается над старой частью города, вызывая у горожан постоянный интерес, впрочем, как и её обитатель. Такая диаметрально смена обстановки повлекла за собой желание что-то изменить и в творчестве. Появилось стремление освободиться от тем, приёмов, сдержанного колорита и работать «вразнос», полностью отдавшись делу жизни, не сдерживая свои творческие фантазии.

Новое ощущение пространства подтолкнуло к появлению новых произведений – натюрмортов, городских пейзажей и композиций другого характера. В процессе творчества, в стремлении создать особый пластический мир, шло развитие выразительности стиля художника: от аскетизма изобразительных средств и практически монохромности – к расширению возможностей живописных и пластических.

Одному из произведений было дано аналогичное название – «Безбашенный период» (2014). В композиции – башни разных времён и народов: от самой простой (выстроенной из детских кубиков) до тех, что придуманы человеческим разумом или возведены его опытом: это неосуществлённый проект башни из стекла и стали художника-авангардиста Татлина, одна из башен московского Кремля, а также сложенная из колоды карт. Рядом – силуэт мастерской и две лестницы, приставленные к каменной стене, которые стали символом преодоления и достижения недостижимого.

Одними из востребованных художником жанров стали композиция и натюрморт. Но если говорить о натюрмортах Станислава Кежова, то надо сразу отметить особенности их подачи. Дело в том, что для большинства зрителей натюрморт – это та изображённая группа предметов, которая имеет какую-то видимую логику бытовой взаимосвязанности вещей, выражающей принадлежность человеку: цветы, фрукты, посуда или подрамник, кисти, краски. Но не стоит искать такого прямого восприятия в работах Станислава Кежова, – это скорее сочинённые композиции с философским подтекстом.

Собирая в композицию предметы, художник словно выбирает те, в форме которых таится возможность индивидуальной интерпретации и обобщения. Часто это керамические вазы, кувшины, стеклянные фужеры, бутылки с мягкими, округлыми, обтекаемыми формами. В этом мирном сообществе вещей, зачастую, совсем неожиданно, возникает некая «колючесть» – раскрытая, будто желающая уколоть булавка, оцетинившиеся вилки или треснутое стекло. («Композиция 2010», «Натюрморт с булавкой II»). Такие детали вносят пикантную ноту и внутреннее психологическое напряжение, буквально придающее остроту сюжету. Есть ощущение противоречивости и в том, что художник, как бы играя и выстраивая свой театр, одновременно приближает и отодвигает натуру («Натюрморт с чертежом», «Композиция 2105», «Композиция 1507»).

Многие работы содержат один из основных композиционных принципов – мотив «демонстрации» и «предстояния» изображённого. Соединённые и демонстративно выстроенные разномасштабные вещи создают особый мир. Каждый из предметов заявляет ёмко и весомо о своей значимости, в каждом из них ощутим молчаливый диалог. Керамические вазы, кувшины, стеклянные фужеры, старые бутылки – всё это нередко предметы прошлых веков.

Достаточно условными по отношению к Станиславу Кежову становятся сегодня определения «график» и «живописец»: он очень часто графические приёмы сочетает с активным использованием цвета. Так, понятия, которыми оперирует художник – графичности и живописности, пространства и плоскости, конкретики и условности – становятся не противоположностями, а сопутствующими составляющими. А ещё – очень сложно бывает определить жанр, в котором работает художник. Чаще его произведения создаются где-то на стыке и границе двух, а иногда и трёх жанров.

Ценностное отношение к предмету, интерес к истории проявляются в давнем увлечении художника старинными артефактами, которые находят потом своё «место» в произведении («Натюрморт с часами»). Эта личностная особенность выражается в осознании взаимосвязи между жизнью сегодняшней

и прошлой, между объектом настоящим и тем, что уже стал предметом изучения, отражённым в искусстве. Иллюстрацией к сказанному может служить серия, посвящённая христианской теме, в которую вошли произведения под названиями «Моление митрополита», «Новгородская береста», «Рестаuration», цикл «Таинство». Перед зрителем – «изображение изображения». То, что время, пощадив, оставило, художник запечатлевает, будто выполняя очередной иконописный список.

Реализуется эстетический ход: художник создаёт произведение, являющееся своеобразным «портретом» одновременно прошлого и сегодняшнего времени, где возникает сложная связь между очевидной реальностью, окружающей человека, и жизнью «фрагмента истории» (иконописной доски, фресковой росписи). Композиции, которые автор зачастую объединяет в серии, дают нам возможность образного, ассоциативного решения. Каждый из них – на грани ясного и зашифрованного, духовности и пластики.

Бережное отношение к каждому предмету, на котором сказалось время, и отразилась история, страсть к собирательству достались художнику от его отца – Алексея Фёдоровича, известного курганского коллекционера. Не случайно всё свободное пространство мастерской занимают раритетные предметы – кузнецовский фарфор, всевозможные ключи, гвозди, замки, весы, – все они, живущие в мастерской художника, имеют свою историю, и многие из них становятся «героями» произведений («Артефакты», 2012).

Тема детства – особенная для художника, и она отразилась в целом ряде произведений. У каждого из нас есть какие-то незабываемые моменты детства, очень личные, а для художника они стали толчком к творчеству. В картине «Детский сад № 28» – всплывающие в памяти художника из далёких времён детский сад с его игрушками: юлой, барабаном и Буратино, старым детским стульчиком и шкафчиками для одежды с разными изображениями. А ещё – тараканами, которых непосредственное восприятие ребенка оставило яркой картинкой, да так, что автор изобразил их в углу своего холста очень реалистично, при наличии достаточной стилистической условности. Одна из особенностей творчества Станислава Кежова – неординарность и нескудность восприятия.

Абсолютно разные интонации звучат в его произведениях на тему детства, но есть объединяющее – это ностальгия. И даже в полотне совсем на другую тему появляется такой привычный для детей бумажный самолётик с красной звездой, сделанный из листка бумаги, вырванного из тетради в клеточку («Бумажный самолёт»). В 2012 году были созданы две картины из цикла «Альбом для рисования». Кажется, что это ребёнок раскрасил огромные холсты своими рисунками, и только пружинный блок, скрепляющий альбом, даёт намёк на стилизацию уже состоявшимся художником и человеком, пытающимся осознать и окунуться в детскую психологию творчества. На одном холсте – незамейливые (как всегда рисуют дети) домик, заборчик, кошка, петух и загадочно летящая рыба. Вполне мирный рисунок. На другом – танки советские и немецкие – такие, какие автор сам рисовал в далёком прошлом, – и самолеты, прообразом которых стали нарисованные в детские годы сыном художников Лапердиных – Сашей. Военная тема как прямое отражение самой жизни, кажется, не обходит и, возможно, никогда не обойдёт мальчишек. Один из последних холстов художника, написанных в 2024 году – «Автопортрет в четыре года». Перед нами чрезвычайно серьёзный, сосредоточенно смотрящий в глаза зрителю ребёнок в заботливо заштопанной и надетой мамой белой рубашке и коротких штанишках с лямками наперекрест – так, как носили в 1950-х годах; естественно, совсем «как в жизни», спущены немного растянутые белые носочки. Рядом с главным героем – гордость мальчишек и неперемные атри-

буты – трёхколёсный велосипед, рогатка, мяч, кубики. А в руках – тонкая ниточка, которая удерживает красный шар. Очень трогательный портрет, продолжающий тему детства...

Темы, затрагиваемые художником, обширны. Во многих работах, несмотря на отсутствие повествовательности и литературности сюжета, и даже при отсутствии человека в изображении, разыгрывается реальная история. Чаще – немного грустная, с доброй иронией, так как в этих произведениях есть трепетность романтики советских времён с её приметам или символами. Таков настенный перекидной календарь (или, как его называли в прежние времена, численник). Он открыт на дате рождения художника, который совпадает с днём рождения Пикассо, международным днём художника, а ещё, по старому стилю, с днём Великой Октябрьской революции. Художником написаны и старинная печатная машинка в работе «Как я провёл лето», и старый, вышедший из моды коричневый чемодан, обитый металлическими «нашлёпками» по всем углам, на ручке которого висит маленький ключик – вклеенный артефакт. Рядом незаметно примостился гранёный стакан, который и дал столь нестандартное название – «На посошок». Нельзя обойти вниманием и те работы, что озвучивают непоколебимость «вечной темы», знакомой многим по вынужденным «жизненным обстоятельствам» («Под огурчик», «Закусь», «Утро завтрашнего дня»).

Загадочность или ребусность, доходящие до абсурда, – ещё одна грань творчества автора. Мы видим «неправильные» стул и штатив, странного кота, которого момент вспышки удлинил до немыслимого предела («Студия»). В другой работе – на крышах домов, как на столе, стоят знакомая нам башня, лестницы, а рядом – бутылки, кувшин и огромная пачка чая «Lipton», и всё это объединено под названием «Натюрморт на улице Ленина». Зачастую, кажется, предметы никак не связаны между собой. Одним из таких решений, где сочетание несочетаемого доведено до предела, стала композиция с говорящим названием «Оксюморон».

Есть произведения, особо выделяющиеся своим философским звучанием, выполненные с пронзительным лаконизмом изображённого, когда предметы обретают особую значимость. Символическими и ярко говорящими они становятся в нейтральном пространстве: к примеру, мебель, оставленная любителями домино («Рыба!»), или клетки, в которых заключёнными оказались сыр – в одной, изящная рюмка – в другой («Бесплатный сыр»). Символами одиночества в звенящей тишине городской среды являются разваливающаяся, прожившая жизнь машина у стен старого многоэтажного дома и вынесенные в пустынный двор стулья («Белый автомобиль»). Одна из последних композиций – «Вечная тема». Работа участвовала на Межрегиональной выставке «Урал» в 2022 году и была отобрана для участия в общероссийской выставке в Москве. Художник (по сути, автопортрет художника) – в мастерской на фоне тёмного ночного неба наедине со своими думами, вечными, непреходящими творческими терзаниями и муками, что подтверждают многочисленные листки с зарисовками, эскизами, записями. Они везде: пригвождённые на стене, разложенные на горизонтальной поверхности, прямо на которых обосновался, кроме хозяина, и кот, кокетливо прищулив один глаз. Но, как всегда, художник не может обойтись без интригующих деталей. Так появляются перед нами яблоко – не то нарисованное, не то настоящее, – висящий на верёвочке рыбий остов, намёк на бутылку и ровный белый след от одного из карандашей, по которому катится белый шарик. Как разгадывает зритель те загадки, которые преподносит художник? Наверное, по-разному...

В общем-то, подобная многоплановость прочтения и неоднозначность характерны для многих работ Станислава Кежова. В том числе и для тех,

в которые включаются «цитата» или мотив, связанные с историческим прошлым. Фрагменты, являющиеся репликами искусства прошлого, вносят важный смысловой оттенок – обозначают время. Это может быть фрагмент иконописи, первобытной наскальной или древней критской росписи или старые, пожелтевшие, «отжившие» свой век географические карты и астрольбии. Как пример можно привести триптих, посвящённый Александру Сергеевичу Пушкину.

Художник интерпретирует страницы рукописи великого поэта, и предмет изображения становится метафорой, которой современный автор не мог не воспользоваться. Преподносится, в первую очередь, как бы сам предмет, а чувства, которые он несёт, передаются опосредованно. Перед нами – практически копияное изображение беглого пушкинского почерка и зарисовок, поданное в абсолютном желании художника увековечить, превратив саму рукопись в искусство или мотив для искусства. Произведение в произведении – один из приёмов, применяемых сегодня в творчестве. В нём читается определённый символический жест современного автора. Не случайно этот триптих стал победителем в одном из областных конкурсов «Произведение года» и занял достойное место в музейной коллекции.

Особенностью триптиха является многозначность его трактовки. Выступает целый ряд пластов, лежащих в основе его прочтения. Прежде всего – непосредственно реальный: лист, испещрённый рисунками и текстом. Затем – символически воспринимаемый каждым русским человеком пушкинский одухотворённый, знакомый с детства почерк и рисунки, ставшие знаковыми. Раскрывается момент философский – тема творчества. Как свидетельство – опалённые края листа, зачёркнутые строки, возникающие мысли о нетленности произведений высокого искусства, в непреходящем значении которых мы убеждаемся и сегодня, в том числе и самим актом появления этой работы. Есть и поэзия, эстетика каллиграфии «неправильного» пушкинского почерка, архитектурных форм и силуэтов: лицейской беседки, решётки Летнего сада.

Пластика письма, при внешней эффектности и «сделанности» произведения, несёт большой внутренний накал. Немалую роль в образном строе произведения играет особая техника, применяемая художником, сама являющаяся предметом загадочно-авторским. Фактура поверхности, обогащённая всевозможными шероховатостями, разнонаправленными, рельефно выступающими линиями, процарапываниями, создаёт дополнительную светотеневую игру, иллюзию подвижности и завораживает своей магией. Творчески применяемые ухищрения техники дают моменты напряжения, пульсацию, которые рождают экспрессию и помогают держать «интригу» произведения. Отлично владея авторской техникой и одновременно сочетая присущее живописи колористическое богатство с графическим решением и использованием текстовых элементов, художник вводит все её возможности в образную ткань произведения.

Активное использование фактуры поверхности, коллажа, введение текста в изобразительный ряд обогащают выстроенное художником пространство, создают дополнительную интригу и завораживают своей магией. Произведения Станислава Кежова наполнены одновременно простотой и сложностью, гармонией и напряжением. Его творческие поиски определены и эстетическими, и духовными устремлениями времени, и индивидуальными представлениями о предметном мире, всегда влекущем, таинственным и интригующем...

Художник Станислав Кежов

Как я провёл лето. 2014.

Объекты. 2014.

Белый автомобиль. 2014.

Альбом для рисования. 2012.

Натюрморт на улице Ленина. 2004.

Оксюморон. 2014.

Аперитив. 2013.

Натюрморт с пальмой. 2013.

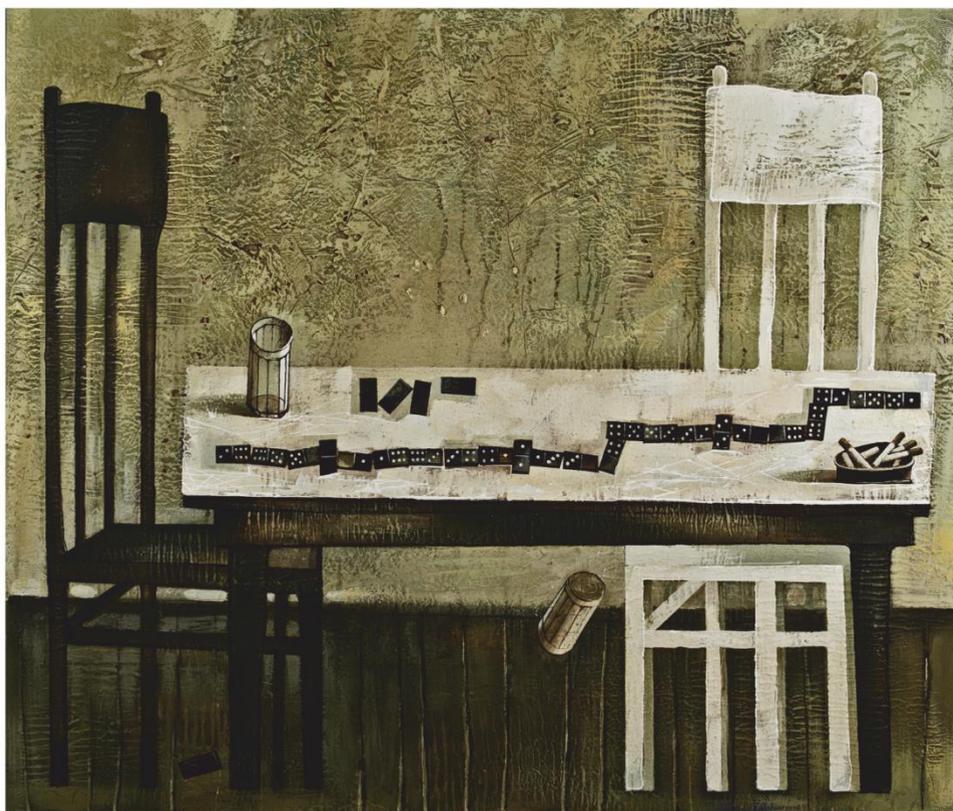

Однажды вечером. 2013.

Пелотон. 2013.

Рыба! 2014.

Игры на пустыре. 2011.

Тонкие ценители прекрасного. 2024.

Под огурчик. 2014.

*Автопортрет
в четыре года.
2024.*

Утренний натюрморт. 2014.

Станислав БАТУЕВ

**Николай Томин:
фронтовые письма**

В канун 110-летия начала Первой мировой войны и 100-летия со дня гибели Н. Д. Томина мы публикуем некоторые из его писем, написанных с фронтов Первой мировой и Гражданской войн жене Анне Ивановне и хранящихся в ГАКО (Ф.Р. – 1668) и музее им. Н. Д. Томина.

Томин Николай Дмитриевич родился в посёлке Кочердык Усть-Уйской станицы (ныне Козак-Кочердык Целинного района) в казачьей семье. После смерти отца Николай успел окончить только три класса церковно-приходской школы, вынужден был работать на маслозаводе Харинаса, потом мальчишкой на побегушках у куртамышского купца Н. Завьялова, а вскоре стал у него приказчиком. В 1910 году женился на крестьянке Анне Ивановне Клоповой. Построил в Куртамыше дом, сохранившийся и сейчас. С началом первой мировой – на Юго-Западном фронте. Первые почтовые открытки и письма шлёт ещё в мае 1914 г. с дороги на фронт.

«Дорогой Нюсик пишу сейчас тебе из Николаевского порта. Вот это случилось 25-го вечером нам сказали что в понедельник наша сотня в поход. Посадили нас в финляндские вагоны и привезли станция Териоки тут же село и кругом дачи, поместили нас в дачные дома кругом в саду, жителей больше финны, русские только дачники из Питера жить можно тут поживём хорошо село Большое всё в лесу на другой день приказ чтобы наша сотня отправилась в Николаевский порт и вот сейчас гостим здесь усамого Финского залива и Балтийского моря противоположной стороне отсюда видно Кронштадъ и в проходе залива много крейсеров и миноносцов берег весь укреплен и наставлена очень много орудий разных а заливы и вход весь сминировано... Сегодня мы пошли в лес набрали полон котелок черники её здесь масса и много брусники германский флот здесь недалеко вёрст 150 крейсерован войска здесь порядочно и укреплено хорошо поджидают германцы, Нюсик много кое-чего я посмотрю, если буду жив то хорошо хотя будет чем вспомнить... целую Н.

**ПИСЬМА
И МЕМУАРЫ**

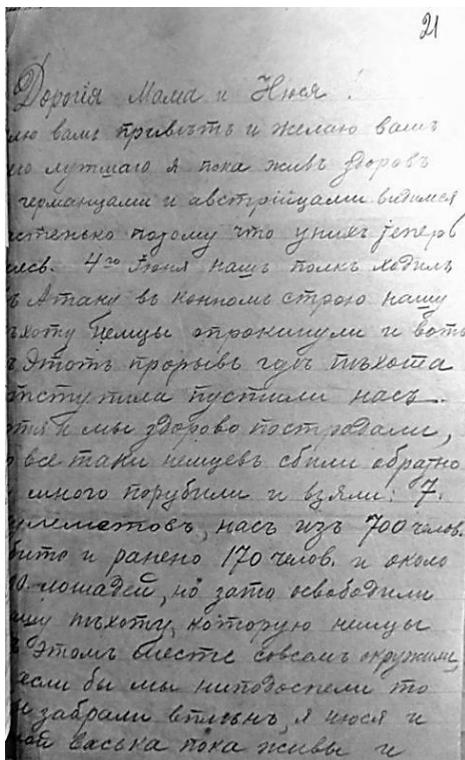
**Батуев
Станислав Владимирович**

Историк-краевед, директор МКУК Куртамышского района «Краеведческий музей им. Н. Д. Томина». Родился 15 сентября 1970 г. в с. Верхнем Куртамышского района. После окончания Курганского педагогического института работал учителем истории. Более 20 лет занимается вопросами краеведения. Опубликовал около 100 статей. Является автором-составителем сборников «Частичка малая России» (2004) и «Куртамышская генеалогия» (2012), фотосальбома «Мновения нашей жизни» (2009), справочника «Путеводитель Куртамышский район. Курганская область» (2014), монографии «Куртамышское старообрядчество в середине XVIII – первой трети XX в.» (2014), фольклорных сборников «Бабушкины сказки» (2015), «Духовные стихи старообрядцев Куртамышского и Юргамышского районов по устному преданию и рукописным источникам XIX–XXI вв.» (2016), «Духовные стихи старообрядцев Зауралья в записях II половины XX века» (2021), «Дневник Н. Д. Томина» (2022). В 2012 г. стал лауреатом областного смотря-конкурса музеев «Наследие» в номинации «За лучшую научно-исследовательскую работу». В 2015 г. награждён грамотой Куртамышской районной Думы, в 2016 – благодарственным письмом губернатора Курганской области, в 2019 – медалью «Труд. Честь. Слава» за заслуги перед Куртамышским районом.

германцы, Нюсик много кое-чего я посмотрю, если буду жив то хорошо хотя будет чем вспомнить... целую Н.

Н. Д. Томин.
Териоки, Финляндия.
1915 г.

Август 28. 1914 г. Почтение всем».

«Мая 15-го дня 1915 г.

Дорогая Нюся и мама (тёща – прим.)!

Шлю привет и желаю всего хорошего мы пока стоим в резерве хотя от позиции недалеко сегодня мне привезли из Львова Ваську я уже и не думал что мне его привезут как я обрадовался когда мне сказали что привезли твою лошадь Вот сейчас Нюсик я пасу своего Ваську в панском саду трава хорошая Я сижу под дубом и пишу... Нюся ты пишешь мне что на Савинова начальства обратили внимание и Виля тоже на хорошем счету у начальства, ты знаешь мой характер я никогда не люблю унижаться когда служил у Завьялова то часто ссорился с хозяином зато если он кого-нибудь бранил напрасно и здесь я живу так же никому не забегаю в глаза чтоб на меня обратили внимание собой я рисоваться не люблю и вообще о себе говорить, а с товарищами живу по товарищески из их среды не выделяюсь хотя меня и взводные и вахмистр и командир сотни хорошо знают и иногда дают мне более важные поручения но мне даже неудобно если я чем-нибудь выделюсь из среды товарищей я этим не горжусь и служу я также как и все товарищи испытываю одинаково с ними все тяжести войны никто мне потом не скажет что я околачивался где-нибудь хотя и мог бы это сделать...»

29 июля 1915 г. Н. Д. Томин, от имени Государя Императора, за храбрость и мужество во время успешной разведки в тыл противника был награждён Георгиевским Крестом IV степени, а вскоре последовало награждение и вторым Георгием III степени и медалью Георгия IV степени.

«Дорогая мама и Нюся!!

Шлю вам свой привет и желаю всего хорошего и не советую скучать и очень убиваться чему быть тому не миновать... я не писал около 2 месяцев но было невозможно послать... Нюся мы 20-го октября и 14-го ноября были в порядочном бою не каждому приходится быть участником такого боя но слава Богу я остался пока жив и здоров у нас убили начальника отряда и несколько казаков и поранили порядочно ну когда-нибудь напишу подробнее... Нюся поздравляю тебя и маму с праздником Рождества Христова и наступающим Новым годом дай Бог чтобы этот 1916 год принёс больше радости чем прошедший...» (ноябрь 1915 г. – прим.)

«Дорогие мама и Нюся!

Шлю вам привет и желаю вам всего лучшего я пока жив здоров с германцами и австрийцами видимся частенько... 4 июня наш полк ходил в атаку в конном строю нашу пехоту немцы опрокинули и вот этот Прорыв где пехота наступала пустили нас хотя и мы здорово пострадали но всё-таки немцев сбили обратно и много порубили и взяли: семь пулемётов у нас из 700 человек убито и ранено 170 человек и около 100 лошадей но зато освободили нашу пехоту которую немцы в этом месте совсем окружили и если бы мы не подоспели то их бы забрали в плен я Нюся и мой Васька пока живы и невредимы... Я теперь нахожусь в полку отряд расформировали и адрес мой действующая армия 12-й Оренбургский Казачий полк шестая сотня ур. Н. Д. Топину...

1916 г. июня 12-го дня.»

«Дорогие мама и Нюся!

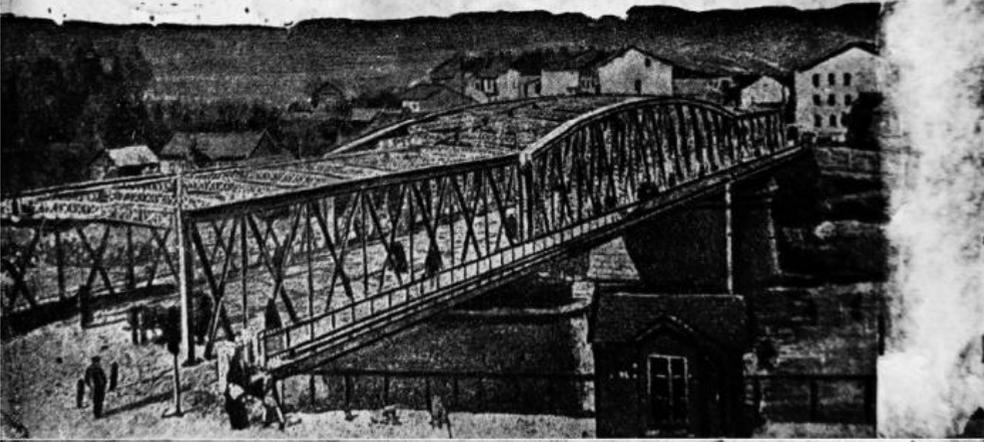
Шлю вам привет и желаю вам всего лучшего писем от вас я уже давненько не получал хотя вам писал много я пока жив здоров мы опять сделали большой переход и вот уже второй день стоим на отдыхе 20-го января я виделся с А. К. Пономарёвым был у него и много кое-что поговорили Он рассказывал мне как он съездил в отпуск как был в Куртамыше благодарил меня за то что хорошо мы с тобой приняли его невесту... когда я Нюся от него уходил то он мне дал 3 р. я отказывался он настаивал чтобы я взял я его спросил может быть за то вы мне даёте деньги что я привёз вам письма то совершенно напрасно он говорит что это просто на овёс твоему коню тут вошли в эту же комнату офицера так что отказываться было неудобно и мне пришлось эти 3 р. взять но сама Нюся знает мой характер я не могу брать то что мне не полагается или чего я не заработал то будь добра мой дорогой Нюся уплати эти 3 р. невесте А. К. если же она их не возьмёт лично себе то попроси чтоб она услала их в ихнюю семью но эти деньги я как подарок принять не могу... Целую вас ваш Николай я пока жив и здоров и Васька у меня тоже бегают...

Января 27-го дня 1917 года.»

Весной 1917 г. младший урядник Томин избран начальником первой Оренбургской казачьей дивизии. Томин становится активным участником не только военных сражений, но и революционных преобразований.

95.

Перемышль, Мость — Przemyśl, Most.

«Дорогие мама и Нюся!

Привет вам шлю и желаю всего лучшего я пока жив здоров вчера приехал из петрограда в полку ещё не был еле полк разыскал здесь были сильные бои но сейчас ничего пока нет только арт. стрельба. здесь идут сильные дожди Извините что мало написал но положительно некогда Привет всем ваш Н. Томин.

1917 г июля 1-го.»

В январе 1918 г. Томин назначен начальником штаба Красной Гвардии Троицкого уезда. Вскоре он взялся за организацию красного казачьего полка, для чего был созван в Троицке съезд казаков-фронтовиков. Вскоре им был сформирован там 1-й Оренбургский казачий полк им. Стеньки Разина.

13 апреля чехи предприняли наступление на Троицк. Троицк был оставлен, и начался пятимесячный рейд по тылам белых. Томин был ранен в руку. Весь его поход к Кунгуру так и прошёл с рукой на перевязи. 12 сентября 1918 г. рейд был закончен, отряд под общим командованием Блюхера вступил в Кунгур. Блюхер высоко ценил Томина, называл его «волевым и талантливым военачальником, человеком изумительной честности и беспредельной храбрости».

Н. Д. Томин. Самарканд. 1924 г.

За мужество и командование Томин был награждён золотыми часами ВЦИК. Вскоре при Третьей армии Восточного Фронта по инициативе Томина был сформирован сводный кавалерийский отряд, принявший участие в освобождении от белых Западной Сибири: Ирбита, Кургана. Затем последовало назначение начальником 10-й кавалерийской дивизии, действовавшей в составе Западного фронта. Дивизия участвовала в боях по взятию Вильно, а затем Гродно, Полоцка на Висле. Когда последовало поражение под Варшавой, дивизия Томина была интернирована на территории Германии. Томин с группой товарищей численностью до трёхсот человек бежал из плена. Ему было поручено формирование новой «10-й Кубанской кавалерийской дивизии». В декабре 1920 г. Томин был назначен командиром второго конного корпуса (фактически это была Вторая конная армия, которую свёртывали в корпус). 27 мая 1921 г. приказом Реввоенсовета Республики Томин был награждён орденом Красного Знамени. Затем – бои на Тамбовщине и Дальний Восток. Томин принял командование Забайкальской группой войск в составе 1-й Читинской стрелковой бригады и отдельного Троицко-Савского кавалерийского полка. По пути на линию фронта главнокомандующий Блюхер возложил на Томина командование и Инской группой, а также подготовку войск всего фронта к наступлению. 12 февраля 1922 года части под командованием Томина освободили Волочаевку, а 14 февраля был взят Хабаровск.

В период всех этих кровопролитных сражений Томин, как и прежде, шлёт письма домой в Куртамыш.

«Ст. Уманская 22 февраля 1921 г.

Анюта!

Вчера получил от тебя письмо, посланное тобой 19/12 20 г., из которого видно, что живы и здоровы, что меня очень беспокоило, а также я узнал, что писем тобой посылается много, но видимо они задерживаются на почте. Извинись за меня перед Ольгой Степановной, что я её побеспокоил. Здоров, всё собираюсь поехать в отпуск, но надежды на поездку мало... Привет всем моим знакомым, ваш Н Томин.

*Мой адрес. Штаб Кавфронта командиру 2-го конного корпуса
Н. Д. Томину».*

«Барнаул июля 24-го 1922 г.

Анюта!

Отправил тебе несколько писем и в том числе два заказных, но получила ты из них что-нибудь? Для меня неизвестно... придётся снова всё рассказать... Живём с Павлом (ординарец – прим.) в монастырской келье бывшего женского монастыря, как тебе не покажется странным но это так и есть с квартирами в городе очень неважно, да и город-то очень грязный и я не жаляю, что не могу приобрести квартиры в городе. Вот приблизительно как мы живём: утро я встаю и иду купаться прихожу с купания пью чай с огурцами, чесноком и мёдом, но без молока после чего я еду в штаб по окончании занятий обедаю в столовой и еду в монастырь, опять купаюсь пью чай гуляю в лесу и после всего этого вечером читаю, или пишу и сплю. Сейчас сижу в лесу кругом тишина, в городе слышно как звонят видимо ко всеночной, воздух, вроде как у нас за больницей я чувствую себя ничего, но спина ещё даёт себя чувствовать...»

2 сентября 1922 г. Томин принял командование 6-й Алтайской бригадой. В 1923 г. последовала учёба на курсах ВАК (Высшего армейского комсостава) в Москве, в апреле 1924 г. – отправка в Среднюю Азию на борьбу с басмачами, в мае 1924 г. – награждение вторым орденом Красного Знамени. Последние письма и телеграммы жене, которая поехала следом за мужем и ждала багаж в Самарканде, написаны были Томиным уже из Таджикистана...

«Анюта!

Пишу с дороги с остановки... едем хорошо я чувствую себя ничего... я послал тебе посылку с вещами, которые мне здесь совсем не нужны и кое-какие твои вещи посылка зашита в простыне и увязана новыми багажными ремнями посылку начвоенснабжения обещал переслать тебе попутно с попутными одновременно с посылкой пошлёт наверное и деньги 50 руб. Если будешь писать мне, то пиши по адресу: Восточная Бухара, Город Куляб Штаб 6-ой отдельной Алтайской Кавалерийской бригады комбригу Н. Д. Т. Это адрес для писем... Ну желаю тебе Нюся всего доброго целую тебя крепко твоей Н. Т.

Кишлак Бойсун 19/5 24 г...»

«Янги-Базар 29/5 24 г.

Анюта! Писал тебе несколько писем незнай получила ты, или нет, письма все были адресованы на квартиру бывшего областного военкома: Абраминский Бульвар д. 20. Чувствую себя я пока ничего, еду благополучно, но до штаба пока ещё не добрался. Вот очень жаль, что я кое-что не предусмотрел и не захватил с собой кое-чего, а оставил в багаже, а багаж привезут мне не раньше 15-го, но как-нибудь думаю обойдтись. Анюта я взял денег в отделе снабжение 6-ды (бригады – прим.) в счёт майского жалования 60 руб. и просил из них перевести тебе 50 руб., а помимо этого как только будет

получено моё жалование за май месяц, то из него будет переведено Русяеву 100 руб., а остальные деньги будут переведены тебе за вычетом 60 руб., которые я взял в счёт майского жалования. Русяеву я послал деньги на покупку: термоса, полевой сумки, ружья, фотографического аппарата, гамака и думаю ещё просить купить накидку, т-к здесь непролазная грязь и дожди и накидка будет мне необходима, но 100 рублей для покупки перечисленных выше вещей конечно будет мало... Сообщи Нюсик, как ты устроилась, как чувствуешь себя... Будешь писать домой, привет от меня всем. Ещё просьба мы хотим организовать столовую для комсостава, но готовить никто ничего не знает. Вот нам и понадобится поваренная книга...»

Н. Д. Томин. Куляб. 30 июля 1924 г.

«10 июня г. Куляб

Дорогая Анюта! Пользуясь случаем пишу тебе с тов. Новиком, который собирается побывать в Самарканде. Прожил в Кулябе я уже неделю но пока чувствую себя ничего в отношении здоровья, а также и морально... Анюта я просил выслать мне большие сапоги, 5 ф. сахара, или песку или 2 ф. леденцу, кроме этого, если будут деньги, то пошли: 2 ф. клюквенного экстракта, ¼ ф. перцу и 5 ф. чесноку здесь его нет, а у меня без чесноку желудок пошаливает. Сообщи, как варить варенье и мариновать вишню, или яблоки, как делать квас из хлеба и ячменя... Пиши как ты думаешь поступить дальше; останешься ли в Самарканде, или думаешь поехать домой. Если бригада останется на зиму здесь, то я даже подумываю тебя вытащить в Куляб, но вот не знай как ты поступишь тогда с вещами где будет возможно оставить вещи... здесь одно неудобство, что 150 в. (150 км – прим.) нужно ехать верхом, так как иначе нельзя. Но здесь уже есть три женщины, а если Бригада останется, то с ней из Киршей наверное подтянут многие свои семьи... Жить здесь не так-уж плохо, если для устройства своей жизни затратить свои силы, то безусловно можно устроиться сносно, а зато можно увидеть, то чего не увидишь ни в Москве нигде в России; горы, пропасти и горные реки совершенно иные цветы, травы, деревья и даже птицы. Вот если бригада останется зимовать здесь, то подумывай приблизительно в октябре м-це выдвинуться если тебе будет приятно пробыть со мной зиму... Теперь ещё одна просьба: мне здесь необходимо следующие вещи: небольшой топор, руч-

ную пилу, стружок, эти вещи тов. Новик купит сам, но ты дашь ему деньги. Кроме того было-бы хорошо если-бы ты нашла и купила 3 х. линейную лампочку и фунтов 5 керосину в битон, или бутылки... Ну Нюсик пока надо закончить свою грамоту я живу сносно чувствую себя ничего про малярию пока ещё не думаю, но всё-таки ты рецепт лекарственный и подсолнечный цвет мне пошли Едим вишню и урюк я даже сегодня собираюсь варить варенье, но вот беда забыл, что сначала варят ягоды, или сахар. Привет даше которая посылала письмо в Дюшанбе я его передал. Пиши твой Н. Томин.

12/6 24 г.»

Переписка Николая и Анны Томиных оборвалась. Встретиться им больше не пришлось. 12 августа 1924 г. около пяти часов вечера во время боя 36-летний Н. Д. Томин был смертельно ранен и вскоре умер. Похоронен в г. Кулябе.

Спустя 100 лет он до сих пор остаётся единственным человеком в истории нашего района, который за десять лет службы прошел путь от рядового до генерал-лейтенанта и первым кому был установлен в Куртамыше памятник.

Анна Ивановна после гибели мужа вернулась в Куртамыш. Сохранила письма, которые в конце 1950-х гг. были переданы П. З. Кочегиним в Государственный архив Курганской области и в созданный им в Куртамыше музей им. Н. Д. Томина.

Владимир АГА

Военка

*Об обучении на военной кафедре
в КМИ в 1970-е годы*

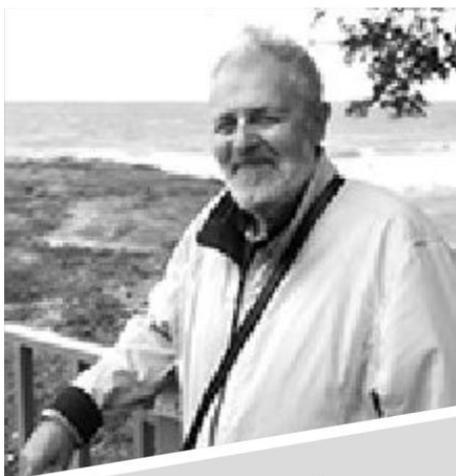
В годы моей учёбы в Курганском машиностроительном институте существовала военная кафедра, на которой готовили из нас офицеров запаса. Называлась военная специальность «заместитель командира мотострелковой роты по технической части», или проще – «зампотех». Естественно, занимались военным делом только парни, годные по состоянию здоровья. Мой взвод состоял из ребят нашей группы и группы, смежной по потоку. Мы занимались «военкой» (так мы называли военную подготовку) по средам. Две пары до обеда и две пары после. Девочки в этот день отдыхали. Военка началась со второго семестра 2-го курса и шла до окончания 4-го курса.

Готовили нас к обслуживанию и ремонту боевых машин пехоты БМП-1, производство которых развернулось в конце 60-х годов на Курганском машиностроительном заводе. Первоначально кафедра готовила зампотехов-танкистов. Выпускником военной кафедры, окончившим в 1969 г. автотракторный факультет, был А. В. Квашнин, Герой России, генерал армии, начальник Генерального штаба в 1997–2004 гг. Затем в связи с появлением боевых машин пехоты специализация кафедры изменилась.

Оснащение военной кафедры было солидным. Имелись боксы, где хранилась техника, всегда чисто вымытая. Мы, как муравьи, облепляли боевые машины, изучая устройство всех систем. В классах по матчасти имелись красочные плакаты по всем агрегатам и узлам машины с разрезами. Кроме того, имелись разрезные макеты особо сложных узлов. Были толковые преподаватели, офицеры, многие из них – участники Великой Отечественной войны. Такие, как начальник кафедры полковник С. С. Соколов, подполковник Н. П. Затынин, майор И. Е. Востриков. Легендой кафедры в наше время был полковник С. И. Вовченко. Танкист, участник Курской битвы, кавалер многих боевых наград, среди них – ордена Ленина и Александра Невского.

Кроме изучения матчасти мы занимались тактикой, организацией обслуживания и ремонта техники в полевых условиях, изучали машины МТО (материально-технического обслуживания), защиту от ОМП (оружия массового поражения) и многое другое. Программа была на уровне средних военных училищ. Надо иметь в виду, что общетехнические и общественные дисциплины, которые изучались в военных училищах, мы проходили в часы обычной институтской учёбы.

ПИСЬМА И МЕМУАРЫ

**Ага
Владимир Ильич**

Краевед. Родился в Кургане 26 февраля 1951 г. Окончил Курганский машиностроительный институт. Работал на Савеловском машиностроительном заводе (г. Кимры Калининской области) инженером-наладчиком, мастером. По возвращении в Курган в 1977 г. работал на «Дормаше», Курганмашизаводе, Варгашинском заводе противопожарного оборудования. После выхода на пенсию увлёкся историко-краеведческими изысканиями. Первый опубликованный материал появился в 2019 г. в газете «Курган и курганцы».

В настоящее время вышло несколько статей Владимира Ильича, посвящённых истории родного города.

В основном занятия проходили в классах или учебных боксах. Только на тактику мы выезжали иногда «в поле». Вспоминается один курьёзный случай. Как-то зимой собрались мы на очередной выезд на тактику в район Увала во второй половине дня. В «секретке» получили топографические карты местности, загрузили в ГАЗ–66 с брезентовым верхом шанцевый инструмент, сами устроились и двинулись в путь. Как потом оказалось, какой-то разгильдяй из соседнего взвода забыл взять с собой карту и оставил её в столе, в классе. Вдоволь «навоевавшись», замёрзшие, мы вернулись на кафедру. Пошли сдавать карты – и выяснилось, что одной не хватает. Командиры наши в ужасе: что делать?! Предположили, что карта была потеряна «в поле».

Интересное было время: топографическая карта окрестностей Кургана являлась секретной, а на тактике, на занятиях в классах, мы пользовались картами Западной Германии, на которых можно было рисовать. Поступила команда – снова ехать под Увал, искать карту. Мы на том месте месили снег до темноты – нет карты! Вернулись понурые, разбрелись по классам забрать вещи, а тут и карта нашлась. Мы этому парню сказали всё, что о нём думаем.

В конце каждого семестра, в экзаменационную сессию, мы сдавали экзамен и по военной подготовке. В 1973 году в конце 4-го курса по военке экзамена не было, а после окончания сессии мы на лето выехали на военные сборы, в лагерь. Выехал весь четвёртый курс со всех факультетов. Сборы проходили в Челябинской области в районе Чебаркуля. Выгрузились мы с электрички на станции Мисяш и пешком отправились в военный городок. После бани нам выдали военную форму, шинели, сапоги.

Кроме нашего института проходили сборы студенты Пермского университета. Жили в палатках, повзводно, недалеко от озера Мисяш. Распорядок дня – как в армии, начиная с утренней зарядки и пробежки. Кормили хорошо. Поочередно дежурили на кухне. Особых строгостей не было. Наш взвод принял

*Друзья-«однополчане» на фоне палаток. Мисяш, лето 1973 г.
Слева направо: В. Ага, В. Романов, В. Гудович, В. Блинов.
Фото из архива автора.*

присягу 5 августа. Занятия были самые разные – стрельбы, вождение БМП, химзащита, тактика, обслуживание техники и прочее, и прочее. На вождении наш преподаватель – тогда ещё майор – Чернышов любил, стоя в командирском люке, постукивать длинным прутиком по шлемофонам нерадивых курсантов, направляя машину в нужную сторону.

Как-то пришлось нам на вождении попотеть, когда копали окоп для БМП в дождь с использованием штатных средств для самоокапывания. Запомнилось, как «засадили» специально машину в болото и вытаскивали её оттуда с помощью бревна для самовытаскивания (бревно входит в состав ЗИП всех модификаций БМП). Бревно крепится тросами к гусеницам перпендикулярно и на малом ходу путём протаскивания бревна гусеницами под машиной она сама себя вытягивает из трясины.

Помню смешной случай на занятиях с противогазами. Плотность прилегания противогаза к лицу проверялась в специальной хлорпикриновой палатке. В противогазе тяжело дышать, а приходилось ещё бегать кроссы, – и некоторые ребята хитрили, выбирая противогаз на номер больше. Запустили нашу группу в палатку с газом, чтобы проверить, как мы носим противогазы. Хлорпикрин вызывает немедленные слёзы, глаза закрываются. Что тут началось! Палатка ходуном заходила! Те, у кого противогаз не был подогнан, пытаются высочить наружу, а слёзы заливают глаза, и они не могут найти выход.

Пребывание наше в лагерях составило 28 дней. Это число запомнилось, так как один парень из нашего взвода, которому тяжело давались военные науки, делал ежедневно зарубки перочинным ножиком на шесте, который подпирал центр палатки.

В августе 73-го года начался показ по телевидению знаменитого сериала «Семнадцать мгновений весны». Вечерами военный городок вымирал: все офицеры и прапорщики смотрели кино. Телевизоров в палатках у нас не было, и мы были предоставлены сами себе. Некоторые ребята рыбачили на озере, там даже карпы водились. Другие – и я в том числе – переодевшись в гражданское, ходили в лес, лакомились лесными ягодами, или через лес в Чебаркуль.

По возвращении в Курган сдали государственные экзамены. Мне военка нравилась: она резко отличалась от довольно пресной институтской учёбы. Поэтому я учился на «отлично». В июне 1974 года, по окончании института, нам были присвоены воинские звания «лейтенант-инженер». В том году приказом министра обороны СССР маршала А. А. Гречко выпускников военных кафедр в армию не призывали. Военный билет офицера запаса вооружённых сил СССР я получил 30 августа 1974 года, работая по распределению в г. Кимры Калининской области.

Но военная кафедра нас не забывала: периодически мы через военкомат проходили там «командирские курсы». Приятно было встретиться со своими, уже состарившимися, преподавателями. В 1995 г. в связи с созданием на базе КМИ и КГПИ Курганского университета кафедра была ликвидирована.

**Цисарев
Сергей Александрович**

Журналист. Работал в ряде периодических изданий, в том числе в областной газете «Новый мир». С 2015 года – обозреватель городской газеты «Курган и курганцы». С 2007 года – член Курганского Союза журналистов.

Сергей ЦИСАРЕВ

Королева пехоты

(О том, как создавалась лучшая в мире БМП)

70 лет назад, 25 июня 1954 г., строящийся Курганский завод тяжёлых кранов был передан в Министерство транспортного машиностроения и переименован в Курганский машиностроительный завод. Постановлением Совета Министров СССР заводу была поставлена задача по созданию новых образцов артиллерийских систем и гусеничных тягачей. Уже 15 марта 1955 года с конвейера предприятия сошёл первый АТС, созданный конструкторами Челябинского тракторного завода.

Первым директором завода стал Василий Петрович Горбунов. По сути, тогда и началось строительство цехов завода: главного корпуса, чугунолитейного, инструментального, котельной, здания заводууправления.

Так начиналась славная история Курганмашзавода (ныне входит в холдинг «Высокоточные комплексы» Госкорпора-

ции «Ростех»). КМЗ является единственным предприятием в России по производству боевых машин пехоты, боевых машин десанта и их модификаций. Выпуск БМП-3 и другой легкобронированной техники с началом специальной военной операции резко увеличен. Гражданская продукция завода – плавающий вездеход ТМ-140 и мини-погрузчик МКСМ-800 – помогали бороться с паводком в этом году.

Но всё же основной и самой знаменитой продукцией КМЗ, в том числе и в мире, стала именно БМП-3. Именно она спасла флагман зауральской промышленности в «лихие 90-е» благодаря экспортному контракту с Объединёнными Арабскими Эмиратами. Именно «тройка» сейчас незаменима в зоне специальной военной операции, несмотря на то, что разработка машины началась почти полвека назад. Но её создателям – и в первую очередь главному конструктору Александру Александровичу Благоднарову (к сожалению, ушедшему из жизни в 2020 году) – удалось заглянуть далеко в будущее. Именно об этом и будет наша история.

Тема для романа

БМП-3 была принята на вооружение Советской Армии приказом Министерства обороны СССР 18 августа 1987 года. Современную армию невозможно представить без боевых машин пехоты и самых разнообразных видов вооружения и техники на их базе – от ремонтно-эвакуационных машин до лёгких самоходных артиллерийских установок.

Особую гордость у курганцев вызывает то, что эти машины, не раз выручавшие и продолжающие выручать наших бойцов в вооружённых конфликтах современности, выпускаются в столице Зауралья.

О каждой из боевых машин, которые сходили и сходят с конвейера КМЗ, можно рассказывать во множестве книг – от специальной военно-технической литературы до производственного романа. Но мы сосредоточимся

на БМП-3. Это самая современная серийная боевая машина пехоты российских Вооружённых Сил. При этом потенциал для совершенствования курганского изделия ещё далеко не исчерпан. БМП-3 завоевала самое широкое признание за рубежом и успешно действует в любых непростых условиях – в сухих и жарких аравийских пустынях, в индонезийских джунглях, где температура и влажность, как в парной.

Одним словом, БМП-3 – тема огромная, почти что необъятная (и это только исходя из открытых источников!).

Вначале вкратце проанонсируем, о чём хотелось бы рассказать. Разумеется, мы коснёмся истории создания БМП-3, которая была на самом деле весьма непростой. И речь не только о технических и технологических сложностях, но и о дискуссиях, сопровождавших проект. Вспомним о выдающемся учёном и инженере – главном конструкторе БМП-3 Александре Александровиче Благонравове. Одним словом, поговорим о многом интересном.

От кранов к боевым машинам

Но перед тем как начать повествование о нашей главной героине, безусловно, надо хотя бы вкратце напомнить об истории завода, где машина появилась на свет, и о «родословной» БМП-3.

Во многом благодаря «Курганмашзаводу» наш город стал индустриальным центром, заметным не только в России, но и далеко за её пределами. Вряд ли можно найти курганца, так или иначе не связанного с КМЗ. Если он сам не работал на нём, то обязательно там трудились или трудятся его родственники, друзья, одноклассники. КМЗ и его продукция – один из символов Зауралья и его столицы.

При этом, если вспомнить историю, индустриализация первых пятилеток почти не затронула Курган. Однако в условиях надвигавшейся войны и возможной утраты ключевых промышленных территорий на западе СССР в третьей пятилетке акцент в развитии индустрии был сделан на Урал и Сибирь.

В русле такой промышленной политики и появился родоначальник Курганского машиностроительного завода. В рамках совместного Постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) о государственном плане на 1940 год был издан приказ народного комиссара тяжёлого машиностроения СССР, предусматривающий строительство ряда крупных промышленных предприятий на востоке европейской части и в Сибири. Среди них – и завод тяжёлых кранов в Кургане, который тогда входил в состав Челябинской области.

После начала Великой Отечественной войны стройка была законсервирована, однако государство, несмотря на всю тяжесть послевоенных лет, про неё не забыло. Совет министров СССР 12 марта 1947 года распорядился, чтобы Министерство тяжёлого машиностроения утвердило до 1 августа 1947 г. технический проект и генеральную смету строительства завода тяжёлых кранов в Кургане.

Уже 1 июля 1950 года предприятию установлен первый государственный план. А 6 июля 1950 года выпущена первая продукция – редуктор РМ-350.

Армии для буксировки наземной и зенитной артиллерии средних калибров с массой до 14 тонн были необходимы тягачи, обладающие высокой подвижностью.

На основании Постановления Совета министров СССР № 1258-563 от 25 июня 1954 года Курганский завод тяжёлых кранов был переименован в Курганский машиностроительный завод и передан в ведение Министерства транспортного машиностроения – одного из «замаскированных» оборонных министерств.

Завод развивался и осваивал новую продукцию непросто. Были проблемы с фондами, со снабжением... Но стоит сказать, что тогда кадровой проблемы в современном её понимании просто не существовало. Партия или комсомол говорили: «Надо!» – и люди выполняли. Уже в 1954 году путёвку на новый завод получили более полутысячи специалистов с различных предприятий со всех уголков огромной страны.

Такая география «отцов-основателей» стала важным преимуществом «Курганмашзавода». Опытные инженеры представляли различные школы, их молодые коллеги горели современными идеями. В итоге появился уникальный сплав научной, конструкторской, технологической мысли, который впоследствии дал возможность решать самые сложные задачи – такие, как создание боевых машин пехоты.

15 марта 1955 года из ворот сборочного цеха выехали два первых АТС (артиллерийский тягач средний) производства «Курганмашзавода». А затем выпуск тягачей стал нарастать буквально неделя за неделей. Стоит сказать, что техника «Курганмашзавода» стала известна за рубежом не в эпоху БМП, а именно тогда. АТС успешно использовался в армиях зарубежных стран. Экспорт шёл не только в страны соцблока, но и в Финляндию, с которой у СССР были особые отношения. Именно там курганский тягач был особенно популярен: финны ценили его высокую проходимость по глубокому снегу и хорошую приспособленность для работы в суровых зимних условиях. Пришлось ему послужить и в диаметрально противоположном климате – во Вьетнаме и на Кубе. Там, по воспоминаниям заводчан, особую проблему представляли термиты – насекомые поедали мягкую органику (например, сиденья) и повреждали проводку и резиновые трубопроводы. Мы увидим, что такую климатическую выносливость демонстрирует и «потомок» АТС – БМП-3.

«Курганмашзавод» на пике производства ежемесячно выпускал до двухсот тягачей. Кроме Советской армии, они были приняты на вооружение в Северной Корее, Эфиопии, Алжире, Сирии, Мозамбике, на Кубе, в других социалистических и развивающихся странах. А в конце шестидесятых, когда началось активное освоение нефтегазовых месторождений Севера, гражданская версия тягача верой и правдой служила и там. Кстати, «двоюродный брат» БМП-3 – снегоболотоход ТМ-140 – продолжает эту традицию. Его давно знают и уважают на Северах.

Универсальный солдат

А теперь перейдём к непосредственным «предкам» БМП-3 – боевым машинам пехоты БМП-1 и БМП-2. Для начала надо сказать, что широчайшее распространение курганских изделий, в особенности БМП-1, их исключительная надёжность и простота эксплуатации создают иллюзию, что эти боевые машины по конструкции тоже очень просты (если не сказать – примитивны). Но это глубокое заблуждение. Малоизвестный факт: БМП-1 была принята на вооружение в 1966 году. В то же самое время в СССР выпускался (с 1959 года) истребитель МиГ-21, самый массовый и успешный реактивный истребитель третьего поколения в мире. Так вот, его самая современная на тот момент модификация МиГ-21МФ была в производстве дешевле БМП-1. А ведь это сверхзвуковой истребитель с управляемым ракетным вооружением! Сходство с авиационными технологиями, кстати, подчёркивает то, что БМП управляется не рычагами, а штурвалом.

Таким образом, начиная изготовление БМП-1, «Курганмашзаводу» предстояло сделать очередной качественный скачок – уже второй за десять лет, – и от производства техники, по большому счёту аналогичной трактору, начать выпуск машины, сопоставимой по сложности с боевым самолётом.

Почему такая боевая машина оказалась столь востребованной не только в стране, но и в мире? Задачи, которые стояли в тот момент перед Советской Армией и союзниками СССР по Варшавскому договору в противоборстве с НАТО, предусматривали форсирование многочисленных водных преград, которыми столь богат европейский театр военных действий. Чтобы осуществить через реки массовую переброску войск, необходимо захватить плацдарм на атакуемом берегу, причём делать это лучше на плавающей бронированной машине, вооружённой до зубов и готовой помериться силами с любым противником вплоть до танков. Именно эта идея была положена во главу угла в тактико-техническом задании на боевую машину пехоты.

Кроме того, во второй половине пятидесятых была сформулирована концепция ОБТ – основного боевого танка. Взамен линейки «лёгкий – средний – тяжёлый танк» должна была появиться единая боевая машина, сочетающая подвижность лёгкого танка, вооружение тяжёлого и к нему же приближающаяся по уровню бронезащиты. Надёжным помощником ОБТ на поле боя и должна была стать БМП, которая ликвидировала бы грозящие танку угрозы – противотанковую артиллерию и гранатомётчиков, обычных бойцов с противотанковыми гранатами, а также поддерживала бы огнём собственных спешенных мотострелков и боролась с танками противника. (Как там у Пушкина – «нужен мне работник: повар, конюх и плотник»). Именно эти факторы и привели в конечном счёте к появлению боевой машины пехоты.

Как ответили на эти вызовы советские, в том числе курганские конструкторы?

- Комплекс вооружения, позволявший бороться с любым танком вероятного противника, за счёт подвижности и низкого силуэта БМП могла атаковать с выгодных ракурсов. Это гладкоствольное 73-мм орудие 2А28 «Гром» с автоматической системой заряжания и комплекс управляемого ракетного вооружения 9К14, использующий противотанковую управляемую ракету 9М14М «Малютка». Не забудем и про гранатомётчика в составе десанта.
- Противоатомная защита, которая состояла из специального подбоя, поглощающего радиоактивное излучение, и фильтро-вентиляционной установки. ФВУ создавала внутри корпуса избыточное давление, чтобы туда не мог проникать воздух, насыщенный радиоактивной пылью.
- Продвинутое гусеничное шасси и лёгкий, но в то же время прочный корпус с большим количеством деталей из специальных алюминиевых сплавов. Благодаря этому БМП могла плавать, «летать» (то есть перевозиться существующими на тот момент военно-транспортными самолётами), а также иметь исключительную подвижность по суше.

Именно в этом и заключается ответ на вопрос о востребованности БМП. Нетрудно заметить, что тактико-техническое задание на машину было сложным, во многих аспектах противоречивым. Но его выполнение позволило сделать её поистине универсальной. Таким образом, наша курганская БМП стала первой, самой массовой и, пожалуй, самой удачной в своём классе. Выступив первопроходцами, советские конструкторы задали тренд, которому затем мировое танкостроение следовало десятилетия. А копии машины (лицензионные и не очень), а также десятки разнообразнейших модификаций выпускаются по всему миру по сей день.

За штурвалом «шайтан-арбы»

Производство БМП-1 в Кургане продолжалось с 1966 по 1983 год. Но уже с самого принятия машины на вооружение рассматривался вопрос её модернизации. Перейти от теории к практике заставил опыт боевого применения машины армией Сирии в палестинско-израильском конфликте и Советской армией в пограничном конфликте с китайцами на острове Даманском в 1969 году. Оказалось, что орудие «Гром» крайне неэффективно. А орудие это, как рассказывают, приняли на вооружение потому, что схитрили, когда на испытаниях его показывали советскому лидеру Хрущёву. Танк-мишень обложили небольшими копнами сена, незаметными издали. Естественно, оно вспыхивало от раскалённой до трёх тысяч градусов кумулятивной струи. Танк красиво горел, и Никита Сергеевич был в восторге.

Итак, ошибку надо было исправлять. Но как? К тому времени авиапарк советских ВВС пополнила ударная модификация перехватчика с изменяемой геометрией крыла МиГ-23 – МиГ-27. Он был вооружён шестиствольной автоматической пушкой. Решение её конструктора, Василия Петровича Грязева, было простым и гениальным: он отделил один ствол от блока и скомпоновал его с казённой частью. Пушка была принята на вооружение под индексом Главного ракетно-артиллерийского управления (ГРАУ) 2А42. Надо сказать, что это орудие вернулось в небо: им оснащены современные российские боевые вертолёты Ми-28 и Ка-52.

БМП-2 была готова в 1972 году. Но поступила на вооружение только через восемь лет – при том, что пушку разработали в рекордные полгода. Дело было в следующем. Вначале у комплекса с 2А42 был существенный недостаток – низкая точность и кучность огня. Но внедрение в автоматику стабилизатора сложных и умных алгоритмов позволило минимизировать этот недостаток. Это объективная причина. Субъективная – межведомственные трения, которые в позднем СССР очень часто мешали делу.

В конечном счёте всё решила Афганская война. Там у БМП-1 выявился ещё один минус – низкий угол подъёма орудия. А излюбленной тактикой душманов были засады на высотах, куда «Гром» не доставал. Однажды в 1981 году директору КМЗ М. А. Захарову позвонил генерал армии М. М. Зайцев с просьбой предоставить одну БМП-2. На следующий день за ней в Курган специально прилетел военно-транспортный самолёт. Через несколько недель стало известно, что такая машина нужна в Афгане, «как вода, как воздух». Ещё через некоторое время высший орган власти в стране – Политбюро ЦК КПСС – принял специальное решение: в кратчайшие сроки, буквально в течение 2–3 недель, отправить 25 БМП-2 в Афганистан. Хотя производство не было готово к выпуску такого количества машин, решение надо было выполнять. Завод был переведён на режим военного времени, и через четыре недели в 12 ночи 25 машин, заправленных «под завязку», ушли своим ходом в Челябинск, где на военно-транспортных самолётах были отправлены в Афганистан.

Как вспоминал выдающийся уральский машиностроитель, главный конструктор СКБ КМЗ с 1974 по 1989 год Александр Александрович Благоднравов, – однажды разработчиков техники, применявшейся в Афганистане, собрали и отправили туда в командировку, чтобы они встретились с теми, кто воюет этим оружием. Иные конструкторы получили в свой адрес нелицеприятные отзывы. Вдруг один из боевых генералов спросил: «А кто придумал БМП-2?» Александр Александрович встал и приготовился услышать критику, но ему сразу заплотировали и сказали, что БМП-2 – великолепная машина, душманы её очень боятся и называют «шайтан-арбой».

Заглянуть на десятилетия вперёд

Звёздным часом (точнее, годами) для КМЗ, безусловно, стали восьмидесятые. БМП–3 – новая боевая машина пехоты – создавалась, без всякого преувеличения, по космическим технологиям. Интересно, что опытно-конструкторские работы по ней велись под шифром «Басня». Вооружение машины по своему могуществу должно было превосходить все современные и перспективные БМП. Процесс создания «тройки» был окружен многочисленными перипетиями.

«Курганмашзавод» серийно выпускает боевую машину пехоты БМП–3 с 1987 года. Она является флагманом всей линейки российских боевых машин пехоты семейства БМП. В этой машине воплощены передовые научные идеи и технологические новации, поэтому она и сейчас имеет большой потенциал совершенствования по всем параметрам. При этом разработка БМП–3 была начата практически полвека назад, в 1977 году. В 1983–1986 годах проведены её испытания, и в 1987 году новая боевая машина была принята на вооружение Советской Армии. За этими скупыми словами кроются и огромная работа конструкторов, инженеров, учёных, всего коллектива КМЗ и сотен предприятий-смежников, и напряжённые дискуссии, и научно-технические прорывы и производственные достижения.

Гонка вооружений

Почему появилась необходимость создания новой машины, хотя БМП–2 была во многих отношениях непревзойдённой?

Первое. США и страны НАТО в конце 1970–х годов инициировали очередной виток гонки вооружений. Тогда разрабатывается и ставится на вооружение новое поколение военной техники. В сухопутных силах появляется второе поколение основных боевых танков. В США это М1 «Абрамс», в Великобритании – «Челленджер», в ФРГ – «Леопард–2». (К слову, трофейный «Абрамс», который американцы поставляют украинским нацистам, курганцы могли увидеть в августе этого года на выставке «Сила V Правде – гордость и Победа».)

Уже тогда натовскую бронетехнику отличали значительно возросшая по сравнению с предшественниками огневая мощь, бронезащита, подвижность, продвинутые системы управления огнём. Пройдя несколько блоков модернизации, эти машины в строю и по сей день. А мы помним, что в перечень задач для БМП входит в том числе и борьба с танками противника.

Второе. С отставанием от СССР почти на десятилетие, но БМП стали выпускать и на Западе. Американцы приняли на вооружение М2 «Брэдли», англичане – «Уорриор», западные немцы – «Мардер» (звучит страшно, почти как «мёрдер» («убийство») по-английски, – но по-немецки это всего-навсего «куница»). Тут натовцы учли наш опыт и стали вооружать свои машины скорострельными малокалиберными пушками и ПТУРами. Между прочим, и «Брэдли», и «Мардер» были также представлены на вышеупомянутой выставке.

Плюс к тому у американцев стал выпускаться штурмовик А–10 «Тандерболт II». Его основным противником также была определена бронетехника. Наконец, поле боя – чем дальше, тем больше – стало насыщаться высокоточным управляемым оружием как наземного, так и воздушного базирования.

Советской промышленности предстояло ответить на эти вызовы, разработать и внедрить в серийное производство концептуально новую БМП. Официальной точкой отсчёта проекта стало совместное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 1043–361 от 16 декабря 1976 года, в котором партия и правительство поручили приступить к работам по созданию БМП–3. Кстати, это случилось за пять лет до официального принятия на вооружение БМП–2.

Технологии предвидения

Дело было поручено Специальному конструкторскому бюро (СКБ) Курганского машиностроительного завода, а в помощь ему подключён ряд специализированных институтов и КБ СССР.

Конструкторское бюро КМЗ тогда возглавлял Александр Александрович Благонравов. Для разработки новой машины была собрана группа молодых специалистов под руководством одного из ведущих инженеров В. А. Зиновьева.

Опытно-конструкторские работы (ОКР) СКБ КМЗ проводило совместно с Всесоюзным научно-исследовательским институтом транспортного машиностроения («ВНИИТрансмаш»). При формировании тактико-технических требований (ТТТ) на БМП-3 произошла заминка. Об этом однажды рассказывал А. А. Благонравов:

«Изначально никаких ТТТ от Минобороны к БМП-3 не существовало. СКБ совместно с “ВНИИТрансмаш” должно было эти требования разработать и предъявить заказчику, чтобы он выдвинул их как свои. Забегая вперёд, скажу, что машина уже прошла заводские испытания и бегала по кубинскому полигону, а ТТТ всё ещё не были подписаны. И только в августе 1983 года Главное бронетанковое управление их подписало».

В нашей истории конструкторы буквально «попали в яблочко», сформулировав такие технические требования, что БМП-3 остаётся актуальной по сей день и не исчерпала резерв по модернизации.

«Мне хотелось добиться того, чтобы новая машина сохраняла своё превосходство над зарубежными аналогами длительное время – минимум лет пятнадцать. Прошло пятнадцать лет, и превосходство БМП-3 действительно сохранилось», – вспоминал А. А. Благонравов в 2008 г. И ещё через 15 лет его слова по-прежнему справедливы.

По воспоминаниям главного конструктора, наиболее сложной задачей было существенное повышение уровня броневой защиты при сохранении плавучести машины. Тактико-технические требования на новую БМП разрабатывались с учётом того, что 25-мм пушка американской «Брэдли» пробивала лобовую броню БМП-2 с большой дистанции.

Но если защитить серьёзной, немало весящей бронёй лобовую проекцию машины, оставив МТО впереди, то у неё будет чрезмерная передняя центровка. На плаву БМП будет зарываться носом в волну, да и на суше динамические характеристики будут далеки от удовлетворительных. Так что вывод простой – двигатель должен быть в корме машины. Но как в этом случае спешиваться десанту?

Вокруг вопроса компоновки силовой установки было сломано немало копий. А. А. Благонравов выступает за поперечное расположение двигателя. В то же время его оппоненты, в число коих входили и представители «ВНИИТрансмаш», оказались сторонниками продольного расположения МТО.

Однако в таком случае проходы для десанта получаются всего по 60 см, то есть слишком узкими. Вот, кстати, один из примеров того, что А. А. Благонравов умел заглянуть в будущее. Кому была бы нужна такая БМП с узкими проходами для десанта сейчас, когда у бойцов – бронешилеты, разгрузки и много чего ещё?

Итоговый вердикт вынесла макетная комиссия, организованная по инициативе главного конструктора СКБ КМЗ. В опытном цехе заводчане изготовили из фанеры два макета кормовой части будущей машины в обоих вариантах. Комиссия под председательством представителя научно-технического комитета Главного бронетанкового управления полковника П. И. Кириченко рассмотрела их и поддержала поперечную компоновку.

Надо сказать, что при ней БМП-3 всё же получила дифферент – теперь уже на корму. Поэтому топливные баки разместили в носовой части (впрочем, так же сделано в БМП-1 и БМП-2). При этом ёмкости, заполненные топливом, не выступают угрозой, а наоборот – за счёт использования специального наполнителя служат дополнительной защитой экипажа от воздействия кумулятивных боеприпасов.

Конструктор сказал – конструктор сделал

Но компоновка оказывается только началом эпопеи. Следующая битва развернулась вокруг силовой установки. Вначале планировалось установить на новую БМП двигатель, разработанный на Челябинском тракторном заводе. Однако он получился перетяжелённым в два с половиной раза, а его размеры не укладывались в заданные габариты.

А. А. Благоднравову приходится искать другие варианты. Однажды в коридорах Миноборонпрома он встречает главного конструктора завода «Барнаултрансмаш» Бориса Григорьевича Егорова – разработчика двигателя УТД-20, который установлен на БМП-1 и БМП-2. Он обещает создать дизель и для третьей машины.

Тут же в министерском коридоре оба главных на подоконнике от руки готовят соответствующее решение, печатают его на машинке и подписывают. В кратчайшие сроки Б. Г. Егоров выполняет своё обещание, при этом новый двигатель УТД-29 идеально вписывается в поперечную компоновку. Правда, против этого двигателя выступают не только ряд отраслевых НИИ, но и Военно-промышленная комиссия. Она апеллирует к тому, что, согласно ранее принятому решению, бронетанковая техника должна оснащаться только двигателями с турбонаддувом. Но А. А. Благоднравов отстаивает свою точку зрения. Так что у противников УТД-29 аргументов не остаётся.

Здесь следует подчеркнуть, что и в случае компоновки, и в случае выбора двигателя на А. А. Благоднравова оказывалось самое серьёзное давление «сверху» – и из Министерства оборонной промышленности, и из ВПК. Но, как он вспоминал, у главного конструктора было много полномочий: его можно было снять с должности, но заставить делать что-то против его желания никто не имел права.

«ВНИИТрансмашевские» конструкторы создали многие агрегаты, без которых БМП-3 невозможно представить. Это гидротрансформатор для трансмиссии, водомётный движитель, многие элементы ходовой части.

В итоге одной из «фишек» БМП-3 стала полуавтоматическая гидромеханическая трансмиссия. Многотонная машина на полной скорости 70 км/ч подчиняется лёгкому движению пальцев механика-водителя.

Оружейный «конклав»

Самая сложная дискуссия разворачивается вокруг комплекса вооружения БМП-3. *«Хотя я по своей узкой специализации трансмиссионщик, мне пришлось 80 % своего времени тратить на вооружение»*, – рассказывал А. А. Благоднравов.

Изначально на машину устанавливают башню с вынесенным вооружением. Комплекс вооружения разместили в едином блоке на крыше боевого отделения. Он включает 30-мм автоматическую пушку, спаренный с ней 7,62-мм пулемёт ПКТ, сдвоенную бронированную пусковую установку ПТУР «Конкурс» и 30-мм автоматический гранатомёт с боекомплексом.

Машина получилась очень красивой, со стремительным, футуристическим силуэтом. Недаром замминистра оборонной промышленности СССР Ю. Б. Маслюков назвал её «мерседесом».

Но на коллегии Миноборонпрома глава ведомства С. А. Зверев выступает против такого варианта, поскольку огневая мощь новой БМП в сравнении с предшественницами, по сути, не меняется.

В свою очередь, «ВНИИТрансмаш» предлагает в качестве основы комплекса вооружения 76-мм пушку средней баллистики. А вариант головного института по вооружению «ЦНИИТочмаш» предусматривает установку 45-мм автоматической пушки.

Наконец, соисполнитель по вооружению – тульское Конструкторское бюро приборостроения, которое сегодня носит имя выдающегося советского оружейника академика А. Г. Шипунова – предлагает, пожалуй, самый радикальный вариант. Это 100-мм орудие низкой баллистики, из которого можно вести огонь не только осколочно-фугасными снарядами, но и противотанковой управляемой ракетой «Бастион».

Такая ПТУР была изначально разработана для того, чтобы ракетное вооружение получили первые советские послевоенные средние танки Т-54/55, которые выпускались в СССР и дружественных ему странах в количествах, не поддающихся исчислению. При этом в отличие от «Конкурса», который планировалось установить в двух первых вариантах, «Бастион» обладал продвинутой системой управления – не по проводам, а по лазерному лучу.

У всех трёх сторон находятся свои аргументы за предложенную ими концепцию, как считает каждый, – неоспоримые.

«В результате министр приказал руководителям всех упомянутых организаций собраться в Кургане и не разъезжаться до тех пор, пока не будет найдено решение, делающее скачок в огневой мощи очевидным. Собравшись в Кургане, мы в течение трёх недель обдумывали, обсуждали различные варианты. Решение по вооружению было найдено совместно СКБ КМЗ и тульским КБП и поддержано представителем "ЦНИИТочмаш". Оно состояло в том, чтобы в одной установке, размещённой в башне, объединить 100-мм орудие – пусковую установку, 30-мм автоматическую пушку и пулёмёт», – вспоминал А. А. Благоднаров. Так непросто складывался облик БМП-3.

Огневая мощь

Последний штрих к истории создания машины – это разработка орудия. Проблема заключалась в том, что тульское КБП ранее не занималось таким делом. Поэтому туляки обратились в специализированные оружейные КБ. Те, проведя предварительные расчёты, сообщили, что такое орудие / пусковая установка будет весить 750 кг. Это значительно превышало лимиты БМП по массе.

Тогда к работе подключается ещё один легендарный тульский конструктор-оружейник – Василий Петрович Грязев. Массу нового орудия удалось уложить в 230 кг. Плюс к этому за счёт небольших габаритов казённой части угол вертикального наведения составил 60 градусов (а не 15, как в вариантах, предлагаемых артиллерийскими КБ).

Параллельно В. П. Грязев создаёт и новую 30-мм пушку. Она весит на треть меньше, проще, технологичнее предшественницы, в боевое отделение почти не попадают газы. Точность и кучность огня обеспечивается тем, что пушка жёстко связана со 100-мм орудием.

Такой комплекс впервые устанавливают на новую БМП в 1982 году. Но вызывает беспокойство вопрос: удастся ли разместить достаточное количество боекомплекта в машине? Однако компоновочные решения оказываются ювелирными, и в итоге для 30-мм автоматической пушки боекомплект получается как на БМП-2 – 500 снарядов. Для 100-мм орудия / пусковой установки выстрелов столько же, сколько в танке, – 40 шт. плюс 8 ПТУР. А главное – что, опять же, на лёгкой бронетехнике делается впервые в мире, – в ком-

плексе вооружения используется автоматизированная система управления огнём со стабилизированным в двух плоскостях полем зрения прицела, лазерным дальномером, баллистическим вычислителем и комплектом автоматических датчиков условий стрельбы. То есть параметры системы управления огнём БМП-3 не хуже танковых.

БМП-3 «с мангалом», вид спереди и сбоку

Машина легка, но броня её крепка

Всё это техническое и огневое «богатство» на борту машины весит немало. А ведь она должна и плавать, и «летать» – то есть быть авиатранспортабельной. И, кстати, то, что делают советские конструкторы, не получается у их германских коллег и тридцать лет спустя, несмотря на ставшую притчей во языцех немецкую техническую продвинутость. Их новейшая БМП «Пума» весит... 43 тонны! В то время как наш основной боевой танк Т-90 – 46 тонн. По сравнению с ней БМП-3 – «пёрышко», и её масса составляет, несмотря на 100-мм орудие (у «Пумы» – 30 мм), около 19 тонн.

Да что там говорить – толщина броневых листов и размеры корпуса нашей машины рассчитаны настолько точно и удачно, что в конечном итоге при полной боевой массе БМП-3 имеет 25 %-ный запас плавучести. Опять же, для сравнения: предок «Пумы» «Мардер» хотя и гораздо легче, но плавает как топор: чтобы преодолеть водную преграду, ему нужны навесные поплавки. Аналогичная ситуация с «Брэдли»: чтобы ей плыть, по периметру корпуса приходится поднимать дополнительное ограждение, при этом «американка» может двигаться только по тихой воде. А наша БМП-3 – не только полноценная сухопутная боевая машина: за счёт отличной плавучести и водометных движителей она является, по сути, ещё и бронекатером.

Чтобы курганская машина получила такие преимущества, разрабатывается броня из алюминиевых сплавов. Для запуска БМП-3 в серийное производство требуется построить специальный завод по их производству. И, по постановлению Совмина и ЦК КПСС, такое предприятие запускают в Куйбышеве (ныне Самара).

Путёвка в жизнь

Первый опытный образец БМП-3 собрали в 1978 году. В ходе испытаний, конечно, выявляются недочёты, которые оперативно исправляются. Одним из первых за штурвал новой машины на заводском полигоне сел начальник ГБТУ генерал-полковник Ю. М. Потапов. Он лихо прокатил на ней чиновников из ответственных министерств, прилетевших в Курган познакомиться с новинкой.

Начало заводских испытаний пришлось на зиму 1978–1979 годов, которая выдалась в Зауралье по-настоящему лютой. Бывали дни, когда температура опускалась ниже -40° . В таких условиях машине и приходилось бегать по полигону. В -47° мороза самоотверженно трудятся испытатели и рабочие опытного цеха по отладке и сдаче образцов. Гоняют новое изделие и в курганскую жару. Таким образом, благодаря нашему резко континентальному климату БМП-3 в самом начале удалось проверить практически во всем диапазоне температур.

Бывали и курьёзные случаи. Однажды во время тестирования на плаву на машину нанесли ватерлинию – сделали это две сотрудницы бюро расчётов СКБ. Вначале БМП штатно плыла – и вдруг внезапно затонула. Присутствовавший при этом А. А. Благодеров мрачно заметил: «Женщины на корабле – не к добру».

Государственные испытания БМП-3 проходили в Кубинке в марте 1985 г. и продолжались в течение года. Разумеется, машина держала экзамен не только под Москвой, но и в Среднеазиатском, Туркестанском, Закавказском и Сибирском военных округах, а также на Черноморском флоте. Таким образом, новой машине пришлось пройти и горы, и пустыни. Так, во время испытаний в Армении, на горе Арагац, машина взбирается на высоту ни много ни мало 4000 метров!

В Туркмении температура превысила отметку $+40^{\circ}$, в воздухе кружилась мельчайшая лёссовая пыль, которая ранее поставила точку в истории немало-

го количества опытных машин. А «тройка» прошла испытание жарой на «отлично» – так что в дальнейшем, выходя на контракт с Объединёнными Арабскими Эмиратами, на КМЗ были уверены в своём детище.

На морских испытаниях в Крыму волнение иногда доходило до трёх баллов, но БМП–3 не только отлично держалась на плаву, но и точно вела огонь. Целью служил снятый с хранения танк. Стрельба велась только из автоматической пушки с дистанции полторы тысячи метров, но даже в этом случае у танка были уничтожены приборы наблюдения и прицел, пробита пушка, – то есть он был полностью выведен из строя.

Председателем государственной комиссии по испытаниям БМП–3 был назначен генерал-полковник Павел Данилович Гудзь, заместитель начальника Военной академии бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского, участник Великой Отечественной. П. Д. Гудзь – человек-легенда. В 1941 году он совершил первый танковый таран. Командуя танком КВ–1 в ходе Битвы под Москвой, ас уничтожил 10 немецких машин. Осенью 1943 года, во время освобождения Запорожья, танк П. Д. Гудзя был подбит. Сам он был тяжело ранен – раздроблена кисть руки, которую героический танкист отрезал и продолжил вести бой, уничтожив два «Тигра». После госпиталя, получив протез, П. Д. Гудзь вернулся на фронт. Понятно, что такой человек не стал бы принимать на вооружение слабую машину, а БМП–3 Павел Данилович дал окончательную путёвку в жизнь.

«Весной 1987 года, когда после моего доклада на коллегии Министерства обороны БМП–3 была принята на вооружение, я, помню, устало шагал по мартовской Москве, и на душе у меня было ощущение необычайной лёгкости, будто свалилась с плеч огромная привычная ноша», – вспоминал А. А. Благоврагов.

Согласно Постановлению ЦК КПСС и Совета министров СССР № 179 от 8 июля 1987 года, Курганский машиностроительный завод имени В. И. Ленина приступил к серийному изготовлению БМП–3, одновременно не снижая объёмов производства БМП–2.

Большое семейство

На базе боевой машины пехоты БМП–3 создано много модификаций, которые по своим характеристикам и сегодня находятся на уровне современных иностранных аналогов. Модернизационный потенциал был заложен в БМП–3 ещё на стадии её разработки. Поскольку в конструкцию «тройки» изначально закладывались предельно напряжённые массогабаритные характеристики, её шасси и теперь пригодно для использования в качестве базового при разработке и создании семейства бронированных гусеничных машин различного назначения.

Универсальное гусеничное шасси на базе узлов и агрегатов БМП–3 практически сразу и выпускалось параллельно с боевой машиной.

Всё немаленькое семейство боевой техники на шасси БМП–3 можно условно разделить на три группы: артиллерийские системы, противотанковые ракетные комплексы и машины специального назначения. Но прежде чем говорить о машинах на базе БМП–3, нужно упомянуть её основные модификации.

Первая из них – командирская машина БМП–3К. Такие машины есть в линейках любой боевой бронированной техники. Это не что иное, как мобильный штаб. БМП–3Ф (флотская) предназначена для ведения боевых действий подразделениями морской пехоты, пограничными и береговыми войсками в прибрежной зоне. От базовой модели отличается увеличенным запасом плавучести и остойчивостью. БРМ–3К «Рысь» выпущена на Рубцовском машиностроительном заводе в Алтайском крае, но использованы при её со-

здании основные узлы и агрегаты БМП-3. Машина предназначена для ведения тактической разведки, боевого и сторожевого охранения, борьбы с разведывательно-диверсионными группами.

БМП-3М (модернизированная) – усовершенствованная модификация БМП-3. Превосходит базовую версию по подвижности и огневой мощи благодаря установке нового двигателя УТД-32 с турбонаддувом мощностью 660 л. с., а также обновлённой системе управления огнём (СУО). Она позволяет распознавать, сопровождать в автоматическом режиме и атаковать цели в движении. Дальность распознавания цели типа «танк» составляет 4500 м. Отличается повышенной защищённостью за счёт установки дополнительных броневых экранов.

К 1996 году на основе узлов и агрегатов БМП-3 было создано шасси для универсального самоходного артиллерийского орудия 2С31 «Вена». Первый экземпляр «Вены» был представлен на Международной выставке вооружения IDEX-97 в Арабских Эмиратах. Сегодня САО 2С31 «Вена» представляет собой плавающее полностью бронированное самоходное 120-мм артиллерийское орудие. Высокая подвижность и проходимость САО, практически равноценные БМП-3, обеспечивают ей быстрое перемещение на марше и на поле боя, при совершении манёвра и при смене огневых позиций.

Теперь о носителях противотанковых ракет. Комплекс «Корнет-Т» на базе БМП-3 начал поступать в войска в 2013 году. Он разработан Тульским КБ приборостроения (также входит в Госкорпорацию «Ростех»). В отличие от существующих противотанковых ракетных комплексов управление ракетой осуществляется не по проводам, а по лазерному лучу. Она преодолевает противодействие современных средств активной и динамической защиты. Последние версии пусковых устройств ПТРК «Корнет» реализуют концепцию «выстрелил и забыл» за счёт автомата захвата и сопровождения цели.

Ещё один комплекс ПТРК на базе БМП-3 называется «Хризантема-С». Его легко отличить по радару наведения, установленному на крыше корпуса. Особенность «Хризантемы-С» в том, что она имеет комбинированную систему управления ракетами: автоматическую радиолокационную и полуавтоматическую с наведением ракеты в луче лазера. Это один из немногих комплексов со сверхзвуковой скоростью полёта ПТУР и единственный всепогодный и всеточный с двумя независимыми каналами наведения. Отряд БМП с несколькими «Хризантемами» способен противостоять в обороне значительно превосходящим силам противника.

Говоря о машинах на базе БМП-3, необходимо упомянуть и БРЭМ-Л «Беглянка». Эта бронированная ремонтно-эвакуационная машина нужна для максимально эффективного выполнения боевых задач, оказания помощи экипажам при эвакуации и ремонте машин в полевых условиях. БРЭМ-Л обеспечивает буксирование управляемых и неуправляемых БМП (в том числе и на плаву).

Боевой опыт

Если говорить о дальнейшей модернизации машины, то сегодня БМП-3 можно оборудовать целым спектром систем, которые, с одной стороны, повышают защищённость машины, с другой – увеличивают её огневую мощь.

Начнём с первых. Например, комплекс оптико-электронного противодействия «Штора-1» обеспечивает эффективную защиту машины от поражения ПТУР с полуавтоматическими и автоматическими системами наведения.

Ещё один способ повысить устойчивость БМП-3 к оружию, применяемому против неё, – динамическая защита (ДЗ). Её суть в том, что на броню устанавливаются блоки со взрывчатым веществом, которые детонируют при попадании в них кумулятивных боеприпасов. Взрыв воздействует на струю и не даёт

прожечь основную броню. И если на танках с мощной бронёй блоки ДЗ начали монтировать едва ли не полвека назад, то на легкобронированную технику поместить такую защиту, понятное дело, не так-то просто. Впрочем, в настоящее время БМП-3 может оснащаться динамической защитой под названием «Кактус». Благодаря особой конструкции при подрыве блока не наносится ущерба броне БМП, к тому же он нечувствителен к прострелу пулей стрелкового калибра.

Есть много эффективных решений и для повышения наступательного потенциала БМП-3. На сегодня главное из них – основной боевой модуль «Бахча-У», глубокая модернизация изначального комплекса вооружения «тройки», проведённая в Тульском конструкторском бюро приборостроения имени академика А. Г. Шипунова. Новый комплекс отличается современной системой управления огнём и единым механизмом заряжания боекомплекта управляемых и неуправляемых 100-мм выстрелов. Управляемая ракета «Аркан» обеспечивает поражение современных танков с динамической защитой на дальности, превышающей расстояние до 5,5 км.

БМП-3 «Деривация» с необитаемым модулем АУ-220М и 57-мм автоматической пушкой стала, по сути, машиной ПВО. Эффективно она может работать и по наземным целям.

На Международном военно-техническом форуме «Армия-2020» была впервые представлена БМП «Манул». Моторно-трансмиссионное отделение в ней расположено в передней части машины. Что касается вооружения, то в необитаемом боевом модуле ТКБ-945 пушка всего одна – 30 мм. Зато изделие имеет четыре пусковые установки ПТУР «Корнет-Э», которые благодаря современной системе управления огнём могут поражать современные модификации зарубежных танков на дистанции до 10 км в любое время суток и в любую погоду.

На «Армии-2021» – вновь новинка: БМП-3 с универсальным боевым модулем «Бережок», который может устанавливаться на любую легкую бронетехнику. В состав комплекса вооружения входят 30-мм пушка 2А42, 30-мм автоматический гранатомёт АГ-30М, 7,62-мм пулемёт Калашникова и четыре пусковых установки «Корнет-Э».

«Бережок» – это, как говорится, бюджетное решение. А что будет, если мы возьмём 57-мм пушку, «Корнеты», современную СУО, добавим к ним перспективный ПТРК для борьбы с легкобронированными целями «Булат»? Тогда мы получим БМП-3 с модулем «Эпоха».

В последнее время с учётом опыта специальной военной операции БМП-3 стали штатно оснащаться комплектом защиты верхней полусферы от атак беспилотных летательных аппаратов, который в народе называют «мангалом», а также специализированными комплексами радиоэлектронной борьбы против дронов.

Такая БМП-3 с улучшенными характеристиками мобильности и защищённости была представлена на военно-техническом форуме «Армия-2024». Несмотря на увеличение массы на 2 тонны, улучшенная БМП-3 сохраняет мобильность и может преодолевать водные преграды сходу: максимальная скорость движения по шоссе составляет 65 км/ч, скорость на плаву 8 км/ч. Более того, современная версия боевой машины может выступать в качестве сухопутного дрона! Особые возможности БМП-3 получает при комплектации оборудованием для роботизации. При этом машина может работать штатно под управлением экипажа, дистанционно – с выносного пульта, а также автоматически – по заданному алгоритму. Кроме того, в БМП-3 улучшена система видеонаблюдения, которая повышает обзорность местности.

Десятки машин созданы на базе шасси БМП-3 «Курганмашзавода». Его надёжность, мобильность и универсальность по-прежнему востребованы для создания изделий различного назначения для Российской армии. А ведь прошло почти 40 лет с момента принятия БМП-3 на вооружение. Хорошая получилась машина. Лучшая!

На линии фронта

Высокие качества машины подтверждают и отзывы из зоны специальной военной операции, где БМП-3 продолжают активно действовать.

Вот лишь несколько боевых эпизодов. Как сообщало Минобороны России, на Купянском направлении украинские боевики безуспешно пытались занять выгодные позиции. Их планам противостояли военнослужащие 1-й гвардейской танковой армии группировки войск «Запад». Бронегруппы на БМП-3 в зоне проведения СВО выдвинулись для стрельбы прямой наводкой, сопровождали движение передовых отрядов для нанесения контрударов по противнику. Экипажи БМП-3 использовали весь арсенал оружия: главный калибр – 100 мм, 30-мм автоматическую пушку и пулемёт.

Командир бронегруппы с позывным «Вект», награждённый за выполнение задач орденом Мужества, рассказал об основных целях БМП-3: *«Мы в основном работаем на расстоянии до семи километров. Основные цели – это опорники, блиндажи, позиции миномётов и живая сила противника. Эта машина, непосредственно, выходила на прямую наводку несколько дней подряд для работы по опорнику. Цель была уничтожена».*

Военнослужащий разведподразделения «Южной» группировки войск в зоне специальной военной операции также рассказал о достоинствах «тройки», особенностях работы экипажей на передовой и о самой запомнившейся уничтоженной цели. Видео от Минобороны РФ опубликовано в Телеграм-канале АО «Курганмашзавод».

По словам бойца, они получают задание, координаты цели. Машины находятся в постоянной боеготовности на дежурстве, прогретые, с подготовленным экипажем, загруженным боекомплект. БМП выдвигается на огневую точку, выбор которой зависит от характера цели и от направления, и осуществляет боевую работу под корректировку операторов БПЛА.

«Точность машины позволяет засылать в цель один за одним, причём у нас хорошей традицией стало считать именно прямые попадания. Данная машина позволяет вести корректировку по метражу», – сообщил военнослужащий.

По его мнению, одним из преимуществ БМП-3 является мобильность, так как она играючи развивает скорость 65 км/ч; манёвренность; большой спектр вооружения – 30-мм пушка; пулемёты калибром 7,62 мм и, конечно же, пушка калибром 100 мм. Это орудие способно вести огонь как осколочно-фугасными снарядами, так и противотанковыми управляемыми ракетами для поражения техники. Плюс баллистика этой пушки позволяет работать с закрытых огневых позиций по мортирной траектории с очень большой точностью.

«Одно из самых запомнившихся поражений цели – это группа наблюдателей пехоты противника, которые были выявлены нашими операторами БПЛА. Данная группа была заперта на этой точке огнём автоматической гранатомётной системы. После этого мы вышли на позицию и стоимиллиметровыми снарядами прямыми попаданиями уничтожили блиндаж», – рассказал боец.

В ходе СВО БМП-3 впервые оказались на одном театре военных действий со своими основными соперницами, уже упоминавшимися здесь «Брэдли».

По словам специалистов, выпускаемая предприятием Ростеха ПАО «Курганмашзавод» БМП–3 по своим характеристикам на голову превосходит «американца».

«Коллеги с «Курганмашзавода» внимательно изучили трофейную американскую боевую машину пехоты и пришли к неутешительным для последней выводам. По словам заместителя исполнительного директора по гособоронзаказу и военно-техническому сотрудничеству "Курганмашзавода" Романа Хромова, отечественная машина "на уровень" превосходит Брэдли в огневой мощи, она удобнее в эксплуатации, обслуживании и ремонте», – сообщалось в Телеграм-канале Госкорпорации «Ростех».

Ещё одним серьёзным преимуществом БМП–3 является возможность сходу преодолевать водные препятствия. Американская машина, в свою очередь, не может плавать без предварительной, достаточно серьёзной подготовки.

В темпах первых пятилеток

Между тем, выполнение столь важных для страны задач и резкое увеличение выпуска спецпродукции было бы невозможно без технического перевооружения КМЗ. Сегодня все, кто работает на Курганском машиностроительном заводе, совершают трудовой подвиг. Это не высокопарные слова, а констатация факта. Выпускаемая заводом БМП–3 стала одной из самых востребованных боевых машин на фронтах специальной военной операции. Поэтому КМЗ во много раз увеличил выпуск спецтехники. Заводчане трудятся шесть дней в неделю по 12 часов, без отпусков, чтобы в распоряжение Министерства обороны России БМП–3 и другие боевые машины уходили эшелон за эшелон. Однако для производства боевых машин пехоты требуются не только самоотверженные квалифицированные специалисты. БМП – сложнейшая техника, поэтому для её выпуска необходим соответствующий уровень производственных мощностей.

Но когда в 2019 году КМЗ из частных рук перешёл под крыло Госкорпорации «Ростех» и был включен в структуру холдинга АО «НПО "Высокоточные комплексы"», по состоянию на январь 2019 года производственный потенциал предприятия характеризовался следующими параметрами: 97 % всего оборудования было амортизировано; возраст основного оборудования, участвующего в механической обработке деталей, превышал 25 лет. Коэффициент обновления оборудования на тот момент был крайне низок и составлял одну тысячную процента. При этом норма обновления составляет 10 %.

Таким образом, устаревание технологической базы приводило к существенным ограничениям как по выпуску серийной продукции, так и по освоению новых изделий. За пятилетку предприятие совершило настоящий технический рывок. Как же удалось это сделать?

В 2019 году после того, как КМЗ стал частью «Высокоточных комплексов» Госкорпорации «Ростех», сразу была организована работа по формированию стратегии развития Курганмашзавода.

Помимо замены и модернизации действующего оборудования, сразу закладывали расширение производства под освоение и выпуск не только серийной, но и новой техники. Были, разумеется, предусмотрены мероприятия по повышению качества продукции. Кроме того, потребовалось техническое обновление и завода подготовки производства, выпускающего режущий, измерительный инструмент, пресс-формы, оснастку и многое другое под новые задачи.

Конечно, после начала специальной военной операции в 2022 году эти планы были скорректированы с учётом потребностей Министерства обороны.

Теперь на дворе – 2024 год, и с чем флагман зауральской промышленности подошёл к этому рубежу?

В 2024 г. заканчивается реализация крупнейшего для предприятия инвестиционного проекта по техническому перевооружению, финансируемого за счёт бюджетных средств в рамках субсидии. В том числе – за счёт данного инвестиционного проекта доля нового оборудования (которая, как мы помним, в начале 2019 г. составляла 0,001 %) увеличилась по итогам 2023 года до 8,6 %, а к концу 2024 г. этот показатель превысит 10 %.

Сами цифры говорят о том, что темп просто астрономический – словно в годы первых советских пятилеток, о которых в своё время было сказано много нехороших слов, а теперь этот опыт тщательно изучается.

Если говорить в абсолютных величинах, только в 2023 было поставлено и введено в эксплуатацию более 250 единиц высокопроизводительного оборудования. А в целом по итогам этого масштабного инвестпроекта (до конца текущего года) на завод поступит более 600 ед. современного оборудования. Новое оборудование уже задействовано во всех технологических переделах – сварочном, механообрабатывающем, заготовительном, кузнечно-прессовом, термическом и других.

При этом мероприятия касаются не только техперевооружения в узком смысле (то есть закупки и ввода в эксплуатацию нового оборудования), но и строительных работ. Создаются комфортные рабочие места для заводчан. Производственное пространство формируется с учётом современных требований в рамках концепции бережливого производства.

Благодаря этим мерам за два последних года Курганмашзавод увеличил объём выпуска спецпродукции почти в три раза и до конца текущего года КМЗ ещё более нарастит производственные мощности.

Самое важное, что проводимое в настоящее время техническое перевооружение позволит предприятию, которое сегодня работает исключительно на оборону, вновь перейти на мирные рельсы.

Там, где создают боевые машины

Напоследок побываем в цехах предприятия, где создаются БМП–3 и другая легкобронированная техника.

Начнём с завода сварных конструкций. Здесь методом сварки в среде инертного газа собирают из высокопрочного алюминиевого сплава корпуса БМП, БМД, а также незаменимой на передовой БРЭМ–Л – лёгкой бронированной ремонтно-эвакуационной машины. Она оснащается лебёдкой, отвалом и многим другим оборудованием, необходимым для того, чтобы вытащить подбитую технику, произвести инженерные работы. Словом, мастер на все руки.

В огромном цехе немногочисленно и возникает ощущение, что готовых или почти готовых корпусов гораздо больше, чем сварщиков. А будущих боевых машин здесь – десятки и десятки. Вскоре корпуса отправят на другие участки производства. В ближайшие дни и даже часы они «встанут на ноги», накачают «мышцы» и обретут «зрение». Им установят торсионы, смонтируют опорные и поддерживающие катки. В моторно-трансмиссионном отделении аккуратно разместят двигатель и автоматическую коробку передач. Своё место займёт боевой модуль со 100-мм орудием и 30-мм автоматической пушкой. По всей машине пройдёт инфраструктура для мощных гидравлических и электрических приводов. В тестовом режиме проверят систему управления огнём – многоканальные приборы наблюдения и прицелы, лазерный дальномер и средства РЭБ.

Вот ещё один цех – уже на площадях механосборочного завода. Здесь находятся современные станки с числовым программным управлением отечественного производства. На этих станках происходит, в том числе, обработка деталей для важнейшего узла боевых машин – гидромеханической трансмиссии.

И такого нового оборудования по всему Курганмашзаводу, как мы уже знаем, сотни единиц. Станки уже задействованы во всех технологических переделах – сварочном, механообрабатывающем, заготовительном, кузнечно-прессовом, термическом и многих других.

Например, в цехе, где обрабатывают детали трансмиссии, используются новейшие станки токарной и фрезерной группы. Они предназначены для обработки как мягких, так и твёрдых сплавов.

«Отечественные станки зарекомендовали себя очень хорошо. Их отличает надёжность, простота в обслуживании, точность изготовления», – отмечает один из сотрудников Курганмашзавода.

И вот мы на сборочно-сдаточном производстве. Машины, уже прошедшие военную приёмку, готовятся к отгрузке.

«Курганмашзавод своевременно, даже с некоторым опережением, изготавливает и отгружает боевые машины по государственному оборонному заказу», – рассказывает заместитель генерального директора КМЗ по государственному оборонному заказу и военно-техническому сотрудничеству Роман Хромов.

По его словам, с этого года боевые машины комплектуются дополнительными средствами антидроновой защиты.

Это не единственное новшество, появившееся в результате прямой связи предприятия с бойцами, находящимися на фронте, и ремонтными бригадами Курганмашзавода в зоне СВО. На повестке дня задачи, которые ставит Главное автобронетанковое управление Минобороны России. Своевременно реагируют на новые вызовы конструкторы. Но о большинстве новинок, по словам Романа Хромова, говорить пока рано.

Здесь, на сборочно-сдаточном производстве, происходит трогательная сцена. Перед тем, как люки будут опломбированы, в машины кладут письма от детей заводчан и сотрудниц КМЗ, чьи сыновья сражаются на фронте. Главное пожелание: «Возвращайтесь домой с Победой!».

БМП-3 заезжают на железнодорожные платформы своим ходом. А вот машины для десанта учат «летать» прямо на заводской территории. Их грузят на состав при помощи мостового крана. И в том, и в другом случае требуется ювелирная работа: и механиков-водителей, и стропальщиков.

БМД-4М при этом обладает уникальной особенностью – системой изменяемого клиренса. Проще говоря, она может ложиться на днище корпуса, тем самым значительно сокращая вертикальный габарит. Грозная боевая машина при этом выглядит как игрушка, немногим выше роста среднего человека. Как подчёркивает военный представитель при Курганмашзаводе, это качество важно и при железнодорожной перевозке, и при переброске военно-транспортной авиацией, и в бою.

Остаётся добавить несколько точных цифр. За семь месяцев этого года объём поставок боевых машин производства Курганмашзавода в полтора раза превысил весь объём 2022 года, при этом часть отгружена с опережением графика. В текущем году в рамках поставленных задач Курганмашзавод принял на себя дополнительные обязательства по поставке БМП-3 сверх объёмов, предусмотренных графиком, и ежемесячно выполняет их.

Использованы фотографии автора, Александра Алпаткина, АО «Курганмашзавод», ГК «Ростех», скриншоты с видео Минобороны РФ.

Екатерина ПЕРМЯКОВА

Тревожная память

Мой лоб касался мутного стекла. Поезд раскачивался из стороны в сторону, иногда поскрипывая. Откидные столики были убраны, возле нижних полок в ожидании стояли сумки, чемоданы, большие пакеты. В вагоне пахло копчёной колбасой и крепким чаем. До станции оставался ровно час. В нетерпении я встала с места и направилась к купе проводницы. Там, на двери, висел листок с напечатанным текстом. «Прилуки – 06:45», – мой палец остановился возле мелкой надписи. Я сверила часы – должны приехать без опозданий. Напротив купе кто-то открыл окно. Тёплый ветер врывается на скорости в вагон, с силой теребя пожелтевшую занавеску.

Я вернулась на место. Мама достала помаду и маленькое зеркальце, старательно подвела губы. Красный цвет освежил уставшее после долгой дороги лицо. Спустя пару минут мама увидела за окном знакомые пейзажи.

– Местная природа отличается от нашей, – с особым трепетом сказала она.

Это была мамина малая родина, где каждое лето её ждали родители.

Поезд, шипя, неспешно остановился. Дверь открылась, и вагон наполнился светом утреннего солнца, стрёкотом кузнечиков и нежным шелестом листвы. Проводница наспех протёрла грязные поручни, опустила подножку.

– Стоянка – пять минут, – объявила она.

На безлюдном, сонном перроне появились три фигуры – мама, сестра и я. Старенькое одноэтажное здание вокзала с любопытством уставилось на ранних гостей тёмными круглыми оконцами. Вокруг ни души. За нашими спинами с лязгом захлопнулась дверь, и поезд, виляя стальным хвостом, исчез за горизонтом.

Мама пересчитала сумки и стала с волнением всматриваться в даль. По узкой тропинке вдоль железной дороги кто-то неспешно шёл, ведя рядом велосипед. Силуэт медленно приближался.

– А вот и дедушка! – сказала с улыбкой мама и радостно помахала рукой. Да, это был он. Коренастый, невысокого роста, опрятный, с чёрной кепкой на голове, дедушка в пору летних каникул всегда встречал нас на вокзале.

Спустя минуты мы обнялись.

– Яка большá стала! – сказал дед, крепко пожав мою руку. С добрым прищуром он стал вглядываться в моё подростковое, прыщавое лицо. За месяцы разлуки я сильно вытянулась, и теперь дедушка рядом со мной казался совсем

ПРОЗА

**Пермякова
Екатерина Викторовна**

Член Союза писателей России. Победитель областных, межрегиональных и всероссийских фестивалей и конкурсов. По итогам Международного поэтического конкурса «Золотой Grand Германи» (2021) была отмечена дипломом «За мастерство». Стихотворения публиковались в альманахах и журналах «Странник», «Тобол», «Курган.Текст», «Невский альманах», «Александръ», «Формаслов», «Бельские просторы», «Чаша круговая», «Веретено» и др., детских журналах «Мурзилка», «Радуга», а также коллективных сборниках. Автор книги «Полшага до весны» (2024).

маленьким. Однако его силе можно было позавидовать: дед взял тяжёлый чемодан и без труда закинул его на багажник велосипеда, закрепив его тугими резинками.

Мы подняли оставшиеся вещи и медленно побрели в сторону местного рынка, откуда начиналась знакомая дорога – дорога домой. Позади остался сиротливый вокзал, пропитанный запахом машинного масла.

Вскоре начались тенистые переулки. Над головами почти исчезло небо: густые ветки огромных деревьев-великанов тесно переплетались в вышине, тем самым заботливо оберегая местных жителей от палящего солнца в жаркий день. Мы шли по зелёному коридору и разговаривали. Мама делилась новостями за прошедший год, а дедушка слушал и неспешно катил потёртый двухколёсный «Урал». За поворотом вдруг показалась дорога оранжевого цвета – это упавшие спелые абрикосы выстлали землю плотным слоем. Удивительное дело: в северных городах люди видят фрукты только в магазинах, а здесь жители обходят их стороной и не замечают!

Руки невольно потянулись к южным плодам. Я и сестра торопливо собирали абрикосы, ладонью оттирали бархатистую кожуру от пыли, а после с жадностью впивались в тёплую мякоть. От сладкого сока начинали розоветь щёки, а сердце до краёв наполнялось безмерным счастьем. Вот он, вкус Украины!

Тропинка повела дальше мимо старенькой кирпичной школы, где когда-то училась мама, а после мы нырнули в новые лабиринты уютных улочек. За высокими заборами крикливые петухи будили ещё дремлющие одноэтажные дома, окружённые пышными садами, пропитанные запахом груш, слив и черешни. Козы послушно ждали хозяек на утреннюю дойку в душных сараях, и лишь изредка слышался их зовущий голос.

Вскоре мы подошли к петляющей железной дороге. Гладкие рельсы давно уже не ощущали тяжесть поездов, а только скромно блестели на солнце в зарослях травы.

Вдалеке показалась знакомая вереница рыжих гаражей, напротив которых в глубине деревьев уютись двory. Шаг ускорился в предвкушении долгожданной встречи. Вот и знакомая шелковица с мощным стволом и сильными корнями, и зелёный забор с большой цифрой «пять», и почтовый ящик-старожил...

Собаки, почуяв приближение гостей, громко залились лаем. Скрипнула пружина калитки, и мы оказались в просторном дворе. В дверном проёме дома шевельнулась лёгкая занавеска, и на крыльцо торопливо вышла бабушка. На ней виднелся синий халат, привезённый прошлым летом мамой из Москвы. Волнистые, темные волосы были аккуратно собраны в хвост.

– А ну! – бросила бабушка собакам, и те сразу замолчали. Она спустилась по ступенькам, надела тканевые тапочки и поспешила к нам. Маленькая и хрупкая, с натруженными руками, бабушка шла и улыбалась. В тот момент огромная волна нежности накрыла меня целиком, и я поняла, как сильно соскучилась.

Потом был покрытый нарядной скатертью стол на улице, сытный обед с украинским борщом и голубцами, тихие и долгие разговоры. Из чемодана мама традиционно доставала подарки, пусть и незатейливые, но вызывающие искреннюю радость у стариков.

Чуть позже я находила в комоде сандалии, с трудом застёгивала пряжку на подростковой ноге и неслась в сад с предвкушением нескольких недель безмятежного, ароматного лета...

...Я судорожно проснулась посреди ночи. Сон, словно явь, отправил меня обратно в детство, в том самом душном вагоне, к моим любимым старикам. Их давно уже нет, как и густых яблонь, и самодельной качели, на которой я звонко пела песни и ныряла маленькими ногами в голубую высь. В ветхом доме теперь живут другие люди. В округе слышен лай чужих собак. Много поменялось. Ощущение едкой боли пронзает сердце от невозможности вернуться туда, где я сидела на вершушках могучих деревьев, пила колодезную воду, ела самые вкусные на свете бабушкины вареники с вишней, на рассвете ездил с дедом на сенокос, а поздно вечером наивно тянулась руками к огромным и низким звёздам...

Осталась только память. Её и крепко берегу.

Падают яблоки

Падают яблоки гулко на землю,
Сладкие, бьются о тёплую твердь.
Я в вышину голубую глазею,
Тайно мечтая за миг повзрослеть.

Нежится сонно родная обитель,
Дремлет роса на прожилках листа.
Спилы деревьев, вы мне не твердите,
Что не вернусь больше в эти места.

Время убавит цветение вишен,
Скажут: «Селенье своё отжило...»
Ну а пока стены шёпот мой слышат:
«Бабушка, разве взрослеть тяжело?»

Буду рыдать, вырывая под корень
Запахи трав и нерусскую речь.
Только мой разум навек непокорен,
Чтобы забыть, разлюбить, не сберечь.

ПРОЗА

Ольга МАН

Уж ты зайныка, уж ты серенький...

**Тутарова
Ольга Александровна
(псевдоним – Ольга Ман)**

Родилась в 1957 году. Окончила Магнитогорский педагогический институт по специальности «преподаватель французского и немецкого языков».

Публикации выходили в районной газете «Красный уралец» (2023), в журнале «Графоман» (2024). Проживает в городе Верхнеуральск. В журнале «Тобол» публикуется впервые.

Произошла эта история в зауральской деревне Налимово, что в Курганской области, более ста лет тому назад в самом начале XX века. Деревушка эта, затерянная в зауральских лесах, – по моему субъективному мнению, одна из самых красивых деревень в мире. Представьте: почти идеально круглое озеро, чуть-чуть тронутое камышом; вокруг озера – всего одна улица, прерываемая кое-где оврагами, по которым весной бегут в озеро бурлящие ручьи. С трёх сторон к деревенским огородам подступает берёзовый лес – белый зимой, зелёный и душистый летом. И только на востоке лес отступает к горизонту, открывая глазу просторы полей и лугов с пасущимися стадами. Добавьте к этому старое заброшенное кладбище среди берёз, хрустальный воздух и деревенскую особенную тишину...

В одной из самых бедных избышек деревни и родилась наша героиня – назовём её Лизочка. Была она младшей дочерью в семье деревенского пастуха. Отец умер, когда Лизочке не исполнилось и пяти лет. Старшая сестра рано вышла замуж в соседнюю деревню, и Лиза

с матерью остались в разваливающемся домишке вдвоём.

Зимой мать с дочерью день и ночь пряли, вязали носки, рукавички, шали для своих более удачливых соседей. Летом горбатились на своём и соседских огородах за нехитрое вознаграждение. Но несмотря на очевидную бедность, Лизочка к своим шестнадцати годам расцвела и превратилась в настоящую красавицу. Голубые глаза с поволокой, светлая коса в руку толщиной, румянец во всю щёку да женственная фигурка не оставляли равнодушным ни одного местного парня. И тем не менее её, как бесприданницу, парни обходили стороной.

Летом после тяжёлого трудового дня молодёжь деревни собиралась на вечерки. Парни и девушки приходили на звуки гармошки, рассаживались на брёвнах, щёлкали семечки, пересмеивались и переглядывались. Под гармошку танцевали вальсы «На сопках Маньчжурии», «Амурские волны»; плясали камаринскую; пели частушки и народные песни: «Во поле берёза стояла», «Уж ты зайныка, уж ты серенький...».

Под мелодии гармошки водили хороводы, играли в ручеёк. Ручеёк был одной из самых желанных игр: можно было запросто взять за руку понравившегося парня или девушку – и, заговорщицки пригнувшись, пройти вместе по живому тоннелю из мужских и женских тел. Можно было пожать приглянувшемуся парню руку в ответ на его выбор. Другие вольности не позволялись. Выбор пары происходил у всех на глазах, и горе было той девушке, которую видели гуляющей наедине с каким-либо парнем. Ей могли и ворота дёгтем вымазать, а замуж она после такого проступка могла выйти только за старика либо убогого какого.

Вот на одной такой вечерке во время игры в ручеёк Лизоньку и подхватил Василий. Парень видный, черноглазый, чубатый, все признаки мужественности налицо. Многие девчонки по нему сохли – тем более, что все вокруг знали: парень из богатой семьи, отец его – староста, даже батраков держал.

Когда Василий крепко взял Лизоньку за руку и потянул за собой, Лизонька сомлела: разве могла она, бесприданница, мечтать о таком парне? Но руку Василию пожать осмелилась. А он как прикипел к ней: на брёвна рядом с ней сел, семечки из её руки грызёт, глаз с неё не сводит. Девчонки деревенские заперешёптывались, глазом на парня косят, на Лизу ревниво поглядывают: дескать, чего в ней такого есть, чего в нас нету?

Лизонька вернулась домой раскрасневшаяся, с горящими глазами, на вопросительный материнский взгляд счастливо рассмеялась.

– Мамонька, меня Василий любит! Гуляли с ним сегодня весь вечер! – прошептала она, примостившись под материнским боком.

– Ой, доча! Какой Василий? Нашего старосты?.. – Голос матери стал обеспокоенным.

– Ну да, мамонька, он самый лучший! Все девчонки мне завидуют... – продолжала делиться своим счастьем Лизонька.

– Ой, не к добру, доченька... Какая ж ты ему ровня? Ему отец никогда не разрешит на тебе жениться! – Мать вздохнула. – Слышала я, отец его хочет на Маруське с соседней деревни женить. У её батьки – мельница, богатые они. А у тебя приданого – подушки да половики самотканые...

Лизонька притихла: впервые в её душу закралась тревога. Так и уснула она в слезах, под успокоительный говорок матери: «Всё пройдёт, доча. Всё будет хорошо, родная моя...»

Следующей встречи Лизоньке и Василию пришлось ждать целую неделю. За эту неделю Лизонька стала ещё краше. От переживаний она похудела, только ярче горели на её лице влюблённые глаза.

На следующую вечерку молодёжь собралась на лесной поляне, на которой парни установили огромные деревянные качели. Играла гармонь, жарко горел костёр; девчонки и парни качались на качелях, смеялись, дурачились. Лизонька смеялась громче всех, взлетала на качелях выше всех. Она ждала Василия. Тот не появлялся. Постепенно её возбуждение проходило, настроение катастрофически менялось от радостного предвкушения встречи до реального ощущения горя.

Лиза, едва сдерживая подступающие слёзы, отошла на край поляны – подалее от любопытных взглядов подружек. А молодёжь придумала новое развлечение: пробегать под раскачивающимися качелями. Бежали парами: девушка с парнем или две девушки. После каждой удачной пробежки над поляной разносились одобрительные крики и смех.

Вдруг вместо смеха раздался крик боли: очередная пробежка закончилась неудачей. Тяжёлые качели попали прямо в лицо девушки, пробежавшей под ними.

Лизонька рванулась было в толпу, но неожиданно крепкая рука остановила её порыв.

– Вася!.. – вскрикнула Лизонька, увидев рядом любимые глаза. Слёзы наконец-то прорвались, и Лиза, прислонившись головой к плечу Василия, разрыдалась.

Парень ласково гладил Лизоньку по волосам, приговаривая:

– Ну что ты? Ну что ты?.. Дурочка моя! Всё будет хорошо! Всё хорошо!..

От этих слов Лизонька расплакалась ещё горше. Они продолжали стоять в тени деревьев, никем не замеченные в общей суматохе.

Домой Лизонька вернулась полностью успокоенная. Василий сказал ей, что давно её любит, что пойдёт наперекор отцу и женится на ней.

– Вот увидишь – на Покров сватов зашлю! Батя мне не помеха, любит он меня. Уговорю батю, мамка пособит... – нащёптывал он смущённой девушке.

Быстро пролетело счастливое лето. Осенью вечёрки собирались реже: страда. Лизонька не ходила, а летала, во время работы постоянно напевала. Мама смотрела в её счастливые глаза, вытирала уголком платка непрошеную слезу, и качала головой.

Приближался Покров. По обычаю, после этого святого праздника, когда заканчивалась жаркая летне-осенняя страда, по домам ходили сваты. Наступала сытая и пьяная пора свадеб.

На улице похолодало, и вечёрки переместились в тёплые дома, которые молодёжь снимала для гуляний. В тот вечер парни и девушки собрались в небольшом домике бедной вдовы. Места, чтобы разместиться всем, там едва хватало – поэтому все сидели по лавкам, пели песни. Парни щекотали девушек, те привычно повизгивали.

Наконец всем надоело сидеть по углам, и девушки завели: «Уж ты зайныка, уж ты серенький...» По правилам исполнения этой песни, девушки встают в круг, в середину выходит парень, который во время пения повторяет своими действиями слова песни, выбирая себе подругу.

*Уж ты зайныка, уж ты серенький,
Зайныка, погуляй, серенький, погуляй!
Уж ты зайныка, уж ты серенький,
Зайныка, выбирай, серенький, выбирай!*

Первым девушки вытолкнули в круг Василия. И именно в тот момент, когда Василий потянул за руку в круг свою любимую Лизоньку, открылась дверь. В избу вошёл отец Василия – деревенский староста Семён Васильевич.

Всё в избе остановилось. Песня замерла, девушки смущённо посторонились, пропуская вошедшего в центр комнаты, где замерли наши влюблённые.

Приход на вечёрку взрослого мужика, тем более старосты, – событие неожиданное. «Видимо, до старосты дошли слухи о выборе сына, и он пришёл им помешать», – эта мысль мелькнула в головах не только у Лизы, но практически у всех одновременно.

Семён Васильевич грозно обвёл взглядом собравшихся, подошёл вплотную к сыну и громко, чтобы слышали все, приказал:

– Василий, домой! Завтре едем в Ёлошное, Маруську мельникову сватать. Давай, давай! – Он перевёл взгляд на Лизу и ещё добавил металла в голосе: – А ты, голубушка, зря на мово сына не надейся. Всё решено уже. Через неделю он на Маруське женится. Прощевайте всем!

– Батя! – попытался было возразить Василий. – Я не хочу на Маруське жениться, я Лизу люблю...

– Любишь?! – вскричал отец. – А последний хрен без соли доедать любишь?! Наследства лишу! Быстро домой! – И он, не глядя на остолбеневшую Лизу и притихшую молодёжь, широко распахнул дверь: – Вперёд!

Василий шагнул за отцом. Лиза сжалась, провожая любимого глазами, полными слёз.

Ночью в окно её домика тихонько постучали. Лиза, лежавшая с открытыми сухими глазами, подпрыгнула: она неосознанно ждала этого стука.

За окном стоял Василий.

– Собирайся, – одними губами сказал он.

Лизонька подхватила, судорожно заметалась по избе, собирая вещи в узелок.

Мать бегала за ней, выхватывала вещи и причитала:

– Ну, куда ты? Куда, доченька, на погибель свою?.. Да разве можно – супротив отцовской воли?.. Ой, беда, беда! Лизонька, опомнись!.. На кого ты меня оставляешь? Доченька, не пущу! – Мать, седая и растрёпанная, встала в дверях, раскинув руки.

Лиза, уже в шали и полушубке, с узелком в руках, остановилась перед матерью. У неё сухим огнём горели глаза, ноздри раздувались, руки без остановки теребили узелок с одеждой.

– Мама, люблю я его! Пусти меня, на всё божья воля, а я без него умру, – почти шёпотом сквозь стиснутые зубы проговорила она.

Быстро упав на колени перед матерью, Лиза стала целовать её руки, колени. Мать тоже рухнула на пол рядом с ней. Обе замерли в объятиях перед неминуемой разлукой.

Ещё несколько минут обе плакали, целуя и обнимая друг друга. Наконец мать с трудом поднялась, взяла с божнички икону, перекрестила непосlušную дочь: «Пусть Пресвятая Богородица хранит тебя, доченька», – и отступила в сторону.

Когда за Лизой захлопнулась дверь, мать мешком свалилась на пол и зарыдала в голос...

Но Лиза ничего этого не слышала. Они с Василием быстро шли в сторону от деревни. Василий крепко держал её за руку, а вокруг бушевала первая в этом году метель.

– Вот и хорошо, вот и хорошо, – приговаривал Василий. – Сейчас заметёт наши следы, не найдут нас... Батя меня вожжами отходил: я ему сказал, что ни за что на Маруське не женюсь! Противна она мне! Нос крючком, глазки маленькие, сама толста, на лавку еле входит. А отец своё: «За ней приданое хорошее дают, двух кобыл, тарантас, да деньгами целую тыщу...» Отец велел Никишке меня сторожить, – а я, только Никишка глаза закрыл, в дверь и убёг!

– Вася, куда ж мы теперь?..

– А до города доберёмся... Правда, туда двести вёрст... Ничего, дойдём! А там на завод устроюсь... Не бойсь, не пропадём! Я никакой работы не боюсь. Зато вместе, Лизонька!

Беглецы на минуту остановились, чтобы прижаться друг к другу, почувствовать поддержку. Лизу била крупная дрожь.

– Да ты у меня совсем замёрзла! – воскликнул Василий и стянул с себя полушубок, собираясь накинуть его на Лизоньку.

– Что ты? Что ты? – испугалась она. – Не мёрзну я. Это так, от волнения...

Беглецы ещё раз прижались друг к другу в поцелуе.

– Пошли, пошли быстрее, Лиза! Надо побольше за ночь пройти, чтоб не догнали...

И они устремились в темноту, ветер поднимал за ними позёмку, заметая следы.

На рассвете Василий, заметив впереди стог сена, потянул Лизу к нему.

– Днём пересидим здесь, поспим, а утром – снова в путь, – сказал Василий.
– Устала, ягодка моя? Снегу порядочно намело, не найдут нас.

Утомлённые, они забрались в самую середину стога. Вход Василий замаскировал тем же сеном. Их убежище быстро нагревалось от дыхания и жара их тел. Звуки метели казались далёкими под прикрытием сена... Впервые оставшись наедине, без любопытных глаз вокруг, влюблённые не смогли сдержать своих порывов, и страстный поцелуй получил своё логическое продолжение... Василий ликовал, Лизонька была счастлива. Через час они уже спали, тесно прижавшись друг к другу и улыбаясь во сне.

Проснулись оба одновременно: где-то рядом остервенело лаяли собаки. Лизонька сжалась. Василий приподнялся, обречённо взглянул на любимую:

– Нашли... – одними губами прошептал он. – Лиза, голубушка моя, не отдам тебя никому, люблю тебя...

Беглецы замерли. Их последний поцелуй был долгим. К собачьему лаю присоединился тяжёлый топот коней. Послышались голоса.

– Василий, вылезай! И девку свою выводи, не доводи до греха! – Голос отца разорвал объятия влюблённых.

Послышался приближающийся шорох: кто-то разгребал сено.

– Не замай! – закричал Василий.

В его руке оказалась палка, которой он стал ожесточённо отбиваться от невидимого врага. Лиза сжалась в комок в противоположном углу их убежища...

Вскоре всё было кончено. Василия выволокли из стога и прижали к земле. Следующей пришла очередь Лизы. Она отчаянно цеплялась за мёрзлую землю, но силы были явно неравны. Её вытащили за ноги, юбки задрались, на снегу белело нагое тело. Мужики заржали. Лиза судорожно пыталась прикрыть наготу. Слёзы каплями застывали на её щеках.

Отец Василия перехватил покрепче кнут и перепоясал им Лизу: и раз! и два! и три!.. Лиза вскрикнула и потеряла сознание. Василий зарычал, вырвался из под прижавшего его к земле колена и кинулся на отца. Тот встретил его ударом пудового кулака. Мужики снова схватили Василия, связали ему руки и закинули на спину лошади. Через несколько минут печальная кавалькада с бедными влюблёнными двинулась в обратный путь в деревню.

Лизина мать, всю ночь не сомкнувшая глаз, утром ненадолго прикорнула. Именно тогда в сенях слышались чужие шаги и голоса. Дверь с грохотом распахнулась. Двое мужиков, тяжело ступая по стареньким половицам, внесли обвисшую Лизу. Мать вскинулась, запричитала. Мужики положили Лизу на кровать и с топотом покинули дом.

Мать кинулась к дочери, гладила её по волосам, повернула запрокинутую Лизину голову... И закричала от ужаса: на неё смотрело обезображенное любимое лицо. Один глаз вытек, поперёк лица вился сине-багровый шрам...

Прошёл месяц. Лиза потихоньку шла на поправку. Мать неустанно плакала и молилась о судьбе младшей дочери. Глаза Лизы оставались сухими. Она молчала и целыми днями лежала, повернувшись к стене. Тем временем в доме старосты сыграли свадьбу: Василий женился на Марусе.

В тот вечер в доме уже горела лучина, еле освещая центр стола, возле которого пряталась седая мать. Лиза лежала на кровати, молча глядя на какой-то сушок на стене.

Вдруг в сенях слышались чужие голоса. Мать задрожала: гостей она не ждала. В дверях показалась разношёрстная компания. Первой вплыла родная местная сваха Ефросинья Никитишна – или тётка Фрося, – разнаря-

женная, с расплывшимся в умильной улыбке лицом. За ней, низко склонив голову при входе, вошёл староста – отец Василия. Следом шёл старший брат Василия – Ефим, или Ефимка, как звали его в деревне: здоровый крепкий парень, но блуждающая глуповатая улыбка на лице выдавала его статус деревенского дурачка.

Вошедшие перекрестились на иконы, и сваха, взяв табурет, села под матицей (потолочной балкой). По деревенским понятиям это значило, что сваха пришла по своему прямому предназначению – сватать. Мать непонимающими глазами следила за гостями, но после действий тётки Фроси подвинула табуреты нежданном гостям, обмахнув их концом фартука.

Всё это время Лиза оставалась безучастной, всё так же разглядывая что-то одной ей вѣдомое на стене избы.

– У вас товар, у нас купец, – начала умильным голосом сваха извечную формулу сватовства. – Шли мимо двора, увидели горлицу, красную девицу. А у нас ясный сокол по миру летает, свою горлицу ищет!

На этих словах Семён Васильевич поморщился, движением руки остановил многоречие свахи, взглянул на неподвижную Лизу и заговорил:

– Матвевна, виноват я перед Лизой твоей, прости меня Христа ради!.. Искупить хочу вину свою. Мой Ефим твою Лизу хочет замуж взять. Ты не подумай чего: жить она будет, как у Христа за пазухой. Обещаю, никто её обижать в моём доме не будет. А что Ефим такой? Так он зато добрый... Сильный вона какой, да и из-под моего надзору никогда не выйдет. Что думаешь-то?..

Мать произвольно глянула на дочь, затем с недоверием – на старосту.

– Да што ты, Семён Васильич, как можно? Девушку за этакого?.. Совсем жизнь её погубишь...

Семён Васильевич нетерпеливо перебил её:

– Думаешь, чичас кто-то лучшее на ей женица? Охотников больно нету на голытьбу да уродку твою... Не бойсь, и тебя не обижу. Сыта завсегда будешь...

На этих словах Семён Васильич поднялся и направился к двери. По пути он повелительным жестом поднял сына: тот с блаженной улыбкой разглядывал Лизу, а из уголка рта его текла слюна.

После ухода мужчин мать вновь заплакала:

– Доченька моя!.. В несчастливый час я тебя родила, родненькая моя...

– Ну, запричитала! – недовольно протянула тётка Фрося (она всё так же неподвижно сидела на табурете под матицей). – Ты подумай головой своей! Семён Васильич дело говорит: и ты сыта будешь, и дочка – пристроена. А как ты помрѣшь – как она одна останеца? А так – робѣночка народит, Семён Васильич её озолотит, коли наследник здоровый будет. А не согласишься – так подумай сама: кому ж она нужна без глаза-то? Останется бобылкой: ни защиты, ни достатку... Так ты сприси у ей: можа, она сама согласная?..

После часа уговоров мать согласилась – и разломилла булку хлеба, которую проворно подала ей сваха. Это был символ согласия: одна половина булки оставалась в доме невесты, а вторая возвращалась в дом жениха. Всё это время Лиза молчала, как её ни тормошили мать и сваха.

Через неделю состоялась свадьба. Рано поутру через всю деревню на санях, запряжённых тройкой лошадей жениха, провезли приданое Лизы: половики, подушки да постельное бельѣ. Высыпавший на улицу народ по-разному реагировал на проезд саней: бабы завистливо поглядывали на тройку и поджимали губы – мол, неважнецко приданое, дак и откеда ж взять; подруги ути-

рали слёзы, глядя на бледную невесту в фате, сидевшую в санях с отрешённым лицом.

Возле дома старосты невесту встречала мать Ефима – Анастасия Марковна, властная высокая женщина с суровым лицом. Под её взглядом батраки быстро занесли приданое в дом, вынесли шкуры, тулупы. Застелили сани волчьими шкурами, усадили Лизу, укатанную в тулуп до пят с высоким, выше головы, воротником.

Вскоре трое саней неслись по дороге в соседнее село Моршиха на венчание: в Налимово своей церкви не было. Впереди летела тройка, в которой восседали Семён Васильич с женой и нарядный жених с неизменной блаженной улыбкой. Следом шли сани с Лизой – сопровождали невесту мать и сестра со своим мужем. Завершала вереницу тройка, в которой сидел мрачный Василий с молодой женой.

В церкви Лиза, казалось, ненадолго очнулась от своего оцепенения. Она судорожно сжала руки под подбородком и подняла обезображенное лицо, как будто ища кого-то взглядом. Но старенький батюшка чуть повысил голос, торопливо произнося положенные по церемонии слова. Лиза послушно перекрестилась, глядя в суровое лицо Бога, и безропотно пошла за священником вокруг аналая рядом с широко улыбавшимся Ефимом. Мать с сестрой вытирали слёзы. Василий во всё время таинства с каменным лицом смотрел в пол, изредка крестясь, и не видел порыва бывшей невесты.

В двухэтажном доме старосты было жарко натоплено. Столы ломились от еды. Напротив жениха с невестой улыбался молочный поросёнок с петрушкой во рту. Мать заботливо поправила на Лизоньке фату, безуспешно пытаясь прикрыть несуществующий глаз.

Вскоре самогон развязал гостям языки. Приглашённые зашумели, топая, плясали и нестройно пели. В окна заглядывали вездесущие мальчишки.

Всю свадьбу Лиза не притронулась к еде, не смотрела на гомонивших гостей. Василий поднимал стакан за стаканом, не глядя на увещевавшую его жену.

Наступило время провожать молодых. По обычаю, свекровь приготовила им постель в нежилом холодном помещении – это был амбар. Невесту подняли, вложили её дрожащую руку в потную ладонь жениха и повели через строй пьяных гостей. Василий к тому времени спал, навалившись на стол. Увидев его, Лиза вздрогнула, и лицо её сморщилось, как у ребёнка, – но властная рука свекрови подтолкнула её дальше.

На крыльце свекровь ещё раз соединила их руки и подтолкнула в сторону амбара. Открывая перед молодыми двери амбара, с кривоватой улыбкой шепнула Лизе: «Не будь дурой, сношка». Затем, втолкнув Лизу внутрь, задержала Ефима, давая ему на ухо последние наставления.

В амбаре горела свечка. Лиза присела на край постели: больше сесть было некуда. Вошедший Ефим молча подошёл к Лизе и грубо повалил её на спину. В первые мгновения Лиза оцепенела. Тем временем Ефим настойчиво и нетерпеливо срывал с неё фату и дрожащими потными руками шарил под юбкой, давая и щипая нежное девичье тело...

Когда рука Ефима прикоснулась к самому сокровенному женскому месту, Лиза опомнилась. С силой отрывала от себя потные руки, пиналась, брыкалась, истошно крича... В амбар ворвалась свекровь – очевидно, подслушивала под дверь. Ефим перекатился на спину, схватившись за нос: в процессе борьбы Лиза расцарапала ему лицо. Свекровь подскочила к Лизе, сверкая глазами, надавала ей оплеух, подхватила своего всхлипывающего сына и увела из амбара.

Это происшествие тут же стало известно всей деревне. Мужики посмеивались, бабы скрывали ухмылки. Свадьба закончилась, началась обыденная жизнь.

В доме раньше всех вставала свекровь. Она, зевая и крестя рот, будила невесток: пора работать. Невестки готовили завтрак, накрывали на стол. Первым к столу являлся Ефим, за ним степенно, кряхтя и попёрдывая, появлялся хозяин дома. Он крестился на иконы, садился за стол и первым приступал к трапезе. Ефим, как все блаженные, не знал меры в еде, ел неаккуратно, сопя и облизывая пальцы. Василий жевал быстро, старательно обходя взглядом Лизоньку.

К удивлению домашних, Лиза и жена Василия – Маруся – даже подружались. Несмотря на свою не слишком привлекательную внешность, жена Василия оказалась доброй девушкой. Она искренне любила Василия и жалела Лизу. Всю работу по дому они делали вместе, и если бы не Маруся, Лизе пришлось бы туго в этом доме: свекровь откровенно её невлюбила. Явно за то, что Лиза так и не подпускала Ефима к себе.

Что думал Ефим – оставалось тайной для всех, но он, похоже, смирился с таким положением в семье, и даже стал, казалось, счастлив рядом с Лизой. Лиза поступила очень мудро не по годам: она заботилась о муже, как о ребёнке; причёсывала, умывала, вытирала слюни, а иногда и совсем детские слёзы, вкусно кормила. Вечерами в их комнате слышался тихий Лизин голос: она рассказывала Ефиму сказки, а он лежал в ногах кровати, изредка поднимая на неё добрый и счастливый взгляд.

С Василием Лиза за всё время не перекинулась ни словом, ни взглядом. Когда он появлялся рядом с девушкой, та старалась повернуться к нему здоровым боком, старательно пряча пустую глазницу, не поднимая на него глаз. На удивление, даже Маруся не ревновала мужа к их совместному прошлому. Ей хватало других забот – она никак не могла забеременеть, и свекровь каждую субботу в бане, оглядывая её не изменившуюся фигуру, поджимала тонкие губы и бормотала что-то похожее на «неродиха».

Так прошла зима. Подступала весна, а с ней и традиционные крестьянские хлопоты. Мужчины готовили к посевной сеялки, веяли семенное зерно. В этом году хлопот добавилось: недалеко от дома родителей строился ещё один большой дом. До посевной решено было закончить стройку и переселить туда семью Василия. Свёкор твёрдой рукой руководил мужским коллективом сыновей и батраков, отдав жене на откуп домашнее хозяйство. У свекрови, кроме невесток, тоже были помощницы, которые занимались скотным двором, кормили и ухаживали за немаленьким хозяйством. Снохи убирали дом, готовили еду на всю большую семью, включая батраков.

Раз в неделю топили баню. Традиционно в баню идёт сначала мужская часть семьи, затем – женщины. Лиза обычно проскальзывала в баню последней, прячась от сурового взгляда свекрови. В последнее время она ещё больше стала мешкать, находя какое-нибудь заделье, чтобы зайти в баню позже всех. Войдя, она хватала тазик, прижимала к животу, и торопливо забивалась в самый дальний угол, прячась от вездесущих глаз свекрови.

Но всё тайное рано или поздно становится явным.

В ту субботу свекровь потребовала:

– Лизка! Ну-тка иди попарь меня...

Она вольготно раскинула свои немаленькие тела на полке, так что когда Лиза встала, её ничем не прикрытый живот оказался как раз на уровне глаз свекрови. Глаза свекрови расширились. Лиза поспешно схватила веник, прикрывая им живот, но свекровь прикрыла глаза, отвернувшись в другую сторону и сделав вид, что ничего не заметила. Да, это правда: Лиза ждала ребёнка.

Из бани Лиза вернулась последней. В доме было тихо, домочадцы разбрелись по своим комнатам, но в их спальне Ефима не было. Лиза не могла усидеть на месте от тревожного предчувствия, и решила идти искать мужа. Он мог быть только на кухне – не пойдёт же он в спальню брата или родителей. Но на кухне было пусто. У Лизы тревожно забилось сердце.

Вдруг дверь спальни родителей с грохотом распахнулась, ударившись о стену. В проёме стояла свекровь.

– Мерзавка, тварь подколодная! Говори, от кого нагуляла?! – Она выстреливала самыми страшными ругательствами в лицо Лизе, неумолимо приближаясь к ней.

Вдруг, оттолкнув мать, к Лизе подбежал Ефим. Куда и делось его всегда добродушное расслабленное выражение лица! Он был в ярости. Коротко вскрикнув, он поднял руку для удара. Лиза, закрыв глаза, согнулась, защищая своё ещё не рождённое дитя...

...Но удара не последовало. Она открыла глаза. Перед ней стоял Василий. Он задержал руку брата и отбросил его назад – прямо в руки матери. Из-под его руки вывернулась Маруся, кинулась к Василию и буквально повисла на нём, несвязно крича. Из комнаты показался свёкор. Он схватил поперёк туловища свою жену – та, изрыгая проклятия, с поднятыми руками надвигалась на Лизу, – отбросил её назад и, в свою очередь, двинулся на девушку, замахиваясь для удара...

В следующие мгновения время в сознании Лизы то ускорялось, то замедлялось. Она как вкопанная застыла на одном месте, не проронив ни слова, никак не отвечая на оскорбления. Василий продолжал сдерживать напор всех членов своей семьи, защищая Лизу. Ей казалось – под защитой его рук она в безопасности, а все эти людишки кричат и размахивают руками где-то далеко-далеко...

На какое-то мгновение всё стихло, и Лиза увидела в руке Ефима нож, с которого медленно капали густые тёмно-красные капли, глухо ударяясь о пол. Василий пошатнулся и осел на пол. Страшно закричала мать. Маруся и Лиза одновременно кинулись к Василию, но он уже не дышал...

Через пять месяцев Лиза умерла в родах, успев назвать новорождённого сына Василием.

Андрей БЕЛОУСОВ

О статском советнике и русском писателе

Его фотография на планшете, повествующем о литераторах нашего края XIX века, притягивает к себе внимание мгновенно. Открытое лицо с окладистой седой бородой, пристальным взглядом, как бы пытающимся рассмотреть душу собеседника, с одновременным к нему доверием и расположением. Форма военнослужащего. Владимир Яковлевич Кокосов. Портрет взят из сборника рассказов «На Карийской каторге». Не только рассказы сборника могут быть интересны нашим собеседникам, но и само появление книги в коллекции музея достойно обнародования.

Имя Кокосова скорее всего стало известно создателю музея, Дмитрию Андриановичу, из уст М. Д. Янко. Задавшись целью пополнить фонды рождающегося музея, он обратил внимание на факт издания книги с рассказами Владимира Яковлевича в Чите. Причина, почему

в Чите, понятна. Сибирь, Забайкалье, где около тридцати лет Кокосов служил врачом и в некотором роде организатором здравоохранения в меру своих невеликих возможностей по служебному статусу. Где-то в начале 1966 года улетело в издательство того края письмо с просьбой выслать в наш адрес интересующую книгу. Почтовые отправления в то время высылались наложенным платежом. Всё очень просто и надёжно. Через некоторое время пришёл ответ. Содержание примерно такое: «Благодарим за внимание, выпущена книга в свет более десяти лет тому назад. Если что-то сумеем отыскать, непременно вашу просьбу выполним».

Ждать да догонять... Но куда денешься, – хотя надежда была минимальной: найдут ли, да и не забудется ли обещание... Сегодня приходится только удивляться, насколько же ответственным было слово в те времена. В конце июля 1966 года пришла в наш адрес бандероль с желанным сборником. «Спасибо» за это и по сей день не сходит с уст.

Владимир Яковлевич Кокосов родился в 1845 году в селе Крестовке (Крестовском) ныне Далматовского округа Курганской области в семье священника. Вскоре после смерти отца (после истязаний во время «картофельного бунта») семья переехала в село Песковское в 1849 году, что расположено недалеко от села Першинского, родного села известного краеведа В. П. Бирюкова. «Картофельные бунты» прокатились среди крестьянства в середине XIX века как протест против насаждаемого сверху требования возделывания картофеля, о котором не имели понятия часто и сами чиновники.

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

**Белоусов
Андрей Дмитриевич**

Публицист, краевед. Директор Каширинского литературно-краеведческого музея имени В. К. Кюхельбекера. Почётный гражданин Кетовского района Курганской области.

*Владимир Яковлевич
Кокосов*

Многие представители рода Кокосова по отцу (а по матери – Флоринские) состояли в духовном сословии и достойно несли свой крест священнослужителей, чаще всего сельских. Позже они станут представителями интеллигенции на просторах крестьянской России, большей частью – в достаточной мере образованной, с передающимися из поколения в поколение традициями. Посему и биография Владимира продолжилась в Пермском духовном училище, затем – Пермской духовной семинарии. Современники отмечают о достаточно значимых демократических настроениях, царивших в этом заведении. В учебной программе немало значение уделялось естественным наукам и риторике. В семинарии существовал организованный учащимися кружок, имевший подполь-

ную библиотеку из светских книг, распространялась газета «Колокол», альманах «Полярная Звезда» и некоторые другие соответствующие издания. Конечно, всё это не прошло мимо внимания тех, кому предопределялось следить за образом мышления подопечных.

В 1861 году Кокосов за выявленные «провинности» был из семинарии исключён. Год жил в деревне, у дедушки-священника, служил псаломщиком, стремился в будущем стать диаконом. В Перми, куда Кокосов перебрался для осуществления намеченного, встретился с бывшими однокурсниками и под их влиянием переехал в Казань, где продолжил образование. Ничтожное материальное обеспечение предполагало надеяться только на себя и свой труд. Для переезда в Казань устроился помощником кочегара на пароход, а через год, уже оказавшись в Санкт-Петербурге, работал грузчиком. В Казани Кокосов пытался осилить сдачу экзаменов за курс гимназии, дабы получить соответствующий аттестат. Параллельно вольнослушателем посещал лекции в университете, чаще всего на медицинском факультете. В Петербурге же удалось сдать необходимые экзамены и получить аттестат за курс гимназии. Это событие открывало путь для поступления в высшее учебное заведение. Им стала Императорская медико-хирургическая академия. По окончании академии в 1870 году был распределён на службу в Восточно-Сибирское окружное военно-медицинское управление. Вместо пяти лет положенной отработки государству (т. к. учился в академии за казённый счёт), отслужил в тех краях более тридцати лет. Около трети этого срока был связан лечебной деятельностью на Карийских золотоносных приисках и Карийской каторге в Нерчинском округе Забайкальского края.

**Владимир Яковлевич
Кокосов**

Станица Акша (1881–1890 гг.) Забайкальского края стала следующим местом службы в должности старшего врача военного отдела Забайкальского казачьего войска. Многие источники подтверждают участие врача Кокосова в ликвидации чумных заболеваний. Наблюдая за процессом, он первый предположил, что разносчиками эпидемии являются забайкальские сурки-тарбаганы, мясо которых шло у местного населения в пищу, а шкурки заготавливались на меховые изделия.

По воле командования с 1890 по 1897 год служил врачом-ординатором, затем – главным врачом Читинского военного госпиталя, одновременно исполняя обязанности тюремного врача, преподавал в военно-фельдшерской школе. После Читы всей семьёй снова очутились в Акше.

Творческая жизнь в Забайкалье заключалась не только в литературных зарисовках Кокосова. Он участник и инициатор многих общественных явлений. Один из инициаторов и организаторов Забайкальского общества врачей, автор многих очерков о жизни края, составитель «Исторического описания Забайкалья и Приамурья».

В центральную Россию Кокосовы вернулись в 1903 году семьёй в семь человек. Служба продолжалась в городах Воронеже и Минске, окончательным местом проживания стал Нижний Новгород. Всего в семье Владимира Яковлевича и Юлии Семёновны было девять детей: пять мальчиков и четыре девочки. XX век с его неоднозначными грозными событиями наложил на судьбы потомков свои отпечатки – прежде всего на мужскую составляющую. Двое Кокосовых погибли в Первую мировую, третий – в результате несчастного случая. Сыновья Владимир и Виктор после службы в Красной Армии трудились в народном хозяйстве на заметных должностях: первый – директором

школы, второй – заведующим отделом газеты «Горьковская Коммуна». Увы, не смогла их обойти волна репрессий: немаловажным для этого основанием было социальное происхождение. Владимир отбыл пятилетнее заключение, Виктор – погиб. Среди многочисленных потомков Кокосовых – врачи, учителя, учёные, офицеры Советской Армии. Правнук Виктор Николаевич продолжил линию своего знаменитого пращура, став писателем, принят в Союз писателей России.

Вернёмся к старшему Кокосову – Владимиру Яковлевичу. Верой и правдой служба Отечеству, за несколько лет перед выходом в отставку он был произведён в чин действительного статского советника. Награждён пятью орденами – Владимира, Анны, Станислава – разных степеней. На доме, в котором он проживал в Акше, установлена мемориальная доска. Самая значимая память – его литературные произведения, воспоминания родственников, исследователей его творчества и жизненного пути.

Вот какие сведения обнаружил правнук – Виктор Николаевич Кокосов.

– Из воспоминаний старшей дочери Марии Владимировны:

«Мои родители старались каждого подбодрить, накормить, снабдить лекарствами, а если нужно, то и оставить ночевать. Отец никогда и никому не отказывал в медицинской помощи, будь то в Сибири или в России, но денег за лечение не брал. Если же кто-то предлагал вознаграждение по незнанию, отец считал личным оскорблением.»

В Акше отец, не жалея сил и времени, старался открыть путь к духовным ценностям для простого человека-труженика, и в связи с этим часто читал лекции в присутственных местах, проводил беседы, устраивал вечера, на которых звучали отрывки из произведений писателей.

Когда мы летом 1903 года навсегда уезжали из Акши, отец велел маме раздать все наши вещи. Пожертвовали в том числе и швейной машинкой, по тем временам высоко ценимой.

Все вещи нашей семьи, взятые из Акши, а семья состояла в то время из семи человек, уместились в деревянном сундуке средних размеров и небольшом ручном багаже».

Интересны воспоминания Владимира Павловича Бирюкова «Встречи с людьми Забайкалья», которые находятся на хранении в фондах Шадринского государственного архива. Предваряются его воспоминания о Кокосове следующим утверждением:

«...Как ни велика наша страна советская, почти в любом месте можно встретить людей, как-то связанных с тем, в котором ты живёшь. И получается, что жизнь отдельных уголков нашего отечества крепко связана с жизнью всей страны. Эти связи особенно ощутимо познаются, когда начинаешь пристально изучать жизнь какого-либо района, города, области.»

Кокосов Владимир Яковлевич (1845–09.07.1911). Врач, беллетрист. Более 30 лет прослужил в Забайкалье. Автор книги «На Карийской каторге». – Чита, 1955. – 160 с.

Читинское издание рассказов Кокосова – уже второе, а первое было издано редакцией журнала, – редактор В. Г. Короленко “Русское богатство”. В моём собрании эта книга имеется, будучи куплена в середине 1920-х годов у одного уличного букиниста в Москве у ограды университета на Моховой.

Этот писатель – мой дорогой земляк, проведший дни юности в двенадцати вёрстах от моего родного села – в селе Пески, тогда Шадринского уезда, а теперь Катайского района Курганской области.

По видимому, то, о чём я сейчас расскажу, было летом 1907 года, когда мне исполнилось 19 лет и я перешёл в последний класс Пермской Духовной семинарии, уже протрубив перед тем в разных школах, но последовательно,

целых двенадцать лет. Был я тогда страстным рыболовом и много времени проводил на реке Теча, притоке Исети.

Как раз в этот год, летом, Владимир Яковлевич приехал навестить родное село, где у него было полно родственников. Заехал и в наше село – Першино, где у него тоже были родные.

В середине дня я возвращался домой с рыбалки домой. Родители говорят, что к нам приходил кто-то из родных Кокосова и просил дать ему удочку, чтобы позабавиться рыбалкой. А удочки-то были со мной, и родители были принуждены отказать в этом посланцу. В тот же день, под вечер, мы видим: мимо нашего дома идёт большая компания, направляющаяся в дом других родственников. В этой компании был и Владимир Яковлевич. Мне он показался сухоньким и как будто одетым в лёгкую светло-серую шинель, чуть ли что не с красным подкладом. Не в генеральском ли чине вышел в отставку Владимир Яковлевич, – служба-то была на военном положении. В следующем, т. е. 1908 году я кончил семинарию. В это время моя матушка, дьячиха, вздумала попаломничать в Саровскую обитель, к отцу Серафиму. И на пути заезжала в Нижний-Новгород, побыв там чуть что даже не один день у Кокосовых. Здесь она встретила очень радушный приём, о чём потом с восторгом рассказывала дома.

Кончив выпускные экзамены, я решил прокатиться до Чистополя, где ветеринарным врачом служил брат родителя, и мой дядя Василий Васильевич, с которым матушка должна была повидаться. И вот я поехал встречать её, а когда мы пароходом возвращались через Пермь домой, то я испытал удивительное явление.

Если не изменяет память, вечером 17 июля старого стиля солнце зашло, а свет нисколько не потухал. Я читал какую-то книгу и всё ждал полуночи, чтобы лечь спать. Ждал, ждал, когда же будет полночь, а полуночи-то и не было. Глянул на пароходные часы, а они уже показывают два часа, третий. Значит должно уже начаться утро. А где же ночь! её как раз и не было. И вторая ночь была такой же, или почти такой. Долго ломал я голову, расспрашивал кое-кого, что это были за ночи, но тогда никто ничего не мог сказать. И только в 1920-х годах я узнал, что в одну из памятных ночей 1908 года пронёсся знаменитый Тунгусский метеорит, частицы которого высоко поднялись над Землёй и носились вокруг Земного шара, будучи экраном, от коего солнечные лучи отражались и освещали Землю в ночное время.

В декабре 1924 года в Москве проходила Всесоюзная конференция по краеведению. Во время её я встретился с братом известного геолога-поисковика метеоритов Леонида Алексеевича Кулика – Нестором Алексеевичем. Он и рассказал мне о тунгусском метеорите.

...Вот ведь как получается: от писателя-земляка к поисковику метеорита через столько-то лет.»

Казалось бы – мельчайшие, на уровне бытовых, подробности. Но, во-первых, ими обозначен путь краеведа в изучении родного края, свершившихся событий, значимых во всех отношениях. А далее следует обратить внимание на тот факт, как титулованный врач и известный писатель, в генеральском звании по службе, дорожит семейными узами, отправляясь за сотни вёрст навестить родственников и поклониться малой родине. Семейные традиции, воспитанные в детстве, пожизненны.

Упомянув о статье В. П. Бирюкова «Встреча с людьми Забайкалья», следует добавить, что задумывалась она как дополнение к книге Е. Д. Петряева «Краеведы и литераторы Забайкалья». Личность этого человека заставляет сказать и о нём несколько слов. Во-первых – он уралец. Родился в Березове, вблизи Екатеринбургa в 1913 г., а это значит интерес к нему Бирюкова ещё и как к ближайшему земляку. После окончания медицинского института в Сверд-

ловске призван в Красную армию в качестве врача-бактериолога. Служить отправлен в Забайкалье в 1938 г. Участник боёв на Халхин-Голе. В годы Великой Отечественной начальник эпидемиологического отдела эпидемиологической санитарной лаборатории Забайкальского военного округа. Насколько эта служба необходима и серьёзна – очевидно и без комментариев. Участвовал в боях с Японией, награждён государственными наградами. Кандидат биологических наук. Во время работы начальником отдела санитарно-эпидемиологического отдела Забайкальского военного округа жил в Чите, где опубликовал более 40 научных работ по медицине и краеведению. В 1955 году принят в Союз писателей, полковник в отставке по окончании службы. Исследователь творчества В. Я. Кокосова. То, что о враче, его творчестве рассказывает врач, – дорогого стоит. Подобные примеры есть в истории литературы нашего края. Алексей Кузьмич Югов, врач по первой профессии, создал замечательное произведение, посвящённое жизни и творчеству Ивана Петровича Павлова.

Со всей очевидностью можно утверждать, что на нравственный облик Кокосова определяющее влияние оказало окружение – прежде всего, семья, ближайшие родственники, по большей части искренне служившие самым главным в жизни заповедям человечества – тем, что передавались из поколения в поколение и выражались в основных заповедях христианства. Неравнодушные к чужим страданиям, желание помочь обездоленному и бесправному прививалось наблюдениями за происходящим вокруг, да бесспорным влиянием от общения со встретившимися на пути сотоварищами. И в Перми, и в Казани, да и в Петербурге таковые были. Всё-таки от разума самого человека зависит, кто в круге его общения.

Карийская каторга

Здесь я снова вернусь к имеющемуся у нас сборнику «На Карийской каторге», к его предисловию от Евгения Дмитриевича Петряева: «В Петербурге... он снова встретился и близко сошёлся с Ф. М. Решетниковым, а через него с Н. Г. Помяловским». Наряду с Добролюбовым и Чернышевским Решетников и Помяловский были для Кокосова «незабываемыми проповедниками великой любви к народу». Преподавателями у Кокосова в Петербургской академии были выдающиеся учителя: Боткин, Сеченов, Бородин, Руднев и др. «Мечтали и страстно мы верили, – говорил Кокосов, – что принесём истинную пользу обществу».

В декабре 1870 года Кокосов окончил академию и через несколько месяцев оказался в Восточной Сибири. Его назначили заведовать отделением Иркутского госпиталя. В Иркутске «усвоение военной субординации» у Кокосова сразу же пошло «неуспешно». Следствием этого было неожиданное откомандирование его врачом Карийской каторги в Нерчинском округе. Здесь он в течение десяти лет был невольным свидетелем чудовищного произвола царских тюремщиков. Как врачу ему приходилось присутствовать при самых жестоких наказаниях и даже при смертных казнях. Он просиживал ночи у койки наказанного. «Рыдал я, – писал Кокосов, – нередко над каторжником, избитым плетью и положенным для излечения в лазарет, в особенности над избитой женщиной».

В рассказе «На Карийской каторге в 1873 году» писатель доводит до читателей события не только каторжной жизни, но и описывает накатившую эпидемию сыпного тифа, в которой и он мог сгореть – ну да, как говорится, Бог миловал: выздоровел, хотя первое время едва стоял на ногах. Погибли тогда от эпидемии около восьмисот заключённых. Самыми разными впечатлениями о характерах людей награждала жизнь будущего писателя. Ведя дневниковые записи, он создал целую галерею портретов.

У Петряева находим, что к обработке своих карийских дневников Кокосов вплотную приступил в 1900 году, 55 лет от роду. Есть в рассказах Владимира Яковлевича такие натуралистические подробности о происходящем, что и повторять их лишний раз после него невозможно. Больно из-за одного прочтения. К таким, на мой взгляд, можно отнести рассказ «Гидра».

Вольно ли, невольно ли, но эпизоды из рассказов Кокосова задают и простой, и в то же время неразрешимый и поныне вопрос: в чём суть системы необходимых мер противодействию беззакониям из сдержек и препятствий? Вот прибывший с ревизией генерал-губернатор, выслушав прорвавшихся к нему поселянок о невыносимом существовании в нечеловеческих условиях, повелевает расселить их в холостяцкой квартире смотрителя, изгнав его с должности и из квартиры за преступную бездеятельность и беззаконие. Вроде бы и справедливо, но и безрезультатно в будущем для других повторяющихся ситуаций.

Содержащийся взаперти каторжник осмелился жаловаться ревизору. После его отъезда получает порцию розог, кои лохматят спину страдальца, превращая её в кровавое месиво.

А каковы наблюдаемые характеры: каторжанин Срублев, убедив врача дать команду снять с него кандалы и отпустить до утра к жене, не просто вернулся к сроку, но ещё и клятвенно утверждал после возвращения, что не сможет обмануть поверившего ему благодетеля. И вот здесь уместно спросить – почему, на каких дрожжах поднялось это чувство? Нет ли в нём традиционных отголосков сугубо национального, истинно русского? И сразу выплывают строки поэта:

*...За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...*

Николай Михайлович Рубцов из века двадцатого подтверждает наблюдения Кокосова своими в стихотворении с глубоко символическим названием «Русский огонёк».

Вместе с тем – как не подметить в хронике жизни на Каре других примеров, исходящих от части надзирателей, развращённых сознанием всевластия. Как же они и какими изощрёнными способами обируют вверенных им каторжан, беззастенчиво извлекая в свою пользу то пятак, то гривенник, не гнушаясь проявлять звериную жестокость к послушникам. Казнокрадство и поборы – вот бич государственного порядка, вскрываемый писателем. Правнук Виктор Кокосов приводит фразу прадеда из рассказа «Вера молодости»: *«...Жизнь так или сяк прожита; голова давно поседела; здоровье расшатано, а вера в человека осталась! С великой радостью, немалой гордостью и сознанием возможности и по-другому прожить, не загрязняя своей совестью, ставлю я точку над своей жизнью! И этим я обязан вере своей молодости...»*

До нас дошли слова, адресованные Кокосову в одной из газет после его кончины: «Он отличался редким бескорытием и благородством. Дослужившись до чина генерала, он не мог себе обеспечить даже безбедную старость. Он умер, ничего не оставив семье, но среди знавших его он оставил по себе самую прекрасную память».

Один из рассказов В. Я. Кокосова мы предлагаем читателям.

Елька

В начальных месяцах моей службы на Карийской каторге на утренних приёмах больных в каторжном лазарете изредка появлялась пожилая изнурённая женщина с правильными чертами лица и голубыми огромными глазами. Её звали Надеждой. Она была женой каторжника Ивана Буракова, отбывавшего срок на Нижней Каре, в пересыльной тюрьме. Надежда приходила в лазарет с дочерью-подростком, лет четырнадцати–пятнадцати. Девочка держалась обеими руками за платье матери, бессмысленно улыбаясь и, при обращении к ней с вопросом, боязливо пряталась за спину матери.

– Вы извините, ваше благородие, за дикость мою Ельку, – оправдывала мать свою дочку, – блаженная она у меня, – всех боится, кого со светлыми пуговицами увидит: случилась с ней беда, с тех пор попритчилась. До беды была ласковая, весёлая, отцу с матерью росла на радость; певунья была, что херувим господень! Одна она у нас, что у господина свечка... не сохранила дочку молитва материнская...

– Чем ваша девочка болела? – задал я вопрос.

– Зачем ей болеть, ваше благородие, – воскликнула торопливо мать, – с родной матерью живёт, мать оберегает здоровье, заботится... от болезни Бог да добрые люди: от злых людей кто уберезжёт? Наша карийская жизнь известная; утирай кулаком слезу, защитит некому... Злодеев много живёт на воле, больше чем в тюрьмах; взял власть в руки и... злодействует! – на лице матери, с синевой под глазами, в сжатых бескровных губах появилось страдание, душевная мука и горечь.

Надежда беспомощно махнула рукой, вытерла катившиеся из глаз слёзы; она стояла согнувшись, вся вздрагивая от душивших её рыданий. Прятаясь за матерью Елька, как волчонок, выглядывала с правой и с левой стороны спины матери, скалила белые, ровные зубы, издавая громкие, несвязные звуки. Продолговато округлое, с правильными чертами, бледно-матовое личико,

огромные синие глаза с длинными ресницами, с чёрными, как выточенными, бровями, чёрные густые вьющиеся волосы, заплетённые в толстую косу, крутой благородный лоб выдавали писаную красавицу, если бы не идиотское выражение глаз и судороги губ при бессвязных бормотаниях.

– Прощения просим, ваше благородие, спасибо за лекарство! – направляясь к двери, говорила Надежда. – Пойдём, доченька, пойдём, болезная! – беря дочь за руку, ласково говорила мать. – Забывается часом; столбом будет стоять на одном месте, пока за руку не уведёшь, – забывается родная! – Елька качающейся, подпрыгивающей походкой покорно шла рядом с матерью.

– Весёлая была девчонка, – по уходе Надежды, на мои расспросы начал рассказывать фельдшер Алексей Трофимович Морозов, – с моими девчонками игрывала: мать её к моей жене захаживала, помогала по огороду. Надежда года три назад пришла в каторгу за мужем. Мужа в тюрьму посадили, мать с Елькой остались на просторе, – куда деваться? Приспособилась Елька к моим ребятам, было ей тогда лет двенадцать. Красавица, работающая: с песенкой вставала, с песенкой работала, что по силам, с песенкой спать ложилась. ...Пела всё больше про травушку-муравушку, про цветочки лазоревые, прозвали мы её карийским соловьём, – вчуже сердце радовалось! Бывало, вечером после работы где попало на полу свернётся калачиком, – спит, как убитая! Сонную возьмёшь на руки, к своим девкам на подстилку перенесёшь: друзья были по ребячьему делу! Своих на руках двенадцать штук, как на подбор лестница, – тринадцатая незаметна... Потом с Елькой попритчилось... плакали мои девки, убивались.

– Расскажите, Алексей Трофимович, что случилось с девочкой?

– Родная мать от рассказа уклоняется, господин доктор, – растерянно заговорил Трофимович, меня извините... опасаемся. В каторге о многом рассказывать нашему брату не приходится; выгонят со службы, – куда я с дюжиной ребят пойду? За плечами лестница, мал мала меньше...

Приглядевшись и ознакомившись, Алексей Трофимович рассказал историю Ельки, наделавшую шуму даже в каторге...

– Насчёт серебряной ложки, украденной якобы Елькой, оказалась напраслина: ложку нашли за комодом, – несвязно, спотыкаясь в последовательности, сидя у стола в моей комнате и попыхивая трубочкой, начал рассказ Алексей Трофимович, – ни при чём оказалась серебряная ложка, якобы для отвода глаз... В каторжной Каре взрослых плетью бьют, законом дозволяется, а детей чтобы через палача наказывали, – не слыхивал! Я, господин доктор, тридцать лет с каторгой околачиваюсь, за такое время видов видывал... Два года назад приехал в Нижнюю Кару смотрителем пересыльной тюрьмы Демидов, рыжий человек с плешью во всю голову, подбористый по всем статьям, к тому же женатый. Супругу его звали Неонилой Фёдоровной: строгая была женщина, почёт, уважение любила, хотя была только канцелярская чиновница; между прочим, косая на оба глаза, а видела далеко, что и где делается. Демидовы приехали на Кару по вызову начальства из Баргузинской тайги, он в рваной рубахе, сапоги на босу ногу. Месяца через два-три люди оперились: появилась пара лошадей, пролётка, енотовая шуба, у жены вместо душегрейки и худой юбки – лисий салоп и всякое удовольствие.... Демидов был не молодой, не старый, – серёдка на половине; рожа масляная, губы толстые, с вывертом, все зубы на виду; ходил бойко, руками размахивал, до баб был большой охотник. Полковнику Демидов понравился: услужливый, на каторгу страх наводил; чиновникам, офицерам способствовал... Супруга его, кремень-баба, любила деньги, поклонны, приношения, арестантские просьбы, – всей тюрьмой командовала; главное вела большое знакомство с любовницей полковника, Настей,

которая командовала каторгой от Верхней тюрьмы до Усть-Карийской богадельни...

Увидел Демидов Ельку, девчонка понравилась, он возжаждал... сейчас к матери... «Отдай девку жене в горничные, рубль в месяц платы, жена нуждается в прислуге, не отдашь, твоему мужу и тебе с Елькой припомню...» Приходила Надежда к моей жене советоваться: битый к битому за советом пришёл... Чего будешь советовать, когда петлю на глотке затягивают?! Поплакали бабы, погоревали, с тем и разошлись... Поступила Елька к Демидовым, мать сама привела девочку, сдала барыне с рук на руки. «Не беспокойся, Надежда! Будет девка послушная, жить хорошо будет, – не обидим: ребят у нас нет, работой затруднять не будем... Красавица твоя дочка, я таких не видывала...»

В скором времени повёл Демидов на Ельку баталию; раз пять она убежала к матери: «Утоплюсь, маменька, удавлюсь! Ни днём ни ночью нет покоя от барина... Ходила Надежда к барыне Демидовой, жаловалась. «Дура ты, дура набитая! Мой Папушок шутит с девчонкой, играет с ней по её малолетству, а ты, дура, слушаешь, лезешь с жалобой!»

Надо было случиться греху: палач Сашка со Средней тюрьмы был вытребован Демидовым для исполнения приговора над двумя арестантами. В ожидании экзекуции Сашка проживал при полицейской команде – я с ним состою в знакомстве – он мне и рассказывал:

«В ожидании работы сидел я в казачьей, – третьи сутки с моего прихода пошли со Средней; вышла какая-то заминка, меня на работу не требовали... Сидим с полицейскими, калякаем о моём ремесле, – время было солнце на закат, тюрьма с работ пришла, прозвякали кандалами. Вбегает вдруг смотрительский кучер Сенька Вихрастый, запыхался, хрипит, выговаривает:

“Сашка! Иди сейчас к смотрителю, с инструментом, в квартиру требует... Озверел! Барыни нет дома, мне оплеушину дал, в ушах звенит, – с девчонкой воюет...”

Побежали мы с Сенькой, полицейский за нами...Что, думаю, за диковина? Солнце на закат, – кого бить хочет! Забежали в горницу: рычит смотритель, кулаки в крови, выкрикивает:

“Кусаться, сволочь? Кусаться! Я тебе покажу! Я тебе покажу! Я тебе покажу!”

Нас увидел:

“Бери её! Бей в мою голову!”

Стоит в углу девчонка, ободранная, почитай, в наготу, волосы растрёпаны, вся надрывается... Сенька с полицейским схватили девчонку...

“Дяденька, не тронь! Дяденька! Не тронь! Насильничал барин. Карауул!”

Свалили девчонку...

“Бей в мою голову! Приказываю!”

Я, дурак, махнул раз пяток плетью: девчонка вытянулась...

“Больше, ваше благородие, бить дитё не буду!”

“Ты? Не будешь?”

“Не буду, ваше благородие, дитё малое, – сперва я ударил, не разобрал...”

Кá-а-ак! он ударит меня кулаком по уху, едва на ногах устоял, окровавил, в голове туман появился...

“Не буду дитё бить, ваше благородие! Что хотите со мной делайте... – убили... померла она...”

“Померла? Убили?!” – выкрикнул зритель, опомнился, испугался. – “Померла, померла, померла, что со мной будет! Сенька! Фельдшера зови.”

Посинел его благородие, лихоманка трясёт, зуб на зуб не попадает, схватился за голову, завыл, как собака... Девчонка лежит на полу вниз лицом, оголилась вся, не шевелится... Мы с полицейским стоим, – у меня плеть в руке.

“Воровка она, воровка, серебряную ложку украла!” – выкрикивал зритель.

“Не можем знать, ваше благородие, девчонка померши... не шевелится...”

– ...Прибежал я с посланным Сенькой, – запрятывая в карман трубку, рассказывал Алексей Трофимович, – разобрать ничего не могу! Зритель, что дурная собака, бегает по комнате, Сашка с плетью в руке, полицейский, на полу лежит Елька... Повернул её на спину; синяя, что удушенница, на губах пена, зубы оскалила... Поднял, нашатырку к носу...

“Жива? Нет?! Жива? Нет?!” – выкрикивал присевший на корточки Демидов. – “Пропала моя головушка!” – Посинел сам, не хуже Ельки... Долго оттирал я девочку; нет-нет да вздохнула, застонала... Взял Ельку на руки, с Сашкой понесли в лазарет, – зритель ничего, не препятствовал...

– С тех пор Елька блажить начала. Искалечили девку ни за понюх табаку! – тяжело вздохнув, закончил рассказ Алексей Трофимович. – До Бога высоко, до царя далеко, господин доктор, – особенно из каторги...

**Карасёв
Анатолий Николаевич**

Родился 14 мая 1950 года в д. Пестово Мишкинского района. Окончил режиссёрское отделение Челябинского колледжа культуры и с тех пор начал писать сценарии и постановки. Затем окончил РАНХиГС г. Екатеринбурга. Автор поэтического сборника «Каравеллы судьбы». Стихи публиковались в журналах «Огни Зауралья» и «Тобол». Лауреат и дипломант ряда международных и региональных литературно-художественных конкурсов. Член Курганского отделения Российского союза профессиональных литераторов. Живёт в р. п. Мишкино.

Смеётся вьюга за окном

Смеётся вьюга за окном,
поёт и пляшет.
Как белый лебедь, дым из труб
крылами машет.

Кружит позёмка вдоль дорог,
то вьётся змейкой,
И сосны выстроились в ряд,
в одну линейку.

Надели сказочный наряд,
ждут приглашенье –
Пойти на праздничный парад
иль новоселье.

И будто марши в проводах
играет ветер.

И злым становится мороз
уже под вечер.

Смеётся вьюга за окном,
подолом машет,
А на дороге снежный вихрь
вприсядку пляшет.

За ним весёлый хоровод
ведут снежинки,
Встречают звоном новый год
сосульки, льдинки.

Конца и края не видать, –
вот представленья!
Зимы проделки – благодать,
на удивленья.

Пусть пляшет вьюга за окном:
по всем приметам,
Чем холодней стоит зима,
тем жарче летом.

Улетело лето

С журавлиным клином
улетело лето.

Может, заплуталось
в паутинке где-то.

В золотом убранстве –
осень на пороге.

Я спешу за летом,
я уже в дороге.

Я кручу баранку,
еду на машине.
Догони попробуй, –
лета нет в помине.

Лето растворилось,
будто не бывало.
Соловьями пело,
а потом пропало.

Я готов за летом
мчаться на край света:
Золотая осень,
а милее – лето!

Осенняя пора

Последняя листва с деревьев опадает,
Ногами люди мнут осеннюю красу,
А осень стаи птиц в дорогу провожает,
И эхо, как в горах, разносится в лесу.

И солнце по утрам сонливо и лениво
Идёт на небосвод с восточной стороны.
Не тот уже запал, не то уже огниво,
Не все уже цветы к нему обращены.

Бесшумною змейей по руслу извиваясь,
Крадётся по реке белёсовый туман.
И в дальний путь уходит, удаляясь,
Гусей крикливых серый караван.

И вот уже октябрь дождём в окно стучится,
Стеной стоит камыш наперекор ветрам, –
И только от дождя приходится клониться,
Раскинув плети рук по ржавым берегам.

Муратов
Виктор Александрович

В 1970–80-е гг. активно участвовал в жизни литературного объединения «Истоки» на Курганском машиностроительном заводе, был победителем поэтического турнира, организованного областной молодёжной газетой «Молодой ленинец», членом литературного объединения «Юность». Печатался в заводской многотиражной газете «Машиностроитель», журналах «Сибирский край», «Бизнес-таймер», «Сады Зауралья». В настоящее время – участник литературного клуба «Поэтическая горница» и автор двух поэтических сборников. Живёт в Кургане. В «Тоболе» публикуется впервые.

Быть счастливым

Где научиться быть счастливым,
Чтоб близко к сердцу принимать
И жаркий день, и день дождливый,
И всё на свете понимать?

Идти, любить, платить добром,
Не зная меры и предела.
За первый снег, за первый гром,
За песню, что весна пропела.

Ждать долгожданного письма.
Устать и, не коснувшись стула,
Смотреть, как синяя истома
Реки задумчивой уснула.

Вспоминаю тебя

Был фонарь и ночная улица,
Утлый зонт, с пелеринкой плащ,
Старый клён на ветру сутился,
Синий плащ был, как сон, манящ.

Нам под чёрной японской крышею
Было радостно и светло.
Вспоминаю тебя, любившую
Улыбаться всему назло.

Было утро безмолвно серым,
Только ветер швырял дождём.
До сих пор мы во что-то верим,
До сих пор мы чего-то ждём.

Усталый день

Меркнет день усталый,
Дождика вуаль.
В каждой капле малой –
Скрытая печаль.

Вечер чёрной краской
Мажет тополя,
И под звёздной маской
Прячется земля.

На асфальте тени,
Мокрые следы.
Да не знает лени
Тихий шум воды.

Завтра лужи взвесим,
Рано поутру,
Как бельё развесим
Сохнуть на ветру.

Просил тебя я

Ни радости, ни грусти, ни печали
Не находил я в сумраке ночном,
Когда твои слова легко звучали
О чём-то умном, скучном и чужом.

А время шло, казалось, мир реален,
Но ты любила только миражи,
И я бродил один среди развалин,
Попробуй их как кубики сложи.

Я жил минутой. Жизнь необъяснима,
Как горсть золы, как небо или свет.
Просил тебя я: «Стань моей любимой!»
Ты усмехнулась и сказала – нет!

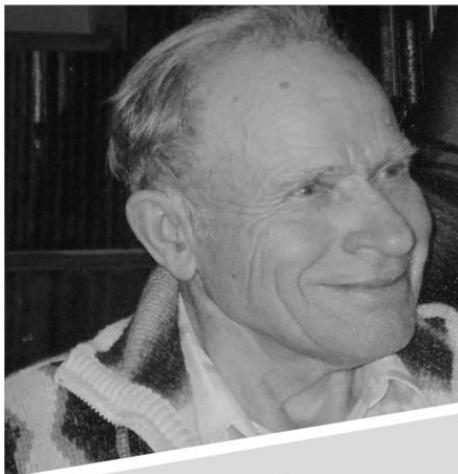
«Не уходи, вернись, начнём сначала!» –
Кричать хотелось громко, что есть сил.
Хочу, чтоб близкой и любимой стала,
Я никого ещё об этом не просил.

Но что́ слова, – они ведь не преграда.
Не оглянувшись, ты уйти смогла.
Кричать «вернись!» теперь уже не надо.
Глухая ночь над городом легла.

* * *

Полная душевной простоты
Любовь воспоминанием живёт.
Спокойная, войдя без суеты,
Такую даже память не сотрёт.

И – прошлое не в силах зачеркнуть –
Старается, вызванивая зря,
Ужасный этот мир перевернуть,
О чём-то вдохновенно говоря.

**Степанов
Иван Павлович**

Родился 9 декабря 1932 г. в с. Мальцево Свердловской области. В Курган переехал в 1948 г. После окончания средней школы служил в армии. Окончил Уральский политехнический институт по специальности «инженер-механик».

25 лет отработал в органах МВД. Стихи начал писать с 2000 г. С 2003 – активный участник клуба «Поэтическая горница» при городском отделе культуры. Автор четырёх поэтических сборников, в том числе книги «Рассветы и закаты в судьбе». В «Тоболе» публикуется впервые.

Сердце в плену одиночества

Тебе порой так грустно, одиноко, –
Судьба не сберегла твою любовь.
Мы знаем, что бывает жизнь жестока, –
Прошу судьбу:

«Верни ей счастье вновь»...

Я, может быть, – спаситель твой
и счастье,
К единой цели – лишь к тебе – спешу;
В игре с Судьбой чтоб карты –
нужной масти,
Поверь ты мне, я об одном прошу.

Так не хочу, чтоб были мы в разлуке,
Не видеть добрые глаза твои!..
Меня коснутся нежно твои руки,
Я с лаской протяну тебе свои.

Услышь меня, не дай пропасть надежде,
Единственная женщина моя;
Зажгись костром, как в молодости
прежде,

Чтоб засияла женственность твоя!

Лишь только позови, и я – не скрою –
По первому звонку приду к тебе;
Прогоним одиночество, я успокою,
Оставлю свежий след в твоей судьбе.

Так сделай шаг – хоть небольшой! –
навстречу,

Взгляни в глаза мне, как себе поверь...
Чтоб навсегда пришла, а не на вечер,
Лишь для тебя держу открытой дверь.

В Россию я корнями врос

Так радует меня земля родная!
Здесь запах леса, трав и яблонь цвет,
Волнует русская любовь земная,
Как будто без неё мне жизни нет.

Моей России не объять просторы,
В ней ширь полей, лесов, богатство рек.
Идёт по рекам лес – плотов заторы,
И всюду свой трудяга – человек.

Богат Восток, богат холодный Север,
Ещё – Кубань, Сибирь, седой Урал...
А наш простой неприхотливый клевер
Дороже, чем любой чужой коралл.

Мы помним то, как в боевые годы
Нёс наш боец победный красный флаг
(А наш солдат гранитной был породы),
И флаг он смело поднял на рейхстаг.

Я помню, как трудились дни и ночи,
Чтоб вновь свою страну с колен поднять.
И не давали мы её порочить –
Любили, как заботливую мать.

Страна моя! Дружьям всегда ты рада
И я – твой сын – тебя храню, люблю;
Твои успехи – для меня награда,
Ты в космос трассу строила свою.

Люблю Россию – Родину святую,
Её весну, и лето, и мороз.
Да повторяю истину простую:
В Россию я корнями врос!

Трагедия без оптимизма

**Леончук
Сергей Львович**

Родился в г. Кургане. Школу окончил в селе Сумки Половинского района. Много лет работает психиатром. Литературной деятельностью начал заниматься в 2010 г. Публиковался в литературных журналах «Тобол», «Урал», «День и ночь», «Подъём», «Искатель». В 2019 г. в г. Кургане издал сборник рассказов «Сгусток энергии». В рассказах раскрывает характеры людей, проблемы их взаимодействия, поведения.

Лидия Сергеевна тяжело шла из школы. Она стала уставать от школьного шума и детской возни. Да и то верно – годы! Уже почти тридцать лет она работала в школе учителем английского языка.

Лидия Сергеевна жила одна: муж у неё рано умер, а дочь вышла замуж и уехала жить в столицу. Идя домой, она размышляла о непрестижности работы учителя: «Работаешь, а кто оценит! Дети не оценят по причине детского возраста, а взрослые считают работу учителя побочной, не приносящей сиюминутной выгоды. Государство ценит только свой аппарат!»

Неожиданно у её ног грохнула пустая пивная банка. За углом дома послышались весёлые голоса подвыпивших подростков. Они агрессивно вышли из-за угла, держа в руках банки с пивом.

В одном из подростков она узнала Семёнова, ученика её класса. Подростки часто жестоки к пожилым людям. Видя их беззащитность, они начинают преследовать их, как молодые волки преследуют старого вожака, претендуя на его место. Семёнов ненавидел англий-

ский язык и отказывался учить уроки. В ответ она ему ставила колы и двойки, а однажды пригрозила, что оставит на второй год.

Компания весело бранилась и призывала Семёнова на подвиги:

– Скажи ей что-нибудь! – кричали они. – Не будь трусом!

– Английская сука! – нетрезво сказал Семёнов, запальчиво глядя в лица друзей.

Лидия Сергеевна заторопилась домой. Вслед ей неслись оскорбительные возгласы. Вторая пустая пивная банка с грохотом прокатилась у её ног...

В школу неоднократно приходил отец Семёнова – успевающий бизнесмен, а по виду – бандит с большой дороги. Он требовал у Лидии Сергеевны снисхождения в учёбе для сына и даже предлагал деньги.

– Зачем Павлику английский язык? Русский мат ему больше пригодится! – Он громко хохотнул. – В России без мата ни один вопрос не решается! Однако в каком нищенском наряде вы ходите!.. – Он издевательски осмотрел учительницу и захлопал глазами. – Государство не ценит ваш труд!

На другой день Лидию Сергеевну вызвал к себе директор школы.

– Семёнов-отец выделяет деньги на ремонт школы! Поставьте его сыну четвёрку за полугодие! – скороговоркой сказал он.

– Семёнов ничего не знает! В классном журнале по английскому у него одни двойки!

– Он сидит на ваших занятиях? – Иван Васильевич недовольно нахмурился.
– Сидит, куда ему деться!
– Тогда почему вы считаете, что он ничего не знает? Может быть, ваши занятия отстают от жизни?

– Одного сидения на уроке мало, нужно работать! – возмутилась Лидия Сергеевна. – Он же не курица-несушка!

– Нужно детям прививать любовь к своему предмету! – директор сделал пометку в календаре, после чего налил себе в чашку кофе.

Лидия Сергеевна ждала.

– Да, дети трудные! Но и время сейчас другое! – неожиданно согласился Иван Васильевич. – Работа учителя во все времена требовала терпения и нервов! – Он надел очки, лицо его сразу стало холодным и официальным. – Вам ещё далеко до пенсии?..

– Вы меня гоните?

– Вам не хватает гибкости! Ну не будет Семёнов знать английский язык, – что из этого? Я его тоже не знаю! – добавил он. – Думаете, губернатор его знает?.. У него целый штат переводчиков!

– Зачем знать географию, если ямщик и так довезёт! Мы уже это проходили! – Лидия Сергеевна, смеясь, достала носовой платок. – Английский язык – это международный язык! Много специальной литературы – на английском языке! Растёт число зарубежных связей и поездок за рубеж! Кроме того, это язык божественного Вильяма Шекспира!

– Лидия Сергеевна, опуститесь с неба на землю! Учёба – дело добровольное, и не каждому даётся! Получит Семёнов двойку или четвёрку – это, по большому счёту, волнует только его родителей! А там жизнь всё расставит по своим местам!

– Неужели деньги на ремонт школы важнее, чем честность учителя? Чему может научить учитель, если он потеряет своё лицо?

– Для меня ремонт школы гораздо важнее, чем успех или неуспех отдельного ученика! Эффективность учебного процесса напрямую зависит от ремонта! Да-да, от ремонта! – предвидя возражения, сморщился директор.

Семёнов сидел на последней парте и строил рожи. Лидии Сергеевне показалось, что он и ей соорудил рожу. В классе шушукались и смеялись. Она пригласила Семёнова к доске.

– Ты сделал домашнее задание? – спросила она его по-английски. – Напиши его на доске!

Семёнов за её спиной продолжал кривляться.

– Ты сделал домашнее задание? – уже по-русски повторила Лидия Сергеевна.

– Пардон, мадам. Мне ближе французский! – Семёнов скривил толстое веснушчатое лицо. Класс задыхался от хохота.

– Двойка! – объявила ему Лидия Сергеевна, занеся оценку в журнал.

Ночь Лидия Сергеевна провела беспокойно – снились Семёновы. Казалось, они поймали её в ночной подворотне и стали убивать... «Тебе же говорили, – роптали они, – нам не нужен английский язык!..» По улице нёсся их дьявольский хохот...

Лидия Сергеевна проснулась и больше не спала. Она подошла к шкафу – пальто было таким же старым, как и она сама. Всю свою зарплату она высылала дочери!

Утром она написала директору школы докладную о безобразном поведении Семёнова на уроках. Записка гласила, что ученик не учится, срывает её уроки, превращая их в фарс! Лидия Сергеевна требовала исключить Семёнова из школы!

– У вас не сложились рабочие отношения с учеником! – хмуро объявил ей Иван Васильевич. – Это большой минус в вашей работе! Мы ругаем детей, что они плохо учатся, – но всегда ли дети виноваты? В учебном процессе, как известно, участвуют две стороны! Где вы вообще найдёте идеального ученика? Дети – они и есть дети! Если у учителя нет авторитета в классе, то это только его вина! – продолжил он. – Учитель должен быть тонким психологом, воспитателем и, если хотите, родителем ребёнка!

– Семёнов на улице грубо выругался и бросил в меня пивную банку!

– Вас послушаешь – кругом одни Семёновы! Школа за улицу не отвечает! Улицей занимаются родители и полиция. А отказываться от ученика и признаваться в своём бессилии – это верх непрофессионализма! – Директорпил кофе. – Кстати, я поинтересовался – вы снова поставили Семёнову двойку? Семёнов-старший жалуетса на вас!

– Я физически не могу поставить ученику хорошую отметку, если вижу, что он ничего не знает! – Лидия Сергеевна откинулась на спинку стула.

– Видимо, вам пора уходить! – Иван Васильевич сморщился. – Годы есть годы! Не зря говорят, что они давят!

Лидия Сергеевна вышла на пенсию, но сидеть дома без дела не могла! Бывшие коллеги пригласили её торговать, да не умела она обсчитывать и обвешивать людей. Устроилась лифтёром в многоэтажный дом. Новый высотный дом находился в самом центре города, квартиры в нём были дорогие, с большими комнатами, коридорами и лоджиями. Вокруг дома возвышалась чугунная ограда с воротами и замками против чужаков. Внутренняя территория была заботливо озеленена деревьями, кустарником и цветочными клумбами. Престижные джипы парковались на заднем дворе. Администрация города построила элитный дом для себя. Случайный человек сюда зайти не мог.

– Знание английского языка на новой работе вам пригодится! – сказал ей управдом. – Люди здесь культурные и знают иностранные языки.

– Я уже заметила, что они ходят в американских джинсах, жуют жвачку, пьют кока-колу и читают журнал «Плейбой»!

– Вот-вот, – согласился управдом.

«Откуда у жильцов столько денег? – подумала Лидия Сергеевна. – Честным трудом такую квартиру не купишь! Не зря же они отгородились от людей!»

Неожиданно в дверях она столкнулась с входящими в дом Семёновыми. Они оторопели, затем старший Семёнов расплылся в царской улыбке и довольно хохотнул:

– Похоже, здесь ваше настоящее место! Будете нам... лифт подавать! А у Павлика по английскому – «отлично»! – добавил он. – Не боги горшки обжигают!

На шее у обоих Семёновых висели золотые цепочки с Иисусом Христом, распятым на кресте.

– Мы православные! – заметил Семёнов-старший. – Ходим в церковь!

С пакетами, полными дорогих заморских продуктов, они зашли в лифт. «Бояре! – вздрогнула Лидия Сергеевна. – Без чести и совести!.. Найдётся и на вас Иван Грозный!»

Работа лифтьером унижала Лидию Сергеевну. Жильцы смотрели на неё как на прислугу. Слуга не может быть равен хозяину! Иногда они давали ей чаевые. Дальновидные же люди видели в ней оппозицию, угрозу своему успеху, власти и большим деньгам. «Кто эти люди, что построили государство в государстве, коммунизм в отдельно взятом доме?» – стыдливо суетилась перед ними Лидия Сергеевна: не такой видела она свою старость! – «Служить бы рада – прислуживаться тошно!»

Но случился пожар. Дом загорелся, как нефтяной факел! Приехавшие пожарные не смогли заехать во двор – мешали чугунная ограда, замки, машины. Толпы зевак стояли вокруг. В действиях жильцов была паника, в расширенных глазах стоял ужас. Они зывали к солидарности и помощи окружающих, но все только разводило руками. Даже пожарные словно забыли про свой долг!

– Ещё наворуют! – раздался голос из толпы.

...Лидия Сергеевна усталой походкой шла домой. Она снова осталась без работы! Но лицо её светилось неожиданным счастьем, будто она вновь обрела свою значимость и стала хозяйкой большой жизни!

Вредный эксперимент

**Олков
Сергей Леонидович**

Родился в 1957 году в Кургане. Окончил Дальневосточное высшее инженерное морское училище им. адмирала Г. И. Невельского по специальности «судовой электромеханик». Работал мастером на Славянском судоремонтном заводе, с 1982 года – старшим электромехаником тяговой подстанции в Кургане на Южно-Уральской железной дороге. Автор пяти книг прозы. Лауреат сайта «Свой вариант» за лучшую публикацию 2022 года, лауреат конкурса «Уральский книгоход» и конкурса фантастики «Великое кольцо» Питерского журнала «Мост».

В жизни нередко встречаются люди, которые считают лишним обращаться к опыту других людей и предпочитают участие в жизненных экспериментах на себе, изучению чужого опыта как своих современников, так и предшествующих поколений, не представляя последствий подобных экспериментов и их цены для своих нервов, кошелька и здоровья.

Не то чтобы Виктор относился к подобному типу Фомы Неверующего, но к плюсам его никак нельзя было отнести тот факт, что, начиная любое дело, он не имел привычки интересоваться опытом других людей – словно его и не существовало, этого опыта, – и поэтому частенько чувствовал себя первопроходцем в любых проблемах. Конечно же, это был его недостаток, о наличии которого он не подозревал, и не будь которого, Виктор в жизни мог бы избежать многих, многих ситуаций, когда сам выступал в роли подопытного кролика, не имеющего ни малейшего представления о том, что очередную свою проблему превратил в эксперимент над самим собой.

Один из таких «экспериментов» имел место в его жизни в те годы, когда он был отцом двух малолетних сынишек, и они с женой только мечтали о дочке. По стране шагали восьмидесятые годы, напол-

ненные со всех сторон шумом о борьбе с каким-то застоём, с застолями, разогретыми призывами к перестройке. Страна строила планы, люди окрылялись надеждами, и на фоне этого позитива Виктор с женой тоже строили планы расширения жизненных горизонтов и увеличения жилплощади. В воздухе кружил живительный ветер перемен и улучшения всего, что можно улучшить. Все эти приметы времени были лишь фоном, на котором развивались события жизни Виктора, втянувшие его в режим очередного эксперимента над собой, а не причиной, побудившей его к этому эксперименту, – и получилось всё как-то естественно, само собой. Наверное, если бы Виктор заранее всё разузнал, выяснил, что там и как, – всё могло бы получиться у него легче, проще и душевно безболезненней. Но этот случай тогда бы не попадал под категорию «эксперимента», и это была бы совсем другая история, менее интересная и поучительная...

Лето подходило к концу – и, как всегда, в эту пору дни Виктора были заполнены до отказа делами на работе, заботами по дому, хлопотами на огороде, каждодневной радостной вознёй с сынишками Димкой и Илюшкой. Летние месяцы, так уж повелось, казались Виктору одним полярным летним днём, утро в котором наступало весной, а вечер приходил осенью, чтобы привести за собой сплошную зимнюю ночь. Уж больно быстро оно пролетало, лето. Заботы семейного человека нравились Виктору, и он не любил прятаться от них

на рыбалках, как это делали его друзья, поэтому рыбалки для него стали праздничной редкостью с окончанием его холостяцкой жизни. Происходило это не потому, что его не отпускала жена, – отнюдь: он сам не позволял себе этого, окунаясь в хозяйственные дела и семейные заботы. Но любовь к рыбалке никуда от этого не пропала – она терпеливо ждала своего часа, и Виктóру всё же иногда удавалось выкроить такой час. Если на неделе он успевал сделать дела, запланированные на выходные, тогда Виктóр с лёгким сердцем позволял себе рыбалку, оправдываясь перед самим собой кучей выполненных дел.

В тот выходной он вообще мог гордиться собой: пока жена с ребятишками устроили сончас, он успел выкопать картошку на огороде, да ещё накопил червей, предвкушая вечернюю рыбалку. К своим тридцати годам Виктóр признавал из всех видов транспорта только велосипед – и не только признавал, но с детства любил, не интересуясь всякими там мопедами, мотоциклами и прочей техникой с колёсами. Виктóр был в том возрасте, когда душа стремилась всё объять, руки стремились всё обнять, организм не боялся трудностей, а ноги – презирали километры, тем более что были вооружены велосипедом. В общем, весь этот букет его возможностей в любой момент был готов служить исполнению желаний хозяина. Поэтому Виктóру некогда было сидеть на месте. Он привязал удочки к велосипеду, рюкзак с банкой червей – на плечи, садок для рыбы – на багажник, и... только спицы в колёсах радостно зашуркали на солнце, сливаясь на скорости в одно сплошное яркое пятно!

Каких-то жалких (как считал Виктóр) пятнадцать километров до заветного берега реки велосипед лихо намотал на колёса, подгоняемый ногами нетерпеливого ездока. К слову сказать, Виктóр впервые поехал туда на велосипеде. Обычно он ездил на это клёвое место с соседом на его мотоцикле, и та быстрица, с которой они добирались, надоумила Виктóра так смело и бесшабашно отправиться в путь на велосипеде – что, собственно, и явилось впоследствии толчком к последующему «эксперименту».

Добравшись до рыбалки, Виктóр с радостью убедился, что ничего не забыл: ни удочек, ни червей, ни крючков запасных, даже садок для рыбы не был забыт (хотя для себя он давно заметил, что если забывал садок – рыба всегда ловилась охотней, и видел в этом проявление одного из многих законов подлости). Но в тот раз Виктóр забыл другое: впопыхах радостных сборов он забыл пообедать, мысленно убежав вперёд велосипеда туда, на своё рыбацкое место.

Ему пришлось вспомнить об этом на обратном пути домой, когда перед закатом клёв прекратился, и он отправился в обратный путь. Стемнело очень быстро, а с темнотой воздух резко похолодал. Виктóр крутил педали, но чувствовал, что силы совсем покинули его, и ему пришлось невольно вспомнить, что он успел лишь позавтракать с утра, после чего выкопал поле картошки и ринулся на рыбалку – очень уж хотелось всё успеть! Успеть-то он успел, но сейчас сил радоваться этому не было. Стояла кромешная тьма, чёрный бархат неба по-осеннему густо был усеян яркими звёздами, которые и не собирались освещать ни землю людям, ни дорогу Виктóру, чтобы он мог хоть как-то разглядеть её. Он просто знал, что едет по асфальту, но самой дороги не различал под колёсами. Руки его цепенели от напряжения и холода, он их не чувствовал; ноги налились свинцом, словно к ним были привязаны гири, и он с трудом крутил педали. Казалось, что велосипед стоит на месте. В голове шумело, он чувствовал, что обливается холодным потом. Виктóр даже куртку с собой не взял, и теперь рубашка прилипла к телу, пронизывая ледяным холодом, вместо того, чтобы согреть. Невыносимо хотелось пить, во рту пересохло, и ему казалось, что он не в состоянии разжать губы, слипшиеся от жажды. Такого набора невыносимостей Виктóр ещё не испытывал – достаточно

было бы и одной из них, чтобы впоследствии, вспоминая, зауважать себя, выжившего, а тут – всё и сразу!.. Он ехал и ехал, но ему казалось, что велосипед стоит на месте; ко всему прочему, начала кружиться голова, и он вспомнил, что когда-то слышал про голодные обмороки во время войны, но не знал их симптомов, посчитав головокружение за один из них. Так плохо ему не было никогда: внутри пылала огнём невыносимая жажда, а снаружи – тело, мокрое от пота, пронизывал ночной холод. Только он тупо крутил и крутил педали.

Для него явилось откровенным чудом то, что он доехал до дома. Сколько было времени – он не знал. Виктор, как заржавевший Железный Дровосек, кое-как сполз с велосипеда – и ноги его не чувствовали земли, а он не чувствовал ног. Перед глазами ночной мрак качался из стороны в сторону. Шатаясь, Виктор доковылял от калитки до порога дома, с трудом толкнул дверь и протолкнулся внутрь. В темноте комнаты он нашёл привычно выключатель и рухнул на диван, весь мокрый, дрожа от холода; по лицу бежал пот. Из спальни на шум вышла в халате заспанная жена.

– Маша, – прошептал он, мотая головой, словно выталкивая из себя слова. – Чай... Принеси горячий чай...

Она кинулась к нему, стянула с него ненавистную мокрую рубаху, укутала одеялом и сверху – пледом, метнулась на кухню греть чай.

– Маша, воды... Пить... – снова прошептал он.

Жена прибежала с кружкой воды. Виктор приподнялся и попытался открыть рот – но челюсти с трудом разжимались, словно заржавевшие за сто лет крепостные ворота. Он пытался влить в рот воду из кружки, но вода почему-то текла мимо – вниз, на грудь. Кое-как он сделал глоток, и вода твёрдым комком протолкнулась внутрь, проникая в слипшиеся внутренности.

Время до первого глотка горячего чая показалось вечностью. Никогда он ещё не чувствовал себя так плохо в своём собственном теле. После первых глотков чая огонь жажды поутих, и стала накатывать тошнота – то ли от голода, то ли от головокружения. Виктор знал, что головокружение бывает при сотрясении мозга, а в его случае было, похоже, сотрясение всего организма, всех его уголков, взбунтовавшихся от голода.

– Маша, поесть бы, – прошептал он. Но при мысли о еде новой волной накатила тошнота. Жена разогрела суп, и ему удалось проглотить несколько ложек бульона. Виктор откинулся на подушку.

– Похоже, чего-то я сегодня не рассчитал в своих планах или силах, коль организм мой так взбунтовался... – вслух признался он сам себе, и речь его сливалась в несвязное бормотание, глаза уже спали, а с языка успели выпорхнуть последние искорки мыслей.

– ...Да, Маша, а велосипед-то – это не машина, нет, – уже шёпотом закончил он и вслед за глазами погрузился в сон.

(Как показали дальнейшие события, слова эти сыграли роль указателя, направившего мысли Виктора напрямик в сторону того «эксперимента», куда он сам себя и загнал, в очередной раз даже не заметив этого.)

Утром была обычная жизнь обычного понедельника. Молодой организм за ночь восстановил силы, и Виктор, позавтракав, убежал на работу как ни в чём не бывало. Вечером он пришёл после работы домой с уже созревшим решением, которым поделился с женой.

– Знаешь, Маша, – начал он, уплетая ужин. – Я вчера убедился, что велосипед – это не транспорт, а так – баловство: далеко не уедешь. Надо машину покупать.

До сих пор разговоры друзей про автомобили оставляли его равнодушным, и он не интересовался вопросами на любую тему, связанную с ними. Но с того момента мысли его начали работать в одном направлении в унисон с его действиями, и его несколько не смущало то, что направлены они были в сторону «белого пятна», каковым являлся для него мир автомобилей. Мыслил он плодотворно и действовал энергично.

Осенью он записался в очередь на «народный» автомобиль «Запорожец», выяснив у знающих людей, где и как это делается. Всю зиму собирал по друзьям и родне деньги на машину, а весной пошёл учиться на права в автошколе. Он был полон решимости и начал в марте ходить на курсы по вечерам, три раза в неделю. Он даже представить себе не мог всю опрометчивость своего шага в сторону автошколы, наивно уверенный в том, что автошкола учит таких «чайников», как он, вождению автомобиля. Никто не отговорил его от затеи пойти в автошколу с таким запасом знаний, каким обладал он как будущий автовладелец...

Проблема, которой он не замечал, была в том, что знаний автодела у него был твёрдый ноль. Виктор знал, что автомобиль имеет четыре колеса, руль, мотор, а количеством педалей в автомобиле он как-то никогда не интересовался, поэтому вынужден был сразу столкнуться с загадкой: зачем машине три педали, если ног всего две?

Виктор не имел никакого опыта вождения автомобиля, поэтому и не имел никакого страха перед тем «экспериментом», в который так легкомысленно себя сунул. Своей вины перед собой впоследствии он не признавал, напоровшись, как мыльный пузырь радужных надежд, на колючую реальность автошколы, оправдываясь в дальнейшем перед самим собой тем, что его никто не предупредил о необходимом условии успешного получения водительских прав, которое заключалось всего лишь в умении водить машину.

На курсах набрали группу в двадцать пять человек, и Виктор с радостью увидел там знакомое лицо такого же молодого папаша, с которым они водили детей в одну группу детсада и оказались за одним столом. Звали его Коля Погорелый (не по причине пожара, а просто фамилия у него была такая редкая). Коля, в отличие от Виктора, в своё время не утруждал себя никакими институтами, после армии вкалывая стропалём на заводе ЖБИ. Это позволило ему накопить на «Москвич-412» – продвинутый по тем временам автомобиль, о чём Виктор и мечтать не мог, как не мог бы представить в руках кучу денег за такое авто.

На первом же занятии в группе первым был вопрос: «Кто не умеет водить машину?» Виктор радостно поднял руку, с удивлением обнаружив, что всего таких рук поднялось три: одна принадлежала ему, а обладателями других оказались два старичка явно пенсионного возраста. Все остальные сидели в классе с таким видом, словно уже завтра были готовы получить права и покончить со всей этой тягомотиной, на которую Виктор собирался как на волнующий и приятный праздник.

Всей троице объявили, что до начала езды на машине их ждут занятия на автотренажёре, который стоял в коридоре и представлял из себя каркасный контур автомобиля без колёс, из тонких трубок, с водительским сиденьем внутри каркаса и торчащим рулём перед этим сиденьем. (Позже Виктор узнал и о невидимых снаружи педалях, ставших для него неодолимой Голгофой.)

После этого группу разбили на две части – для вождения на «Жигулях» и на «Москвиче». Виктор охотно записался вместе с Колей на «Москвич», не видя для себя никакой разницы между этими «белыми пятнами» и радуясь словам Коли о том, что скорости у «Москвича» переключаются как у «За-

порожца». Ещё Виктор был рад тому, что группе откровенно повезло с преподавателем по правилам дорожного движения. ПДД им читал бывший преподаватель военного училища, который, похоже, тосковал по своей работе и выкладывался на занятиях с удовольствием. От буквы до буквы рассказывал он очередной раздел правил, словно препарировал на операционном столе каждую главу; разжёвывал слушателям каждую букву и следил при этом, чтобы все они достигли торчащих перед ним ушей, и переварились там, где им положено перевариваться.

Понятно, что в таких условиях Виктор с жадностью впитывал в себя новую информацию и с лёгкостью всё запоминал на занятиях, не заглядывая в сами правила, а выучив всё на слух. После каждой темы были контрольные, и Виктор их с самого первого раза сдавал первым и раньше всех уходил с занятий. Коля Погорелый, более привыкший на работе к своим стропам и панелям ЖБИ, нежели к тетрадке и ручке, подолгу потел над контрольными и делал много ошибок. Но Виктор всё равно ему завидовал и считал настоящим шофёром, слушая его рассказы о том, как он гонял на разных машинах.

На переменках, когда все уходили курить, Виктор со старичками осаждали тренажёр, по очереди забираясь в этот скелет автомобиля. Для Виктора это были первые прикосновения к рулю, к педалям! Оказалось, что ему надо было научиться одновременно включать рычажок поворотника, нажимать на педали, да ещё переключать рукоятку скоростей, – и как же это было возможно, если все эти штуки находились в разных местах? Этого он никак понять не мог, и никакие ПДД помочь ему в этом не могли. Как можно было нажимать те чёртовы педали, если сначала надо было увидеть, где они там находятся?! Ноги его могли нажимать педали худо-бедно, но *видеть* эти педали никак не могли, – и Виктору приходилось каждый раз наклонять голову вниз в поисках глазами того, на что надо нажимать. Ладно хоть сердобольные из некурящих подсказывали – что надо делать, да и Коля временами подходил, показывал и советовал, хотя для него всё это было неинтересно, как если бы молодой мамаше вместо ребёнка предложили нянчиться с куклой.

Виктор сидел в тренажёре и видел перед собой экран с изображением дороги, которая поворачивала при повороте руля и ускорялась при нажатии на педаль газа. Но Виктору было не до экрана: дай бог с педалями разобраться! Прежде чем нажать на нужную педаль, он машинально искал педаль глазами, потом нажимал её, переключал скорость, – но забывал про педаль газа, и тренажёр глох как настоящая машина, молчаливым видом выказывая презрение к «чайнику», место которому не в приличном тренёжере, а на кухне, среди стаканов для чая. Приходилось заводить тренажёр снова, и снова ему было некогда смотреть на экран в поисках педалей. Головой Виктор понимал, что во всех этих операциях нет ничего сложного – и обезьяну можно научить жать педали, – но тело его было далеко от способностей такой обезьяны и не понимало, *что* от него требует многострадальный тренажёр.

Много вечеров Виктор промучился на тренажёре, пытаясь научиться исшать педали ногами, а не глазами, – только ноги редко попадали на нужную педаль с первой попытки. Занятия тем временем шли своим чередом, и успехи Виктора на контрольных казались фиговым листком на теле его тренажёрных неудач.

После изучения дорожных знаков началась учебная езда по городу. Однажды вечером в класс вошёл низкорослый мужичок без признаков высшего образования во взгляде, но в полном расцвете шофёрских манер и особой, шофёрской, кепке. Ни больничный халат, ни скафандр космонавта, ни фрак лондонского денди не смогли бы скрыть от постороннего взгляда этих шофёр-

ских манер, приобретённых многолетним родством с Его Величеством Автомобилем.

На вошедшем была потёртая кожаная куртка, лицо украшали добродушные усы. (Потом Виктор не мог взять в толк – почему они показались ему такими в тот, первый, вечер.) Помахивая ключами, он представился инструктором по вождению с «Москвича» и предложил желающим начать курс вождения. В дальнейшем Виктор точно помнил, что у него не было ни малейшего желания уйти с этим бравым дядькой, – но чёрт в лице Коли Погорелого шепнул ему сбоку:

– Чего ты сидишь, иди покатайся! Мне-то что: я и так умею! Иди! Вас ведь на автодром повезут сначала, – авторитетно закончил он.

Виктора подкупила лёгкость, с какой были сказаны слова: будто ему предлагали семечек погрызть. Подумаешь – на машине покататься! Неожиданно для себя он поднял руку.

Инструктор взял ещё двоих парней и увёл их с занятий. Сначала ехал один парень, потом – другой, всё было буднично и просто: инструктор почти не вмешивался в их действия и только указывал направление, и всё у них получалось!

Виктору надо было ехать обратно в автошколу, к центру. Он надеялся, что сначала им дадут прокатиться где-нибудь на автодроме или в поле, и никак не ожидал такого поворота событий. *Ему – ехать – по дороге?! Среди всех этих машин?! На настоящей машине, не прикрученной к полу?! Он не находил слов, контуженный, словно «Москвич» был коброй, а сам он – кроликом, прыгающим в пасть этой змеи.*

Виктор сел на водительское место. Впереди у него был не экран тренажёра, а забитая машинами всех мастей дорога. Преступлением казалось уже одно то, что его пустили за руль, – вопросом оставался только масштаб последствий, которые не заставят себя ждать...

В шуме проезжавших мимо моторов он слышал звериный рык стада хищников, что приветствовали в его лице лёгкую и глупую добычу. На тренажёре он успел усвоить главное: смотреть всегда вперёд и не опускать голову вниз. Кое-что он уже знал, садясь за руль. Мотор работал. Виктор, как на тренажёре, старательно глядя вперёд, нащупал левой ногой педаль сцепления, нажал её, переключил рычаг скоростей – так же, как делали до него парни – и правой ногой нажал педаль газа.

Обычно на этом тренажёр у него поспешно глох, и Виктор надеялся, что тем всё и закончится, но – о чудо! – «Москвич» вздрогнул и вдруг поехал, совсем не оставив Виктору времени оглядеться на проезжавшие машины (про которые тот напрочь забыл, занятый своей попыткой тронуться с места и абсолютно не готовый к тому, что «Москвич» *возьмёт и поедет*).

Подумать он ничего не успел, потому что справа раздался дикий вопль обладателя добродушных усов:

– По-во-рот-ни-и-ик!!! Вклю-чи по-во-рот-ник!!!..

Крик инструктора сложился в неожиданно длинную речь, в которой обучающую информацию содержали всего два слова, а все остальные оказались пышным букетом, которым шофёрский бог украшает язык любого своего подопечного в шофёрском кожане. Но для Виктора, которого на курсах ещё не успели приучить ни к ароматам этого словесного «букета», ни к его содержанию, шофёрская речь показалась не букетом, а дубиной, оглушившей его голову и сковавшей волю. Учебная терапия инструктора не пошла ему на пользу. Но профессионал не замечал ничего и продолжал орать:

– Вто-ру-ю!!! Включай вторую!!!..

В новой речи учебных слов было опять два, но букет шофёрских изречений неимоверно расцвёл – в отличие от ушей Виктора, беспомощно увядавших под шапкой. Единственное, чего теперь хотелось Виктору, так это оторвать, отвинтить, отпилить торчавшую сбоку ручку скоростей и запихать её в орущий справа рот под ненавистными усами. Ехать ему уже не хотелось.

Слова справа продолжали лететь. Теперь они больше напоминали потревоженный неуклюжестью Виктора пчелиный рой с той разницей, что ни один улей не смог бы вместить содержимого, летевшего в уши Виктора...

Парни сзади притихли, восхищённые виртуозностью речей. Наверное, они были благодарны Виктору за то, что обычная поездка для них стала поездкой в мир неизведанных слов, которых они не слышали бы никогда за свою семью, нешофёрскую жизнь.

Виктор нашарил правой рукой рычаг скоростей, изо всех сил стараясь не выдать своих истинных намерений. Впереди маячила широкая и высокая спина троллейбуса, равнодушная к его проблемам, и Виктор как мог старался держаться за этой спиной, продолжая ехать на первой передаче. Под колёсами был гололёд, сзади напирал грузовик, фары которого словно разглядывали через заднее стекло «Москвича» недотёпистого водителя; мелькали встречные машины, презиравшие гололёд; мельтешили пешеходы – всё это заставило Виктора напрочь забыть про тренажёрный запас навыков.

Троллейбус вдруг встал, и Виктор машинально даванул на тормоз левой ногой, не убрав правую с педали газа. Москвич громко заорал, подражая инструктору, споткнулся о тормоз – и мотор заглох, но в салоне от этого тише не стало.

– Газ!.. – раздавался рёв справа. – Убери... ногу... с газа!.. Сцепление!.

...Но было поздно – «Москвич» стоял, как тренажёр, только посреди дороги. Из сказанного инструктором Виктор при всём своём желании не смог бы воспроизвести на бумаге и сотой доли, опасаясь за бумагу, не привыкшую к таким горячим шофёрским словам...

Что было дальше – Виктор не помнил, потому что не хотел помнить ни сразу, ни потом, впоследствии. Он не помнил, кто ехал дальше, и где он вышел из машины, и как добрался до дому. Когда жена открыла ему дверь, увидев его, она ахнула:

– Витя, что случилось?! Кто умер?! На тебе лица нет!

– Ничего, – кратко успокоил он жену. – У нас сегодня вождение было.

В ушах стояли палочным боем крики инструктора, от которых горели уши и шумело в голове. Он чувствовал, что не хочет идти к зеркалу и смотреть, каким бывает лицо, когда на его месте ничего нет. Виктор просто боялся, что увидит в зеркале лицо инструктора, из-под усов которого изрыгается пламя «обучающей программы», выжигавшей его сознание.

Чем дальше шла учёба, тем лучше у Виктора были успехи в теории и хуже – на практике. Стоило только инструктору войти в класс, как Виктор отводил глаза в сторону и не мог заставить себя смотреть на источник инструкторского голоса. Виктор, на удивление, не умел скрывать свои чувства: они всегда были написаны у него на лице. И теперь он боялся, что инструктор сразу увидит на его лице жгучее желание запихать, вбить, заколотить кляп под эти шофёрские усы, связать их хозяина по рукам и ногам, сунуть в багажник «Москвича» и разогнать «Москвич» с самого высокого обрыва. Других средств для достижения гармонии в своём внутреннем мире, разбитом учебными «бомбёжками», Виктор просто не видел. Он чувствовал, как бессильная ненависть к ин-

структуру, к его пшеничным усам, к его замызганной кепке, считающейся шофёрским брендом, перекинулась и на «Москвич» как на эшафот, на котором инструктор в роли палача каждый раз умудрялся лишать Виктора желания радоваться жизни. Виктор не хотел, чтобы инструктор прочитал всё это в его взгляде, – и прятал глаза.

Учебные поездки превратились в мучения, и инструктор только удивлялся каждый раз:

– Странно!.. Чем дольше ты не едешь, тем у тебя... лучше получается... Как ты... едешь?!.. Да как... ты с женой-то... живёшь?!..

Этого Виктор окончательно не мог вытерпеть:

– Нормально живу! Она ведь меня не учит ездить на машине!

У него ещё хватало сил на юмор, хотя он с гораздо большим удовольствием орудовал бы дубиной, видя, что сквозь шофёрскую фуражку никакой юмор не проходит.

...Выскакивая после очередной поездки из «Москвича» в светлый и добрый мир, защищённый стёклами машины от безграничного произвола шофёрского языка и от побоев его ушей этим языком, Виктор чувствовал, что весь клоочет от сдерживаемой злости на этого учительствующего таракана, которого он обязан считать инструктором за то, что этот таракан знает много редких слов, вливаемых в него (Виктора), как в помойную яму, вместо того, чтобы реально учить его водить машину.

Виктор шёл домой и тихо ненавидел всё инструкторское племя, заодно ругая и того переводчика, что в давние годы перековеркал слова исторической фигуры, каковой являлся Уинстон Черчилль. Теперь Виктор был твёрдо убеждён, что было именно так, – что слова знаменитого англичанина безбожно переврали, а на самом деле он сказал: «Чем лучше я узнаю инструкторов по вождению, тем больше люблю собак».

«Наверное, – думал Виктор, наслаждаясь этой мыслью, – у этого переводчика в родне был инструктор по вождению – отец или брат. Вот он и выгородил родню перед историей», – Виктор злорадно усмехнулся.

В общем, ещё задолго до экзаменов Виктор успел понять, что никто его учить вождению не собирается, поскольку хоть в автошколе и не было такой вывески, зато был железобетонный принцип: «Обучение обучающихся – дело рук самих обучающихся». И ощущался он без всякой вывески – так же, как Виктор ощущал, что напрасно сунулся в стихию автошколы, не узнав заранее всей глубины проблем, скрывших его с ручками. Но было уже поздно. Эксперимент подходил к концу.

Наступил май, и пришла пора экзаменов. У всех в зачётках был добросовестно проставлен полный курс часов теории и практического вождения в объёме программы. Теорию, как и ожидалось, Виктор сдал с лёгкостью и удовольствием, – но это для него ровным счётом ничего не значило в ожидании вождения. На автодроме он с удивлением обнаружил, что таких «чайников», как он, в группе немало. Ученики один за другим заваливали вождение на автодроме и могли не мечтать об экзамене по городу. Он и предположить не мог, что зря жалел всех этих бедолаг, потому что ему пришлось ещё хуже...

Старенький «Москвич» не выдержал нагрузок и – выражаясь языком охотников – «крякнул» прямо на автодроме. Заглох – и больше не заводился, к ужасу всех, до кого не дошла очередь. Оставшимся предложили сдавать вождение на «Жигулях». Виктор понял, что это полный крах для него, худо-бедно привыкшего к внутренностям «Москвича». Откуда ему знать – что там, в «Жи-

гулях»?.. Он только краем уха слышал, что скорости у «Жигулей» переключаются по-другому, и смирился с провалом.

Перед ним вызвали сдавать с «Москвича» престарелого низкорослого горбуна – начальника охраны одного завода, такого коротышку в очках. Виктор искренне пожалел его, когда тот, сев в «Жигули», не смог даже выехать из «гаража» на автодром. Три раза пытался выехать бедняга начальник – и все три раза «Жигули» глохли, за что инспектор выпер коротышку из машины с неумолимой формулировкой: «Не сдал!». Виктор подошёл следующим к машине и видел, как мужичок растерянно смотрит на него из машины снизу вверх, вцепившись в руль, и бормочет:

– Как же так?.. Мы ведь на «Москвиче» учились! Как же это?!

Он отпустил руль, руки его тряслись. Что Виктор мог ему сказать? Что его самого скоро так же выпрут? В чудеса он уже не верил, – сам был в таком же положении.

Виктор сел в машину и почувствовал себя так, словно сидит где-то на чужом заборе в чужом пиджаке и чужих ботинках: всё вокруг мешало и было будто не на своём месте, непривычно. Руль какой-то большой, педали – маленькие. Он с чувством обречённости повернул ключ – и мотор завёлся, непривычно шелестя после шумного урчания «Москвича».

Виктор не мог понять, работает мотор или нет, с трудом различая его звуки. Будь что будет... Он выжал сцепление, включил передачу, дал газ – и машина тронулась из «гаража», она... *ПОЕХАЛА!* Что?! Неужели едет?! Видимо, она была «на подсосе», потому что он почти не давил на газ, а машина ехала, и ему ещё приходилось притормаживать. Одно его радовало: что справа не было инструктора и не приходилось ожидать очередной порции шофёрского лексикона.

Машина легко катила – легче, чем неповоротливый «Москвич», – и Виктор шустренько проехал «змейку», развернулся в «дворике», дальше – заехал на бугор, дальше – подъехал к гаражу – и задом заехал в гараж! Наверное, он проделал всё это не дыша, затаив дыхание, потому что, заглушив в «гараже» мотор, он сидел и жадно хватал ртом воздух, словно вынырнул с большой глубины...

Он продолжал сидеть и дышать, как вдруг услышал потусторонний голос с другой стороны машинного окна: «СДАЛ!» Он не сразу понял, что это про него, и, оглядываясь на всех, поднялся из машины. Вокруг кивали головами: «Да сдал, сдал!» – и похлопывали по плечу, а в машине уже сидел следующий испытуемый.

Виктор отошёл в сторону и никак не мог взять в толк, каким образом ему удалось пройти это испытание. Зато в городе после автодрома, на котором завалила экзамен добрая половина группы, чуда не случилось. Инспектор – он ведь не дурак: видит со стороны водителя. Он увидел неуверенное поведение Виктора за рулём и быстро поймал на ошибке, без лишних слов выпроводив прочь из машины и подальше от мечты о правах. Во второй раз Виктор и сам чувствовал, что не стал ездить лучше по сравнению с первым разом, и опять инспектор выгнал его. Вот тогда Виктор и почувствовал себя жертвой своего ненужного эксперимента, решив искать другой путь к правам водителя...

В современной жизни таким путём уже давно являются ставшие приметой времени, банальные по природе, но существенные по размерам взятки. А в те годы жизни другим путём решения проблем являлся *блат*, то бишь специфические человеческие отношения, ещё более неискоренимые и невидимые, чем пресловутые взятки. В те времена Виктор ещё не знал «теории шести ру-

копозатий», но он жил в городе маленьком, где можно было и через три рукопозатия добраться до любого уровня социальной иерархии. Виктор никогда не вставал на тот, *другой* путь, привыкнув добиваться всего своими способностями, и ему до сих пор это было интересно. Теперь было всё по-другому. Эксперимент, которому Виктор себя подверг, разозлил его тем, как он стал жертвой свинского отношения к себе самому и недобросовестного отношения к обязанностям. Он знал, что и в третий раз не сдаст экзамен, – однако уже купил к тому времени «Запорожец», и ему срочно были нужны права, чтобы научиться ездить. Он помнил, как инструктор в минуты благодушия говаривал ему: «Тебе бы только права получить, а ездить ты будешь нормально». Для Виктора было загадкой – с чего он так говорил, не научив его ровным счётом ничему, кроме своего словарного багажа.

Получил Виктор права при помощи другого инструктора по имени *Блат*, и потом не мог взять в толк – зачем с ним ездил настоящий инструктор, лица которого он никогда не мог вспомнить и которому он никогда не будет благодарен за то, что тот не научил его водить машину. Зато Виктор научился простому правилу: прежде чем начать новое для себя дело, изучи опыт других людей. Ох как дешевле обойдётся – и нервам, и кошельку.

Дорога в лето

**Дмитриенко
Юлия Николаевна**

Родилась в 1979 г в г Юрюзань Челябинской области. После окончания факультета иностранных языков Шадринского государственного педагогического института работает инженером в коммерческой службе АО «ШААЭ». Живёт в г Шадринске Курганской области. В «Тоболе» публикуется впервые.

Яркие и светлые весенние утренники уже давно будили Улю раньше срока. Последняя четверть учебного года – и их с братом отправляют на всё лето к дедушке и бабушке в соседнюю область: носиться там на просторах и раздолье южно-уральских гор, плескаться в горных речках и ручьях, бродить по тропинкам и дорожкам яркой, насыщенной зелени лесов, лугов и трав по пояс и даже по плечи, кругом в растительности, без дороги и пути, до состояния полной затерянности и головокружения от природы и всего окружающего...

Каждый год в конце мая – начале июня отец отвозит их на те просторы за полтысячи вёрст, чтоб отдохнули и восстановились «на подножном корму» за лето, а заодно и дедушке с бабушкой помогли по хозяйству. Ехать надо с пересадкой, ожидая следующего поезда на вокзале соседнего с ними областного центра, порой и целый день.

В сердце огромного промышленного уральского гиганта Уле с братом и отцом в пути уже раздолье: хоть ещё и не на отдыхе, а уже отвлекаешься, развеиваешься, отвыкаешь от извечных докучливых нотаций и назиданий школы, выполнения заданий дома и в музыкалке. Поэтому отрывать её начинает уже на полпути, порхая, словно бабочка или вольная райская птичка, весело щечбеча и стрекоча на все лады...

В просторном здании железнодорожного вокзала, больше похожем на стеклянный аквариум из света и «плавающих» в нём людей, перемещающихся, передвигающихся, будто большие и поменьше рыбы и рыбки (взрослые «особи» – покрупнее и помедленнее, а «мальки» – шустро и весело «ныряя» и играя меж ними), Уля чувствовала себя в своей стихии. Зелёные пальмы, фонтаны и водопады плещущейся, текущей всюду воды приближали к конечному пункту с горными ручьями и ключами, зеленью леса и прохладой камней...

Высокий стеклянный купол над головой дарил ощущение чистоты и простора, воздуха, безмятежного начала лета. Казалось, протянешь руку – и достанешь до неба: такого необозримо-неимоверного, неведомо-просторного и манящего за собой в неземную небесную лазурь... За белыми стенами и прозрачными потолками шумел и грохотал промышленный город, всё производящий свою продукцию... А они с братом – тут, на вокзале, как под покровом. Скоро придёт отец с перекура, с улицы, и принесёт им мороженое.

На деревянных сидениях зала ожидания вверху второго этажа они уселись будто птички на жёрдочке, по белым мраморным ступеням сбегая вниз к перилам площадки лестницы смотреть, не идёт ли отец. Перед сладким – перекус заготовленной снедью из сумок: яйцом или отварной курой, колбасой с хлебом и огурцами. Отец приносит по стакану газированной воды с сиропом из автомата, себе берёт кружку кваса в буфете. Уля ест, болтая не достающими

до пола ногами, брат рядом, на соседнем сидении. Игрушки и разная мелочь отложены в сторону. Торопятся с братом, кто быстрее, – мороженое в руках отца уже тает. И заполучив его как награду, они едят любимое лакомство уже медленно, не торопясь слизывая холодную и сладкую мякоть – теперь не наперегонки, а наоборот, у кого дольше продержится, – смакуя каждый кусочек.

Сумерки спускаются на летний день и железнодорожный вокзал, в горящем закате и свечах зажжённых фонарей делая ночь вокруг ещё грандиознее и сказочнее. Перрон растворён в прохладе и свежести весенне-летнего вечера, дышит теплом раскалённых за день рельсов и путей, постепенно погружается во тьму – дни теперь самые длинные в году, а ночи всё короче. Яркие огни железнодорожных прожекторов и семафоров тепло-серого с жёлтым отливом цвета. Комарьё активно начинает охоту, от них можно скрыться лишь в вагоне. Уля с отцом и братом идут занимать места. Поздним вечером их ждёт отправка в синь южно-уральских гор, где на рассвете встретит маленькая, неприметная станция в горах, знакомая и родная с детства.

Подниматься под утро сложнее всего – даже сейчас, уже повзрослев, а тогда!.. Те ранние вагонные подъёмы Уле не забыть никогда! Потом, уже на платформе, вдохнув дивного густого молока сизого и свежего горного тумана, она прощает и забывает все бывшие неприятности и неудобства: что так рано прибывает поезд и спозаранку надо подниматься; что отец так хладнокровно будит их с братом. Светлеющее небо всплывает, поднимается из-за ближайших гор, обнимая своей свежестью и прохладой начинающееся раннее утро. Уля чувствует, как ещё трепещущее спростонья тело расправляется и начинает равномерней дышать. Нежная истома вперемешку с жаждой нового дня всё подступают, всё сильнее обуревая, завладевая ей.

Едут со станции в город автобусом, кемаря в окна от укачивания закрывающимися, чуть смотрящими щёлками глаз – спать-то ещё хочется, – Уля наблюдает за проплывающими силуэтами и очертаниями гор и лесов, больше похожими на хребты спящих великанов или каких-то громадных сказочных медведей. Мимо бегут, расходясь по сторонам, стрелки-развилки дорог меж Уральских гор. Лента горного серпантина вьётся спереди и сзади автобуса. Проехали железнодорожный переезд, мелькнули знаки и таблички указателей... В брезжущем светлеющем небе лучи восходящего солнца блёклыми пятнами еле видны сквозь поволоку молочной белой пелены тумана.

Сизая дымка над водой реки, текущей навстречу, будто встречает, приветствует их. Минули пионерлагерь, ещё один железнодорожный переезд у горы и за поворотом въезд в город. Подъём по горной дороге до остановки, и сходят с автобуса, чтоб идти вниз к аулу у подножия. Дорога с горы и ветер в спину подгоняют – идти легко и быстро, и они вскоре добираются до цели. Прошли мост через речку, теперь направо во вторую улицу, и уже виден вдалеке поперёк всех дом, стоящий на изгибе, с огородом, всем на обзор.

Отец с лязгом проворачивает литую железную ручку ворот, слышен скрип петель и слегка потягивающий голос пса. По гранитным плитам они проходят к крыльцу и поднимаются в дом. Бабушка с дедом уже не спят, ждут их – бабушка с подойником и чистым накрахмаленным полотенцем, готовая идти доить корову, потом вернётся и предложит брату парного молока. Уля не любит – пьёт только из холодильника. Дед громко и весело приветствует приехавших. Пока бабушки нет, они разговаривают, общаются, расспрашивают друг друга обо всём, узнавая новости и радуясь успехам. Чуть стесняясь и смущаясь, они все обнимаются. Дед крепко прижимает к себе и расцеловывает Улю с братом, царапая их щёки своей небритой щетиной. Убирают вещи, проносят в комнаты. Дед с отцом выходят на крыльцо покурить и посмотреть, что надо сделать на дворе. Успевают за день хоть что-то до отъезда отца.

Бабушка возвращается с ведром пенящегося сладкого и пахучего коровьего молока, наливает брату кружку, и тот с удовольствием пьёт. Брат – в них, в деда с бабой. Бабушка любит его журить, подначивать, щекотать. Но к ним с братом относятся одинаково, хоть Уля и вся в отца. Следующей же ночью он едет, ему справляется вечером баня, и они сидят с дедом за чаркой крепкого.

Ещё с месяц отцу с матерью работать дома, а потом приедут помогать с покосом, как и родня с северного Урала: Саня с тётей Паней и бабушка Ульяна. Все проживут тут вместе одной большой семьёй до конца лета, помогая в доме, по хозяйству, на дворе со скотиной, в огороде, дровянике, в городьбе с картошкой и на покосе, ходя в лес, на речку и ручей, на колонку за водой.

Обратно отправляться ещё сложнее – глубокой ночью в конце августа, когда разлита такая непроглядная гуща темноты, как круто заваренный чай. И напившись его дома, сваренного дедом заваркой прямо в ковшике, они выходят с чемоданами на улицу. Бабушка машет у ворот. Дед провожает до остановки. Доезжать ночным автобусом до станции, где ждать ночного трёхчасового поезда – уже не до Ч...ска, чтоб лучше выспаться, а до К...ска, куда поезд прибывает ближе к обеду. Садятся в вагон как во сне. Да и не сном ли пролетело минувшее лето? Расправляют постель и ложатся, чтоб завтра раньше десяти часов уже не подняться.

Баба Сина

Ехать до бабы Сины было всего шестьдесят вёрст, но бывали у неё крайне редко – всё больше у бабы с дедом в соседней области, а до ближайшего района доехать не могли. Но всё таки так случилось в детстве, что с бабой Синою набылись не меньше, чем с другими дедом-бабой, так как та осталась с ними на время учёбы матери, когда она уехала на полтора года в аспирантуру за отцом.

Да и с самого детства Уля хорошо помнила (и всегда ждала) бабу Сину и деда Егора, хоть тот умер на второй день после того, как ей исполнился год. Его беспалую «козу» на фоне зимнего окна ей не забыть никогда. Улю тогда уложили к нему на живот – и она, конечно, не знала и не понимала, что дед умирал, но, возможно, чувствовала. А он ещё поиграл с ней перед смертью. Что тогда передал он ей годовалой и трёхлетнему брату – неизвестно. Наверное, что-то важное, раз запомнила его и его руку на всю жизнь.

Отец Ули – Николай, сын бабы Сины и деда Егора – был таким же, как и родители: невысоким, плотного телосложения, кряжистым и приземистым, коренастым. При этом никакой тяжеловесности не было в его облике – скорее, наоборот, напоминал какого-то былинного богатыря или пышное облако, надвигающуюся тучу, когда был не в духе. Ходил слегка вразвалочку – как перекатывающийся колобок или переваливающийся из стороны в сторону гусь.

Бабушка родила отца в сорок три, а через три дня ей исполнилось сорок четыре года. Разница в днях рождения – три дня, а в возрасте – более сорока лет. Из-за своих лет она приходилась ровесницей бабушкам и дедушкам Улиной матери – уж сильно поздно родила поскрёбыша. Но Уле это было хорошо: добрый и талантливый до гениальности папа (ведь поздние дети нередко бывают одарёнными) и старая, ничем не занятая, полностью в их распоряжении бабушка на пенсии – это ли не счастье для маленьких детей?

В отца пошёл старший брат Ули: рос таким же сметливым, «головастым» и памятьливым. Казалось, в их безмерных умах помещалась вся память и информация о мире, наподобие некоего огромного компьютера с самым большим в мире процессором. Что бы Уля у них ни спрашивала – они знали ответы на все вопросы, многое держа в голове, пользуясь ей, когда нужно, как инструментом, добывая и используя все хранящиеся в памяти знания.

Когда на учёбу, как недавно отец, уехала мать, к ним приехала жить баба Сина. Сказывая нараспев свои сказочки, прибаутки и побасёнки, напевая песенки (так у неё всё это по-доброму, мило выходило) спокойным и ровным голосом, негромко и незатейливо, увлекательно, интересно и поучительно. Как само собой разумеющееся и должное, убаюкивая и умиротворяя, усыпляя их. Когда бабушка пела, веки детей смыкались, и их глаза закрывались.

Через это устное народное творчество к Уле с братом тянулась историческая нить из прошлого, передавая знания о добре и зле, правде и кривде, «преданьях старины глубокой». Бабушкин устный репертуар они тогда только узнавали, но уже знают, узнают, услышав, сейчас.

Баба Сина в детстве рано потеряла мать. Их, как в сказке, росло три сестры, и прадед женился второй раз, и у них с мачехой тоже родились дети. Бабушка маленькой девочкой после одной из простуд оглохла на правое ухо, так всю жизнь и проходила со слуховым аппаратом. Сиделась правой стороной к телевизору, чтобы лучше слышать, «что передают». Перед сном снимала. Вот как-то однажды Уля что-то сказала – а бабушка услышала без аппарата, чему безмерно удивилась. Бывало, в дождь и влагу, с падением давления, баба Сина могла слышать идущий за двенадцать километров по станции поезд.

Бабушка провела в семье Ули добрых полтора–два года, своей личностью, любовью и мягким обхождением бесповоротно и окончательно влюбив внуков во всё русское, народное, простое, в наш древний устный фольклор, в знакомые с детства потешки и песни, напевы, интонации, ласкающие сердце и ум. Когда Уля поступила в музыкальную школу, и в хоре пели «Во поле берёзка стояла», «Ах, вы сени, мои сени», «Во саду ли, в огороде», – ей не казались чужими эти описания, вовсе представляясь красочными картинками, понятными и родными.

Первые воспоминания о деду Егоре, осевшие в памяти – как и о её ожоге, – связаны у неё с деревянным домом бабы Сины. После кончины деда в декабре, в мае следующего же года маленькая Уля схватилась дома за горячий утюг, и её обожжённые ладошки отправили лечить к бабе Сине. Раньше думала, что обожглась года в три – так явно и чётко помнила, – а ей было лишь полтора года.

Как тогда с прибывшей городской больной действовала баба Сина – достойно отдельного рассказа, так как выдумкам и догадкам бабушки не было предела – малышка не давала смазывать ладошки, и бабушка клала ей в руки гусиное перо, пропитанное гусиным жиром. Уля брала перо и сжимала в руке. За месяц она так привыкла там и к деревянному дому с синими стенами и потолком, и ко всем его жителям, что тётку уже стала называть мамой, а дядю папой. Вскоре её отправили обратно.

Ждать оставалось недолго. Скоро и сама баба Сина приехала к ним жить. А пока Уля ещё была в деревне, к двоюродной сестре приходили гости и называли её «ангелочком». Наверное, с тех пор в голове и осталось – считать свои светлые кудрявые волосы ангельскими...

А потом её вновь забрали на лето к другим дедушке с бабушкой. И уже – к счастью, не в этом, а следующем году или через два – заработала там себе на горных речках и ручьях чирей, который чем только не вытягивали, не выводили: и алоэ, и мазью Вишневского, и печёным луком, – ещё одна из ряда запомнившихся ей болячек с детства.

И вот они едут к бабе Сине, трясутся в автобусе со станции. По грунтовой дороге за автобусом вьётся столб жёлто-серой пыли. Обернёшься назад, в узкое окошко задней площадки, – не видно ни зги, но оглядываться лишней раз не хочется от сильной тряски на кочках и укачивания. Наконец автобус

прибыл в пункт назначения. Уля не видела ни живописной запруды реки, ни моста, ни церкви, хотя последнюю ещё как-то заметила мимоходом на въезде. Сходили у старой сельской школы красного кирпича – автобус остановился, и спустившийся с подножки отец помог сойти детям. Улю с братом ещё долго качает из стороны в сторону по дороге вниз, к бабушке; ноги не слушаются, несут куда-то, сотрясая весь организм. В ивовых кустах налетают своры комаров – никуда от них в деревне, на лоне природы, не деться. Отломив веник, отмахиваются от них до самого дома. Да и там только днём получше, а ночью кровососы сквозь щели проникают и в дом. Бабушка глуховата, не слышит, и никто стены не конопатит.

Всяческая снедь на столе отвлекает от неприятных мыслей, даря предвкушение пира яствами из русской печи: тут и бабушкины блины и пироги, тёплое молоко в чугунке, печёная картошка с разносолами, – достаточно угощений всем и каждому! Детям припасены прянички и конфетки, а в саду – смородина с малиной: ешь из блюдца с мёдом или водой с сахаром.

От печи через прихожую до другой стены протянулись синие полати – залезай не хочу! Заберёшься – и лежишь, смотришь сверху вниз, обозревая из-за шторы всё вокруг, что делается, – детишкам тут особое удовольствие! Не такие уж высокие потолки с пола всё же отдаляют божницу, как и люстру, – а с полатей до потолка можно достать рукой, и всё перед взором как на ладони: окна, стол с лавками, часы с кукушкой на стене и гири-шишки на цепочках наперевес...

Последний книжный: ностальгия

Наступление новых постсоветских времён для Варгашей обернулось в том числе одной утратой, замеченной далеко не всеми, – а именно утратой книжного магазина. Хотя вроде бы в условиях «свободного рынка» и перехода в стране к частной торговле он должен был сохраниться, однако с переменой у людей жизненных приоритетов книжный магазин был обречён на закрытие. Конечно, варгашинцы продолжали покупать книги, – но делали это уже не в посёлке, а в городах; позднее – уже с помощью интернета. И в наступившем XXI веке, со сменой поколений, всё больше стали избавляться от домашних библиотек, в лучшем случае передавая их в фонд библиотек общественных.

А ведь некогда эти домашние библиотеки создавались и пополнялись благодаря покупкам в магазине – в последнем книжном магазине. Из всех варгашинцев теперь разве что люди в возрасте уверенно назовут и покажут место бывшей книжной торговли в здании напротив центральной библиотеки. В их числе, возможно, окажутся и те, кто в день после привоза и разбора новых книг стремился попасть в него в числе первых сразу после открытия двери магазина.

Действительно, здание, на котором теперь размещается вывеска «Мясной дом» и в котором ведётся торговля мясом и колбасой, изначально строилось и предназначалось для книжной торговли. Возведение будущего книжного магазина стартовало в 1967 г. Он должен был войти в сеть потребительской кооперации Курганской области, и строительством его занималась строительная бригада облпотребсоюза. Принялась она сначала за дело энергично. Планировалось даже к середине 1968 г. сдать магазин в эксплуатацию. Но планы оказались сорваны. Взятый было быстрый темп скоро замедлился, и, наконец, стройка вовсе прекратилась.

Простое заинтересовались на областном телевидении. В одном из выпусков сатирической телепередачи «Ёж» вышел в эфир сюжет критической направленности. Смысл его сводился примерно к следующему: «Стоит, дескать, в Варгашах теремок – не широк, не высок (17×19 и высотой около 5 метров), не то гараж, не то книжный магазин». И правда: в недостроенное здание водители стали загонять свои машины.

Критика возымела действие. Стройка возобновилась. Не без трудностей, но её довели почти до завершения, с внутренней отделкой и завозом нужного для магазина оборудования. На финише проблема возникла с подключением отопления. Руководство железнодорожной школы № 105 выступило против подключения отопительной системы магазина к зданию школьного интерната

**Толстых
Николай Юрьевич**

Историк-краевед, работает библиотекарем Центральной библиотеки Варгашинского муниципального округа. Родом из Ивановской области, выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Николай Юрьевич печатался в известных периодических изданиях района и области: «Маяк», «Курган и курганцы», «Новый мир», «Зауралье», в журналах «Тобол», «Сибирский край», «Наука и образование Зауралья», а также в краеведческих сборниках.

(теперь «Александрит»). Пришлось искать другой способ отопления – через установку электроротла. Но и с ней не всё вышло гладко.

Вот об этой затянувшейся истории со строительством поведал в своей критической публикации Виктор Иванович Трусов. Она вышла 27 января 1970 г. в районной газете «Маяк» с подзаголовком «Сказка для взрослых». Товаровед Варгашинского райпотребсоюза Трусов сделал нерадостный вывод: *«Скоро сказка сказывается, да не скоро новый книжный магазин, как видно, распахнёт свои двери перед посетителями. Роды-то его уж очень трудные...»*. Кстати, публикация так и называлась – «Трудные роды».

Пессимизм Виктора Ивановича, видимо, усиливался ещё тем обстоятельством, что именно ему предстояло заведовать в будущем магазином и работать в нём продавцом. Вообще книжной торговлей в районе он вплотную занялся с апреля 1965 г., когда был зачислен в штат райпотребсоюза товароведом по книге. Понятно, что долгая морока со строительством угнетала его и оптимизма не добавляла.

Вряд ли совершилось чудо – просто, скорее всего, на ситуацию после сигнала в газете обратили внимание местные советско-партийные власти. Нельзя сбросить со счетов тот факт, что приближалась 100-летняя годовщина со дня рождения В. И. Ленина (22 апреля 1970 г.). Поэтому не вписать в его преддверии такое красивое событие в масштабе целого района, как открытие практически готового книжного магазина, выглядело бы явным упущением.

Так или нет, но проблему с отоплением всё-таки решили, и где-то в конце марта 1970 г. произошло открытие. *«Книголюбцы получили великолепный подарок. Для них недавно в центре рабочего поселка Варгаши распахнул двери новый книжный магазин. В день открытия нарядное здание с застеклённым фасадом привлекло немало покупателей. Ещё бы! Просторное, светлое помещение; книги аккуратно расставлены по отделам, стендам и прилавку»*.

Этими словами начиналась статья журналистки «Маяка» Лилии Титовой «Новоселье книг», напечатанной 4 апреля 1970 г. Из неё выясняется, что в день открытия велась бойкая торговля: уже «за полтора часа работы книг в магазине было продано на 140 рублей, что составляет 10 процентов месячного плана». С первого дня постоянными покупателями магазина стали учителя. Вот и первым

Трусов В. И. – продавец книжного магазина

покупателем оказалась педагог Валентина Николаевна Закатова, завуч школы № 105. Тогда же приобрели книги учителя школы № 1 К. В. Гревцева и К. Д. Барабаш. Вообще в день открытия посетителей магазина, от детей до пенсионеров, было много. «К встрече первых покупателей работники магазина не только разложили книги, но и подготовили много подарков для покупателей, встречали всех тепло и внимательно. Это – закон их дальнейшей работы».

Как упоминалось выше, заведовать магазином стал В. И. Трусов, перейдя из товароведов в продавцы. Он был энтузиастом книжной торговли – и не просто продавцом, а профессионалом, влюблённым и преданным книге. Вторым продавцом работала его жена Павла Никифоровна Трусова. Позднее состав продавцов сменился. Уже с первых дней работы магазин показал себя не просто как заведение, торгующее книгами. Замысел работников был шире: превратить магазин в место для культурных событий, в магазин-клуб. Именно так – «Магазин-клуб» – озаглавил свою статью Виктор Иванович, сообщая о первых днях работы магазина. «Здесь можно не только купить книжные новинки, но и послушать лекцию, доклад, беседу, музыкальное произведение, посмотреть тематические выставки».

Трусов В. И. с варгашинской интеллигенцией

Конечно, новый книжный магазин привлекал не только жителей посёлка, но и сельчан, приехавших в Варгаши. «Ещё до открытия магазина у входа собралась люди. Знакомимся – учителя из Сычёвской восьмилетней школы, жители деревень Старо-Песьяное и Дундино. Они первыми переступили порог магазина. Покупатели из Старо-Песьяного и Дундино – родители учеников сразу же заинтересовались учебниками, а учителя из Сычёво устремились к уголку учителя, где разложены книги по педагогике». Это уже цитата из другой заметки Виктора Ивановича. Позднее у магазина завязались отношения с областной писательской организацией. В апреле 1972 г. состоялась первая встреча варгашинских книголюбов с поэтами Я. Т. Вохменцевым, уроженкой

Варгашинского района Л. Н. Андреевой и писателем В. Ф. Потаниным. Их книги с автографами остались напоминанием о встрече.

Лично я стал посещать книжный магазин в школьную пору примерно с 1977 г. Интересовался театром, занимался в драмкружке, увлёкся драматургией А. Н. Островского и всё ожидал привоза именно его произведений. Два раза с покупкой повезло.

...С открытия книжного магазина минуло 54 года. Впрочем, в качестве такового он прослужил чуть более 20 лет. Помнится, ещё до появления в здании «Мясного дома» несколько лет там принимались платежи за электроэнергию. А на вопрос о прекращении в нём книжной торговли ответ довольно простой. Стоит напомнить: книжный магазин в посёлке входил в сеть кооперативной торговли. После же ликвидации Советского Союза российские власти сделали ставку исключительно на частную торговлю. Поэтому потребительская кооперация была обречена на развал. Это, разумеется, коснулось и магазинов Варгашинского райпотребсоюза (райпо).

Несомненно, закрытие книжного магазина где бы то ни было – это утрата не столько торговая, сколько культурная. Утрата, которую не заменит ни интернет, ни электронная книга. Вот почему утрата книжного магазина, ставшего последним в посёлке, в вихре перемен 1990-х воспринимается на временном отдалении не без сожаления и с ностальгической грустью.

Ирина СПИЦЫНА (БЕЛОЗЁРОВА)

**Цветные голоса
Тимофея Белозёрова**

Тимофей Максимович Белозёров – самый младший сын в семье Белозёровых. Семья их была очень крепкой и дружной. Семеро детей воспитывались в любви и согласии с верой и надеждой на лучшее. Но испытания, которые выпали на их долю, репрессии, голод, война стали причиной разорения семейного гнезда. Тимофей мальчишкой узнал, что такое остаться без матери, без семьи.

Никто лучше себя самого не сможет рассказать о себе. Здесь и далее приведены воспоминания Тимофея Максимовича Белозёрова, помещённые на страницах газет: «Омская правда», «Молодой сибиряк», «Вечерний Омск», в журнале «Детская литература», сборнике «Писатели о себе».

«Я родился в 1929 году в селе Камыши Куртамышского района Курганской области. Детские годы мои прошли в предгорьях Алтая и в таёжном Прииртышьё. Маленькому, мне не везло: дважды я тонул; спускаясь с гор, ломал ноги, часто болел. Голодал.

В большой крестьянской семье воспитывали нас в труде и строгости. Рано, лет в 12, потеряв мать и отца, стал я жить самостоятельно. Шла война, и я был усыновлён чудесной женщиной, Марией Никитичной Терентьевой. Жилось мне у неё хорошо, но мы не сошлись характерами с её дочерью. Так я решил на полную самостоятельность. Жил в Омске и Омской области. В Старо-Карасукской средней школе окончил семилетку. Работал столляром на станции Калачинск, рабочим по очистке железнодорожных путей. Был учеником художника, трудился с лесозаготовителями, сапожничал. Поступил в 1948 году в Омское речное училище (здесь курсантов кормили и одевали), работал в Барнауле на судоремонтном заводе, а в выходные дни писал стихи. Первые публикации появились в журнале “Алтай”».

Тяжёлые испытания одного могут подкосить, сломить, а другого – закаляют и придают силу и стойкость. Оказавшись в столь юном возрасте без семьи, без поддержки; молодой Тимофей Максимович принимается за любую работу. Сплавливать лес, чистить железнодорожные пути, работать на судоремонтной верфи – все эти занятия не из лёгких. Без духовного стержня легко пуститься во все тяжкие, а он в свободное время пишет стихи...

КРИТИКА

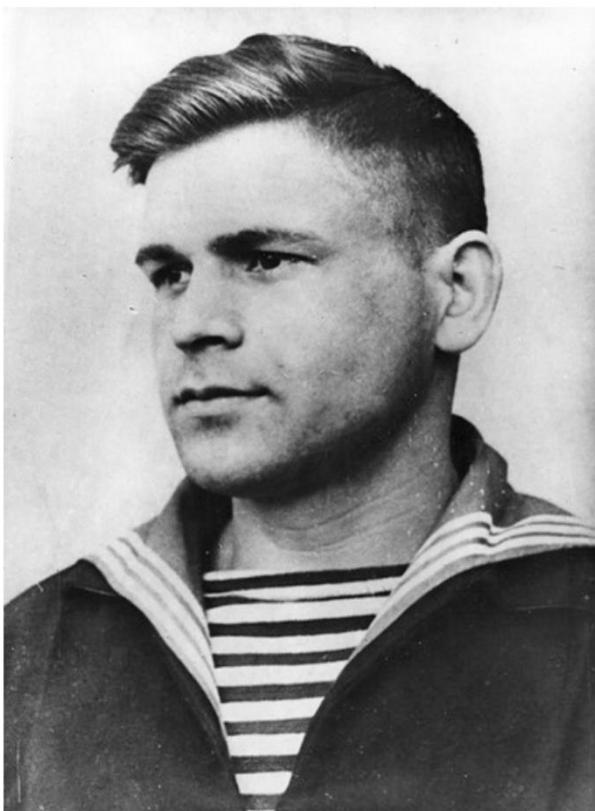

**Спицына
(Белозёрова)
Ирина Анатольевна**

Племянница Тимофея Максимовича Белозёрова. Родилась в Кургане. По образованию – инженер-экономист. Историк-краевед, член Зауральского генеалогического общества имени П. А. Свищёва.

*Тимофей (справа)
с братом Геннадием.
1934 год,
деревня Камыши.*

*Тимофей Белозёров –
курсант Омского
речного училища.
1948–1952 гг.*

«Трудная наша детская судьба, на мой взгляд, это счастье, особенно для детского писателя: обостряются чувства добра и зла, многое помнится больше и яснее. И когда вкладываешь в строки то, что было, когда, невольно взволнованный воспоминаниями, плачешь или смеёшься над какой-нибудь подробностью, всё это передаётся и читателю. Память сердца неисчерпаема. Я написал уже много книг, а источник не иссякает. Любая деталь, сохранённая детской памятью, может стать стержнем целого стихотворения. Большинство моих книжек родилось вот таким простым путём. Сложнее другое – не повториться, отбирать подробности таким образом, чтобы общая картина нашего края была более яркой, насыщенной, цельной...

Я вырос в Большереченском районе, в деревне Черновке. И многие стихи родились из впечатлений, которые подарила мне эта “деревенька вдалеке в опояске тына”. А то, что было найдено вне той “опояски”, я всё равно переносил на землю моей родины. Так я “построил” свою деревеньку на речке, соорудил здесь плотину и причальные мостки, пустил по реке плоты. Невдалеке нашлось место и для таинственного старого оврага, и для горы, где спит в норе барсук, где от пасеки начинается тайга с её чудесами. Здесь скользит, “качая звёзды, лодка вольная моя”. А весной в лесу растут “подснежники – Снегурочкины слёзы”... Здесь есть всё: и самый-самый пушистый снег, и волшебный запах полыни, чтобы ощутить прелесть природы моей земли. Любовь к Родине в каждом из нас заложена генетически. Она, как родник, который должен пробиться, стать чистым ключом».

Такой родник бьётся в душе поэта Тимофея Белозёрова, и текут рифмованные строчки его стихов в души его читателей. Сердце детское тронуть и увлечь может только искреннее чистое слово.

В предисловии к книге «Волшебный посошок» Яков Аким так и пишет: *«Читаю и не перестаю удивляться: как много неожиданных стихов может человек талантливый написать про давно знакомое, не раз виденное другими, написать так искренне, по-своему. Для того, чтобы сочинять стихи, мало знать. Надо ещё с особой остротой чувствовать, видеть окружающий мир, слышать его музыку. И всё это заветное уметь передать в слове, в стихотворной строке».*

Тимофея Максимовича Белозёрова заботит не только красота слова и музыкальность его рифм. По его мнению, важным является развитие у читателей и нравственных качеств. В одной из своих статей он задаёт вопрос:

«Так что же – не надо воспитывать любовь к Отечеству? Одно знаю точно: без поэзии обойтись нельзя. Она помогает не только обратить внимание на все цвета радуги, на весь спектр оттенков жизни, но и научить прислушиваться к самому себе: какой ты, почему такой? И к тому же есть золотое правило: кто увидит в снежинке чудо, волшебство, тот не будет равнодушным к миру природы, в отношениях с людьми. Я убеждён, что стихи нужно читать постоянно – в семейном кругу, вслух, чтобы дети вместе со взрослыми вникали в мелодику поэтических строк, открывая тропинки, ведущие к природе, к островкам тишины. Так легко упустить ниточку своей власти над чтением детей, интереса к их сложной внутренней жизни. Ребёнку нужен собеседник, чтобы вместе с героями всё пережить, поделиться своими маленькими открытиями. Педагогикой давно доказано: дети не любят одиночества. А мы их оставляем с книгой наедине – плыви по книжному морю сам. Ни учитель, ни библиотекарь не заменят родителей – без них трудно приобщить ребят к чтению, к хорошей литературе, к настоящей поэзии».

О творчестве Тимофея Максимовича много и подробно пишут поэты и критики. А Он – автор более 60 книг для детей, тираж которых составил более 16 миллионов экземпляров. А мне – его племяннице, которая помнит взгляд с прищуром и постоянно улыбающиеся глаза дяди Тимы, – хотелось бы вспомнить те его стихи, что стали любимыми для меня. В нашей семье дядюшкины книги – на особом месте, а надписи, сделанные его рукой, превращают их в семейные реликвии: «Моим любимым племянницам Ирочке и Вере от дяди Тимы – автора». Все они зачитаны до дыр. А книгу «Бука» мы любили читать по ролям с дочкой и внучкой. Почему-то всем хотелось быть Букой. Наверное, её колоритный говорок и искренность подкупают всех детей. Это проверено уже не одним поколением ребятишек. Книжку «Бука» я копирую и с радостью дарю её до сих пор.

Да, в детстве так важен дом, с его уютом и теплом. Никто не заменит родителей. Тепло родительского дома греет нас всю жизнь. Дом, который далеко, но всегда в сердце. Меня очень трогает стихотворение «Картофельное поле»:

*Цветёт картофельное поле,
Дрожит вдали
 лиловый цвет...
И наплывают поневоле
Картины давних,
 давних лет.
В траве замшелый
 сруб колодца,
С железным обручем бадья.
В ведёрко радостное льётся
Зеленоватая струя.
И всё мокро –
 цветы и грядки,
И травы, полные семян,
И прячет в складки
 запах сладкий
Лиловый мамин сарафан...*

Так буднично начинается стихотворение: цветёт картофельное поле... – но так пронзительно щемит сердце, когда следишь взглядом за тем, куда смотрят глаза автора. Это и ведёрко, и цветы, и грядки, и «запах сладкий» – а это пахнет мамин сарафан. Всё, ком в горле. Об этом, и так же проникновенно, до звенящей боли в душе, звучит стихотворение «Без мамы», посвящённое памяти матери – Арины Трифоновны:

*Стала уже солнечная рама,
Лавки выше, а углы острей.
Без тебя, заботливая мама,
Сразу стало близко до дверей...
Самолёт сверкал под облаками,
Жаворонок падал с высоты,
И твоими смуглыми руками
Пахли придорожные цветы.
Шёл к реке я
 в тёмную низину
На чужие дымные костры.
Ветер дул мне то в лицо, то в спину,
Гнал меня из детства до поры.*

*Загонял в незапертые сени,
В погребá – за кринкой молока,
В парходных трюмах
на колени
Становил под тяжестью мешка.
Ветер, ветер!..Выбитые рамы,
Потолки в махорочном дыму...
Оказаться на земле без мамы
Я не пожелаю никому.*

В этом стихотворении столько боли о потерянном доме, о маминых заботливых смуглых руках, о голоде, который гонит к чужим очагам. Когда знаешь подробности жизни поэта, тогда многое открывается в строчках его стихов. Но не обязательно знать, чтобы чувствовать. Внимательное чуткое сердце услышит и поймёт, что автор несёт между строк. Очень многие стихи, особенно те, о которых упоминал Тимофей Максимович, хочется привести полностью.

Польнь

*Польнь ютится у заборов,
На крышах бань и погребов,
Цветёт на склонах косогоров,
В канавах,
около столбов.
В траве, копытами примятой,
Стоит она, и только тронь –
Волшебный запах
горьковатый
С поклоном
Сронит
На ладонь.*

В лодке

*Сяду в лодку, цепь откину
На причальные мостки,
Заплыву на середину
Отдыхающей реки.
Под корму затянет вёсла
Неуемная струя,
Заскользит, качая звёзды,
Лодка вольная моя...
А когда туман сторожко
Скроет синюю тайгу –
Замигает мне окошко
На высоком берегу.*

Клочок земли,
заросший повиликой,
Ни конного, ни пешего следа.
Растаявшей на солнце
земляникой
Глубокая пропахла борозда.
А рядом – сосны,
тихие от зноя,
Овраг, с краёв
осклизлый от груздей,
И, полные былинного покоя,
Над кромкой леса
Клики лебедей...

В родном краю

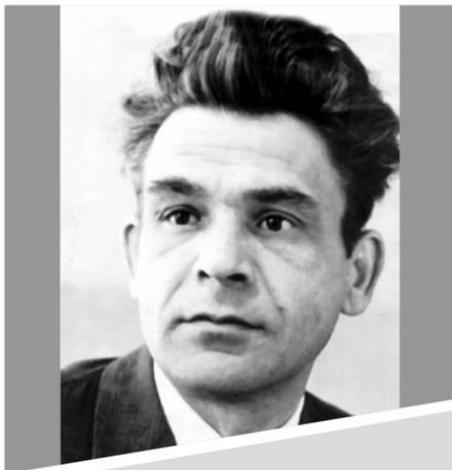
Перелески да снега,
Белые до боли.
Тёмно-синяя тайга
Окаймляет поле.
Деревенька вдалеке
В опояске тына,
Скотный двор в березняке,
На реке – плотина.
Стрекотание сорок,
У крыльца солома,
И отеческий порог
Старенького дома...

Подснежники

Плакала Снегурочка,
Зиму провожая.
Шла за ней печальная,
Всем в лесу чужая.
Там, где шла и плакала,
Трогая берёзы,
Выросли подснежники–
Снегурочкины
Слёзы.

Есть у Тимофея Максимовича ещё одно стихотворение, которое звучит завершающим аккордом в его творчестве. В нём такая тоска по родине! Такая надежда, что слово его не будет забыто нами!..

*Дай мне, мать-земля сырая,
Увидать, когда умру,
Уголок родного края
С деревушкой на ветру.
Дай услышать
 шум плотины,
Плеск весла на быстрине
И вечерний гвалт грачиный
На заречной стороне.
Принеси мне из ночного,
Освещённого луной,
На крыле дымка седого
Слово, сказанное мной.*

**Белозёров
Тимофей Максимович
(1929–1986)**

Родился в с. Камыши Камышевского-1 сельсовета Утятского района Курганского округа Уральской области (ныне село входит в Куртамышский муниципальный округ Курганской области). В 5-летнем возрасте лишился матери. В годы коллективизации семья подверглась репрессиям. Отец был арестован, впоследствии реабилитирован. После освобождения отец с младшим сыном Тимофеем переехал сначала в Усть-Каменогорск, затем в Лениногорск.

В 1948 г. Белозёров стал курсантом технологического отделения Омского речного училища. После окончания в 1952 г. проходил военно-морскую стажировку во Владивостоке, работал мастером механического цеха на Бобровском судоремонтном заводе в Барнауле. Одновременно писал стихи. Первая публикация вышла в журнале «Алтай». В 1954 г. Т. М. Белозёров был переведён в Управление Нижне-Иртышского речного пароходства, на Омский судоремонтный завод. Его приняли на должность литсотрудника газеты «Советский Иртыш». В 1957 г. в Омском книжном издательстве вышла первая книга Белозёрова «На нашей реке». В 1962 был принят в Союз писателей СССР. С 1963 г., после окончания заочного отделения Литературного института им. А. М. Горького, работает редактором Омского телевидения. Около 20 лет проработал литературным консультантом в газете «Омская правда». С 1965 по 1967 г. был депутатом Омского горсовета, с 1967 по 1970 – уполномоченный Литфонда СССР по Омской области, в течение многих лет – член бюро Омской писательской организации. В декабре 1980 г. участвовал в работе V съезда писателей РСФСР.

Умер поэт 15 февраля 1986 г. в Омске. Похоронен на Старо-Восточном кладбище Омска, рядом с отцом.

Медвежата

Привезли из лесу медвежата,
Вытряхнули их из мешковины.
Показали медвежата спины,
Шастнули под койку и дрожат...
А потом привыкли – и пошло:
Борются втроём,
визжат,
дерутся –

На столе подпрыгивают блюдца,
Дребезжит оконное стекло.
К вечеру устанут, замолчат,
Дружно глазки круглые зажмурят,
Припадут к медведицыной шкуре
И урчат, урчат, урчат, урчат...

Родина

Окажись я в южной стороне –
Пусть ничто другое мне не снится –
Только б слышать пение синицы
На седой, заснеженной сосне.
Только б видеть дымные столбы,
Всю во льду – хрустальную – плотину,
С ягодами хрупкую рябину
Под окном бревенчатой избы.

* * *

Конец села, начало леса,
Фонарь под окнами избы,
И, полный к звёздам интереса,
Дымок, ползущий из трубы.
В избе – играющие дети,
В лесу – глубокий чуткий снег...
Мир вам, живущие на свете
Бок о бок зверь и человек!

Первый снег

До утра в лесу шуршало,
Дуло, холодом несло.
Развиднелось, рассветало –
Всё вокруг – белым-бело!
Вот лисица на поляну
Прошмыгнула раньше всех,
Нос и лапы, как в сметану,
Окунула
В белый снег.

Зимнее утро

Ночью выпал на деревья
Иней в палец толщиной.
Стала сказочной деревня
И такой родной-родной!
Тишина в ограду льётся,
Все молчит, молчу и я;
Только слышно, как в колодце
Бултыхается
Бадья...

Ранетки

Нет слаще сибирских ранеток,
Когда их морозы побьют!
Мальчишки срывают их с веток,
Щеглы и синицы клюют.
С кислинкой, янтарного цвета,
Висят они, встретив пургу,
Горячими каплями лета
Горят на весёлом снегу!

Волчий вой

Замер соболь на белой поляне,
Лось тяжёлой потрянул головой.
Из оврага в морозном тумане,
Выплыл волчий полуночный вой.
В лунном свете, тягучий и длинный,
Просочился во все уголки,
Жёлтым эхом поплыл над равниной
И в деревне зажжёт огоньки...

Зима

В погребах кадушки с мёдом,
С грядок сняты кочаны,
И река за огородом
Замолчала до весны.

Волк

Волк бежит короткими прыжками
Через буераки – напрямик.
Развалясь по-царски меж клыками,
На сторону свесился язык.
Глухари крылами бьют тревогу,
Рысь прыжком влетела на сосну;
Волк бежит – и, глядя на дорогу,
Сглатывает гневную слюну...

Бабушка

Бабушка Маланья! –
Ласковая речь.
В туюсах варенье,
С шанежками печь.
Бабушка Маланья! –
Колотый орех,
Санки. рукавицы,
Белый-белый снег.

Зяц

Шорохами, звоном куржака
Разбудило зайца русака...
Боязно и холодно бедняжке,
Голодно ему – не до игры! –
В голубом заснеженном овражке
Поглодал он ивовой коры.
Осмелев, размялся понемногу,
Обежал заиндевелый лес.
Пересёк пустынную дорогу
И в зелёной озими исчез...

Соболь

Соболь, соболь, соболёк,
Трепетные ушки,
Замер, словно стебелёк,
На лесной опушке.
Вот с разбуженной сосны
В снег
Упала
Шишка,
Вот на доньшке копны
Завозилась мышка.
Новый шорох, новый звук...
– Здравствуй, зайчик!
Здравствуй, друг!..

Глухарь

Я был в тайге. Я мёрз не зря:
В тайге я видел глухаря.
Он весь – от клюва до хвоста –
Был в напряженье взлёта.
И снег летел, как от винта
Большого самолёта!

Куропатки

Куропатки на ночлег
В голубой
Нырнули
Снег.
И до самого рассвета
В этом сказочном снегу
Куропаткам снилось лето
С голубикой на лугу.

Снегири

За селом горит полоска алой,
Тихой, остывающей зари.
На скирдé соломы обветшало
Обновляют перья снегири.
Подставляют радостные грудки
Алому, сходящему с небес...
До бровей завьюженный и чуткий,
Их встречая, молодеет лес.

КОРАБЛИК ДЕТСТВА

Олег ВАНЧУГОВ

**Ванчугов
Олег Борисович**

Родился в Кургане 21 апреля 1970 г.

Окончив 8-й класс средней школы в селе Яровое Половинского района, учился в Варгашинском СПТУ-12. Работал в межколхозной передвижной механизированной колонне (МПК) в с. Половинном. В Варгашинском районе проживает постоянно с 1998 г. Сначала трудился электросварщиком и жил в Моревском, с 2010 г. живёт в пос. Варгаши.

Стихи сочиняет со школьного возраста. Печатался в периодической печати Половинского и Варгашинского районов. Живёт в р. п. Варгаши. В «Тобале» публикуется впервые.

Под зонтом весёлый гном

Под зонтом весёлый гном,
Маленькие свинки.
Серый дождик летним днём –
Мелкие слезинки.

Разошлись неслышно тучи,
Разогнал их ветерок.
Свинки прыгают по лужам,
Гном пускает катерок.

Подарили Мише клюшку...

Подарили Мише клюшку,
Чтоб играть зимой в хоккей.
Тане – мягкую игрушку.

Ну а я хочу друзей,
Но пока не знаю,
Где их покупают.

Дождик на улицу вышел

Дождик на улицу вышел,
Дождик в окно постучал.
Долго бродил он по крышам,
Долго по листьям скакал.

Долго плясал, барабанил,
Песню весёлую пел.
Лужи повсюду оставил,
Песню свою не допел.

Видно, плясать надоело,
Дождик весь взмок и устал.
Солнышко вышло на небо,
Дождик куда-то пропал.

День на улице

День на улице, светло,
Солнце светит ярко.
Нам не холодно, тепло,
Даже очень жарко.

Мы играем на песке
Весело и дружно:
Я с машинкою в руке,
Ты играешь с куклой,

А ребята во дворе
Вновь гоняют мячик.
По зелёной по траве
Он, как зайчик, скачет.

Скоро лето пролетит,
Пожелтеют листья.
В школу снова поспешит
Детвора учиться.

Кто?

Кто тепло, заботу, ласку
Дарит каждый день? Кто нам
Вкусно варит, на ночь сказку
Вдруг прочтёт, а по утрам,

Поднимая вновь с постели,
Скажет ласково: «Сынок,
Одевайся поскорее,
Опоздаешь на урок».

Догадались? Сразу прямо
Скажем, это не секрет.
Ну, конечно, это Мама.
И поверьте: целый свет –
Не совру я вам ни грамма –
Хоть сто раз ты обойди,
Но родней, дороже Мамы
Человека не найти!

Когда я вернусь в родительский дом

**Коваль
Тамара Михайловна**

Родилась в 1951 году в г. Бикине. Окончила Хабаровский государственный институт культуры. Член Союза писателей России, председатель Комсомольской-на-Амуре общественной писательской организации им. Г. Н. Хлебникова. Автор 8 книг, в том числе сборников «Русалка и таймень», «Тебя желаю очень», «Эллада». В «Тоболе» публикуется впервые.

...Я понимал, что меня волокут по земле. Временами терял сознание. Приходя в себя, никого не узнавал. Слышался русский мат. «Значит, не в плену... Свои пацаны», – успокаивал себя и опять уходил в забытье...

В тот день группа из восьми человек на задание вышла ранним сентябрьским утром. Группа должна была выдвинуться к Артёмовску и занять позицию на северо-востоке города. Занималась заря, солнечные лучи слепили глаза, поднимали настроение. Не успели расположиться, как донеслось: «Укропы!..» И началось! Нельзя было менять позицию: шаг вправо, влево – и ты мог оказаться среди бандеровцев. В плен никто не хотел попадать. Накануне политрук (позывной «Батя») Василий Фёдорович наказал: «Ещё раз повторяю главную задачу: на рожон не лезть. Вы не знаете их силы и возможности. В бой не вступать, затаиться, оглядеться. Ждём вашего условного сигнала».

Но времени не осталось, чтобы сориентироваться. Казалось, нацики лезут со всех сторон. Слышалась украинская речь, немецкая, польская, русская... Про себя чертыхнулся: «Напорешься вот таким макарком на укропа с русским говором – и не определишь сразу, что не свой, а чистой воды фашист».

Старший группы – младший лейтенант Финогеев Лёха (позывной «Фин») – приказал группе укрыться в заброшенной каменоломне. С собой взял меня и Суорова Витька (позывной «Орёл»). Мы спрашивали его – почему Орёл? Кратко отвечал: «Прадед погиб под Орлом». По многим причинам я своим домой не писал, редко звонил, и своё ключевое слово позывного не открывал. Я был «Шаманом». Почему? Наверное, потому, что родом я из Комсомольска, а рядом были Дземги. Это старинное название стойбища нанайцев. Верховодил шаман, все ему подчинялись. Это я ещё знал по экскурсиям в краеведческий музей. Хотелось внести местный дальневосточный колорит, чтобы отличаться от других.

Фин приказал разделиться, находиться на расстоянии видимости друг друга. Где сейчас Орёл – Суоров Витька? В какие поднебесные дали отлетела его душа? Зачем ты взял огонь на себя?.. Мог бы схорониться... Но мы шли как раз на врага. Он решил отвлечь укропов и принял неравный бой. Всё случилось моментально. Я прижался к стене, думая, что хоть со спины буду прикрыт. Не удалось. На меня шёл парень с фашистской свастикой на гимнастёрке, с автоматом наперевес и гранатой в руке. Я тоже направил на него автомат. Так мы стояли минуты две, каждый изучая свои позиции. Он махнул рукой: расходимся. Я попятился назад. Он – тоже. Нервы были на пределе. На голове волосы стали дыбом. Боялся оступиться: понимал, что бандеровец меня сразу уложит. Услышал голос Фина: «Шаман, я с тобой, выведу тебя». Я оглянулся

на полсекунды – и этого мгновения хватило укропу кинуть гранату. Она разорвалась недалеко от меня. Фин очередью из автомата завалил укропа, но это я уже не видел и не слышал...

...И вот меня волокут на плащ-палатке по земле. Почему я в эти минуты, когда приходил в себя, видел своего прадеда Леонтия? Мне никогда не нравилось его имя, я его звал дедом Лёшей. Он меня поправлял, а я ему дерзил: «А не всё равно?» Мы часто с ним спорили. Он рассказывал о своей героической молодости, когда строили город юности. Говорил, что город будет потомкам как памятник. Я подзуживал его: «Зачем ты приехал в тайгу строить город? Ты жил в Перми, большом городе. Что тебя потянуло на подвиги? И без тебя бы построили город на заре». Он обстоятельно каждый раз начинал рассказывать, что вся страна жила строительством города Комсомольска. Как приехал сам девятнадцатилетним пареньком. Как в этом же году в июне сорок первого началась война. Как рвался на фронт. Но зрение у него было слабое, ему отказывали. Я отвечал ему: «Видишь, на войну не попал – жизнь себе сохранил...» Он, уже возбуждённый, сердито отвечал: «Как ты не понимаешь, дурья голова? Страна находилась в смертельной опасности». Я не понимал его героических порывов: за него отстояли нашу страну, радуйся, что остался жив. Что тебя так это волнует? Когда рассказывал, как переплавляли лес по реке Амур, чуть не утонул, получил обморожение, – я напрямую спросил: «К чему такие жертвы?» Он просто ответил: «Чтобы появился в стране новый дальневосточный комсомольский город». Я его патриотизма не понимал.

Однажды он достал свои медали: «За трудовую доблесть», «Кавалера Ордена трудовой славы», медали к юбилеям Победы. Очень гордился, что не зря прожил жизнь: есть что вспомнить. Меня часто спрашивал – чем буду заниматься после школы, куда пойду учиться, на кого? Отвечал неохотно: «Пока не знаю, ничего не манит. Я бы поехал строить БАМ...» Конечно, я насмеялся. Мне были непонятны его высокие идеи коммунизма, социализма. Дед продолжал жить духом своего времени и не заметил, что уже живёт в двадцать первом веке. Больше всего меня раздражали его нравоучения – как надо жить, к чему надо стремиться. Когда он говорил о любви к родине, я вообще его не понимал: «Как можно любить всю страну?» Он отвечал: «А ты научись любить свою малую родину. Страна – это множество малых родин». Как тебя понять, дед?.. Он продолжал терпеливо вталкивать в мою голову, что родина для меня – это он, его друзья-первостроители; это и мои родители, которые трудятся на авиационном заводе; и моя школа, мои одноклассники, мой двор, моя улица. Звучало пафосно и не доходило до души. Казалось, это прописные истины. Но в ранней молодости понимаешь это всё абстрактно, что тебя это не касается. Ты живёшь одним днём – зачем задумываться о будущем? У меня на шее висит надетый мамой нательный крестик. Я снисходительно ей разрешил повесить, чтобы успокоить её. Но странное дело – я с ним не расставался весь этот год, что воюю на Донбассе. У меня две медали «За отвагу». Когда вручали, я не осознавал всей значимости награждения. А сейчас, когда меня волокут по сырой земле, – понимаю, что дались мне награды потом и кровью. За свободу моей великой родины. И малой тоже. В голове складываются робкие размытые строки:

*Однажды в родительском доме проснусь,
Покажутся странными мирные сны,
Ещё до конца, не остыв от войны,
Сквозь сон закричу: «Атас, пацаны...»*

Я пытаюсь узнать – что с моими ногами? Фин отвечает: «Всё нормально, доставим в госпиталь, будешь живее нас...» И я почему-то верю ему – и опять куда-то проваливаюсь.

В госпитале пришёл в себя. Вспомнил слова прадеда Леонтия о малой родине. Он оказался прав. Я воевал за свою малую родину, чтобы не было фашизма на земле. Чтобы был мир. И я даю себе слово, что, когда вернусь домой – первое, что сделаю, навещу могилку прадеда Леонтия. Поклонюсь ему. Леонтий был правдивец. Всей жизнью он доказывал мне, что надо жить для людей. И люди пойдут навстречу. Только в этом строю уже ни Орёл не пойдёт мне навстречу, ни Тайга, ни Сват, ни Тигр... Сколько их осталось лежать на украинской земле? Сколько?..

Лежу в госпитале. Без ног. Жизнь молодая окончена. Даже по-настоящему не успел полюбить девчонку. Да что там: ни разу не поцеловал. Кто пожалеет меня? Родные, мать? Конечно. Но кто полюбит меня – такого? Вся жизнь пройдёт в инвалидной коляске. Подходит молоденькая медсестра и жалостливо смотрит на меня. От этого взгляда хочется выть. Что ей надо от меня? Просит повернуться на бок, снять трусы, чтобы сделать укол. Разве я мечтал о такой первой встрече с девушкой? Прожита жизнь напрасно в самом расцвете...

Приехал Батя – политрук, – сказал, что меня представляют к очередной награде. А зачем? Вспомнил, как прадед показывал свои награды. У него был смысл жить. А у меня война отобрала этот смысл. Подходит нянечка, тётя Глаша, командует: «Расхныкался, жалеешь себя... Сейчас обедать будем, сил надо набираться. Ты думаешь – ты у нас один в таком положении? Много вас. Всех поставили на ноги. Ещё на свидание бегать будешь!» Издевается, что ли, надо мной, как я по малолетству – над Леонтием? Но почему-то от её слов на душе полегчало.

Молоденькую медсестру зовут Надя. Имя дурацкое – Надежда. На что, на кого надежда? Её приходишь я встречал враждебно. И сама она мне как девчонка не нравилась: старомодные деревенские косы, лицо усеяно мелкими конопушками. Молчаливая, слова доброго не скажет. Только жалостливо смотрит. А мне этого не надо. Лучше бы горилки принесла. Уже третий месяц упорно носит пирожки. Их ест вся палата. Неужели я ей таким нравлюсь? Не поверю!..

Бессильное отчаяние, как жгут вокруг шеи, туго сжимало горло. Даже если будут протезы – что они изменят? Да и очередь на них большая. Будущее выделось как чёрная дыра.

За окном таял последний выпавший этой весной снег. Я посмотрел на небо. Чистое, голубое, ни облачка. Даже не верится, что совсем недалеко за это небо сейчас бьются наши ребята. И погибают. И я ничем им уже не помогу. За окном резвились скворцы. Вдруг из гнезда выпал скворчонок и камнем полетел на землю. Я услышал разноголосый птичий переполох. Неужели спасли? В палату зашла зарёванная Надя. Больные спросили, что там со скворчонок? Сквозь слёзы отвечает: «На крыло успели подхватить...» В палате почти одновременно вырвалась фраза: «Своих не бросаем!» И вдруг эта Надя, эта некрасивая девчонка, вдруг бросается мне на шею: «Я слышала, как ты ночью стонал, как проклинал жизнь... Родненький, я всегда буду рядом с тобою...»

...Я счастливый человек. Меня любит самая красивая девушка с замечательным именем – Надя, Надежда. Оказалось, в Донецке, где она жила с семьёй после окончания медицинского училища, попал вражеский снаряд. Многие жильцы погибли. Погибла и вся семья Нади: дедушка, мать, сестрёнка Олеся...

Прошло время. У меня новенькие протезы. Я шагаю по больничному коридору, опираясь на хрупкое плечо моей Наденьки. Нас расписали. Скоро меня выпишут, и мы поедем на мою малую родину в Комсомольск-на-Амуре. Я её проведу по широким проспектам, паркам, по музеям и театру. Расскажу ей, какой у меня был героический прадед, и как мои родители запускали в небо самолёты. Скоро поедем. Наде показываю свои записи и впечатления от СВО. Неужели ещё кто-то не осознаёт, в какой опасности находится страна? И если не мы уничтожим фашизм – кто за нас?

Перед отъездом торопимся зайти в церковь. Местный батюшка был у нас в палате. Сказал красивые слова: «Только при Вере, Любви и Надежде загорится огонь Жизни». Я достаю книжечку и записываю его слова. А потом рождаются строчки: «За каким кустом затаился враг мой, с таким же заветным, надетым мамой нательным крестом?»

И ещё. Я думаю, прадед одобрил бы моё решение заочно учиться на юриста, чтобы помогать солдатам, вернувшимся с фронта...

**Мирчук
Татьяна Александровна**

Родилась в селе Анненский Мост Вытегорского района Вологодской области в семье служащих. С 1974 г. живёт в Комсомольске-на-Амуре. Окончила техникум связи в Хабаровске, 30 лет проработала в городском узле связи. Автор 25 сборников стихов и прозы. С 2009 г. – постоянный участник «Клюевских чтений» в г. Вытегре. С 2013 г. – постоянный участник фестиваля «Рубцовская осень» в г. Вологде.

Член Союза писателей России. Победитель Всероссийского конкурса стихов к 135-летию Н. А. Клюева. Награждена медалью имени Н. Рубцова. В «Тоболе» публикуется впервые.

На Родине

Здесь птицы поют на рассвете,
Как больше нигде не поют.
Здесь в каждом знакомом предмете
Какой-то особый уют.

У старой соседской собаки
Не злой, а просительный взгляд.
Под окнами красные маки
Костром в палисаде горят.

Здесь клевером пахнет и мятой,
Клубится туман у болот.
И стебель, ногою примятый,
Пружинисто снова встаёт.

Первомай пятидесятых

Колышутся стяги, плывут транспаранты,
По улицам нашим идут демонстранты.
Счастливые лица и крики: «Ура!»
С цветными шарами – и мы, детвора,
Кричим и смеёмся, шагая в колонне.
Я – в шапочке новой с пушистым помпоном,
Довольная этой красивой обновкой
И всей окружающей нас обстановкой.
Гармошки играют, и люди поют,
И дружно скандируют: «Мир, май и труд!»
Весёлая мама, что редко бывает, –
Она улыбается и напевает
О майской Москве – о любимой столице...
У нас под ногами дорога пылится,
Подсохшая после недавних дождей.
Но это никак не тревожит людей,
Ещё не забывших военных дорог,
Где смерть собирала немалый оброк.
Стране не до праздников было тогда...
А после – пришлось поднимать города,
И пашни пахать, и руду добывать,
И хлебушек сеять, чтоб горя не знать.
Никто не хотел вспоминать о войне –
И в праздники все веселились вдвойне.
Плясали – да так, что держись каблуки!
Потом под берёзки садились в кружки:
Бутылка «Московской» и в праздник – негусто,
Зато есть грибы, пироги и капуста.
А нам – лимонад, по бутылке на брата:
Шипучий напиток, хмельной, словно брага.
А дядька уж снова разводит гармонию,
Поют про землянку, печурку, огонь;
Слегка погрузив, заведут про рябину,
Про то, как бродяга бежал с Сахалина.
И снова все вместе пускаются в пляс,
Танцуют «цыганочку», «русскую», вальс,
Красивые, стройные, даже – худые,
Родители наши ещё молодые.
Им завтра с утра на работу опять
Вставать спозаранку – не в восемь, а в пять...
...Мы так веселиться теперь не умеем,
Хоть всё в изобилии нынче имеем:
Одежду и обувь, еду и напитки,
И тряпок в избытке, и веса в избытке...
А в тот Первомай мне от мамы попало
За шапочку. Я ведь её потеряла...

ЮБИЛЕИ

Светлана НИКИТИНА

Под счастливым номером тринадцать...

**Никитина (Румник)
Светлана Фёдоровна**

Поэт, руководитель литературного клуба «Поэтическая горница», который объединяет как опытных, так и начинающих литераторов, поэтов и прозаиков города Кургана в течение 25 лет. Редактор литературного сборника «От сердца к сердцу».

Литературной студии «Поэтическая горница» исполняется двадцать пять лет. Более солидно это звучит, если сказать – Четверть Века! Я специально написала наш возраст с заглавных букв, чтобы все мы представили, что это уже солидно! Можно сопоставить с таким сравнением: человеку восемьдесят пять лет, но можно сказать – без пятнадцати сто! Вот это уже солидно!

И вспоминается, как в 1999 году Городской Центр Культуры и Досуга объявил конкурс народного творчества. Были заявлены стихи, песни, частушки... Подвели итоги, наградили отличившихся и, казалось, всё – мероприятие провели, и жизнь идёт дальше... Но никто не предполагал, что участники конкурса не захотят расходиться. Они упорно собирались в Доме Культуры, обменивались мнениями о поэзии и прозе, читали рассказы и стихи собственного сочинения. В итоге и родился наш общественный литературный клуб.

У истоков клуба были методист Городского Центра Культуры и Досуга Нина Васильевна Ульянова, первый редактор журнала «Сибирский край» Борис Новиков, известный в Кургане искусствовед Анатолий Львов и другие. Борис Новиков и Анатолий Львов чуть позднее станут членами Союза писателей России.

Первым руководителем Литературного клуба стал Александр Иванович Худяков – ветеран Великой Отечественной войны, поэт. Под его руководством проходило становление литературного клуба. В первые годы поэты клуба выступали на мероприятиях Дома культуры, в школах и других учебных заведениях. Мечтали о создании своего творческого коллективного сборника. Мечту удалось осуществить в 2002 г. Коллективный сборник назывался «От сердца к сердцу» и открывался статьёй «Перед дальней дорогой» Виктора Потанина – писателя, члена высшего творческого Совета Союза писателей России. Виктор Федорович писал: *«Я желаю, от всего сердца желаю, чтобы этот высокий настрой в "Поэтической горнице" сохранился на многие-многие годы. Впрочем, я верю, что так и будет, обязательно будет. В конце концов каждый из авторов сборника хорошо понимает, что настоящая поэзия – это большая яростная работа над словом. И только самые упорные и талантливые выдерживают такие неземные нагрузки. Выдерживают и не сворачивают с этой святой дороги. Дороги к совершенству и идеалу».*

С лёгкой руки Виктора Фёдоровича коллективный сборник «От сердца к сердцу» стал выходить ежегодно, как отчёт литературного клуба за творческий год.

«Поэтическая горница» – самая яркая страница моей жизни, и я думаю, что любой из наших авторов может сказать: именно «Горница» буквально осветила его жизнь новым светом. Встречи по пятницам сделали каждую

из них особо счастливым днём. Встречи всегда были интересными, творческими, запоминающимися. А сколько радости приносили наши коллективные сборники! Именно в них каждый из нас мог увидеть свои стихи, рассказы, которые мы все вместе читали, обсуждали и, конечно, учились писать ещё лучше: талант каждого подрастал от сборника к сборнику.

Всего сборников «От сердца к сердцу» было напечатано девять номеров. С приходом в «Горницу» Валентина Павловича Кветкова в качестве второго руководителя многое изменилось, стало интереснее и полнее наше занятие. На столе обычно зажигали красную свечу, а подсвечники у Валентина Павловича были удивительно красивыми и на каждом нашем занятии – разные. Это было и красиво, и даже волнительно. Поскольку мы печатали не только наш коллективный сборник, но и индивидуальные сборники наших авторов, по предложению Валентина Павловича был создан общественный издательский центр «Признание», в котором редактором был сам Валентин Павлович, ответственные за выпуск – С. Ф. Никитина и Р. Г. Ногина, художник – Тен Чан Хаонь. Кстати, Тен – интересный, большой художник, член Союза художников России. Так сборники и личные книги авторов стали оформляться более профессионально и правильно. Изменился и наш коллективный сборник – теперь это «Альманах», – и печатать наши сборники – коллективные и личные – мы стали в Курганской городской типографии. За годы жизни нашего объединения было напечатано девять номеров «От сердца к сердцу» и восемь номеров «Альманаха».

Стихи и проза наших авторов часто появлялась на страницах курганских газет, в журнале «Сибирский край», где была страница «Поэтическая горница» открывает двери талантам». К примеру, одно из стихотворений члена нашего коллектива Эды Рейнума было знаковым для «Горницы»:

*Дом старинный. Лестница крутая.
На столе зажжённая свеча...
Здесь людей приветливо встречают,
Голоса взволнованно звучат.
Выслушают и поймут любого,
Не хватает места за столом.
Многие сюда приходят снова
И дорогу знают в этот Дом.
Не спросив ни титулов, ни званий,
По законам дружбы и добра,
Просто по любви и по призванию
«Горница» поэтов собрала.*

Несколько приостановил нашу работу ковид. 20 января 2020 года ушёл из жизни Валентин Павлович, и в этом же году был объявлен карантин, который продлился практически три года. За эти три года многое изменилось и в «Горнице». На некоторое время я была практически выключена из жизни, поскольку сломала ногу. Но «Горница» продолжала жить, хотя нас нигде не принимали в связи с карантином. И сейчас с огромной благодарностью говорю, что наш коллектив выдержал все трудности этого периода. Руководство «Горницей» полностью взяла под свою ответственность мой заместитель Людмила Евгеньевна Коваленко и успешно организовала коллектив в это непростое время.

В 2019–2022 годы мы провели несколько знаковых встреч и мероприятий. Даже сняли фильм о нашей встрече с одним из членов «Поэтической горницы» Маргаритой Сафроновой (инвалидом первой группы), которая живёт в Шадринском доме инвалидов. Её друзья по личным делам приезжали в Курган на несколько дней, и она попросила их взять её с собой. Мы договорились,

и в течение нескольких дней Маргарита находилась у меня. И коллектив «Горницы» собрался в моей квартире. Пригласили специалиста с нашего телевидения, и таким образом эта встреча вошла в нашу историю.

К слову, Маргариту Сафронову большинство наших авторов видели впервые, поскольку общались мы с ней в основном по интернету. Вот так все наши поэты познакомились с этим замечательным человеком и поэтом, который уже несколько лет был членом нашего коллектива. Я же знала Маргариту довольно давно.

Из числа наших авторов стали членами Союза писателей России: Марина Танаева, Елена Ситникова, Ольга Дружкова, Александр Моргунов, Андрей Ветров, Надежда Ефремова (Томилова), Виктор Пашков, Анастасия Меньщикова (Уткина).

Иногда некоторые представители нашего общества поглядывают на нас как-то подозрительно: ну откуда в «Горнице» столько писателей? На это я могу сказать: дело в том, что к нам приходят интересные и талантливые люди, а «Горница» только помогает им выйти на тропу, ведущую в большую литературу.

Чтобы никто не удивлялся, что статья моя названа так необычно... Дело в том, что наш красивый Домик, в котором 25 лет занимался наш литературный клуб, находится в городе Кургане по адресу: улица Пушкина, 85, а на втором этаже этого домика есть комната № 13, в которой наш клуб занимается уже двадцать пять лет. Можно добавить, что наш клуб родился под знаком Весов, а значит – несёт в жизнь Свет, Тепло и Равновесие.

Первый гимн «Поэтической горницы» (2004 год)

У истоков нашего содружества
Равнодушных не было и нет.
Нужен был талант, любовь и мужество,
И души неугасимый свет!

Припев:

Пусть творческими замыслами полнится
Обитель легкокрылых светлых душ.
Так здравствуй, «Поэтическая горница»!
И в честь твою звучит победный туй!

Дело, даже если небольшое,
Знаем мы, как трудно начинать.
«Горницу» мы любим всей душою,
И девиз наш будет: «Так держать»!

(Припев.)

Пятилетку прошагала «Горница»
По тернистой творческой тропе.
И высокого накала дел и творчества
Мы желаем, «Горница», тебе!

(Припев.)

А в стихах прославим мы Россию,
И верны ей будем до конца.
Пусть же бьются вечно молодые
Наши беспокойные сердца!

(Припев.)

Светлана Никитина

Нашей «Горнице»

И двадцать пять – совсем немного,
Она, как девочка, чиста.
Пред нею – ясная дорога,
Как божий день. И неспроста
Она немало звёзд взрастила,
Открыла им к вершинам путь,
В дорогу их благословила,
И в том её святая суть.

Здесь никого не унижают,
Не осуждают, не корят,
Стихи любые принимают,
И прозу любят – светлый взгляд.

И, как к друзьям на чашку чая,
Сюда мы в пятницу спешим.
И лица добрые встречаем
И обо всём поговорим.

А главное – стихи какие
Приносят в «Горницу» с собой!
И мы их слушаем впервые
И радуемся всей душой.

Спасибо всем, сидящим здесь,
За то, что в «Горнице» мы есть!
За то, что с нею мы всегда,
И с ней грядой идут года!

Римма Ногина

«Поэтическая горница»

Приятный вечер за окном,
Весенний воздух сердце греет...
Мы в нашу «Горницу» бегом
Спешим, друзья, где дружбой веет...

Такая музыка в душе!
И рифмы плавают в пространстве!
И свечи плавятся уже –
Живём в счастливом постоянстве!

Раскрылись души, как цветы,
Родные лица, речи, звуки.
Здесь кладезь счастья, доброты,
Поэзии любимой муки!

И каждый рад тебе признаться,
О чём мечтает, чем живёт.
Никто здесь не спешит зазнаться –
Твою поэзию поймёт!

Наоборот, тебе помогут
И рифму нужную найдут,
И подтолкнут тебя немного,
Направят здесь на верный путь...

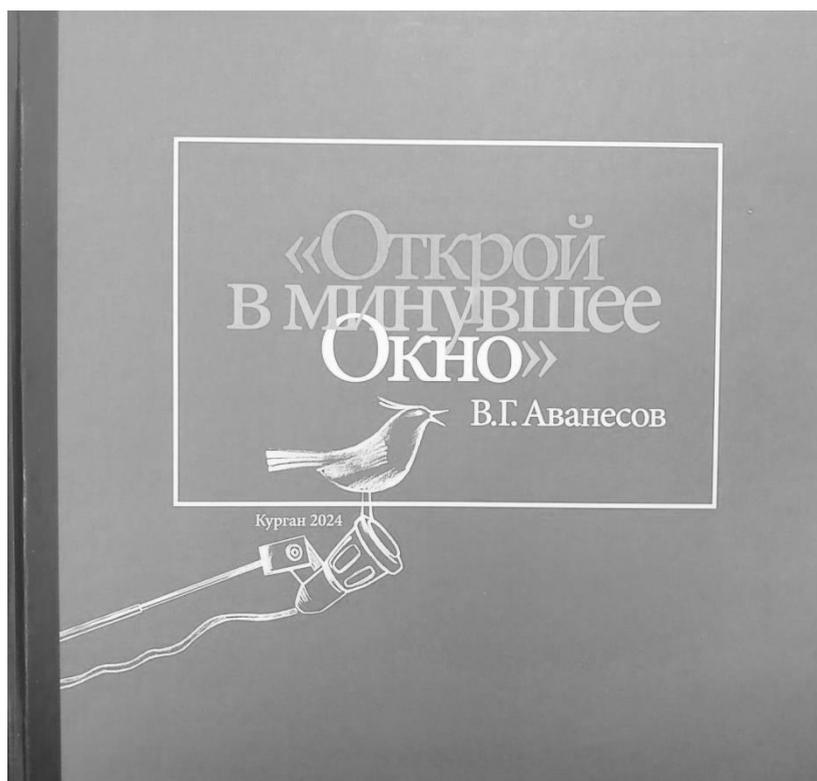
Здесь нет ни зависти, ни злости,
Здесь только творчество живёт!
Так заходите, люди, в гости...
Вас удивительное ждёт!

Пусть свечи тёплые горят
И добрым, щедрым будет вечер, –
Они как будто говорят:
До скорых встреч,

до новой встречи!

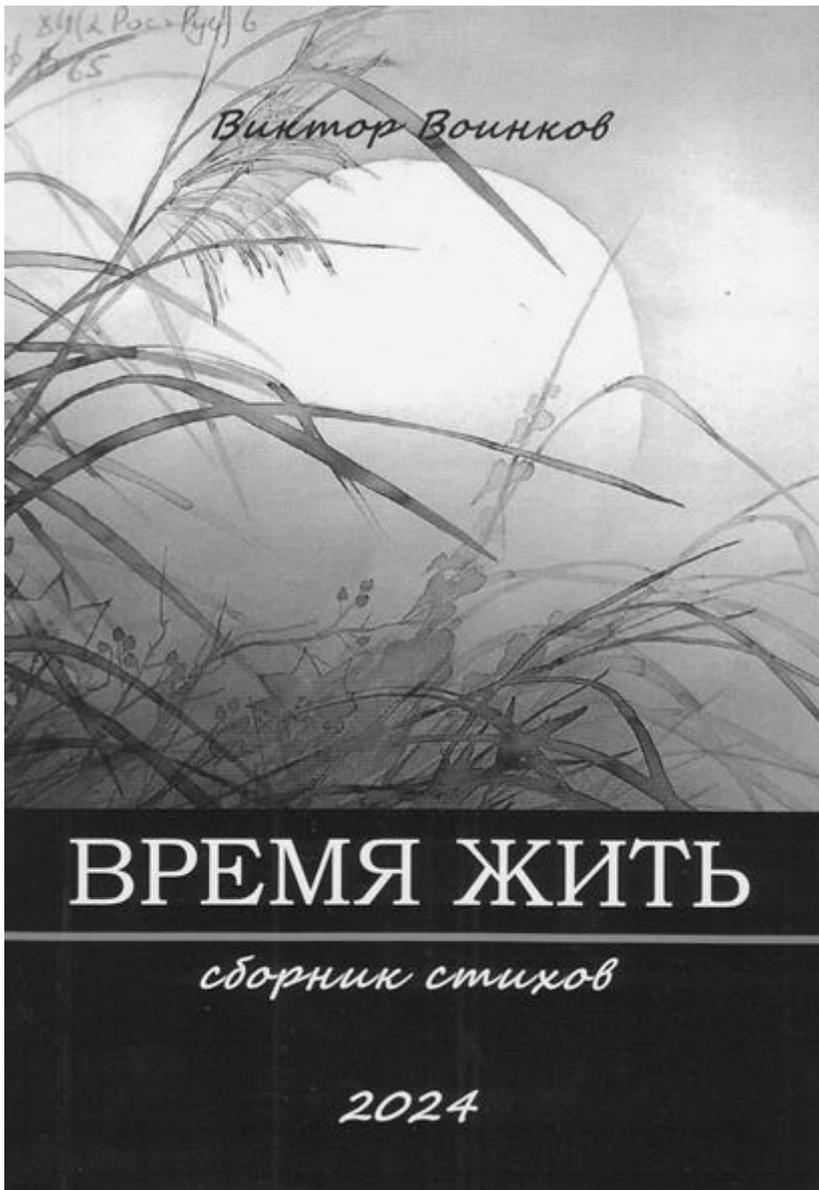
Людмила Коваленко

Новые книги

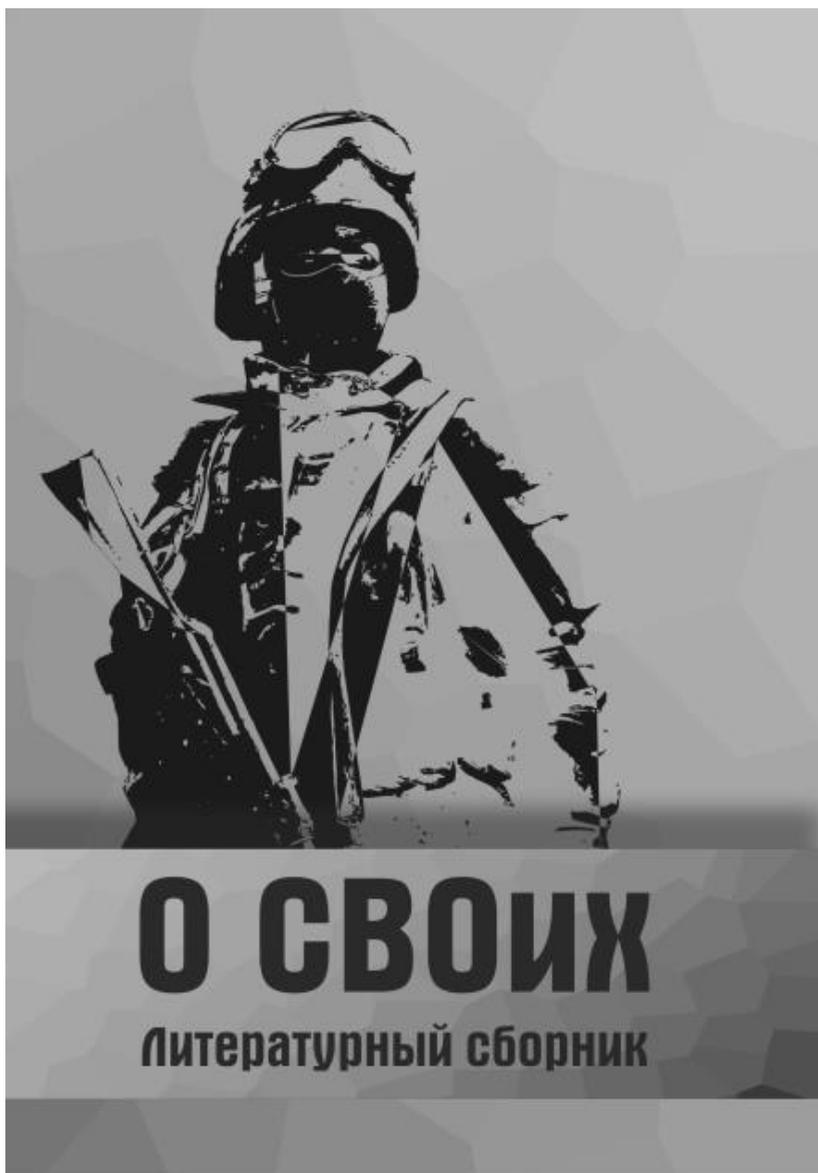
Аванесов В. Г. Открой в минувшее окно... (Статьи и интервью разных лет, опубликованные в газетах «Курган и курганцы», «Новый мир», «Гудок») / В. Аванесов. – Курган: ООО «Типография “Дамми”», 2024. – 448 с.

«Открой в минувшее окно» – это большой альбом-рассказ о кумирах прошлой эпохи, приезжавших в Курган. Впечатления автора от проведённых репортёрских встреч сопровождаются многочисленными фотографиями В. Мусаэльяна, А. Алпаткина, В. Маленкова, В. Кочебаева, Г. Леонтьева, А. Кунгурова, С. Юдина, О. Зайцева, Р. Алексева, Б. Карсонова, Г. Потоцкого, В. Чеботько, Н. Пушилина. Все фотоснимки уникальны и бережно хранятся в личном архиве Вячеслава Аванесова.

Воинков В. П. Время жить. Сборник стихов / В. Воинков. – Курган: ОАО «Курганская городская типография», 2024 – 272 с.

Как часто в холодном мраке реальности не хватает самой малости – луча света, дающего надежду на лучшее и веру в то, что жизнь обязательно продолжится и подарит спасение измученной душе. Но свет ещё есть в мире, и есть время. Заря будет. Время жить.

О СВОИХ. Литературный сборник / Управление культуры Курганской области, Курганская областная универсальная научная библиотека им. А. К. Югова ; составители: О. Бабушкина, В. Филимонов. – Курган, 2024. – 150 с. : ил.

В сборник «О СВОИХ» вошли произведения зауральцев – членов Союза писателей России, Российского союза профессиональных литераторов, а также участников СВО, их друзей и родственников. Неравнодушные авторы выразили своё отношение к происходящим событиям. Со временем именно их искренние произведения станут отправной точкой для рождения большой литературы, посвящённой подвигу и героизму наших военнослужащих в специальной военной операции.

Чем сложнее время, тем весомее слово, дающее надежду и силы для борьбы. Пусть наш литературный сборник станет ещё одним шагом, приближающим Победу!

Стихи, документальные очерки, рассказы о событиях и героях специальной военной операции адресованы широкому кругу читателей.

Александр Моргунов

Я ВЕРНУСЬ!

Моргунов А. В. Я вернусь! Стихотворения, поэма / А. Моргунов. – Курган: ООО «Типография "Дамми"», 2024. – 160 с.

Пермякова Е. В. Полшага до весны. Стихотворения / Е. Пермякова. – Самара: Издательство «Слово», 2024. – 76 с.

В первую книгу Екатерины Пермяковой «Полшага до весны» вошли избранные стихотворения, написанные за последние 20 лет. Поэзия наполнена искренностью, чувственностью и глубокими переживаниями о любимых и близких людях, семье, малой родине. Читатель может прикоснуться к прошлому и настоящему автора, а еще зажечь в своём сердце надежду на светлое будущее...

Потанин В. Ф. Дневники и записные книжки / В. Потанин. – Курган: ООО «Типография «Дамми»», 2024. –192 с.

Содержание журнала «Тобол» № 44 (декабрь, 2024):

СЛОВО РЕДАКТОРА

Ольга БАБУШКИНА 3

ПРОЗА

Виктор ПОТАНИН. Рассказы 4
Виктория СОРОКИНА. Рассказы 23
Сергей КОКОРИН. Рассказы 39
Татьяна КОРОСТЕЛЁВА. Рассказы 100
Олег БУНИН. Рассказы 108
Екатерина ПЕРМЯКОВА.
Тревожная память (рассказ) 157
Ольга МАН.
Уж ты зайныка, уж ты серенький... (рассказ) 160
Сергей ЛЕОНЧУК.
Трагедия без оптимизма (рассказ) 186
Сергей ОЛЬКОВ.
Вредный эксперимент (рассказ) 190
Юлия ДМИТРИЕНКО. Рассказы 200

ПОЭЗИЯ

Геннадий АРТАМОНОВ 18
Виктор ВОИНКОВ.
Братики (былина) 54
Иван НЕЧИПОРУК 56
Юрий ВАЛЬТЕР 90
Светлана ГОСТЮХИНА 98
Анатолий КАРАСЁВ 180
Виктор МУРАТОВ 182
Иван СТЕПАНОВ 184

КРИТИКА

Ирина ЖУКОВА.
Геннадий Артамонов. «И скорбит,
и ликует душа...»: к проблеме
самоидентификации поэта 16
Валерий ПОРТНЯГИН.
Мужское и женское: заметки о поэтических книгах
Екатерины Пермяковой и Виктора Воинкова 49
Ирина СПИЦЫНА (БЕЛОЗЁРОВА).
Цветные голоса Тимофея Белозёрова 209

ПУБЛИЦИСТИКА

Даниил ТУЛЕНКОВ.

Новопроектировка (отрывок из книги
«Жена штурмовика») 60

Сергей ЦИСАРЕВ. Королева пехоты 138

ИСКУССТВО

Ольга ЛУЦКО.

Станислав Кежов и его артефакты 114

ПИСЬМА И МЕМУАРЫ

Станислав БАТУЕВ.

Николай Томин: фронтовые письма 127

Владимир АГА. Военка 135

КРАЕВЕДЕНИЕ

Леонид КОНОВАЛОВ.

Дороги в Зауралье и Сибирь 76

Николай ТОЛСТЫХ.

Последний книжный: ностальгия 205

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

Дмитрий ЛИТВИНЕНКО.

Духовная жемчужина Зауралья.

Успенскому Далматовскому мужскому
монастырю – 380 лет 85

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Андрей БЕЛОУСОВ.

О статском советнике и русском писателе 169

КОРАБЛИК ДЕТСТВА

Тимофей БЕЛОЗЁРОВ. Стихи 216

Олег ВАНЧУГОВ. Стихи 220

ГОСТИ «ТОБОЛА»

Тамара КОВАЛЬ.

Когда я вернусь в родительский дом (рассказ) 222

Татьяна МИРЧУК. Стихи 226

ЮБИЛЕИ

Владимир ФИЛИМОНОВ.

Незабываемые дни. К 90-летию со дня
рождения писателя Ивана Ягана 67

Светлана НИКИТИНА (РУМНИК).

Под счастливым номером тринадцать 228

НОВЫЕ КНИГИ

233

